

DOI: 10.21202/2782-2923

Издается с января 2007 года, периодичность издания – 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главные редакторы:

Бикеев И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, первый проректор, проректор по научной работе Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)
Клейнер Г. Б., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)
Тихомиров Ю. А., доктор юридических наук, профессор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Заместители главных редакторов:

Андрюшин С. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук, куратор направления «Монетарная теория и цифровые финансы» (г. Москва, Россия)
Кабанов П. А., доктор юридических наук, профессор, директор НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова, куратор направления юридических наук (г. Казань, Россия)
Крамин Т. В., доктор экономических наук, профессор, директор НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова, куратор направления экономических наук (г. Казань, Россия)

Ответственный секретарь:

Григорьев Р. А., доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)
Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию (г. Нижний Новгород, Россия)
Бегишев И. Р., кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, старший научный сотрудник Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)
Вольчик В. В., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)
Гилинский Я. И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)
Голиценко О. Г., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)
Ефимцева Т. В., доктор юридических наук, профессор Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Оренбург, Россия)
Качалов Р. М., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)
Корытцев М. А., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)
Лазарев В. В., главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)
Латов Ю. В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Российской академии наук (г. Москва, Россия)
Липень С. В., доктор юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МПОА) (г. Москва, Россия)
Макарова О. А., доктор юридических наук, доцент кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)
Нуреев Р. М., доктор экономических наук, профессор, глава департамента экономической теории в Финансовом университете при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)
Тарасенко О. А., доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, Россия)
Хисамова З. И., кандидат юридических наук, начальник отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Краснодар, Россия)
Шаймиева Э. Ш., доктор экономических наук, доцент кафедры менеджмента Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)
Шафиров В. М., доктор юридических наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия)
Шестаков Д. А., доктор юридических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
Шинкевич А. И., доктор экономических наук, доктор технических наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета (г. Казань, Россия)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Алм Дж., доктор философии в области экономики, профессор экономики Тулейнского университета (г. Новый Орлеан, США)
Апосталакис А., доктор философии в области экономики, профессор Греческий Средиземноморский университет (г. Ираклион, Греция)
Джеффри Ш., доктор философии в области экономики, профессор Университета г. Портсмут (г. Портсмут, Великобритания)
Каменков В. С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, заведующий кафедрой Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)
Кури Х., доктор психологических наук, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)
Мешко Г., профессор, руководитель Института уголовного правосудия и безопасности в FCJS Университета в Мариборе; президент Европейской ассоциации криминологов (ESC) (г. Марибор, Словения)
Рубин Э. Л., профессор права и политологии Школы права Университета Вандербильта (г. Нешвилл, шт. Теннесси, США)
Серрано-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)
Турецкий Н. Н., доктор юридических наук, проректор по научной работе Академии правоохранительных органов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, председатель Союза криминологов Казахстана им. Е. Каиржанова (г. Астана, Республика Казахстан)
Фидрмук Д., доктор социальных экономических наук, профессор Университета Зеппелин (г. Фридрихсхафен, Германия)

Учредитель –

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова»

Издатель –

ООО «ТЦО «Таглитат»

Адрес редакции:

420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90,

Факс: 292-61-59

E-mail: apel@ieml.ru

Сайт: rusjel.com,

apel.ieml.ru

Журнал включен
в Перечень ВАК по группе
специальностей 08.00.00 –
экономические науки

Индексируется в EBSCO,
ERICH PLUS, HeinOnline,
CyberLeninka, RePEc,
DOAJ, ProQuest

Подписка на журнал
по Объединенному
каталогу «Пресса России»

Наш индекс – 86303

Ответственный за выпуск:

Г. Я. Дарчинова

Редактор:

Г. А. Тарасова

Компьютерная верстка:

С. А. Каримова

Дизайн обложки:

Г. И. Загретдинова

Дизайн логотипа:

В. А. Крайков

Переводчик:

канд. пед. наук,
член Гильдии
переводчиков РТ
Е. Н. Беляева

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций.

Регистрационное свидетельство:
ПИ № ФС77-81556 от 27 июля 2021 г.

Территория распространения:
Российская Федерация; зарубежные страны.

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 28,5. Тираж 1000 экз.
Подписано в печать 24.11.2021. Заказ № 103
Дата выхода в свет 28.12.2021
Цена свободная

© ЧОУ ВО «КИУ им. В. Г. Тимирязова»,
ООО «ТЦО «Таглитат», 2021
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Вестфалика»:
420111, г. Казань, ул. Московская, 22.

Рецензирование статей в журнале –
двойное слепое.
При цитировании материалов ссылка
на журнал обязательна.
Ответственность за изложенные в статьях факты
несут авторы. Высказанные в статьях мнения
могут не совпадать с точкой зрения редакции
и не налагают на нее никаких обязательств.
 Материалы журнала доступны
по лицензии Creative Commons Attribution License
(<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

EDITORIAL BOARD

Co-editors-in-Chief:

- Bikeev I. I.**, Vice Editor-in-Chief, First Vice-Rector, Vice-Rector of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov on Scientific work, Doctor of Law, Professor (Kazan, Russia)
Kleyner G. B., Doctor of Economics, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Supervisor of Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Tihomirov Yu. A., Doctor of Law, Professor, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation (Moscow, Russia)

Deputies of the Co-editors-in-Chief:

- Andryushin S. A.**, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, supervisor of Monetary theory and Digital finance section (Moscow, Russia)
Kabanov P. A., Doctor of Law, Professor, Director of Scientific-Research Institute for Corruption Counteraction of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, supervisor of Law section (Kazan, Russia)
Kramin T. V., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, supervisor of Economic section (Kazan, Russia)

Executive secretary:

- Grigoryev R. A.**, Ph.D. Economics (UK), Deputy director at Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)
Baranov V. M., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development (Nizhny Novgorod, Russia)
Begishev I. R., PhD (Law), Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Senior Researcher of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)
Volchik V. V., Doctor of Economics, Professor of Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
Gilinskiy Ya. I., Doctor of Law, Professor of Saint Petersburg Juridical Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen (Saint-Petersburg, Russia)
Golichenko O. G., Doctor of Economics, Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Effimtseva T. V., Doctor of Law, Professor of Orenburg Institute (branch) of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin (MSYuA) (Orenburg, Russia)
Kachalov R. M., Doctor of Economics, Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Korytcev M. A., Doctor of Economic Sciences (PhD), Professor, Southern Federal University, (Rostov-on-Don, Russia)
Lazarev V. V., Chief Researcher of the Center for Fundamental Legal Studies of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation of the Institute for Legislation and Comparative Legal Studies at the Russian Government, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Latov Yu. V., Doctor of Sociology, PhD (Economics), Leading Researcher of the Center for Comprehensive Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Lipen S. V., Doctor of Law, Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)
Makarova O. A., Doctor of Law, Associate Professor of Saint Petersburg University (Saint-Petersburg, Russia)
Nureev R. M., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of "Macroeconomics" of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Tarasenko O. A., Doctor of Law, Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)
Khisamova Z. I., PhD (Law), Head of the Department of planning and coordination of scientific activities of the research Department of the Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Russia)
Shafirov V. M., Doctor of Law, Professor of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Shaimiyeva E. Sh., Doctor of Economics, Associate Professor, Department of Management of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)
Shestakov D. A., Doctor of Law, Professor of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, President of Saint Petersburg International Criminological Club, Honored Researcher of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russia)
Shinkevich A. I., Doctor of Economics, Doctor of Engineering, Professor of Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia)

FOREIGN MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

- Alm J.**, PhD Economics, Professor and Chair Department of Economics University Tulane (New Orleans, USA)
Apostolakis A., PhD Economics, Assistant Hellenic Mediterranean University (Irakleion, Greece)
Jaffry Sh., PhD Economics, Professor, University of Portsmouth (Portsmouth, United Kingdom)
Kamenkov V. S., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Belarus Republic, Head of Department of Belorussian State University (Minsk, Belarus Republic)
Kury H., Doctor of Psychology, Professor, Universität Freiburg (Freiburg, Germany)
Meško G., Professor, Head of the Institute of Criminal Justice and Security at the FCJS of Maribor University; the President of the European Society of Criminologists (ESC) (Maribor, Slovenia)
Rubin E. L., Professor of Law and Political Science, Vanderbilt University Law School (Nashville, TN, USA)
Serrano-Mailló A., Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology Universidad Nacional de Educación a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)
Turetskiy N. N., Doctor of Law, Vice Rector on Research of the Academy of Law-enforcement Bodies of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan Republic, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)
Fidrmuc Ja., Doctor of Social and Economic Sciences, Professor of Zeppelin University (Friedrichshafen, Germany)

The founder –

Private educational establishment of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov"

The publisher –

Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd

Editors Office's address:

420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya st.

Tel.: (843) 231-92-90,
Fax: 292-61-59
E-mail: apel@ieml.ru
Site: rusjel.com,
apel.ieml.ru

The journal is included in the List of Higher Attestation Commission the group of specialties 08.00.00 – Economic Sciences

The Journal is indexed in EBSCO, ERICH PLUS, HeinOnline, CyberLeninka, RePEC, DOAJ, ProQuest

Subscription for journal

through the United Catalogue "Press of Russia"

Our index – 86303

Responsible for issue:

G. Ya. Darchinova

Editor:

G. A. Tarasova

Computer lead out:

S. A. Karimova

Cover design:

G. I. Zagretidinova

Logo design:

V. A. Kraikov

Translator:

PhD (Pedagogics), member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild
E. N. Belyaeva

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Registration certificate:

PI № ФС77-81556 of July 27, 2021.

Distribution area: Russian Federation; foreign countries.

Format 60×84/8. Printing sheets: 28,5. Circulation 1000 copies

Signed for printing 24.11.2021. Order № 103

Date of publishing 28.12.2021

Free price

© PEE HE "KIU named after V. G. Timiryasov", Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd., 2021

Printed at printing house "Vestfalika" LLC:
420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

Reviewing of the articles in the Journal is double blind. When citing the materials, the reference to the Journal is obligatory.

The authors are fully responsible for the facts mentioned in the articles. The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view and impose no obligations on it.

Materials of the Journal are available under the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

641

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

- Вольчик В. В., Фурса Е. В., Маскаев А. И.** Перспективы развития российской инновационной системы сквозь призму качественных методов..... 641
- Кадочникова Е. И.** Анализ тенденций и детерминант кредитного и сберегательного поведения домохозяйств в российских регионах 661
- Орлов С. Л., Строев П. В., Дудник А. И.** Арктическая территория как национальное достояние России в современном мире 676
- Раков И. Д.** Анализ финансовой либерализации в Индонезии: подход SVAR 686

702

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ

- Курносов А. В.** SupTech- и RegTech-инициативы: анализ базовых характеристик и модельных рисков 702
- Тихонов А. О., Юзефальчик И. В.** Цифровизация денежно-кредитной системы: институциональный и регуляторный аспекты 713

731

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

- Добрецов Г. Б.** Гражданско-правовые сроки в контрактной системе 731

743

ДИАЛЕКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

- Астанин В. В.** Конфликт интересов: диалектика нормативной «матрешки» 743
- Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И., Краснов А. В.** Дискурс коррупции в российском обществе 751
- Глухова А. А., Шпилев Д. А.** Взаимодействие бизнеса с подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (мнение малых предпринимателей Нижегородского региона) 765

641

ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

- Volchik V. V., Fursa E. V., Maskaev A. I.** Prospects of development of the Russian innovative system through the prism of qualitative methods..... 641
- Kadochnikova E. I.** Analysis of the trends and determinants of credit and saving behavior of households in the Russian regions 661
- Orlov S. L., Stroeve P. V., Dudnik A. I.** Arctic territory as the national patrimony of Russia in the modern world..... 676
- Rakov I. D.** Analysis of financial liberalization in Indonesia: SVAR approach 686

702

CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

- Kurnosov A. V.** SupTech and RegTech initiatives: analysis of the basic characteristics and model risks 702
- Tikhonov A. O., Yuzefalchik I. V.** Digitalization of the monetary-credit system: institutional and regulative aspects 713

731

ADMINISTRATIVE LAW

- Dobretsov G. B.** Civil-legal terms in contractual system 731

743

THE DIALECTICS OF ANTI-CORRUPTION

- Astanin V. V.** Conflict of interest: dialectics of a normative “tiered structure” 743
- Skorobogatov A. V., Skorobogatova A. I., Krasnov A. V.** Discourse of corruption in the Russian society 751
- Glukhova A. A., Shpilev D. A.** Interaction of business with the divisions of the Agency for economic safety and corruption counteraction of the Russian Ministry of internal Affairs (opinion of the small businesses of Nizhny Novgorod region) 765

788

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ

- Гуделл Дж., Аль-Накиб Х. Д., Таска П.* Архитектура цифровой валюты, системно поддерживающая приватность и кастодиальное хранение 788
- Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д.* Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности и организационной законности правоохранительных органов в США... 822

851

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Манушин Д. В., Крамин Т. В.* Рецензия на монографию «Дягель О. Ю. Аналитические процедуры антикризисного управления: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. 268 с.» 851

859

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК

860

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

788

TRANSLATED ARTICLES

- G. Goodell, H. D. Al-Nakib, P. Tasca.* A Digital Currency Architecture for Privacy and Owner-Custodianship 788
- Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J.* Far-Right Extremism's Threat to Police safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement in the United States 822

851

RATINGS AND REVIEWS

- Manushin D. V., Kramin T. V.* Review of the monograph "O. Yu. Dyagel. Analytical procedures of anticrisis management: monograph. Krasnoyarsk: Sibirial Federal University, 2020. 268 p." 851

859

INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

860

RULES FOR THE AUTHORS

С сентября 2021 г. (Т. 15, № 3) журнал «Актуальные проблемы экономики и права» выходит под новым заглавием "Russian Journal of Economics and Law"

Since September 2021 (Vol. 15, No. 3) the Journal "Actual Problems of Economics and Law" is published under a new title – Russian Journal of Economics and Law

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

Редактор рубрики Г. Т. Гафурова / Rubric editor G. T. Gafurova

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.641-660>

УДК 338.24:001.895:316.77(470+571)

JEL: O3, O38, B52, Z13

В. В. ВОЛЬЧИК¹,

Е. В. ФУРСА¹,

А. И. МАСКАЕВ¹

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ

Контактное лицо:

Вольчик Вячеслав Витальевич, доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономической теории, Южный федеральный университет

E-mail: volchik@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/K-7832-2012>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 2539-2890, AuthorID: 75363

Фурса Елена Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Южный федеральный университет

E-mail: efursa@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7295-9876>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-9101-2018>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 8270-2688, AuthorID: 208971

Маскаев Артем Ильич, старший преподаватель кафедры экономической теории, Южный федеральный университет

E-mail: maskaev@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7431-6978>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/O-8704-2016>

Аннотация

Цель: рассмотрение влияния позитивных и критических нарративов в СМИ, иллюстрирующих проблемы и сильные стороны развития российской инновационной системы, на формирование общественного мнения.

Методы: используется методология нарративного анализа экономики и оригинального институционализма применительно к рассмотрению национальной инновационной системы.

© Вольчик В. В., Фурса Е. В., Маскаев А. И., 2021

© Volchik V. V., Fursa E. V., Maskaev A. I., 2021

Вольчик В. В., Фурса Е. В., Маскаев А. И. Перспективы развития российской инновационной системы сквозь призму качественных методов
Volchik V. V., Fursa E. V., Maskaev A. I. Prospects of development of the Russian innovative system through the prism of qualitative methods

Результаты: с помощью нарративного анализа проанализированы 43 СМИ из интернет-источников, отобранных в соответствии с рейтингом «Медиалогия»: «Федеральные СМИ: 2020 год» за период с 01.01.2010 по 01.07.2021, выделен круг значимых и влиятельных проблем, воздействующих на инновационное развитие, транслируемые адресантами СМИ, а также акторами российской инновационной системы (государство, бизнес, академия). Выделены четыре типа позитивных нарративов о российской инновационной системе: 1) о значимых технологических достижениях; 2) о развитии инновационной инфраструктуры; 3) нарративы, повествующие о публичном признании успехов акторов РИС на профессиональных конференциях или со стороны государства; 4) футурологические, о перспективах в среднесрочном или долгосрочном периоде.

Научная новизна: состоит в развитии подхода нарративной экономики и концепции публичных арен для анализа российской инновационной системы с помощью СМИ.

Практическая значимость: выделенные позитивные нарративы позволяют изучить успешные практики и правила, способствующие интеграции науки, государства и бизнеса в единую инновационную систему, чтобы в дальнейшем масштабировать положительный опыт на всю экономику. Позитивные нарративы также способствуют формированию благоприятного инновационного пространства и общественного мнения в России.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством, нарративная экономика, российская инновационная система, позитивные и негативные нарративы, институциональная экономика

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00562 (<https://rscf.ru/project/21-18-00562/>) «Развитие российской инновационной системы в контексте нарративной экономики»

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Вольчик В. В., Фурса Е. В., Маскаев А. И. Перспективы развития российской инновационной системы сквозь призму качественных методов // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Т. 15, № 4. С. 641–660. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.641-660>

The scientific article

V. V. VOLCHIK¹,

E. V. FURSA¹,

A. I. MASKAEV¹

PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN INNOVATIVE SYSTEM THROUGH THE PRISM OF QUALITATIVE METHODS

Contact:

Vyacheslav V. Volchik, Professor, Head of the Department of Economic Theory of the Faculty of Economics, Southern Federal University

E-mail: volchik@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/K-7832-2012>

SPIN-код: 2539-2890, AuthorID: 75363

Elena V. Fursa, Associate Professor of the Faculty of Economics, Southern Federal University

E-mail: efursa@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7295-9876>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-9101-2018>

Artem I. Maskaev, Lecturer of the Faculty of Economics, Southern Federal University
E-mail: maskaev@sfedu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7431-6978>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/O-8704-2016>

Abstract

Objective: to examine the influence of positive and critical narratives in the media, illustrating the problems and strengths of the Russian innovation system development, on the formation of public opinion.

Methods: the methodology of narrative analysis of economics and original institutionalism is used in relation to the national innovation system.

Results: with the help of narrative analysis, we analyzed 43 media outlets from Internet sources selected in accordance with the Medialogiya rating “Federal Mass Media: 2020” for the period from 01.01.2010 to 01.07.2021. A range of significant issues is highlighted which affect the innovative development, mentioned by media addressees and the Russian innovation system actors (policymakers, business, academic circles). Four types of positive narratives about the Russian innovation system are identified: 1) narratives about significant technological achievements; 2) narratives about the development of innovative infrastructure; 3) narratives that tell about the public recognition of the success of the Russian innovation system actors at professional conferences or by the state; 4) futurological narratives about prospects in the medium or long term.

Scientific novelty: consists in the development of the narrative economics approach and the concept of public arenas for the analysis of the Russian innovation system with the help of mass media.

Practical significance: the identified positive narratives allow studying the best practices and rules that contribute to the integration of science, government and business into a single innovation system in order to further upscale the positive experience to the entire economy. Positive narratives also contribute to the formation of a favorable innovation space and public opinion in Russia.

Keywords: Economics and national economy management, Narrative economy, Russian innovation system, Positive and negative narratives, Institutional economy

Financial Support: the research was carried out with the grant of the Russian Scientific Foundation No. 21-18-00562 (<https://rscf.ru/project/21-18-00562/>) “Development of the Russian innovation system in the context of narrative economy”

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Volchik, V. V., Fursa, E. V., Maskaev, A. I. (2021). Prospects of development of the Russian innovative system through the prism of qualitative methods. *Russian Journal of Economics and Law*, 15 (4), 641–660 (in Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.641-660>

Введение

Перспективы российской инновационной системы (далее – РИС) можно проанализировать не только через статистические показатели и их динамику, но и через дискурсы акторов и содержащиеся в них нарративы. Данный подход реализуется в рамках быстрорастущего нового направления современной экономической науки – нарративной экономики (*Narrative Economics*). В подразделе «Возможности нарративной и институциональной экономики» раскрывается методология и особенности данного направления. В разделе «Национальная инновационная система» приводятся различные определения для

описания национальной инновационной системы (далее – НИС).

Логика статьи состоит в том, что, основываясь на предпосылках институциональной и нарративной экономики, можно выявить значимые нарративы и показать, как в них оцениваются перспективы развития национальной инновационной системы (подраздел «Анализ нарративов о факторах развития РИС»). Основной акцент делается на сравнительном анализе отрицательных оценок и положительных нарративов акторов о перспективах развития российской инновационной системы (подраздел «Роль позитивных нарративов в формировании общественного мнения в СМИ»).

Цель статьи состоит в том, чтобы, основываясь на методологии нарративной и институциональной экономики, рассмотреть влияние позитивных и критических нарративов, которые иллюстрируют и раскрывают проблемы развития российской инновационной системы. В ходе исследования последовательно реализуется ряд задач. Во-первых, проанализировать возможности нарративной экономики в исследованиях национальной инновационной системы с использованием качественных данных. Во-вторых, показать, какую роль играют средства массовой информации в распространении инновационного дискурса. В-третьих, рассмотреть влияние нарративов на функционирование российской инновационной системы и ее локальных организационных структур. В-четвертых, проанализировать и сравнить влияние положительных и негативных нарративов на развитие российской инновационной системы. В-пятых, показать перспективы сравнительного анализа нарративов в исследованиях национальных инновационных систем.

Возможности нарративной и институциональной экономики

Нарративная экономическая теория, или нарративная экономика (*Narrative Economics*), является новейшим научным направлением, возникновение и развитие которого можно условно соотнести с ростом публикаций, связанных с исследованиями нарративов. Такие исследования основываются на понимании важности изучения социальных норм, идентичности и нарративов для более полного понимания сложных экономических процессов [1–3]. Например, анализируя частоту упоминания в ключевых словах научных статей по экономике термина *narrative*, можно констатировать увеличение таких статей с 2015 г. (табл. 1).

Можно выделить две ключевые работы, связанные с эксплицитным формированием нарративной экономики как самостоятельного направления. Во-первых, это статья Дж. Акерлофа и Д. Сноуера «Хлеб и пули» [4. С. 58–59]. Данный подход к нарративам как шаблонам событий позволяет дополнить традиционную для экономистов проблему выбора богатым набором шаблонов, содержащихся в нарративах, которые также можно трактовать как разнообразные социальные контексты. Роберт Шиллер разработал

Таблица 1
Количество статей по экономике в *Web of Science*,
содержащих в ключевых словах термин *narrative*
Table 1. Number of articles on economics in the *Web of Science*,
with the term “*narrative*” among the key words

Год / Year	Количество статей / Number of articles
2021	24
2020	29
2019	19
2018	25
2017	9
2016	12
2015	17
2014	4
2013	5
2012	4
2011	6
2010	3

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

концепцию нарративов Дж. Акерлофа и Д. Сноуера, дополнив ее принципиальным моментом, связанным с вирусностью распространения нарративов в социуме. Как аналогию, иллюстрирующую распространение нарративов, Шиллер использует модель Кермака – Маккендрика из биологии, которая описывает распространение вирусов во время эпидемий [5. С. 974–982]. В дальнейшем Р. Шиллер развил свою концепцию нарративной экономики, которая отражена в одноименной книге, вышедшей в 2019 г. В своей книге он приводит множество примеров влияния распространения нарративов на экономические процессы от биткоинов до вытеснения машинами человека в сфере занятости [6. С. 269–300]. В последующих после книги статьях Р. Шиллер подчеркивает важность сочетания количественных и качественных методов при анализе нарративов в экономике [7, 8].

В наиболее широком понимании «институты – устойчивые системы сложившихся или установленных правил, регулирующих общественные отношения. Язык, деньги, закон, системы мер и весов, правила дорожного движения, этикет, фирмы – все это институты» [9. С. 8]. Во многом положения нар-

ративной экономики комплементарны исследовательским подходам оригинального институционализма¹. Интерпретативный институциональный анализ – индуктивный подход к изучению институтов на основе понимания дискурса акторов (результатов общения в письменной или устной форме), с использованием специфики языка и терминологии акторов [13]. Свой подход к теоретическому осмыслению роли дискурса и нарративов в экономическом анализе демонстрирует В. Тамбовцев [14]. Так, согласно его концепции, «нарративы передают слушателям или читателям полезную информацию о социальном мире, в котором они живут, но передают ее в форме, которая релевантна ситуациям принятия решений» [15. С. 15]. Предлагаемый в данной работе подход основывается на нарративной экономике в трактовке Р. Шиллера².

Развивается также направление, которое рассматривает значимость нарративов на уровне организаций. Создание и распространение нарративов в таком контексте рассматривается как один из факторов организационных изменений. И. Далпиаз и Г. Ди Стефано связывают нарративы с формированием стратегии компании и созданием коллективной памяти об изменениях [17]. Данный организационный подход А. Дамодаран относит к формирующейся традиции использования нарративного анализа к исследованиям бизнеса [18].

Важность использования нарративов в экономической методологии определяется необходимостью уче-

та социальных контекстов в их связи с коллективными мнениями и коллективными действиями акторов.

Так, согласно концепции публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Л. Боска, социальные проблемы представляют собой больше отражение коллективного мнения, настроения, чем просто проекцию объективных условий, существующих в обществе [19]. Они включены в многослойную институционализированную систему формирования и популяризации проблемы. Под публичными аренами, имеющими ограниченную пропускную способность, авторы подразумевают институциональные арены, формирующие среду, в которой различные социальные проблемы конкурируют за внимание аудитории. Кроме того, авторы в своем исследовании выделяют такую категорию, как «функционеры», подразумевающую индивидов или группы, которые публично представляют социальные проблемы. Таким образом, существующие проблемы, транслируемые функционерами, конкурируют между собой на публичных аренах за привлечение аудитории [19].

Если применить эту концепцию к исследованию перспектив развития российской инновационной системы через СМИ, то в качестве публичных арен для продвижения инновационной проблематики можно выделить следующие: СМИ, частные и государственные фонды, программы, поддерживающие инновационное развитие, органы государственной власти, занимающиеся проблемами развития РИС. Следует отметить, что государство через официальные сайты государственных органов и компаний обладает большими возможностями для трансляции и популяризации при помощи СМИ информации об инновационном развитии для формирования позитивного мнения, дискурса о РИС.

Под функционерами в концепции публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Л. Боска будут подразумеваться журналисты, чиновники, ученые, бизнесмены, эксперты в сфере инноваций. Функционеры стремятся поместить инновационную проблематику в простую «яркую упаковку», которая могла бы через утверждающий и авторитетный тон ее представлять для аудитории (адресатов) СМИ. Так, к общим критериям отбора наиболее популярных дискурсов, согласно концепции публичных арен, в СМИ относятся: наличие драматичности и новизны в изложении инновационного нарратива, быстрота насыщения информацией,

¹ К основоположникам оригинального институционализма относятся Т. Веблен, Д. Коммонс, У. Митчелл, большой вклад внес Дж. К. Гэлбрейт. Если экономика мейнстрима преимущественно фокусируется на рассмотрении рыночных взаимодействий, то институциональная экономическая теория изучает вопросы, связанные с ролью права, государства, собственности и трансакционных издержек [11. С. 2]. Оригинальный (*original*) институционализм основан на следующих априорных основаниях: принцип методологического холизма, эволюционизм (как признание важности изучения конкретного исторического опыта и соответственно эволюционного характера институциональных изменений), а также инструментализм [11. С. 76; 12. С. 33–34]. В основе действующих институтов лежит убежденность и вера, что они соответствуют внутренним устремлениям человека, работают и являются оптимальными. Для того чтобы институт продолжал существовать, он должен воспроизводиться в сознании людей, уверенных в необходимости его функционирования [13].

² Подробно об используемой нами методологии нарративного институционального анализа для анализа РИС изложено в статье [16. С. 91].

культурные предпочтения аудитории и политические пристрастия, организационная характеристика [19]. Наиболее решающим фактором для продвижения инновационного дискурса, как отмечают С. Хилгартнер и Ч. Л. Боск, является элемент драматичности изложения³. Официальные, или «строгие», факты в сочетании с эмоциональной риторикой драматической тональности имеют больше шансов привлечь аудиторию СМИ. Этот способ трансляции инновационного дискурса о РИС оказался наиболее распространенным в российских СМИ.

Национальная инновационная система

В современных условиях экономическое развитие любой страны во многом зависит от научно-технологической компоненты, которая под воздействием государственной политики может оказывать значимое влияние на формирование национальной инновационной системы. В предыдущих исследованиях мы подробно разбирали генезис и эволюцию концепции НИС [16], применяемые для анализа НИС-модели [22], выявили проблемы управления и развития российской инновационной системы [23–24].

Понятие национальной инновационной системы исходит из того, что «конечной целью научной системы является создание инноваций, в формировании, разработке и внедрении которых участвуют правительство, сфера образования, промышленность, а также элементы внешней среды» [25. С. 38]. Концепция НИС – подход к изучению науки, технологий и инноваций, оформившийся в конце 80-х гг. XX в. и рассматривающий взаимодействие государства, бизнеса и научной сферы для эффективного инновационного процесса [25].

Б. Лундваль рассматривает НИС как укоренившиеся внутри национальных границ элементы и связи, которые взаимодействуют при производстве, распро-

странении и использовании экономически полезных знаний [26, 27].

Дж. Меткалф определил НИС как систему взаимосвязанных институтов, которые вносят вклад в развитие новых технологий и обеспечивают основу для реализации государственной политики [28].

О. Голиченко дает определение НИС как совокупности национальных государственных, частных и общественных организаций и механизмов их взаимодействия, в рамках которых осуществляется деятельность по созданию, хранению, распространению и использованию новых знаний и технологий [29–32].

Исходя из существующих определений национальная инновационная система – это совокупность взаимосвязанных институтов и организаций, имеющих отношение к инновационной деятельности. Институты регулируют инновационную деятельность. Организации также регулируют инновационную деятельность, но одновременно являются акторами, вовлеченными в инновационный процесс [16. С. 84].

Помимо национальных, выделяют инновационные системы различных уровней: глобальную [33], региональную [34–35]. Рассмотрение нарративов, содержащих сведения об успехах отдельных предприятий, позволит выявить сильные стороны функционирования национальной инновационной системы. Современная корпорация представляет собой локальную инновационную систему, состоящую из четырех основных элементов: институциональной структуры, системы стимулов, навыков и креативности инновационных и экономических субъектов, культурных особенностей. Изучение организационной структуры, статистических данных вместе с нарративным анализом сообщений об особенностях функционирования организации позволит определить характеристики и особенности локальной инновационной системы.

Анализ нарративов о факторах развития российской инновационной системы

Согласно международным рейтингам и распространенным представлениям, Россия не входит в число лидеров по созданию и использованию инноваций. В общественном дискурсе существует множество высказываний о проблемах в российской инновационной системе.

Глобальный индекс инноваций (*Global Innovation Index*), обновляемый ежегодно, оценивает нацио-

³ Е. Яковлева и С. Люлькин говорят о факторах, которые направляют общественное мнение на восприятие определенных объективных условий и отвлекают от других: «Сегодня искусственно созданные и незаметно внедряемые мифы деформируют реальность, скрывают истинное положение вещей, отвлекая людей от действительности и акцентируя внимание на выгодных творцам и их заказчикам культурных (политических, экономических, религиозных, научных и других) смыслах» [20. С. 86]. П. Николаенко, В. Бочаров и А. Мансуров показывают инструменты манипулирования информацией [21].

нальную инновационную систему России. В 2021 г. Россия занимала 45-е место в общем рейтинге и 10-е среди стран со средними доходами, уступая Китаю (12-е место в глобальном индексе), Болгарии (35-е место), Польше (40-е место), Турции (41-е место), Хорватии (42-е место), Таиланду (43-е место) и Вьетнаму (44-е), опережая Индию (46-е место) и Грецию (47-е место). Методика, применяемая при расчете индекса, позволяет выявить противоречия в экономике России, которые носят институциональный характер. Несмотря на улучшение позиции России в рейтинге с 2007 г. (см. Приложение 1), наиболее слабые позиции Россия демонстрирует в развитии институциональной среды (неустойчивые политические институты, зарегулированность экономики и негативный деловой климат) и в производстве наукоемкой и творческой продукции, что также зависит от действующих институтов, обеспечивающих трансформацию знаний и технологий в товар.

На развитие российской инновационной системы оказывают влияние множество факторов, таких как экономический и научно-технологический потенциал, доступность финансовых и материальных ресурсов для акторов инновационной системы, программы и меры государственной поддержки инноваторов, формирование инновационной инфраструктуры, качество человеческого капитала и др. Кроме того, важную роль в развитии российской инновационной системы играет отношение населения к инновационным процессам, происходящим в стране. Именно общественное мнение формирует специфическую информационную среду для продвижения инноваций, внедрения различных инновационных достижений, интерес к инновационной деятельности со стороны инвесторов и государства также может инициировать внутренний спрос на инновации со стороны потенциальных потребителей, который необходим для создания конкретных отношений на рынке инноваций [36].

Средства массовой информации являются одним из факторов, влияющих на функционирование инновационного общества, а также формирование позитивного образа РИС для привлечения различных групп населения к вопросам инновационного развития в стране. СМИ могут не только отражать общественное мнение, но и менять отношение своей аудитории к инновационным процессам, стимулировать спрос и популяризировать российские инновационные

разработки, продукты, а также повышать престиж профессии ученого в глазах молодежи.

В качестве источника данных для исследования в статье были взяты российские средства массовой информации, которые отражают настроение общества и интерес в отношении инноваций и инновационных процессов. В частности, были проанализированы 43 СМИ из интернет-источников, отобранных в соответствии с рейтингом «Медиалогия»: «Федеральные СМИ: 2020 год» за период с 01.01.2010 по 01.07.2021, которые с помощью нарративного анализа позволили выделить круг значимых и влиятельных проблем, воздействующих на инновационное развитие, транслируемые адресантами СМИ, в частности журналистами, экспертами в сфере инноваций, а также акторами РИС (государство, бизнес, академия).

Следует отметить, что выбор 43 СМИ из интернет-источников как ресурсной базы для анализа нарративов был не случаен. Согласно исследованию Deloitte, которое изучает медиапотребление в России с 2016 г., 55 % населения России в 2020 г. доверяло новостным и аналитическим интернет-ресурсам (включая официальные сайты госкомпаний и госорганов), а также социальным сетям и блогам (рис. 1).

Обсуждение проблем инновационного развития стало особенно актуальным в последние 10 лет. График динамики частоты поисковых запросов ключевых слов⁴ (рис. 2), необходимых для дальнейшего отбора релевантных нарративов, характеризующих развитие РИС, демонстрирует растущий интерес со стороны аудитории (адресатов) СМИ с 2011–2012 гг., который отражает старт различных государственных программ по созданию российской инновационной системы (например, в 2011 г. была принята «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года»), создание инновационного центра «Сколково», а также других институтов развития инноваций. Пик запросов по предложенным поисковым словам пришелся на 2015 г., который связан с введением антироссийских санкций со стороны ЕС и США, актуализировавших проблемы импортозамещения с помощью российских технологий, инноваций.

⁴ Подробнее о работе по отбору источников, методологии поиска нарративов и работе с системами СКАН-ИНТЕРФАКС и ИНТЕГРУМ – в статьях [16, 22–24].

Рис. 1. Доверие россиян к источникам информации

Источник: составлено авторами по [37. С. 22].

Fig. 1. Confidence of the Russians to information sources

Source: compiled by the authors by [37. P. 22].

Журналисты, эксперты и акторы РИС, т. е. адресанты СМИ, транслируют свои суждения аудитории, под которой в социологии журналистики подразумевается «совокупность людей – адресатов журналистских произведений, возникающая на основе общности их информационных интересов и потребностей, а также форм, способов и каналов их удовлетворения» [38. С. 121]. Адресанты СМИ, оказывая влияние на адресатов, тем самым формируют и отражают общественное мнение, которое в свою очередь может позитивно влиять на поведение людей, а именно создавать ориентацию на инновационную активность, порождать инновационный спрос и интерес [39. С. 126].

Без должного освещения инновационной тематики в СМИ российская аудитория будет мало информирована об инновационных процессах, происходящих в стране, о мерах государственной политики.

По словам Годэна: «Нарратив придает смысл науке, технологиям и инновациям, а также политическим действиям, что позволяет включить науку, технологии и инновации в политическую повестку дня» [25. С. 39]. СМИ могут формировать ориентацию на инновационную активность, в том числе внутренний спрос на инновации, влияя на аудиторию и используя три способа воздействия, которые были разработаны психологом и лингвистом А. А. Леонтьевым [40]:

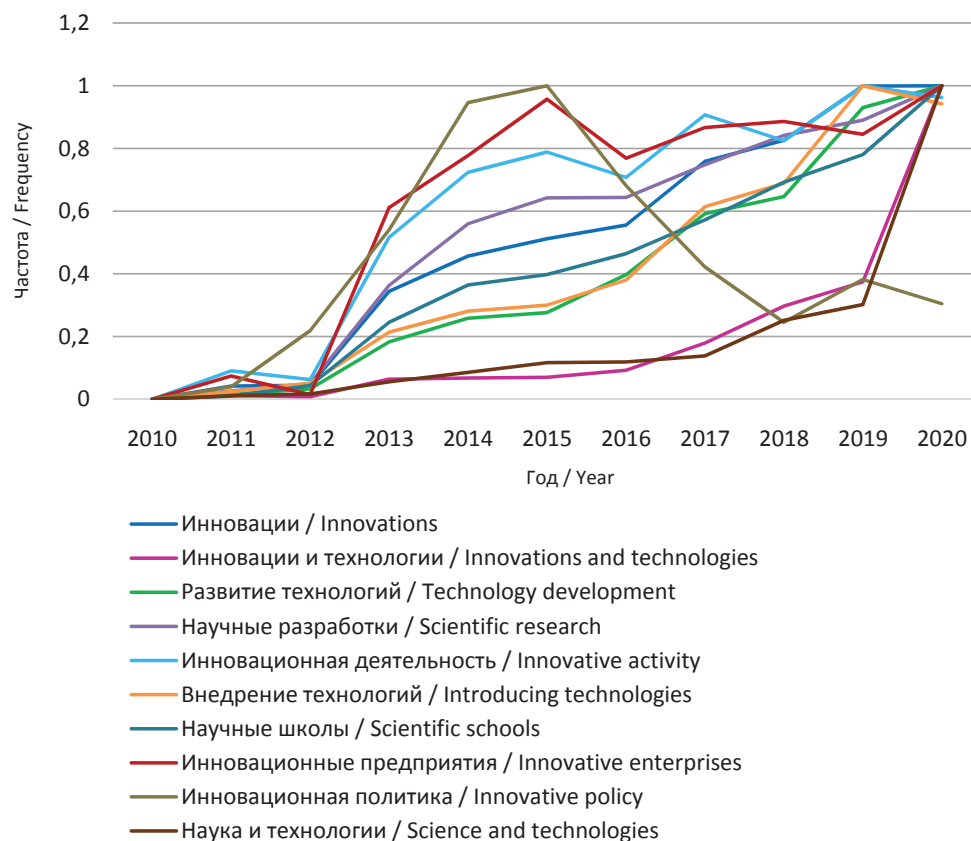

Рис. 2. Динамика частоты поисковых запросов. СКАН-ИНТЕРФАКС (нормированные данные с использованием процедуры МИН-МАКС)

Источник: составлено авторами по данным системы СКАН-ИНТЕРФАКС.

Fig. 2. Dynamics of the frequency of search enquiries. SKAN-INTERFAKS (data normalized with a MIN-MAX procedure)

Source: compiled by the authors by the data of SKAN-INTERFAKS system.

1. Воздействуя путем информирования, которое подразумевает ввод в поле значений⁵ аудитории (или отдельного адресата) новых значений, новой информации, которые могут трансформировать поведение и отношение к аудитории (адресата) к действительности. Например, в СМИ транслируется нарратив

о принятии Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.:

«Минэкономразвития опубликовало проект стратегии инновационного развития страны на период до 2020 г. (полный текст). Она базируется на основе положений “Концепции долгосрочного развития РФ на период до 2020 г.”, подготовленной в 2008 г.»⁶.

⁵ Под полем значений, присущим тому или иному индивиду, имеется в виду структура присвоенного им общественного опыта... та система категорий, с помощью которой он этот мир расчленяет и интерпретирует. Смысловое поле понимается нами как структура отнесенности значений к выраженным в них мотивам, как включенность значений в иерархию деятельностей индивида.

⁶ Лаврентьева Н. Как Россия превратится в страну инноваций: 20 шагов // CNEWS. 21.10.2011. URL: https://www.cnews.ru/news/top/kak_rossiya_prevratitsya_v_stranu_innovatsij (дата обращения: 10.10.2021).

2. Воздействие через сообщение новой информации адресату, но об известных ему новостях, событиях, фактах. То есть происходит «изменение структуры поля значений аудитории (адресата), но без ввода новых элементов. Это также воздействие через информирование, но другого характера: оно интерпретирует уже известные события» [41. С. 45]:

«Стратегия инновационного развития содержит 45 целевых индикаторов. В их числе – доведение в 2020 г. объема промышленных предприятий, осуществляющих технические инновации, до 40–50 % с 9,4 % в 2009 г.»⁷.

3. Воздействуя через убеждение. Цель этого воздействия заключается в изменении непосредственно отношения адресата (аудитории) к окружающей действительности, событиям. Адресату не сообщается никакой новой информации, но известные факты о том или ином событии представляются в другом свете:

«Стратегия инновационного развития провалилась. Новую стратегию лучше пока не писать»⁸.

Успех воздействия через убеждение в СМИ связан с моделированием смыслового поля адресата (аудитории). Воздействуя на аудиторию, адресант (журналист, эксперт, акторы РИС) «стремится выделить факторы, влияющие на ее деятельность, и в дальнейшем избирательно оказывать воздействие на принятие решений, формирование собственного мнения» [41. С. 45]. Идеи заражают умы адресатов, завладевают аудиторией, меняют их поведение: «Естественно, что такое воздействие не предполагает слепого подчинения со стороны адресата – предполагается осознанный выбор из ряда возможностей, оценка значимости предъявляемых фактов и их интерпретаций» [41. С. 45]. Адресант, который предлагает аксиологическую версию современных реалий развития, российская инновационная система наделяет ее побудительным

смыслом и определенной силой воздействия [38]. Адресат путем выделения управляющих поведением аудитории факторов стремится спровоцировать поведение аудитории СМИ избирательно в нужном ему направлении.

При этом нарративы не обязательно должны быть правдивыми (с объективной точки зрения), они должны соответствовать среднему уровню знаний населения [42]. Различные мнения возникают из принципиально разных интерпретаций реальности, которые принимают форму конкурирующих нарративов в борьбе за общественное мнение [43].

В большинстве случаев адресат (аудитория) восстанавливает актуальную действительность под необходимым для адресанта углом зрения и с необходимой оценкой. В некоторых случаях адресанты СМИ могут менять коммуникативное поведение аудитории через «суггестивность», т. е. латентное вербальное воздействие на подсознательном уровне [41].

Средства массовой информации могут обладать неограниченным потенциалом воздействия на аудиторию и транслировать образы, которые иногда некритически принимаются индивидами. Отношение адресата (аудитории) будет зависеть от выводов и субъективных оценок адресантов в нарративах (журналисты, эксперты, акторы РИС) как образец общественного мнения.

Одной из целей изучения нарративов акторов российской инновационной системы в СМИ было определение тональности текстовых фрагментов, которые содержали в себе позитивный, негативный или нейтральный контекст упоминания об инновационных процессах в России. Авторами были проанализированы эмотивные конструкции, которые передавали аудитории отношение адресантов СМИ к объекту высказывания [44]. Так, например, негативный контекст в нарративах о развитии РИС содержит следующие специфические словосочетания эмотивной лексики: «не достигнуты показатели», «этого тоже не случилось», «показатели провалены», «неэффективные меры», «не созданы механизмы», «получилось как всегда», «оторванность от внедрения», «советская болезнь», «серьезный тормоз», «ошибка дорого стоит», «нехватка» и др.

Словосочетания эмотивной лексики в нарративах, имеющие позитивный характер, в свою очередь формируют у общественного мнения одобрительное

⁷ Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 года // TADVISER. Государство. Бизнес. Технологии от 22 декабря 2014 года. URL: <https://www.tadviser.ru> (дата обращения: 10.10.2021).

⁸ Медовников Д. «Стратегия инновационного развития» провалилась // Ведомости. 22 июля 2020 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/07/22/835097-strategiya-innovatsionnogo> (дата обращения: 10.10.2021).

отношение к развитию российской инновационной системы: «успешно реализуется», «дает возможность», «существенный вклад», «успешные технологии, проекты», «практическая применимость», «эффективное взаимодействие», «огромный задел», «большой шанс», «прорыв» и др.

Анализ словосочетаний эмотивной лексики в нарративах позволил идентифицировать и классифицировать позитивный и негативный контекст изложения нарративов о РИС. Кроме того, проведенный анализ выявил, что в нарративах адресантов о развитии российской инновационной системы превалирует больше критический стиль изложения информации и фактов.

Следует отметить, что инновационный дискурс в средствах массовой информации так же, как и другие транслируемые адресантами социально-экономические проблемы, участвует в процессе отбора через фильтрацию информации для дальнейшего ее тиражирования и привлечения внимания аудитории.

Критический или драматизирующий события контекст изложения нарративов о РИС привлекает к себе больше внимания и становится «вирусным» в силу популярности обсуждаемой проблемы, а также особенностей подачи информации адресантами СМИ:

«Что получилось: Сколково – споткнувшийся ангел. Были сделаны мощные шаги вперед – принят специальный федеральный закон, создан фонд, приглашены высококлассные специалисты из-за рубежа. Но при этом Сколково физически не построили в нужные сроки»⁹.

«Да, теперь российское правительство взяло курс на тотальную модернизацию. Но каковы ее приоритеты? Вместо того чтобы начать щедрее финансировать имеющиеся научные учреждения с колоссальным инновационным потенциалом, государство вкладывается в создание на пустом месте “инновационного кластера” в Сколково. Но перспективы этого проекта вызывают у экспертов большие сомнения»¹⁰.

«Эксперты не уверены в успехе модернизации нашей экономики. Российская экономика в ожидании больших перемен. Руководство страны планирует

вложить миллиарды рублей в развитие инноваций. Но увидим ли мы ноу-хау, которые позволят вывести отечественный бизнес на новую ступень развития? Или масштабный проект закончится банальным распилом денег? Об этом на прошедшем в Москве инвестиционном форуме поспорили маститые бизнесмены и производственники»¹¹.

Подобные нарративы об инновациях имеют больший отклик у аудитории СМИ. Кроме того, наблюдается инерционность в распространении негативных или критических нарративов. Позитивным нарративам о развитии РИС сложно пробиться сквозь «вирусность», инерционность критических нарративов, консервативность мышления адресатов СМИ, а также особые способы подачи информации со стороны адресантов, которые часто направлены на повышение собственных рейтингов и привлечение внимания, но не на трансляцию объективной и полной информации.

Критический контекст нарративов о РИС в средствах массовой информации может отрицательно влиять на спрос в отношении российских инноваций, деятельность самих инноваторов через массированную трансляцию негативного опыта других акторов российской инновационной системы. Формируемое СМИ контринновационное пространство может привести к моральной демотивированности акторов российской инновационной системы, так как зона негативности имеет длительный эффект воздействия и оказывает влияние на последующие нарративы.

Роль позитивных нарративов в формировании общественного мнения в СМИ

Помимо недостатков, у российской инновационной системы существуют и сильные стороны, представленные в нарративах и сообщениях средств массовой информации. Анализ полученных нарративов позволил соотнести рассматриваемые в них темы и сильные стороны РИС:

1) нарративы о значимых технологических достижениях, лидирующих отраслях (внедрение искусственного интеллекта, IT-технологии, экологические проекты, атомная промышленность и энергетика, ВПК, деятельность нефтяных и нефтехимических компаний).

⁹ Медовников Д. Нам нужны великие частные компании // Платформа. Центр социального проектирования. 2 апреля 2018 года. URL: <https://pltf.ru/2018/04/02/nam-nuzhny-velikie-chastnye-kompanii/> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁰ Миловзоров А. Требуются гении // YTRO.NEWS. 3 февраля 2011. URL: <https://ytro.news/articles/2011/02/03/953617.shtml> (дата обращения: 10.10.2021).

¹¹ Зюзев А. Хотели инноваций, а получили как всегда? // Комсомольская правда. 7 июля 2011 г. URL: <https://www.kp.ru/daily/25716.4/914705/> (дата обращения: 10.10.2021).

«Российские компании не отстают от технологического прогресса. Так, по данным исследования, проведенного аналитическим центром НАФИ и страховой компанией Mains Group, уже 33 % крупных предприятий внедрили машинное обучение в свою деятельность.

– Еще один-два года назад всего лишь 7 % предприятий применяли эту технологию, – рассказал генеральный директор Mains Group Сергей Худяков»¹².

«В России, утверждают эксперты, одни из самых сильных разработчиков искусственного интеллекта, и у нашей страны есть все шансы добиться лидерства в этой сфере. Изучению искусственного интеллекта и последствиям его применения уже уделяется значительное внимание. В декабре 2020 года на базе Университета Иннополис, который участвует в реализации нацпрограммы “Цифровая экономика”, открыт первый в России Институт искусственного интеллекта. Изучением ИИ университет занимается с 2014 г. – он ведет разработки для промышленности, в том числе нефтегазовой отрасли, энергетики, медицины, лесного и сельского хозяйства. Теперь все проекты в области ИИ объединены в рамках единого института»¹³;

2) нарративы о развитии инновационной инфраструктуры: физической (технопарки, технополисы) и институциональной (законы, финансирование, льготы, направленные на государственную поддержку инновационных предприятий), а также об установлении тесного и продуктивного сотрудничества между различными акторами инновационной системы, в том числе и иностранными.

«Генеральный директор Фонда содействия инновациям Сергей Поляков рассказал “Известиям” о том, как российские компании при поддержке государства выходят на рынки Европы и США: “В условиях санкций ряд российских компаний получил дополнительные стимулы. Об этом говорят цифры: выручка высокотехнологичных компаний, которые мы поддерживали в 2014 г. по программе “Коммерциализация”, в 2015 г.

увеличилась на 20 %. Во многом это произошло благодаря процессам импортозамещения. Более того, санкции не всегда мешают международному сотрудничеству. По линии науки и инноваций мы работаем с Еврокомиссией, с министерствами и фондами, похожими на наш, из Финляндии, Германии, Франции, Испании. В разгар санкций мы пролонгировали договор с финским фондом TEKES. В 2015 г. продолжилась реализация многосторонней программы европейского сотрудничества ERA.Net”»¹⁴.

«Я уверен, что сотрудничество с большими корпорациями – естественный путь развития российских стартапов. Задача бизнес-инкубаторов и технопарков, как я ее вижу, заключается в том, чтобы корпорации четко сформулировали, в чем заключаются их потребности в области инноваций, и донесли эту информацию до стартапов»¹⁵, – Илья Толстов, генеральный директор технопарка «Ингрия»;

3) нарративы, повествующие о публичном признании успехов акторов РИС на профессиональных конференциях, вручении государственных премий и наград с участием крупных государственных деятелей, бизнесменов, ученых.

«Участники дискуссии “Новая битва в RD. Источники и модели монетизации прорывных идей”, проходившей в рамках IX Digital Forum РБК, проанализировали опыт 2020 г. Директор департамента проектирования “Газинформсервис” Александр Калита обратил внимание на то, что большинство успешных крупных проектов создаются на стыке интересов государства, науки и бизнеса. По мнению исполнительного директора Клуба директоров по науке и инновациям Алексея Филимонова, резко возросли объемы инвестиций в RD в трех отраслях, которые стали особенно востребованы: в фарму, логистику и дистанционные образовательные технологии (“и вообще во все, что связано с поддержкой дистанционного образа жизни”). Также по разговорам с бизнесом он “чувствует”, что сейчас начнут взлетать беспилотные и космические технологии»¹⁶.

¹² Алмакунова Р. Испытание машин: 33 % компаний использует искусственный интеллект // Известия (iz.ru). 2019. 26 ноября. URL: <https://iz.ru/947197/roza-almakunova/ispytanie-mashin-33-kompanii-ispolzuet-iskusstvennyi-intellekt> (дата обращения: 10.10.2021).

¹³ Алпатов И. Искусственный интеллект закрепился в бюджете // Российская газета – Федеральный выпуск № 25 (8376) от 07.02.2021. URL: <https://rg.ru/2021/02/07/vlasti-napraviat-73-mlrd-rublej-na-izuchenie-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁴ Фокина К. Российские технологии покоряют Европу, несмотря на санкции // Известия. 2016. 6 июня. URL: <https://iz.ru/news/616806> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁵ Толстов И. Как глобальные корпорации стимулируют рост национальных стартапов // Sport.rbc.ru. 07.12.2010.

¹⁶ Грязневич В. В Петербурге обсудили судьбу «прорывных» российских разработок // РБК. 14.04.2021. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/14/04/2021/6076f39e9a79477aa1ec1a6b (дата обращения: 10.10.2021).

«На встрече с молодыми учеными и предпринимателями председатель правительства рассказал о государственных программах поддержки науки и инноваций. В частности, планах развития технологии искусственного интеллекта. “Вы знаете, что принята соответствующая программа на четыре года, но самое важное – предусмотрены специальные гранты, которые будут в течение четырех лет выделяться на развитие небольших стартапов и компаний, которые уже в большом количестве присутствуют на нашем рынке информационных технологий”, – сказал он. По словам Мишустина, в течение этого срока будет выделено около 12 млрд рублей на помощь 1 тыс. 200 стартапов. Он также рассказал о планах увеличить прием в вузы на IT-специальности: “Сейчас примерно 50 тысяч человек обучается, а через буквально четыре года мы планируем такой набор делать на 120 тысяч человек”»¹⁷;

4) футурологические нарративы о перспективах в среднесрочном или долгосрочном периоде. Рассмотрение нарративов в ретроспективе показывает зачастую иллюзорный характер подобных планов, в то же время прогнозы по внедрению искусственного интеллекта, онлайн-сервисов исполняются опережающими темпами.

«В рамках проекта мы разрабатываем методы квантовой химии с использованием машинного обучения и квантовые оптимизации. Разработанные методы мы планируем интегрировать в систему дизайна материалов, которая используется сегодня в Nissan”, – подчеркнул Алексей Федоров, руководитель группы квантовых информационных технологий РКЦ, доктор наук по теоретической физике. Его японский коллега Сигео Ибука также обратил внимание, что квантовые технологии чрезвычайно перспективны для решения ряда индустриальных задач. “Именно за этими технологиями – будущее. Nissan вместе со своим партнером, Российским квантовым центром, стремятся стать пионерами в этой отрасли”, – заключил японский ученый»¹⁸.

¹⁷ Мисливская Г. Знаниям – силу // Российская газета. 02.09.2020. URL: <https://rg.ru/2020/09/01/mishustin-rasskazalo-programme-razvitiia-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁸ Nissan поможет развивать квантовую химию в России // Профиль. 22.01.2020. URL: <https://profile.ru/news/cars/nissan-pomozhet-razvivat-kvantovuyu-ximiyu-v-rossii-216544/> (дата обращения: 10.10.2021).

«Власти Тюменской области планируют превратить регион в интеллектуальный центр нефтегазовой отрасли благодаря созданию там научно-образовательного центра (НОЦ) в рамках нацпроекта “Наука”. Об этом заявил губернатор области Александр Моор. По словам Моора, на сегодняшний день нефтегазовая сфера является высокотехнологичной и инновационной, и регион может развивать это направление. “Помимо промышленной роли, которую всегда играла Тюмень в обеспечении продуктами и сервисами нефтегазовых компаний, мы ставим амбициозную задачу стать интеллектуальным центром. Поскольку нефть и газ – это та сфера, где наука и инновации, внедрение их в промышленность будет сильным драйвером развития экономики нашего региона”, – пояснил губернатор»¹⁹. «Синдикат коммерческих банков (Сбер и “Открытие”) и госкорпорация развития ВЭБ.РФ профинансируют строительство первого в Европе сталелитейного комплекса, который будет работать по экологичным технологиям. Это будет один из ключевых зеленых проектов в стране, направленный не только на удовлетворение внутреннего спроса, но и на экспортные поставки. Новый сталелитейный комплекс будет соответствовать всем требованиям России и Евросоюза в области охраны окружающей среды. “Реализация одного из самых крупных инвестиционных проектов в металлургии станет примером внедрения технологии, которая может дать новое развитие стальной отрасли, улучшить экологию в промышленных регионах, обеспечит новое развитие российской экономики”, – подчеркнул председатель совета директоров “Объединенной металлургической компании” Анатолий Седых»²⁰.

Нарративы о внедрении зеленых технологий показывают позитивные примеры функционирования РИС. По данному направлению возможна системная деятельность государства, бизнеса и науки:

«“Солнечная электростанция – уникальный опыт для нашей области: и по уровню внедряемых технологий, и по снижению нагрузки на традиционную теплоэнергетику. Системный подход Омского НПЗ в реализации высокотехнологичных природосберегающих проектов

¹⁹ Российский регион займется цифровизацией нефтегазовой отрасли // Lenta.ru. 19.09.2019. URL: <https://lenta.ru/news/2019/09/19/tyumen/> (дата обращения: 10.10.2021).

²⁰ Романова Т. ВЭБ.РФ и синдикат профинансируют строительство «зеленого» завода-гиганта в Выксе // Lenta.ru. 20.04.2021. URL: <https://lenta.ru/news/2021/04/20/zavod/> (дата обращения: 10.10.2021).

служит примером для других предприятий Омска», – заявил губернатор Омской области Александр Бурков. Директор бизнес-единицы «Инжиниринг и Генерация» группы компаний «Хевел» Олег Шуткин отметил: «С учетом инсоляции Омска расчетная годовая выработка станции составит 1,2 млн кВт·ч. Такой объем эквивалентен сжиганию более 1,8 тыс. тонн угля и позволит избежать более 5 тыс. тонн выбросов CO₂ в атмосферу от выработки угольных ТЭЦ». А это ли не пример синергии эффективности производства и ее экологичности?»²¹

Также подтверждением, что негативные нарративы не всегда достоверно отражают степень развития РИС, а влияние позитивных нарративов на общественное мнение ограничено, может служить пример нефтегазового и горнодобывающего секторов. В нефтегазовом секторе получилось наладить взаимодействие между бизнесом, государством и академией. Бизнес реализует крупные проекты, включающие межотраслевую кооперацию в сложных климатических условиях. Государство создает понятные и действующие правила. Академия обеспечивает научно-техническую реализацию сложных проектов и подготавливает высококвалифицированные кадры для экономики. Учебные заведения, выпускающие инженеров для горной (два университета) и нефтяной промышленности (восемь университетов), входят в топ-100 лучших университетов мира, в то время как по другим направлениям инженерных специальностей результаты не такие выдающиеся (табл. 2). На приоритетных направлениях развития российская инновационная система способна показывать эффективность и согласованность взаимодействия государства, академии и бизнеса.

Заключение

Во-первых, при исследовании институтов национальной инновационной системы методология нарративной экономики позволяет использовать качественные данные для выявления правил, а также количественный анализ для определения вирусности и распространенности нарративов.

Во-вторых, показана роль средств массовой информации в распространении инновационного дискурса. При нарративном анализе национальной инновационной системы может использоваться концепция публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Л. Боска. Она показывает, что распространение нарративов не просто отражение коллективного мнения, а служит целям функционеров публичных арен: журналистов, чиновников, ученых, бизнесменов.

В-третьих, рассмотрено влияние нарративов на функционирование РИС и ее локальные организационные структуры. СМИ формируют ориентацию на инновационную активность, в том числе внутренний спрос на инновации, через информирование, сообщение новой информации и убеждение. Успех воздействия через убеждение в СМИ связан с моделированием смыслового поля, избирательно влияя на принятие решений и формирование собственного мнения. Идея заражает умы адресатов, завладевает аудиторией, меняет их поведение. Зачастую позитивные нарративы теряются в потоке критически настроенных сообщений, так как «критика» обладает большей «вирусностью» и встречают отклик у получателей. Поэтому, несмотря на меньшую распространенность, анализ позитивных нарративов заслуживает особого внимания.

В-четвертых, проанализировано влияние положительных и негативных нарративов на развитие российской инновационной системы. Выделены типы нарративов, показывающие сильные стороны РИС: 1) нарративы о значимых технологических достижениях, лидирующих отраслях; 2) нарративы о развитии инновационной инфраструктуры; 3) нарративы, повествующие о публичном признании успехов акторов РИС на профессиональных конференциях или со стороны государства; 4) футурологические нарративы о перспективах в среднесрочном или долгосрочном периоде. А также выделены отрасли и направления, успешно создавшие устойчивую связь между государством, наукой и бизнесом: искусственный интеллект и ИТ, зеленая экономика, энергетика, нефтяная и горная промышленность.

В-пятых, представляется перспективным направлением в исследованиях РИС применение качественных методов в рамках нарративной экономики одновременно с формальным моделированием национальных инновационных систем для более полного понимания происходящих процессов.

²¹ Александрова О. «Газпром нефть» открыл первую солнечную электростанцию на Омском НПЗ // Комсомольская правда. 2019. 22 октября. URL: <https://www.kp.ru/daily/27044/4110316/> (дата обращения: 10.10.2021).

Таблица 2

Места российских вузов в предметных рейтингах инженерного профиля агентства QS в 2021 г.

Table 2. Positions of Russian universities in subject ranking in the sphere of engineering according to QS in 2021

Российские вузы / Russian universities	Инженерные науки и технологии / Engineering and technologies	Научные направления / Scientific research areas					
		Информатика и информационные технологии / Information science and information technologies	Химические технологии / Chemical technologies	Инженерное дело в электронике / Engineering in electronics	Машиностроение, аэрокосмическая и промышленная инженерия / Machine building, aerospace and industrial engineering	Инженерное дело в горной промышленности / Engineering in mining industry	Инженерное дело в нефтяной промышленности / Engineering in oil industry
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University	67	58	–	–	67	–	32
Национальный исследовательский университет ИТМО / ITMO National Research University	160	74	–	201–250	251–300	–	–
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет / Novosibirsk National Research State University	206	301–350	151–200	251–300	251–300	–	51–100
Санкт-Петербургский государственный университет / Saint Petersburg State University	218	151–200	–	–	–	–	51–100
Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС» / MISIS National Research Technological University	285	–	–	451–500	201–250	42	51–100
Национальный исследовательский Томский политехнический университет / National Research Tomsk Polytechnic University	288	351–400	201–250	251–300	201–250	–	23
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина / Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin	401–450	451–500	–	401–450	351–400	–	51–100
Казанский (Приволжский) федеральный университет / Kazan (Volga) Federal University	–	501–550	351–400	–	–	–	51–100
Санкт-Петербургский горный университет / Saint Petersburg Mineral Resources University	–	–	–	–	–	12	101–150

Источник: составлено авторами по данным QS.

Source: compiled by the authors by the data of QS.

Список литературы

1. Markey-Towler B. Rules, perception and emotion: When do institutions determine behaviour? // Journal of Institutional Economics. 2019. Vol. 15, № 3. Pp. 381–396. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137418000267>
2. Вольчик В. В. Нарративы и понимание экономических институтов // Terra Economicus. 2020. Т. 18, № 2. С. 49–69. DOI: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-2-49-69>
3. Коллиер П. Будущее капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 376 с.
4. Akerlof G., Snower, D. Bread and bullets // Journal of Economic Behavior & Organization. 2016. Vol. 126, Part B. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.10.021>
5. Shiller R. J. Narrative Economics // American Economic Review. 2017. Vol. 107, № 4. Pp. 967–1004. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.107.4.967>

6. Shiller R. J. Narrative Economics. How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events. Princeton University Press, 2019. 400 p.
7. Shiller R. J. Narratives about Technology-Induced Job Degradations Then and Now // NBER Working Papers 25536, National Bureau of Economic Research, Inc. 2019.
8. Shiller R. J. Popular economic narratives advancing the longest U.S. expansion 2009–2019 // Journal of Policy Modeling. 2020. Vol. 42, № 4. Pp. 791–798. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2020.03.005>
9. Ходжсон Дж. Эволюция институтов: направления будущих исследований // Журнал экономической теории. 2005. № 2. С. 5–24.
10. Hodgson G. M. Conceptualizing capitalism: Institutions, evolution, future. University of Chicago Press, 2015.
11. Майровски Ф. Философские основания институционалистской экономики (часть II) // Terra Economicus. 2013. Т. 11, № 3. С. 72–88.
12. Расков Д. Е. Образ экономики в институционализме // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2010. № 3. С. 32–41.
13. Ефимов В. М. Экономическая наука под вопросом. М.: Инфра-М, 2016. 354 с.
14. Тамбовцев В. Л. Идеи, нарративы и изменения в экономике // Terra Economicus. 2019. Vol. 17, № 1. Pp. 24–40. DOI: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-1-24-40>
15. Тамбовцев В. Л. Нарративный анализ в экономической теории как восхождение к сложности // Вопросы экономики. 2020. № 4. С. 5–30. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-4-5-30>
16. Нарративный институциональный анализ и российская инновационная система / И. М. Ширяев, А. А. Курышева, В. В. Вольчик // Journal of Institutional Studies. 2021. Т. 13, № 3. С. 81–101. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2021.13.3.081-101>
17. Dalpiaz E., Di Stefano G. A universe of stories: Mobilizing narrative practices during transformative change // Strategic Management Journal. 2018. Vol. 39, № 3. Pp. 664–696. DOI: <https://doi.org/10.1002/SMJ.2730>
18. Damodaran A. Narrative and Numbers: The Value of Stories in Business. New York; Chichester, West Sussex: Columbia Business School Publishing, 2017.
19. Hilgartner S., Bosk C. L. The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94, № 1. Pp. 53–78. DOI: <https://doi.org/10.1086/228951>
20. Яковлева Е. Л., Люлькин С. Н. Манипуляция информацией как нарушение прав человека // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 3. С. 85–88.
21. Манипулирование товарной информацией с целью воздействия на потребителя / П. Г. Николаенко, В. А. Бочаров, А. П. Мансуров // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. 2017. № 2. С. 75–82.
22. Исследование подходов к моделированию национальных инновационных систем / В. В. Вольчик, Е. В. Маслюкова, С. А. Пантеева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 5.
23. Государственное управление и развитие российской инновационной системы / В. В. Вольчик, Е. В. Фурса, Е. В. Маслюкова // Управление. 2021. Т. 12, № 5.
24. Вольчик В. В., Маскаев А. И. Нарративная экономика и качественные исследования российской инновационной системы // Журнал экономической теории. 2021. № 4 (19).
25. Годэн Б. Концептуальные основы научной, технологической и инновационной политики // Форсайт. 2010. Т. 4, № 2. С. 34–43.
26. Lundvall B. Å. National innovation systems – analytical concept and development tool // Industry and innovation. 2007. Vol. 14, № 1. Pp. 95–119.
27. Lundvall B. Å. Innovation as an interactive process: from user – producer interaction to the national systems of innovation // The Learning Economy and the Economics of Hope. 2016. № 61.
28. Metcalfe J. S. The economic foundations of technology policy: equilibrium and evolutionary perspectives // Handbook of the Economics of Innovation and Technological Change / P. Stoneman (ed.). Blackwell Publishers, London, 1995. Pp. 409–512.
29. Голиченко О. Г. Национальная инновационная система России и основные направления ее развития // Инновации. 2003. № 6. С. 25–32.
30. Голиченко О. Г. Национальная инновационная система: от концепции к методологии исследования // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 35–50. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-7-35-50>
31. Государственная политика и модели поведения акторов в национальной инновационной системе / О. Г. Голиченко, Ю. Е. Балычева, А. А. Малкова и др. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2016.
32. Голиченко О. Г. Государственная политика и провалы национальной инновационной системы // Вопросы экономики. 2017. № 2. С. 97–108. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-2-97-108>

33. Блохин А. А., Фонов А. Г. Глобальные ловушки для российской инновационной системы // Мир новой экономики. 2020. Т. 14, № 2. С. 51–62. DOI: <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-51-62>
34. Lee P. C., Su H. N. Investigating the structure of regional innovation system research through keyword co-occurrence and social network analysis // Innovation. 2010. Vol. 12, № 1. Pp. 26–40.
35. Tatarkin A. I., Novikova K. A. The Innovative Capacity Of A Territory In Behavioral Assessments Of Its Population // R-Economy. 2015. Vol. 1, № 3. Pp. 368–380.
36. Тамбовцев В. Л. Инновации и культура: важность методологии анализа // Вопросы экономики. 2018. № 9. С. 70–94. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-9-70-94>
37. Deloitte. Медиапотребление в России – 2020. М.: Исследовательский центр компании Deloitte в России, 2020.
38. Новикова Т. Е. Изменение значения понятия «аудитория» в контексте современных медиакоммуникаций // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 2 (30). С. 120.
39. Красовская Е. Главные сценарии жанровой репрезентации темы инноваций в белорусских печатных СМИ // Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции «Мультимедийная журналистика». Минск, 1–2 марта 2018 года / под ред. В. П. Воробьева. 2018. С. 126.
40. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / А. А. Леонтьев; под ред. А. С. Маркосян, Д. А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина. М.: Смысл, 2008. 290 с.
41. Чернышева Т. А. Стратегия персуазивности в колонке обозревателя // Вестник Череповецкого государственного университета. 2008. № 2 (17). С. 45–46.
42. Freitas G. V. R. Narrative Economics and Behavioral Economics: contributions to the behavioral insights on post-Keynesian theory // Brazilian Journal of Political Economy. 2021. Vol. 41, № 2. Pp. 372–384. DOI: <https://doi.org/10.1590/0101-31572021-3191>
43. Eliaz K., Spiegler R. A Model of Competing Narratives // American Economic Review. 2020. Vol. 110, № 12. Pp. 3786–3816. DOI: <https://doi.org/10.1257/AER.20191099>
44. Технологии и инновации в российских СМИ / Н. В. Тоганова, И. А. Тихомиров, М. А. Каменская, И. В. Храмоин // Инновации. 2016. № 10 (216). С. 112–113.

References

1. Markey-Towler, B. (2019). Rules, perception and emotion: When do institutions determine behaviour?. *Journal of Institutional Economics*, 15 (3), 381–396. <https://doi.org/10.1017/S1744137418000267>
2. Volchik, V. V. (2020). Narratives and understanding of economic institutions. *Terra Economicus*, 18 (2), 49–69 (in Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-2-49-69>
3. Kollier, P. (2021). *The future of capitalism*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 376 p. (in Russ.)
4. Akerlof, G., Snower, D. (2016). Bread and bullets, *Journal of Economic Behavior & Organization*, 126 (B). <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.10.021>
5. Shiller, R. J. (2017). Narrative Economics, *American Economic Review*, 107 (4), 967–1004. <https://doi.org/10.1257/aer.107.4.967>
6. Shiller, R. J. (2019). *Narrative Economics. How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events*. Princeton University Press, 400 p.
7. Shiller, R. J. (2019). Narratives about Technology-Induced Job Degradations Then and Now, *NBER Working Papers* 25536. National Bureau of Economic Research, Inc.
8. Shiller, R. J. (2020). Popular economic narratives advancing the longest U.S. expansion 2009–2019. *Journal of Policy Modeling*, 42 (4), 791–798. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2020.03.005>
9. Hodgson, G. M. (2005). Evolution of institutes: the agenda for future researches. *Russian Journal of Economic Theory*, 2, 5–24 (in Russ.).
10. Hodgson, G. M. (2015). *Conceptualizing capitalism: Institutions, evolution, future*. University of Chicago Press.
11. Mirowski, Ph. (2013). The philosophical bases of institutional economics (Part II). *Terra Economicus*, 11 (3), 72–88 (in Russ.).
12. Raskov, D. E. (2010). Image of economy in institutionalism. *Vestnik of the St. Petersburg University. Series 5. Economics*, 3, 32–41 (in Russ.).
13. Efimov, V. M. (2016). *Economics questioned*. Moscow, Infra-M, 354 p. (in Russ.)
14. Tambovtsev, V. L. (2019). Ideas, narratives and economic change. *Terra Economicus*, 17 (1), 24–40 (in Russ.). <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-1-24-40>
15. Tambovtsev, V. L. (2020). Narrative analysis in economics as climbing complexity. *Voprosy Ekonomiki*, (4), 5–30 (in Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-4-5-30>

16. Shiriaev, I. M., Kuryшева, A. A., Volchik, V. V. (2021). Narrative Institutional Analysis and The National Innovation System in Russia. *Journal of Institutional Studies*, 13 (3), 81–101 (in Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2021.13.3.081-101>
17. Dalpiaz, E., Di Stefano, G. (2018). A universe of stories: Mobilizing narrative practices during transformative change. *Strategic Management Journal*, 39 (3), 664–696. <https://doi.org/10.1002/SMJ.2730>
18. Damodaran, A. (2017). *Narrative and Numbers: The Value of Stories in Business*, New York; Chichester, West Sussex: Columbia Business School Publishing.
19. Hilgartner, S., Bosk, C. L. (1988). The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model. *American Journal of Sociology*, 94 (1), 53–78. <https://doi.org/10.1086/228951>
20. Yakovleva, E. L., Lyulkin, S. N. (2015). Manipulation of information as a violation of human rights. *Baltic Humanitarian Journal*, 3, 85–88 (in Russ.).
21. Nikolaenko, P., Bocharov, V., Mansurov, A. (2017). The manipulation of commodity information with the purpose of influencing consumers. *Bulletin of Michurinsk State Agrarian University*, 2, 75–82 (in Russ.).
22. Volchik, V. V., Maslyukova, E. V., Panteeva, S. A. (2021). Investigating the approaches to modeling national innovation systems. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14 (5), 135–150 (in Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.8>
23. Volchik, V. V., Fursa, E. V., Maslyukova, E. V. (2021). Public policy and development of the Russian innovative system. *The Manager*, 12 (5) (in Russ.).
24. Volchik, V. V., Maskaev, A. I. (2021). Narrative economics and qualitative research of the Russian innovative system. *The Journal of Economic Theory*, 4 (19) (in Russ.).
25. Godin, B. (2010). Conceptual Frameworks of Science, Technology and Innovation. *Foresight and STI Governance*, 4 (2), 34–43 (in Russ.).
26. Lundvall, B. Å. (2007). National innovation systems – analytical concept and development tool. *Industry and innovation*, 14 (1), 95–119.
27. Lundvall, B. Å. (2016). Innovation as an interactive process: from user – producer interaction to the national systems of innovation. *The Learning Economy and the Economics of Hope*, 61.
28. Metcalfe, J. S. (1995). The economic foundations of technology policy: equilibrium and evolutionary perspectives, In Stoneman, P. (ed.). *Handbook of the Economics of Innovation and Technological Change*. London, Blackwell Publishers, 409–512.
29. Golichenko, O. G. (2003). National innovative system of Russia and the main directions of its development, *Innovations*, 6, 25–32 (in Russ.).
30. Golichenko, O. (2014). National Innovation Systems: From Conception toward the Methodology of Analysis. *Voprosy Ekonomiki*, 7, 35–50 (in Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-7-35-502014>
31. Golichenko, O. G., Balycheva, Yu. E., Malkova, A. A., Pronichkin, S. V., Samovoleva, S. A. (2016). *Public policy and the models of actors' behavior models in a national innovative system*. Moscow, Rossiiskii universitet druzhby narodov (RUDN) (in Russ.).
32. Golichenko, O. (2017). Public policy and national innovation system failures. *Voprosy Ekonomiki*, 2, 97–108 (in Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-2-97-108>
33. Blokhin, A. A., Fonotov, A. G. (2020). Global Traps for the Russian Innovation System. *The World of New Economy*, 14 (2), 51–62 (in Russ.). <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-51-62>
34. Lee, P. C., Su, H. N. (2010). Investigating the structure of regional innovation system research through keyword co-occurrence and social network analysis. *Innovation*, 12 (1), 26–40.
35. Tatarkin, A. I., Novikova, K. A. (2015). The Innovative Capacity Of A Territory In Behavioral Assessments of Its Population. *R-Economy*, 1 (3), 368–380.
36. Tambovtsev, V. L. (2018). Innovations and culture: Importance of the analysis methodology. *Voprosy Ekonomiki*, 9, 70–94 (in Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-9-70-94>
37. Deloitte. (2020). *Mediaconsumption in Russia – 2020*. Moscow, Issledovatel'skii tsentr kompanii Deloitte v Rossii (in Russ.).
38. Novikova, T. E. (2013). Changing the value of the concept of “Audience” in the context of media today. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2 (30), 120 (in Russ.).
39. Krasovskaya, E. (2018). Main scenarios of genre representation of the theme of innovations in Belorussian printed media. In Vorob'ev (Ed.). *Collection of works of the International scientific-practical conference “Multimedia journalism. Minsk, March 1–2, 2018”* (p. 126) (in Russ.).
40. Leont'ev, A. A., Markosyan A. S., Leont'ev D. A., Sorokin Yu. A. (Eds.) (2008). *Applied psycholinguistics of verbal communication and mass communication*. Moscow, Smysl, 290 (in Russ.).
41. Chernysheva, T. A. (2008). Strategy of persuasiveness in an observer's column. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (17), 45–46 (in Russ.).

42. Freitas, G. V. R. (2021). Narrative Economics and Behavioral Economics: contributions to the behavioral insights on post-Keynesian theory. *Brazilian Journal of Political Economy*, 41 (2), 372–384. <https://doi.org/10.1590/0101-31572021-3191>

43. Eliaz, K., Spiegler, R. (2020). A Model of Competing Narratives. *American Economic Review*, 110 (12), 3786–3816. <https://doi.org/10.1257/AER.20191099>

44. Toganova, N. V., Tikhomirov, I. A., Kamenskaya, M. A., Khramoin, I. V. (2016). Technology and Innovation in Russian Mass Media. *Innovations*, 10 (216), 112–113 (in Russ.).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 / APPENDIX 1

Российская Федерация в Глобальном индексе инноваций The Russian Federation in the Global Innovation Index

Показатель / Index	2007	2008–2009	2009–2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Глобальный индекс инноваций / Global Innovation Index	54	68	64	56	51	62	49	48	43	45	46	46	47	45
Институты / Institutions	–	105	117	97	93	87	88	80	73	73	74	74	71	67
Человеческий капитал и исследования / Human capital and research	–	48	46	38	43	33	30	26	23	23	22	23	30	29
Инфраструктура / Infrastructure	–	45	51	73	54	49	51	65	60	62	63	62	60	63
Уровень развития рынка / Market development	–	97	97	76	87	74	111	94	63	60	56	61	55	61
Вовлеченность фирм в инновационную деятельность / Companies' involvement into innovative activity	–	91	95	37	43	52	60	44	37	33	33	35	42	44
Производство знаний и технологий / Production of knowledge and technologies	–	71	39	34	32	48	34	33	40	45	47	47	50	48
Производство креативной продукции / Creative production	–	–	72	75	84	101	72	79	66	62	72	72	60	56

Источник: составлено на основе Global Innovation Index 2015–2021²².

Source: compiled by the authors based on Global Innovation Index 2015–2021.

²² Cornell University, INSEAD, WIPO. The Global Innovation Index 2015: Effective Innovation Policies for Development. Fontainebleau, Ithaca, and Geneva. 2015. p. 267; Cornell University, INSEAD, WIPO. The Global Innovation Index 2016: Winning with Global Innovation. Ithaca, Fontainebleau, and Geneva. 2016. P. 273; Cornell University, INSEAD, WIPO. The Global Innovation Index 2017: Innovation Feeding the World, Ithaca, Fontainebleau, and Geneva. 2017. P. 281; Cornell University, INSEAD, WIPO. The Global Innovation Index 2018: Energizing the World with Innovation. Ithaca, Fontainebleau, and Geneva. 2018. P. 313; Cornell University, INSEAD, WIPO. The Global Innovation Index 2019: Creating Healthy Lives—The Future of Medical Innovation. Ithaca, Fontainebleau, and Geneva. 2019. P. 317; Cornell University, INSEAD, WIPO. The Global Innovation Index 2020: Who Will Finance Innovation? Ithaca, Fontainebleau, and Geneva. 2020. P. 315; WIPO. Global Innovation Index 2021: Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis. Geneva: World Intellectual Property Organization. 2021. P. 143.

Вклад авторов

В. В. Вольчик является главным исследователем, проводившим исследование и координировавшим его, участвовал в подготовке рукописи и интерпретировал результаты, проводил работу с качественными данными.

Е. В. Фурса проводила обзор литературы, участвовала в подготовке рукописи, интерпретировала результаты, проводила работу с качественными данными.

А. И. Маскаев участвовал в подготовке рукописи, осуществлял расчеты модели и проводил статистический анализ, интерпретировал результаты.

The author's contribution

V. V. Volchik is the main researcher who carried out and coordinated the research; participated in preparing the manuscript and interpreted the results, worked with qualitative data.

E. V. Fursa performed a literature review, participated in preparing the manuscript, interpreted the results, and worked with qualitative data.

A. I. Maskaev participated in preparing the manuscript, performed calculations of the model and statistical analysis, and interpreted the results.

Конфликт интересов: В. В. Вольчик является членом редколлегии журнала Russian Journal of Economics and Law. Статья прошла рецензирование на общих основаниях.

Conflict of Interest: V. V. Volchik is a member of the Editorial Board of the Russian Journal of Economics and Law. The article has been reviewed on the usual terms.

Дата поступления / Received 20.10.2021

Дата принятия в печать / Accepted 25.11.2021

ПОЗНАНИЕ

Антонова, И. И.

Стандартизация в формировании системы инновационного менеджмента предприятия / И. И. Антонова, А. Т. Хадиева. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2021. – 168 с.

В монографии обобщены научные основы формирования системы инновационного менеджмента на основе стандартизации, представлена концептуальная и нечетко-множественная модель мониторинга и анализа технологической готовности инновационного проекта с учетом стандартизации, сформулированы рекомендации по развитию инновационного менеджмента предприятия с применением стандартизации.

Адресована как магистрантам, аспирантам и научным работникам, занятым исследованием вопросов применения стандартизации в формировании системы инновационного менеджмента, так и практическим работникам, непосредственно занимающимся решением данного вопроса.

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.661-675>

УДК 330.567.2:336.7:332.1(470+571)

JEL: D1, D12, D14, E5, G21, P25, R2

Е. И. КАДОЧНИКОВА¹

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ И ДЕТЕРМИНАНТ КРЕДИТНОГО И СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Кадочникова Екатерина Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и эконометрики, Институт управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: kad-ekaterina@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3402-1558>
Web of Science Researcher ID: M-4027-2013
eLIBRARY ID: SPIN-код: 5868-0889, AuthorID: 334076

Аннотация

Цель: выявление современных тенденций и факторов кредитного и сберегательного поведения российских домохозяйств.

Методы: графический метод, логит-модель, пробит-модель, метод максимального правдоподобия.

Результаты: развитие цифровых сервисов, ускорение инфляции и увеличение долговой нагрузки в результате пандемии изменили модель экономического поведения домохозяйств. Обострилась необходимость анализа кредитного и сберегательного поведения для эмпирического обоснования мер экономико-правовой и финансовой поддержки домохозяйств со стороны государственных институтов. Показан рост средней величины кредита и доли семей, члены которых брали кредит; снижение доли семей, которые брали в долг у частных лиц, давали деньги в долг и откладывали сбережения; резкий рост вариации величины кредита и сбережений в 2019 г., уменьшение количества товарных кредитов и рост количества потребительских и ипотечных кредитов; обнаружено положительное влияние количества человек в домохозяйстве, места проживания, дохода, наличия в домохозяйстве компьютера, ноутбука и высокоскоростного выхода в Интернет на вероятность привлечения кредитных средств; подтвердилось отрицательное влияние количества человек в домохозяйстве и места проживания (село) на вероятность сбережений; не обнаружено влияние наличия компьютера и высокоскоростного выхода в Интернет на вероятность сбережений в домохозяйстве.

Научная новизна: в статье на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» за период с 2010 по 2019 г. выявлены современные тенденции и факторы кредитного и сберегательного поведения российских домохозяйств.

Практическая значимость: основные выводы статьи могут быть использованы в научной и практической деятельности при разработке программ финансовой грамотности, политики и онлайн-продуктов для мотивации и поощрения кредитного и сберегательного поведения, привлечения инвестиций.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством, домохозяйство, сбережения, кредитное поведение, модели бинарного выбора

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00663 «Эволюция модели экономического поведения индивида и домохозяйства в условиях цифровой трансформации».

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

© Кадочникова Е. И., 2021

© Kadochnikova E. I., 2021

Как цитировать статью: Кадочникова Е. И. Анализ тенденций и детерминант кредитного и сберегательного поведения домохозяйств в российских регионах // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Т. 15, № 4. С. 661–675. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.661-675>

The scientific article

E. I. KADOCHNIKOVA¹

¹ Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

ANALYSIS OF THE TRENDS AND DETERMINANTS OF CREDIT AND SAVING BEHAVIOR OF HOUSEHOLDS IN THE RUSSIAN REGIONS

Ekaterina I. Kadochnikova, PhD (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Econometrics, Institute for Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University
E-mail: kad-ekaterina@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3402-1558>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/M-4027-2013>
eLIBRARY ID: SPIN-код: 5868-0889, AuthorID: 334076

Abstract

Objective: to identify the current trends and factors of credit and savings behavior of the Russian households.

Methods: graphical method, logit model, probit model, maximum likelihood method.

Results: the development of digital services, the acceleration of inflation and the increase in debt burden resulting from the pandemic have changed the model of economic behavior of households. The need to analyze credit and savings behavior has become more acute in order to empirically substantiate the measures of economic, legal and financial support of households by state institutions. The analysis showed an increase in the average loan amount and the proportion of families whose members took a loan; a decrease in the proportion of families who borrowed from individuals, lent money and made savings; a sharp increase in the variation of the amount of credit and savings in 2019; a decrease in the number of commodity loans and an increase in the number of consumer and mortgage loans. A positive effect of the number of people in the household, place of residence, income, availability of a computer, laptop and high-speed Internet access in the household on the probability of attracting credit funds was found; a negative influence of the number of people in the household and place of residence (village) on the probability of savings was confirmed; the impact of having a computer and high-speed Internet access on the probability of savings in the household was not found.

Scientific novelty: the article uses data from the Russian Monitoring of the economic situation and public health of the HSE University for the period from 2010 to 2019 to identify the current trends and factors of credit and savings behavior of the Russian households.

Practical significance: the main conclusions of the article can be used in scientific and practical activities in the development of financial literacy programs, policies and online products to motivate and encourage credit and savings behavior and attract investment.

Keywords: Economics and national economy management, Household, Savings, Credit behavior, Binary choice models

Financial Support: the research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research No. 20-010-00663 "Evolution of the model of economic behavior of an individual and a household under digital transformation".

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kadochnikova, E. I. (2021). Analysis of the trends and determinants of credit and saving behavior of households in the Russian regions. *Russian Journal of Economics and Law*, 15 (4), 661–675 (in Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.661-675>

Введение

Одним из экономических последствий пандемии является ускорение инфляции и увеличение долговой нагрузки домохозяйств. Повсеместный резкий рост цен «лишил якоря» инфляционные ожидания рядовых россиян. Население, опасаясь роста цен, делает запасы и совершает покупки в кредит, тем самым фактически поднимая цены. Председатель Центробанка отметила, что опасения населения по поводу роста цен составляют основу опасений ЦБ и предположила перспективы долгосрочной инфляции [1]. В России в июне 2021 г. годовая инфляция достигла 6,5 % – это максимальный показатель с августа 2016 г. [2]. По данным Центрального банка, наблюдается существенное увеличение задолженности по кредитам домохозяйств в 2019–2020 гг. Средний срок погашения кредитов также увеличился. Так, за период с IV квартала 2014 г. по IV квартал 2020 г. средний срок погашения ипотечных кредитов возрос на 30 % (с 14,1 до 18,4 года), автокредитов – на 33 % (с 3,3 до 4,4 года), необеспеченных потребительских кредитов – на 16 % (с 3,7 до 4,3 года) [3].

Кредитное и сберегательное поведение домашних хозяйств сфокусировано вокруг решения главной задачи семьи: выборе пропорции «сбережения (или заем, недвижимость, товары длительного пользования) – потребление» [4. С. 254]. В сложившейся в результате пандемии экономической ситуации очевидно изменение в экономическом поведении домохозяйств – от сбережений к кредитам и инвестициям. Поэтому особую актуальность получают вопросы обеспечения онлайн-сервисов и экономической безопасности домохозяйств со стороны государства. Забота о домохозяйстве – по сути забота о самом государстве, потому что экономически стабильное домохозяйство является его опорой. Увеличение долговой нагрузки домохозяйств может привести к экономическим, социальным, психологическим последствиям. Необходимость в обосновании рекомендаций для правильно организованной экономико-правовой институциональной поддержки домохозяйств со стороны государства и повышения их финансовой грамотности определяет цель статьи – выявить современные тенденции и факторы кредитного и сберегательного поведения российских домохозяйств. В качестве объекта исследования выбраны домохозяйства в регионах России, входящие в выборку Российского мониторин-

га экономического положения и здоровья населения (далее – РМЭЗ) НИУ «ВШЭ», полная выборка по домохозяйствам, волны с 19 по 28 [5].

Последующее повествование статьи включает следующие разделы: 1) Обзор литературы, 2) Методология и данные, 3) Результаты исследования, 4) Заключение. Первый раздел представляет обзор литературы в части результатов исследования тенденций кредитного и сберегательного поведения домохозяйств в России, в зарубежных странах и выявления факторов, влияющих на вероятность кредитования или сбережения. Во втором разделе сформулированы используемые логит-модель, пробит-модель, показатели их качества и представлены описательные статистики переменных. Третий раздел содержит обсуждение результатов оценивания моделей. Заключение отражает выводы и рекомендации государственным институтам в условиях дальнейшей трансформации кредитного и сберегательного поведения домохозяйств.

1. Обзор литературы

Проблема соотношения потребления и сбережений (или займа) исследуется многими отечественными и зарубежными авторами. Основы современной теории сбережений и потребления были заложены Дж. Кейнсом: «Люди склонны, как правило, увеличивать свое потребление с ростом дохода, но не в той мере, в какой растет доход» [6. С. 98]. Модель И. Фишера [7. С. 573–614] является простейшей моделью, объясняющей потребительский выбор в текущем и будущем периоде времени исходя из задачи максимизации полезности текущего и ожидаемых доходов. Формула Ф. Модильяни «молодые сберегают, старые растрачивают» [8] объясняет главный мотив сбережений – поддерживать достойный жизненный стандарт на протяжении жизни. Важную роль в теории сбережений играет предположение об ограничении ликвидности [4. С. 256]. Оно возникает в связи с допущением о том, что взятие займа под будущий доход фактически означает потребление части дохода будущего периода в текущем периоде. В монографии Я. Рощиной согласно модели И. Фишера выделено два типа потребителей – «для первых ограничение ликвидности не играет роли, и размер потребления зависит от текущей стоимости их дохода в течение жизни. Для других это ограничение явля-

ется существенным, и размер потребления зависит только от текущего дохода» [4. С. 259]. Согласно работе [9], уровень «банкизации» россиян невысок: текущие счета имеются у 55,2 % опрошенных, а срочные вклады – лишь у 9,9 %, у домохозяйств из 5-й квинтильной группы находится почти половина всех денежных средств на текущих счетах (42,2 %) и срочных вкладах (39,2 %), тогда как 1-я квинтильная группа владеет всего 4,5 % денежных средств и 3,7 % средств на срочных вкладах, с уменьшением размера населенного пункта снижается частота использования текущих счетов и срочных вкладов, срочные вклады среди домохозяйств, в которых главой является человек в возрасте 56 лет и старше, распространены в 2,66 раза чаще, наибольший охват текущими счетами и/или срочными вкладами (64,2 %) наблюдается среди многопоколенческих семей. В работе Ю. А. Варламовой, Н. И. Ларионовой [10] на примере домашних хозяйств 15 стран – членов G20 за период 2005–2010 гг. исследовано сберегательное поведение домашних хозяйств во взаимосвязи с уровнем развития социального капитала и сделан вывод об уникальности сберегательного поведения, снижении нормы сбережения в 12 странах, снижении социального капитала и формировании домохозяйства нового типа. В ряде современных исследований развита мысль об исключительной роли ожиданий, настроений, менталитета, привычек экономических агентов как ключевых факторов сберегательного поведения [11–15]. В исследовании макроэкономической роли сбережений домашних хозяйств А. В. Костомаровой подчеркнуто, что в странах с развитой рыночной экономикой процесс сбережения домохозяйствами части дохода для удовлетворения будущих потребностей постепенно замещается так называемой жизнью в долг, а сбережения трансформируются в инвестиции [16]. В результате анализа структуры сбережений автор приходит к выводу, что в сложившейся ситуации недоинвестирования экономики хранение большого объема накоплений в форме наличности ведет к формированию значительных издержек упущенных инвестиционных возможностей.

В современных зарубежных исследованиях сберегательного поведения домохозяйств обращено внимание на его неоднородность на протяжении жизненного цикла под влиянием психологических факторов (управляемые генетикой и образованием

убеждения, социальная и культурная среда) [17–19]. Сбережения на покупку дома и на непредвиденные цели с возрастом монотонно убывают, за ними следуют сбережения для обеспечения пожилых людей [20]. В работе S. J. Heckman, S. D. Hanna показано, что институциональная среда (социальные сети, финансовая грамотность, доступ к кредитам, пенсионное обеспечение) домохозяйства оказывает существенное влияние на финансовые решения [21]. В исследовании сберегательного поведения домашних хозяйств Нидерландов на данных панельного обследования с 2007 по 2009 г. T. F. Crossley, J. de Bresser, L. Delaney, J. Winter нетривиально заключают, что детерминантой сбережений является вовлечение населения в экономические опросы, которые акцентируют ограниченное внимание к принятию финансовых решений в семье [22]. В статье К. Т. Kim, Y. Yuh на основе данных Обзора потребительских финансов за 2016 г. показана положительная взаимосвязь между финансовыми знаниями и вероятностью сбережений [23].

Обратной стороной сбережений являются кредиты. В работе Д. Х. Ибрагимовой по данным Росстата и обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе, 2007 год» показано, что большинство семей, попробовавших «на вкус» кредитные механизмы, обращаются к ним снова [24]. Причем потребительские и сберегательные действия потеряли былую альтернативность, домохозяйства, имеющие сбережения, одновременно могут являться и заемщиками, и наоборот. Кредитное поведение в последние годы расширяется в финансовых практиках домохозяйств. В работе О. Е. Кузиной подчеркнуто, что «по уровню охвата населения кредитами и размерам кредитов россияне имеют низкие показатели относительно других стран, однако доля заемщиков с высокой нагрузкой обслуживания данных кредитов (50 % и выше от текущих денежных доходов) в сравнении с другими странами значительно выше, причем перекредитованность особенно высока в малых населенных пунктах» [25]. В исследовании финансово-кредитного поведения населения по данным Росстата с 2013 по 2017 г. А. А. Гуковская и В. А. Шумский отметили, что две трети экономически активных россиян имеют разрыв ликвидности в семейном или личном бюджете, т. е. фактически обязаны обратиться за потребительскими кредитами или займами [26]. Согласно выводам О. Е. Кузиной и Н. А. Крупенского, в России

в структуре розничных кредитов преобладают кредиты на потребительские товары, которые берутся на короткий срок и под высокую ставку, увеличение объема банковского розничного кредитования не будет устойчивым без изменения банками своей бизнес-модели и без перехода от системы краткосрочных потребительских кредитов к долгосрочным займам, обеспеченным залогами в виде недвижимости или других активов [27]. В исследовании микроэкономических, макроэкономических и институциональных факторов кредитного поведения Е. А. Федоровым отмечено, что россияне опережают восточноевропейцев и граждан стран ЕС по процентным платежам к ВВП и соотношению выплат по кредитам и доходов населения [28].

Е. А. Федоровым также выделены микроэкономические (максимальная полезность, цена товаров, бюджет покупателя и процентные ставки), макроэкономические, институциональные (поведение и воздействие властей и домохозяйств на рынке), социальные и психологические факторы (общественная среда, семья, роли и статусы, традиции и обычаи) [28]. В социологическом исследовании Д. О. Стребкова на основе выборочных опросов населения 2002–2004 гг. выявлены такие значимые факторы кредитного поведения, как возраст, уровень образования, доход домохозяйства, сфера и род занятий, социальное окружение [29]. На основе специального выборочного обследования в работе Г. В. Белехова показано, что особенности кредитного поведения зависят от наличия/отсутствия детей и возраста супругов [30]. В статье Л. А. Родионовой, Т. М. Трач, С. М. Юсуповой использованы эконометрические методы для анализа кредитного поведения [31]. На основе выборочного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» за 2011 г. авторами выявлены возраст, пол, уровень образования, дохода, наличие опыта получения кредита в качестве ключевых детерминант кредитного поведения.

Современные зарубежные исследования кредитного поведения домохозяйств фокусируют внимание на его трансформации в условиях цифровизации. Авторы исследования заключают, что дальнейшая трансформация кредитного поведения домохозяйств формирует новую модель кредитования. Ее особенности: наличие большого количества заемщиков и различных кредитных продуктов, высокий уровень конкуренции на кредитном рынке и быстрое предо-

ставление кредитов, наличие системы управления личными данными клиентов, консультирования и доступа домохозяйств к кредитным услугам [32]. В работе Q. Zhao, Y. Shen, C. Li на данных 262 округов из 29 провинций Китая показано, что социальные сети могут эффективно продвигать кредитное поведение сельских домохозяйств [33]. Авторы исследования интереса пожилых потребителей к конверсионным продуктам семейного капитала S. Cosma, S. Cosma, A. M. Peluso на данных 2 000 домохозяйств Италии делают вывод о необходимости реализовать соответствующие проекты финансового образования для развития более совершенной «кредитной» культуры с должной оценкой полезности кредита как средства поддержки бюджетов домашних хозяйств [34].

2. Тенденции к кредитованию и сбережению в опросах домохозяйств

Обратим внимание на тенденции в кредитном и сберегательном поведении домохозяйств, опираясь на данные обследования РМЭЗ НИУ «ВШЭ» с 2010 по 2019 г. На рис. 1 показано снижение доли семей, которые давали деньги в долг и откладывали сбережения, при росте доли семей, члены которых брали кредит в течение последних 12 месяцев. Это может указывать на снижение свободных денежных средств у домохозяйств, увеличение кредитной нагрузки.

Рисунок 2 также подтверждает рост кредитной нагрузки в домохозяйствах. Средняя величина свободных денежных средств, которые остаются в домохозяйстве для погашения кредита или для сбережения, примерно одинакова. В условиях инфляционного роста цен можно предположить наиболее целесообразное экономическое поведение, когда домохозяйство имеет кредиторскую задолженность и свободные денежные средства использует для погашения кредита, а не для сбережения.

Рисунок 3 демонстрирует резкий рост вариации величины кредита и сбережений в 2019 г. Это может указывать на изменение в экономическом поведении домохозяйств в пользу инвестиций в недвижимость, вызванном решениями федеральных властей для регулирования рынка недвижимости.

Рисунок 4 отражает динамику целей использования кредитных средств домохозяйствами. Очевидно снижение количества кредитов (что не означает уменьшение их средней величины), уменьшение

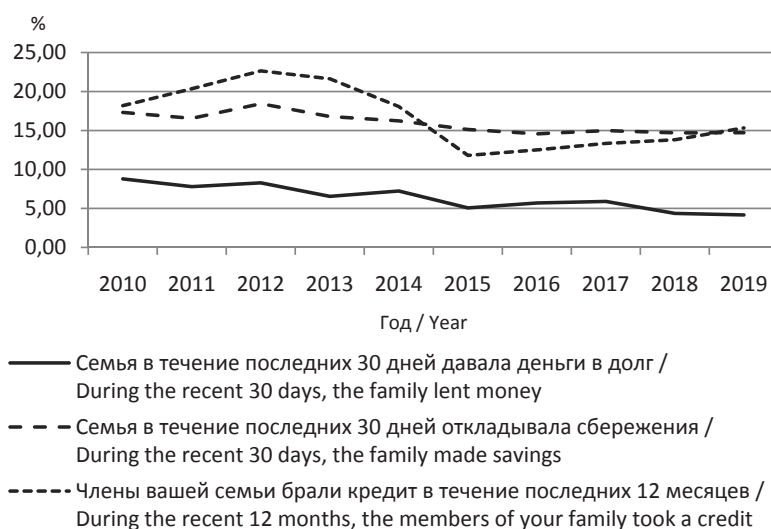

Рис. 1. Динамика доли семей, которые давали деньги в долг, откладывали сбережения и брали кредит

Источник: получено авторами по данным обследования РМЭЗ НИУ «ВШЭ» (полная выборка по домохозяйствам, волны 19–28).

Fig. 1. Dynamics of the share of families which lent money, saved, or took a credit

Source: obtained by the authors by the data of polling by Higher School of Economics (RLMS-HSE) (full sample of households, waves 19–28).

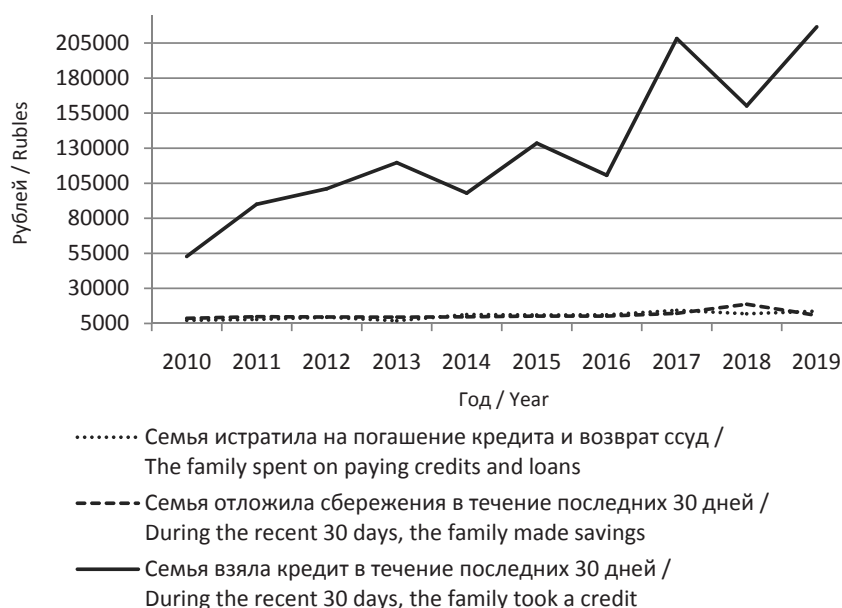

Рис. 2. Динамика средней величины денежных средств, которые семья взяла в кредит, истратила на погашение кредита и отложила в сбережения

Источник: получено авторами по данным обследования РМЭЗ НИУ «ВШЭ» (полная выборка по домохозяйствам, волны 19–28).

Fig. 2. Dynamics of the average amount of money which the family took as a credit, spent for paying credit, or saved

Source: obtained by the authors by the data of polling by Higher School of Economics (RLMS-HSE) (full sample of households, waves 19–28).

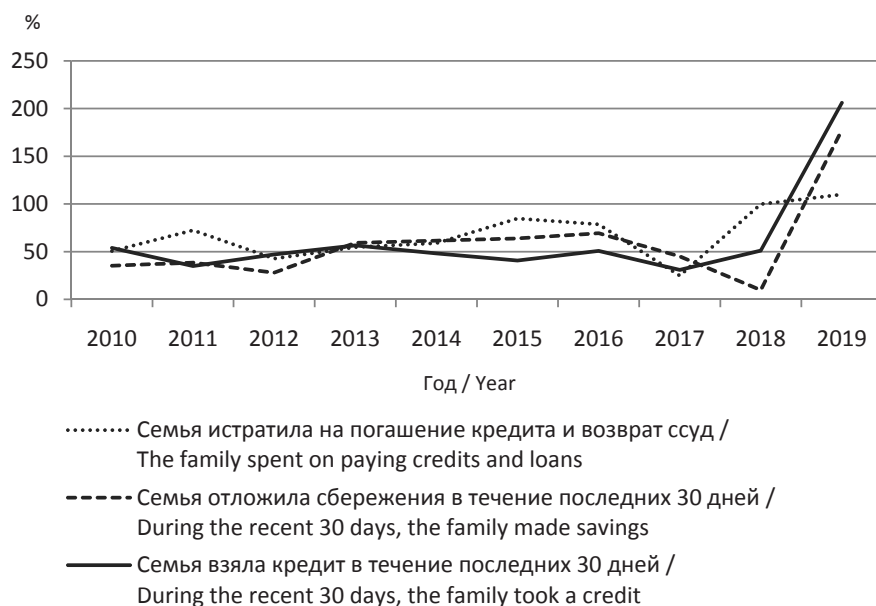

Рис. 3. Динамика коэффициента вариации сбережений, кредитных и денежных средств, потраченных на погашение кредита и возврат ссуд

Источник: получено авторами по данным обследования РМЭЗ НИУ «ВШЭ» (полная выборка по домохозяйствам, волны 19–28).

Fig. 3. Dynamics of the coefficient of variation of savings, credits, and the money spent on paying credits and loans

Source: obtained by the authors by the data of polling by Higher School of Economics (RLMS-HSE) (full sample of households, waves 19–28).

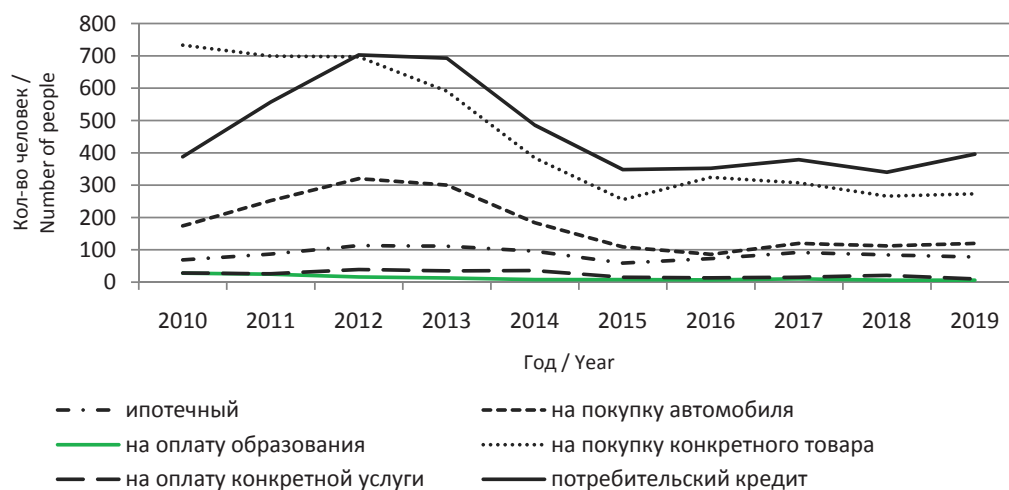

Рис. 4. Динамика целей использования кредитных средств домохозяйствами

Источник: получено авторами по данным обследования РМЭЗ НИУ «ВШЭ» (полная выборка по домохозяйствам, волны 19–28).

Fig. 4. Dynamics of the goals of using credits by households

Source: obtained by the authors by the data of polling by Higher School of Economics (RLMS-HSE) (full sample of households, waves 19–28).

количества товарных кредитов, преобладание потребительского кредита. Минимальное количество принадлежит кредитам на оплату услуг образования.

Рисунок 5 также демонстрирует уменьшение количества товарных кредитов и увеличение доли ипотечных и потребительских кредитов в экономическом поведении домохозяйств.

Как показывает сравнение расчетов на основе данных обследования РМЭЗ НИУ «ВШЭ» с ранее выполненными в работе [35. С. 165–187], доля домохозяйств, бравших в долг у частных лиц, остается значительно ниже, чем доля домохозяйств, пользовавшихся кредитами (в 2010 г. – 7 и 18 %, в 2019 г. – 4 и 15% соответственно). Средний размер долга домохозяйства по

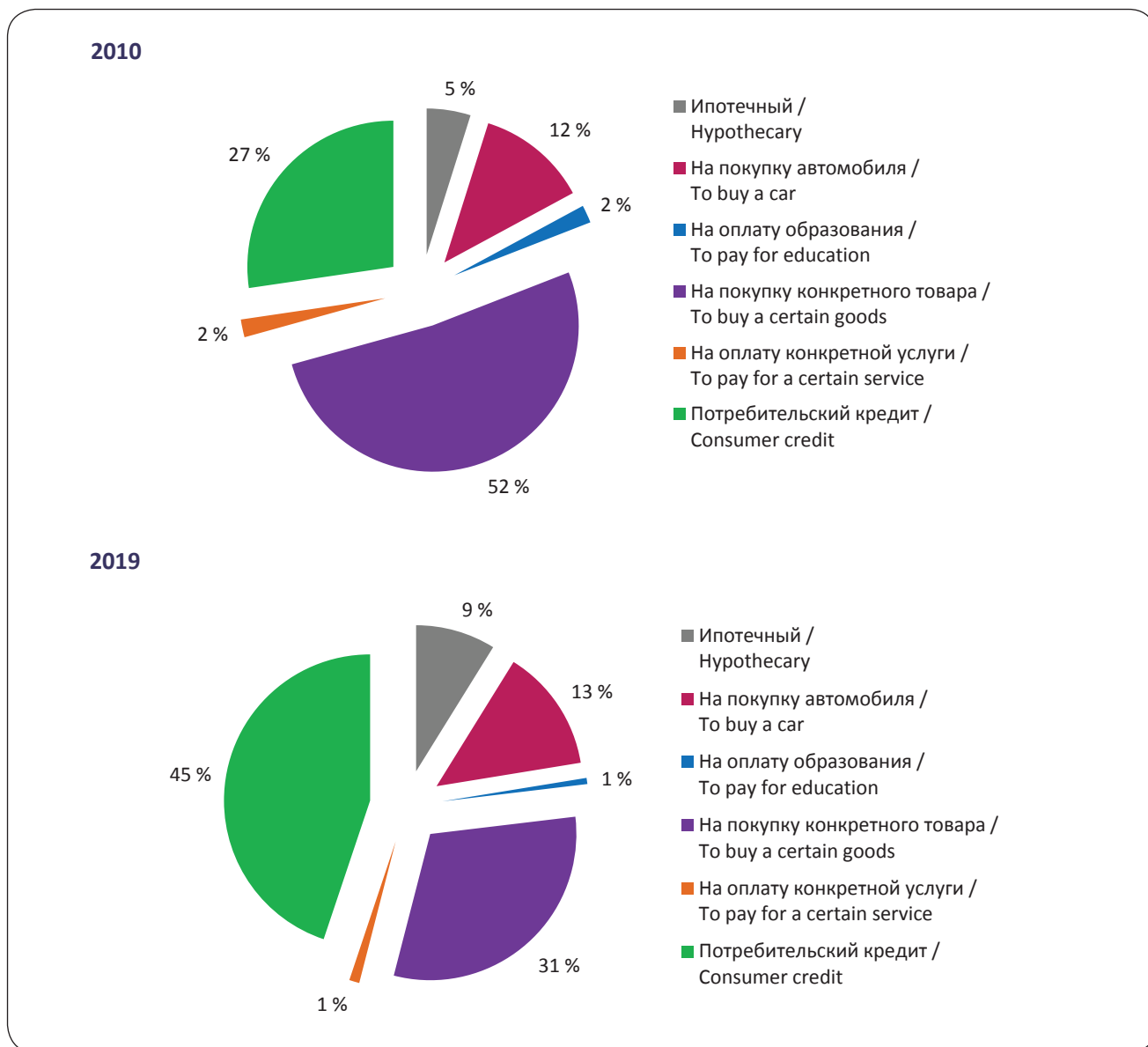

Рис. 5. Структура целей использования кредитных средств домохозяйствами

Источник: получено авторами по данным обследования РМЭЗ НИУ «ВШЭ» (полная выборка по домохозяйствам, волны 19–28).

Fig. 5. Structure of the goals of using credits by households in 2010 (above) and in 2019 (below)

Source: obtained by the authors by the data of polling by Higher School of Economics (RLMS-HSE) (full sample of households, waves 19–28).

кредиту вырос за 2010–2019 гг. и составил на одну семью 216 470 рублей. Доля домохозяйств, бравших потребительский кредит, продолжает расти и составила 45 % в 2019 г. Доля домохозяйств, бравших кредит на покупку конкретного товара в магазине, продолжает уменьшаться и составила 31 % в 2019 г. Как показано в работе [35. С. 165–187], размер долга растет вместе с уровнем среднедушевого дохода домохозяйства и он выше в городе по сравнению с сельской местностью.

С учетом обзора литературы и изложенных тенденций представляет интерес оценка влияния отдельных факторов на вероятность сбережения и кредитования в домохозяйстве. Воспользуемся для этого эконометрическими методами.

3. Методология и данные

Распространенными в отечественных и зарубежных эмпирических исследованиях кредитного и сберегательного поведения домохозяйств являются регрессионные модели бинарного выбора [19, 31, 33]. Такие модели позволяют предсказать вероятность финансового решения домохозяйства по кредиту или сбережению на основе логистического распределения (логит-модель) или стандартного нормального распределения (пробит-модель) [36. С. 230–231].

Логит- и пробит-модели исправляют недостаток линейной вероятностной модели, в которой вероятность может получаться больше 1 (что логически неверно). Функции плотности вероятности как логистического, так и стандартного нормального распределения симметричны относительно оси ординат, хотя кривая пробита приближается к осям быстрее. Результаты логит- и пробит-моделей примерно одинаковы. В целом Е. D. Hahn, R. Soyer [37] рекомендуют использовать пробит; исключением, когда модели логита лучше подходят, является случай выбросов в независимых переменных.

В практике моделирования бинарных зависимых переменных обычно оценивают оба типа моделей, а затем альтернативные модели сравнивают между собой по показателям качества. Наиболее распространенным показателем качества является R^2 МакФаддена [36. С. 233], редко превышающий 0,5 и основанный на сравнении значения логарифмической функции правдоподобия для модели с полным набором регрессоров в точке максимума с максимумом логарифмической функции правдоподобия для модели, в которую включена только константа. Для

сравнения нескольких альтернативных моделей бинарного выбора с разным количеством объясняющих переменных используются критерии Акаике и Шварца [38. С. 31–32]. Среди нескольких альтернативных моделей выбирается та, которая минимизирует значение статистики критерия.

В данной статье логит-модели имеют следующий вид:

$$P(Y_c = 1) = \frac{1}{1 + e^{-z_i}}, P(Y_s = 1) = \frac{1}{1 + e^{-z_i}}.$$

Пробит-модели имеют следующий вид:

$$P(Y_c = 1) = F(z_i), P(Y_s = 1) = F(z_i),$$

где Y_c – вероятность взять кредит, равная 1 при положительном решении домохозяйства и 0 – при отказе от кредита; Y_s – вероятность сбережения, равная 1 при сбережении средств домохозяйством и 0 – при отсутствии возможности;

$$F(z) = \frac{1}{\sqrt{2\pi}} \int_{-\infty}^z e^{-t^2/2} dt,$$

$$z_i = \beta_0 + \beta_1 X_{1i} + \beta_2 X_{2i} + \dots + \beta_8 X_{8i}, i = 1, \dots, n$$

(для предсказания Y_c);

$$z_i = \beta_0 + \beta_1 X_{1i} + \beta_2 X_{2i} + \dots + \beta_7 X_{7i}, i = 1, \dots, n$$

(для предсказания Y_s);

$\beta_0, \beta_1, \beta_2, \dots, \beta_8$ – параметры модели;

$X_{1i}, X_{2i}, \dots, X_{8i}$ – регрессоры.

В данном исследовании построены логит- и пробит-модели по данным полной выборки домохозяйств волны 28 (2019) обследования РМЭЗ НИУ «ВШЭ» для выявления факторов, влияющих на вероятность привлечения кредитных средств домохозяйством либо вероятность сбережения (табл. 1).

4. Результаты исследования

Выполним интерпретацию моделей, полученных на описанных выше данных. Выявление статистически значимых факторов, влияющих на кредитную нагрузку домохозяйства или, наоборот, возможность сбережений, позволит государственным институтам правильно ориентировать меры адресной поддержки, кредитных ограничений или послаблений, развивать финансовые онлайн-сервисы и повышать финансовую грамотность домохозяйств (табл. 2).

Таблица 1

Описательные статистики переменных
Table 1. Description statistics of the variables

Переменные и обозначение / Variables and notation	Среднее значение / Mean value	Медиана / Median	Стандартное отклонение / Standard deviation	Минимум / Minimum	Максимум / Maximum
Кто-то из членов вашей семьи брал кредит в течение последних 12 месяцев? (Y_1) / Has any member of your family taken a credit during the recent 12 months? (Y_1)	0,133	0,000	0,340	0,000	1,000
Ваша семья в течение последних 30 дней откладывала сбережения? (Y_2) / Has your family made savings during the recent 30 days? (Y_2)	0,146	0,000	0,353	0,000	1,000
Тип населенного пункта (X_1) / Type of settlement (X_1)	0,769	1,000	0,422	0,000	1,000
Количество человек в домохозяйстве (X_2) / Number of people in the household (X_2)	2,723	2,000	1,533	1,000	14,000
Наличие в домохозяйстве компьютера, ноутбука, ноутбука (X_3) / Presence of a computer, notebook, laptop in the household (X_3)	0,510	1,000	0,500	0,000	1,000
Наличие в домохозяйстве высокоскоростного выхода в Интернет (X_4) / Presence of a high-speed Internet access in the household (X_4)	0,595	1,000	0,491	0,000	1,000
Наличие в домохозяйстве неоплаченных счетов за коммунальные услуги (X_5) / Presence of unpaid bills for communal services in the household (X_5)	0,066	0,000	0,248	0,000	1,000
Наличие в домохозяйстве дохода от сдачи в аренду имущества (X_6) / Presence of the income from lending property in the household (X_6)	0,021	0,000	0,145	0,000	1,000
Денежный доход семьи за последний месяц, руб. (X_7) / Monetary income of the family in the recent month, rubles (X_7)	54 667,984	43 000,000	64 105,849	0,000	260 000,000
Использование сбережений домохозяйством, продажа драгоценностей, накопленной валюты за последний месяц (X_8) / The household spent savings, sold valuables or the saved currency in the recent month (X_8)	0,058	0,000	0,233	0,000	1,000

Источник: получено авторами по данным обследования РМЭЗ НИУ «ВШЭ» (полная выборка по домохозяйствам, волна 28, 2019 г.).

Source: obtained by the authors by the data of polling by Higher School of Economics (RLMS-HSE) (full sample of households, wave 28, 2019).

Таблица 2

Результаты оценивания логит- и пробит-моделей вероятности привлечения кредитных средств домохозяйством
Table 2. Results of assessing logit-models and probit-models of the probability of attracting credits by a household

Регрессоры / Regressors	Зависимая переменная – использование кредита в течение последних 12 месяцев (1 – есть, 0 – нет) / Dependent variable – using credit during the recent 12 months (1 – yes, 0 – no)	
	Логит-модель / Logit-model	Пробит-модель / Probit-model
Константа / Constant	-2,956*** (0,108)	-1,703*** (0,057)
Тип населенного пункта (1 – город, 0 – село) / Type of settlement (1 – city, 0 – village)	-0,174* (0,098)	-0,089* (0,051)
Количество человек в домохозяйстве / Number of people in a household	0,142*** (0,028)	0,086*** (0,013)
Наличие в домохозяйстве компьютера ноутбука, ноутбука (1 – есть, 0 – нет) / Presence of a computer, notebook, laptop in the household (1 – present, 0 – absent)	0,310*** (0,092)	0,169*** (0,047)
Наличие в домохозяйстве высокоскоростного выхода в Интернет (1 – есть, 0 – нет) / Presence of a high-speed Internet access in the household (1 – yes, 0 – no)	0,555*** (0,104)	0,293*** (0,052)
Наличие в домохозяйстве неоплаченных счетов за коммунальные услуги (1 – есть, 0 – нет) / Presence of unpaid bills for communal services in the household (1 – yes, 0 – no)	0,908*** (0,121)	0,503*** (0,069)

Окончание табл. 2

Регрессоры / Regressors	Зависимая переменная – использование кредита в течение последних 12 месяцев (1 – есть, 0 – нет) / Dependent variable – using credit during the recent 12 months (1 – yes, 0 – no)	
	Логит-модель / Logit-model	Пробит-модель / Probit-model
Наличие в домохозяйстве дохода от сдачи в аренду имущества (1 – есть, 0 – нет) / Presence of the income from lending property in the household (1 – yes, 0 – no)	0,433* (0,433)	0,272** (0,122)
Денежный доход семьи за последний месяц, руб. / Monetary income of the family in the recent month, rubles	2,422e-06 (1,693e-06)	1,067e-06** (4,889e-07)
Использование сбережений домохозяйством, продажа драгоценностей, накопленной валюты за последний месяц (1 – есть, 0 – нет) / The household spent savings, sold valuables or the saved currency in the recent month (1 – yes, 0 – no)	0,231 (0,144)	0,122 (0,080)
R-квадрат МакФаддена / R-square McFadden	0,055	0,057
Крит. Акаике / Akaike information criterion	4949,127	4943,356
Количество наблюдений / Number of observations	6642	6642

Примечание: ***, **, * – значимость на уровне 1, 5 и 10 % соответственно. В скобках указаны стандартные ошибки параметров.

Note: ***, **, * – significance at 1, 5 and 10%, respectively. Standard errors of the parameters are given in brackets.

Источник: получено авторами по данным обследования РМЭЗ НИУ «ВШЭ» (полная выборка по домохозяйствам, волна 28, 2019 г.).

Source: obtained by the authors by the data of polling by Higher School of Economics (RLMS-HSE) (full sample of households, wave 28, 2019).

Как видно из табл. 2, статистически значимое положительное влияние на вероятность привлечения кредитных средств домохозяйством оказывают количество человек в домохозяйстве, наличие неоплаченных счетов за коммунальные услуги. Цифровизация увеличивает потребительские запросы и предпочтения домохозяйств и, как следствие, использование кредитных средств. Наличие дохода от сдачи в аренду имущества увеличивает вероятность кредита, так же как и увеличение денежного дохода семьи в целом положительно влияет на вероятность кредита. Такие результаты говорят о том, что доходы семьи не являются достаточными для того, чтобы отказаться от использования кредитов. Жители села используют кредитные средства чаще, чем жители города.

Для предсказания вероятности привлечения кредитных средств домохозяйством в логит- и пробит-моделях использовались одни и те же объясняющие переменные (табл. 3). Наибольший R^2 МакФаддена имеет пробит-модель, она же признается лучшей по информационному критерию Акаике, что согласуется с выводом в работе [37]. Вместе с тем отметим, что преимущество пробит-модели над логит-моделью весьма мало.

Как видно из табл. 3, вероятность сбережений у жителей города больше, чем у жителей села. Увеличение количества человек в домохозяйстве и наличие неоплаченных счетов за коммунальные услуги уменьшает вероятность сбережений. Рост денежного дохода семьи увеличивает вероятность сбережений. Наличие в домохозяйстве компьютера и высокоскоростного выхода в Интернет не оказывает влияния на вероятность сбережений в силу недостаточной финансовой грамотности домохозяйств, малых или отсутствующих доходов через онлайн-сервисы.

Так же, как и в случае с предсказанием вероятности привлечения кредитных средств, в логит- и пробит-моделях вероятности сбережения денежных средств использовались одни и те же объясняющие переменные. Наибольший R^2 МакФаддена имеет логит-модель, она же признается лучшей по информационному критерию Акаике, хотя ее преимущество над пробит-моделью также очень мало.

Выводы

Анализ доступных статистических данных допандемийного периода показал рост средней величины и количества потребительских и ипотечных кредитов,

Таблица 3

Результаты оценивания логит- и пробит-моделей вероятности сбережения средств домохозяйством
Table 3. Results of assessing logit-models and probit-models of the probability of saving means by a household

Регрессоры / Regressors	Зависимая переменная – ваша семья в течение последних 30 дней откладывала сбережения? (1 – да, 0 – нет) / Dependent variable – saving of means during the recent 30 days (1 – yes, 0 – no)	
	Логит-модель / Logit-model	Пробит-модель / Probit-model
Константа / Constant	–1,720*** (0,104)	–1,028*** (0,055)
Тип населенного пункта (1 – город, 0 – село) / Type of settlement (1 – city, 0 – village)	0,345*** (0,097)	0,189*** (0,050)
Количество человек в домохозяйстве / Number of people in a household	–0,238*** (0,041)	–0,117*** (0,017)
Наличие в домохозяйстве компьютера ноутбука, лэптопа (1 – есть, 0 – нет) / Presence of a computer, notebook, laptop in the household (1 – present, 0 – absent)	0,123 (0,088)	0,081 (0,045)
Наличие в домохозяйстве высокоскоростного выхода в Интернет (1 – есть, 0 – нет) / Presence of a high-speed Internet access in the household (1 – yes, 0 – no)	–0,021 (0,094)	–0,003 (0,049)
Наличие в домохозяйстве неоплаченных счетов за коммунальные услуги (1 – есть, 0 – нет) / Presence of unpaid bills for communal services in the household (1 – yes, 0 – no)	–0,374** (0,168)	–0,213** (0,085)
Наличие в домохозяйстве дохода от сдачи в аренду имущества (1 – есть, 0 – нет) / Presence of the income from lending property in the household (1 – yes, 0 – no)	0,227 (0,227)	0,172 (0,126)
Денежный доход семьи за последний месяц, руб. / Monetary income of the family in the recent month, rubles	4,429e-06** (2,216e-06)	1,613e-06** (6,318e-07)
R-квадрат МакФаддена / R-square McFadden	0,023	0,022
Критерий Акаике / Akaike information criterion	5 366,897	5 371,714
Количество наблюдений / Number of observations	6 642	6 642

Примечание: ***, **, * – значимость на уровне 1, 5 и 10 % соответственно. В скобках указаны стандартные ошибки параметров.

Note: ***, **, * – significance at 1, 5 and 10%, respectively. Standard errors of the parameters are given in brackets.

Источник: получено авторами по данным обследования РМЭЗ НИУ «ВШЭ» (полная выборка по домохозяйствам, волна 28, 2019 г.).

Source: obtained by the authors by the data of polling by Higher School of Economics (RLMS-HSE) (full sample of households, wave 28, 2019).

что говорит о недостаточных доходах и сбережениях и еще раз подтверждает перманентную готовность домохозяйств обращаться к кредитным ресурсам. Резкий рост вариации величины кредита и сбережений в 2019 г. свидетельствует об усилении расслоения домохозяйств по уровню богатства и трансформации сбережений в инвестиции в недвижимость. Эти тенденции подтверждают изменение модели финансового поведения домохозяйств в российских регионах: от сбережений к привлечению кредитов и инвестициям. В исследовании обнаружено положительное влияние на вероятность привлечения кредитных средств количества человек в домохозяйстве, места проживания, дохода, наличия в домохозяйстве компьютера, ноутбука и высокоскоростного выхода в Интернет;

отрицательное влияние количества человек в домохозяйстве и места проживания (село) на вероятность сбережений; не обнаружено влияние наличия компьютера и высокоскоростного выхода в Интернет на вероятность сбережений в домохозяйстве. Быстрые темпы внедрения цифровых технологий при предоставлении кредитных, депозитных, инвестиционных услуг ускоряют изменение концепции кредитного и сберегательного поведения домохозяйств. В связи с этим полученные результаты подчеркивают необходимость повышения финансовой грамотности населения, предложения онлайн-продуктов на рынке финансовых услуг с целью увеличения доходов домохозяйств через инвестиции и диверсификацию финансовых потоков.

Список литературы

1. Набиуллина: инфляция в России будет долгосрочным явлением // Коммерсант. 31.07.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4926810> (дата обращения: 06.08.2021).
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Об индексе потребительских цен. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/123.htm (дата обращения: 06.08.2021).
3. Изменение методики расчета долговой нагрузки населения на макроуровне. Банк России. 2021. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/124655/method_dn_27072021.pdf (дата обращения: 21.08.2021).
4. Рощина Я. М. Основы моделирования экономического поведения домохозяйств на базе данных RLMS-HSE. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
5. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения, НИУ «ВШЭ». URL: <https://www.hse.ru/rhms/spss> (дата обращения: 06.08.2021).
6. Кейнс Дж. М. Общая теория денег и занятости. М.: Гелиос АРВ, 2011.
7. Мэнкью Н. Г. Макроэкономика. М.: Изд-во МГУ, 1994. 736 с.
8. Modigliani F. The Role of Intergenerational Transfers and Life Cycle Saving in the Accumulation of Wealth // *The Journal of Economic Perspectives*. 1988. Vol. 2 (2). Pp. 15–40.
9. Ибрагимова Д. Х., Кузина О. Е. Текущие счета и вклады российских домохозяйств: объемы, структура и распределение // *Банковское дело*. 2014. № 12. С. 28–35.
10. Варламова Ю. А., Ларионова Н. И. Сбережения и социальный капитал домашних хозяйств: кластерный подход // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. 2013. № 5. С. 64–73.
11. Радаев В. О сбережениях и сберегательных мотивах российского населения // *Вопросы социологии*. 1998. № 8. С. 39–54.
12. Кузина О. Е. Парадоксы сберегательного поведения российских домохозяйств // *NRU Higher School of Economics. Series WP9 «Исследования по экономике и финансам»*. 2005. № 05. URL: <https://publications.hse.ru/preprints/77208684> (дата обращения: 06.08.2021).
13. Ибрагимова Д. Х., Кузина О. Е. Сберегательные установки населения России // *Банковское дело*. 2009. № 1. С. 59–61.
14. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: an Analysis of Decision under Risk // *Econometrica*. 1979. Vol. 47 (2). Pp. 263–292.
15. Tversky A., Kahneman D. Advances Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty // *Journal of Risk and Uncertainty*. 1992. Vol. 5 (4). Pp. 297–323.
16. Костомарова А. В. Макроэкономическая роль сбережений домашних хозяйств: автореферат дис. ... канд. экон. наук. М.: Московский государственный институт международных отношений, 2013. URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01005052330> (дата обращения: 06.08.2021).
17. Gomes O. Behavioral Savings: Heterogeneous Household Beliefs and Aggregate Nonlinearities // *Nonlinear dynamics, psychology, and life sciences*. 2021. Vol. 25 (2). Pp. 179–205.
18. Cultural Determinants of Household Saving Behavior / N. Fuchs-Schündeln, P. Masella, H. Paule-Paludkiewicz // *Journal of Money, Credit and Banking*. 2020. Vol. 52 (5). Pp. 1035–1070.
19. Psychological characteristics and household savings behavior: The importance of accounting for latent heterogeneity / P. Gerhard, J. J. Gladstone, A. O. I. Hoffmann // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2018. Vol. 148. Pp. 66–82.
20. Household saving behavior in the Euro area / J. Le Blanc, A. Porpiglia, F. Teppa et al. // *International Journal of Central Banking*. 2016. Vol. 127, No. 12 (2). Pp. 15–69.
21. Heckman S. J., Hanna S. D. Individual and Institutional Factors Related to Low-Income Household Saving Behavior // *Journal of Financial Counseling and Planning*. 2015. Vol. 26 (2). Pp. 187–199.
22. Can Survey Participation Alter Household Saving Behaviour? / T. F. Crossley, J. de Bresser, L. Delaney, J. Winter // *Economic Journal*. 2017. Vol. 127 (606). Pp. 2332–2357.
23. Kim K. T., Yuh Y. Financial Knowledge and Household Saving: Evidence from the Survey of Consumer Finances // *Family and Consumer Sciences Research Journal*. 2018. Vol. 47 (1). Pp. 5–24.
24. Ибрагимова Д. Х. Типы сберегательного и кредитного поведения населения // *Мониторинг общественного мнения*. № 2 (90). 2009. С. 156–171.
25. Кузина О. Е. Анализ динамики пользования банковскими кредитами и долговой нагрузки россиян // *Деньги и кредит*. 2013. № 11. С. 30–36.
26. Гуковская А. А., Шумский В. А. Моделирование финансово-кредитного поведения населения // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2020. № 1. С. 82–96. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2020-1-82-96>
27. Кузина О. Е., Крупенский Н. А. Перекредитованность россиян: миф или реальность? // *Вопросы экономики*. 2018. № 11. С. 85–104. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-11-85-104>

28. Федоров Е. А. Микроэкономические, макроэкономические и институциональные факторы кредитного поведения // Вопросы экономики. 2013. № 32 (170). С. 37–44.
29. Стребков Д. О. Основные типы и факторы кредитного поведения населения в современной России // Вопросы экономики. 2004. № 22. С. 109–128.
30. Белехова Г. В. Кредитное поведение домохозяйств с разными социально-демографическими характеристиками // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2016. № 2. С. 132–140.
31. Эконометрические подходы к оцениванию кредитного поведения населения в России / Л. А. Родионова, Т. М. Трач, С. М. Юсупова // Известия Саратов. ун-та. Серия: Экономика. Управление. Право. 2016. Т. 16 (1). С. 39–48.
32. Transformation of household credit behavior in the conditions of digitalization of the financial services market / M. Dubyna, A. Zhavoronok, N. Kudlaieva, I. Lopashchuk // Journal of Optimization in Industrial Engineering. 2021. Vol. 14 (1). Pp. 97–102.
33. Credit Behaviors of Rural Households in the Perspective of Complex Social Networks / Q. Zhao, Y. Shen, C. Li // Complexity. Vol. 2021. Article ID 9975856. 13 pp. URL: <https://doi.org/10.1155/2021/9975856> (дата обращения: 06.08.2021).
34. Determinants of older consumers' interest in home equity conversion products / S. Cosma, S. Cosma, A. M. Peluso // International Journal of Bank Marketing. 2019. № 37 (5). Pp. 1275–1295.
35. Димова Н. А., Ефимова И. А. Кредитное поведение населения // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS – HSE). Вып. 3: сб. науч. ст. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013. С. 165–187.
36. Демидова О. А., Малахов Д. И. Эконометрика: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 334 с.
37. Hahn E. D., Soyer R. Probit and Logit Models: Differences in the Multivariate Realm // The Journal of the Royal Statistical Society, Series B. 2005. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.329.4866&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 03.09.2021).
38. Носко В. П. Эконометрика для начинающих (Дополнительные главы). М.: ИЭПП, 2005. С. 379.

References

1. Nabiullina: Inflation will be a long-term phenomenon in Russia. (31.07.2021). *Kommersant*. <https://www.kommersant.ru/doc/4926810> (access date: 06.08.2021) (in Russ.).
2. On the consumer price index, *Official website of the Federal Agency for State Statistics*. https://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/123.htm (access date: 06.08.2021) (in Russ.).
3. Changing the method of calculation of debt load of the population at macrolevel. (2021). *Bank of Russia*. https://cbr.ru/Content/Document/File/124655/method_dn_27072021.pdf (access date: 21.08.2021) (in Russ.).
4. Roshchina, Ya. M. (2015). *Bases of modeling economic behavior of households by RLMS-HSE data*, Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki (in Russ.).
5. Russian longitudinal monitoring survey on the health and economic welfare of households and individuals, HSE. <https://www.hse.ru/rlms/spss> (access date: 06.08.2021) (in Russ.).
6. Keynes, J. M. (2011). *The General Theory of Employment, Interest and Money*, Moscow, Gelios ARV (in Russ.).
7. Menk'yu, N. G. (1994). *Macroeconomics. Ch. 15. Consumption*, Moscow, Izd-vo MGU (in Russ.).
8. Modigliani, F. (1988). The Role of Intergenerational Transfers and Life Cycle Saving in the Accumulation of Wealth. *The Journal of Economic Perspectives*, 2 (2), 15–40.
9. Ibragimova, D. Kh., Kuzina, O. E. (2014). Operating accounts and deposits of the Russian households: volumes, structure and distribution. *Bankovskoe delo*, 12, 28–35 (in Russ.).
10. Varlamova, Yu. A., Larionova, N. I. (2013). Savings and social capital of households: cluster approach, *Moscow University Economic Bulletin*, 5, 64–73 (in Russ.).
11. Radaev, V. (1998). On savings and saving motives of the Russian population. *Voprosy sotsiologii*, 8, 39–54 (in Russ.).
12. Kuzina, O. E. (2005). Paradoxes of the saving behavior of the Russian households. *NRU Higher School of Economics. Series WP9 "Issledovaniya po ekonomike i finansam"*, 05, <https://publications.hse.ru/preprints/77208684> (access date: 06.08.2021) (in Russ.).
13. Ibragimova, D. Kh., Kuzina, O. E. (2009). Saving attitudes of the Russian population. *Bankovskoe delo*, 1, 59–61 (in Russ.).
14. Kahneman, D., Tversky, A. (1979). Prospect Theory: an Analysis of Decision under Risk, *Econometrica*, 47 (2), 263–292.
15. Tversky, A., Kahneman, D. (1992). Advances Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty, *Journal of Risk and Uncertainty*, 5 (4), 297–323.
16. Kostomarova, A. V. (2013). *Macroeconomic role of the savings of households*, abstract of a PhD (Economics) thesis, Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii, <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01005052330> (access date: 06.08.2021) (in Russ.).

17. Gomes, O. (2021). Behavioral Savings: Heterogeneous Household Beliefs and Aggregate Nonlinearities, *Nonlinear dynamics, psychology, and life sciences*, 25 (2), 179–205.
18. Fuchs-Schündeln, N., Masella, P., Paule-Paludkiewicz, H. (2020). Cultural Determinants of Household Saving Behavior, *Journal of Money, Credit and Banking*, 52 (5), 1035–1070.
19. Gerhard, P., Gladstone, J. J., Hoffmann, A. O. I. (2018). Psychological characteristics and household savings behavior: The importance of accounting for latent heterogeneity, *Journal of Economic Behavior and Organization*, 148, 66–82.
20. Le Blanc, J., Porpiglia, A., Teppa, F. et al. (2016). Household saving behavior in the Euro area, *International Journal of Central Banking*, 127, 12 (2), 15–69.
21. Heckman, S. J., Hanna, S. D. (2015). Individual and Institutional Factors Related to Low-Income Household Saving Behavior, *Journal of Financial Counseling and Planning*, 26 (2), 187–199.
22. Crossley, T. F., de Bresser, J., Delaney, L., Winter, J. (2017). Can Survey Participation Alter Household Saving Behaviour?, *Economic Journal*, 127 (606), 2332–2357.
23. Kim, K. T., Yuh, Y. (2018). Financial Knowledge and Household Saving: Evidence from the Survey of Consumer Finances, *Family and Consumer Sciences Research Journal*, 47 (1), 5–24.
24. Ibragimova, D. Kh. (2009). Types of saving and credit behavior of the population. *Monitoring of Public Opinion*, 2 (90), 156–171 (in Russ.).
25. Kuzina, O. E. (2013). Analysis of the dynamics of using banking credits and debt load of the Russians. *Russian Journal of Money and Finance*, 11, 30–36 (in Russ.).
26. Gukovskaya, A. A., Shumskii, V. A. (2020). Modeling of financial and credit behavior of the population, *RSUH/RGGU Bulletin. Series Economics. Management. Law*, 1, 82–96 (in Russ.). <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2020-1-82-96>
27. Kuzina, O. E., Krupenskiy, N. A. (2018). Over-indebtedness of Russians: Myth or reality?, *Voprosy Ekonomiki*, 11, 85–104 (in Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-11-85-104>
28. Fedorov, E. A. (2013). Microeconomic, macroeconomic and institutional factors of credit behavior. *Voprosy Ekonomiki*, 32 (170), 37–44 (in Russ.).
29. Strebkov, D. O. (2004). Main types and factors of the credit behavior of population in modern Russia. *Voprosy Ekonomiki*, 22, 109–128 (in Russ.).
30. Belekhovala, G. V. (2016). Credit behavior of households with various social-demographic characteristics. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2, 132–140 (in Russ.).
31. Rodionova, L. A., Trach, T. M., Yusupova, S. M. (2016). The Econometric Approaches to Estimation of the Population's Credit Behavior in Russia, *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 16 (1), 39–48 (in Russ.).
32. Dubyna, M., Zhavoronok, A., Kudlaieva, N., Lopashchuk, I. (2021). Transformation of household credit behavior in the conditions of digitalization of the financial services market, *Journal of Optimization in Industrial Engineering*, 14 (1), 97–102.
33. Zhao, Q., Shen, Y., Li, C. (2021). Credit Behaviors of Rural Households in the Perspective of Complex Social Networks, *Complexity*, 2021, 13. <https://doi.org/10.1155/2021/9975856>
34. Cosma, S., Cosma, S., Peluso, A. M. (2019). Determinants of older consumers' interest in home equity conversion products, *International Journal of Bank Marketing*, 37 (5), 1275–1295.
35. Dimova, N. A., Efimova, I. A. (2013). Credit behavior of the population, *The Russia Longitudinal Monitoring Survey - Higher School of Economics (RLMS-HSE)*, Is. 3 (pp. 165–1870), Moscow, Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "Vysshaya shkola ekonomiki" (in Russ.).
36. Demidova, O. A., Malakhov, D. I. (2016). *Econometrics: tutorial and practicum for applied Bachelor courses*, Moscow, Yurait (in Russ.).
37. Hahn, E. D., Soyer, R. (2005). Probit and Logit Models: Differences in the Multivariate Realm, *The Journal of the Royal Statistical Society, Series B*, <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.329.4866&rep=rep1&type=pdf> (access date: 03.09.2021).
38. Nosko, V. P. (2005). *Econometrics for beginners (extra chapters)*. Moscow, IEPP (in Russ.).

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 09.08.2021
Дата принятия в печать / Accepted 10.10.2021

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.676-685>

УДК 338.24:332.1(985)

JEL: R1, R58, O1, O18

С. Л. ОРЛОВ¹,

П. В. СТРОЕВ¹,

А. И. ДУДНИК¹

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

АРКТИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ КАК НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Контактное лицо:

Орлов Сергей Леонидович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ

E-mail: orlov2011orlov@yandex.ru

SPIN-код: 7254-5800, Author ID: 681572

Строев Павел Викторович, кандидат экономических наук, директор Института региональной экономики и межбюджетных отношений, доцент департамента общественных финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ

E-mail: PStroev@fa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4770-9140>

SPIN-код: 6579-8830, Author ID: 706113

Дудник Анна Игоревна, младший научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ

E-mail: AIDudnik@fa.u

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0217-2693>

SPIN-код: 6311-8609, Author ID: 911236

Аннотация

Цель: представление особенностей освоения важнейшей геостратегической территории России на основе исторического осмысления с учетом происходящих климатических изменений и анализа начавшегося этапа активного вхождения в Арктику.

Методы: познавательный и отчасти дискуссионный характер исследования определил использование таких методов познания, как исторический, позволяющий рассматривать различные виды деятельности на протяжении определенного периода и делать выводы о начале активной фазы исследований и освоения Арктики за последнее столетие, эмпирический и логический методы, включающие анализ, сравнение и обобщение данных.

Результаты: задачи совершенствования территориальной структуры экономики, а также начавшееся преобразование национального пространства страны с целью освоения труднодоступных регионов требуют практического и научного осмысления с целью обеспечения максимальной их эффективности. В статье проанализированы ключевые нормативные акты в области развития Арктики, а также научные исследования этой проблемы. На их основе представлен генезис важнейших этапов современного освоения Арктики, способствующий усилению приоритетного статуса этого геостратегического макрорегиона России. Определено, что экономическое освоение Арктики должно сочетаться с прочной защитой национальных интересов, а также с системой государственной поддержки.

Научная новизна: состоит в формировании хронологии основных направлений практической деятельности государства на протяжении последнего десятилетия, способствующих реализации главной цели современных преобразований в Арктике, заключающейся в защите национальных интересов, национальных приоритетов и вовлечении в экономический оборот отдаленных, труднодоступных и малонаселенных территорий страны.

© Орлов С. Л., Строев П. В., Дудник А. И., 2021

© Orlov S. L., Stroeve P. V., Dudnik A. I., 2021

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы при разработке стратегии развития арктических регионов, а также служить основой для дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством, пространственная структура, Крайний Север, модель экономической трансформации, новый этап освоения Арктики, научно-образовательный центр мирового уровня

Финансирование: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заказу Финансового университета.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Орлов С. Л., Строев П. В., Дудник А. И. Арктическая территория как национальное достояние России в современном мире // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Т. 15, № 4. С. 676–685. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.676-685>

The scientific article

S. L. ORLOV¹,

P. V. STROEV¹,

A. I. DUDNIK¹

¹ *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia*

ARCTIC TERRITORY AS THE NATIONAL PATRIMONY OF RUSSIA IN THE MODERN WORLD

Contact:

Sergey L. Orlov, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher of the Center for Regional Economy and Interbudgetary Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: orlov2011orlov@yandex.ru

SPIN-code: 7254-5800, Author ID: 681572

Pavel V. Stroeve, PhD (Economics), Director of the Center for Regional Economy and Interbudgetary Relations, Associate Professor of the Department of Public Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: PStroeve@fa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4770-9140>

SPIN-code: 6579-8830, Author ID: 706113

Anna I. Dudnik, Junior Researcher of the Center for Regional Economy and Interbudgetary Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation

E-mail: AIDudnik@fa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0217-2693>

SPIN-code: 6311-8609, Author ID: 911236

Abstract

Objective: to present the development features of the most important geostrategic territory of Russia on the basis of historical understanding, taking into account the ongoing climatic changes and analyzing the initial stage of active entry into the Arctic.

Methods: the cognitive and partly debatable nature of the research determined the use of such methods of cognition as historical, which allows us to consider various types of activities over a certain period and draw conclusions about the beginning of the active phase of research and development of the Arctic over the last century; empirical, and logical methods, including analysis, comparison, and data summarization.

Results: the tasks of improving the territorial structure of the economy, as well as the ongoing transformation of the national space of the country in order to develop remote regions require practical and scientific understanding in order to maximize their effectiveness. The article analyzes the key regulations in the field of Arctic development, as well as scientific research on this issue. On their basis, the genesis of the most important stages of the modern development of the Arctic is presented, which contributes to strengthening the priority status of this geostrategic macro-region of Russia. It is determined that the economic development of the Arctic should be combined with a strong protection of national interests, as well as with a state support system.

Scientific novelty: consists in the formation of a chronology of the main directions of the state's practical activities over the past decade, which contributed to implementing the main goal of modern transformations in the Arctic, which is to protect national interests, national priorities and involve the remote, hard-to-reach and sparsely populated territories into economic turnover.

Practical significance: the study results can be used to develop a strategy for the development of the Arctic regions, and can serve as the basis for further scientific research.

Keywords: Economics and national economy management, Spatial structure, The Far North, Model of economic transformation, New stage of development of the Arctic, World-class scientific and educational center

Financial Support: the article was prepared based on the results of research carried out with budgetary funds by state order of the Financial University.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Orlov, S. L., Stroeve, P. V., Dudnik, A. I. (2021). Arctic territory as the national patrimony of Russia in the modern world. *Russian Journal of Economics and Law*, 15 (4), 676–685 (in Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.676-685>

Введение

В настоящее время особенно актуальным для расстановки приоритетов формирующейся пространственной структуры России является поиск научно обоснованного и перспективного направления развития, обеспечивающего, с одной стороны, учет сложившихся в 2020–2021 гг. реалий в мировых и национальных трендах, а с другой – наиболее эффективное использование имеющегося экономического пространства страны. Особенности современного этапа социально-экономического развития таковы, что складывающиеся государственные приоритеты формирования пространственных структур, в особенности в районах Крайнего Севера, должны быть в максимальной степени ориентированы на решение актуальных стратегических задач, стоящих перед обществом, быть понятны населению, исполнительным органам и бизнесу [1, 2].

Для разрабатываемой в настоящее время Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года, определяющей современную модель экономической трансформации, и в целях реализации указанного документа необходи-

ма не только административная поддержка, но и осмысленное восприятие со стороны различных общественных слоев, в том числе предпринимательским сообществом. Только в этом случае можно ожидать активную практическую деятельность для внедрения основных положений Стратегии на этапе современного трансформационного перехода к новой экономической модели [3]. Среди решаемых государством социально-экономических задач в настоящее время немаловажное значение имеет совершенствование территориальной структуры размещения экономики и налаживание реальной «связанности» национального пространства. По мнению авторов, главная цель начавшегося активного преобразования современного пространства состоит в защите национальных интересов, практическом освоении отдаленных, труднодоступных и малонаселенных регионов, экономической и инфраструктурной связанности в единый народнохозяйственный комплекс всей территории России и на этой основе достижения поступательных темпов роста благосостояния населения [4].

Иными словами, сейчас теоретические основы осмысления направлений создания современной

схемы пространственного развития перемещаются в строго практическую плоскость. Важно правильно оценить перспективы будущего каркаса пространственной организации России и обозначить наиболее значимые базовые приоритеты. Среди них особое место занимает развитие территории Арктической зоны Российской Федерации. Согласно секторальному принципу распределения зон национального влияния приарктических государств, впоследствии существенно дополненному и уточненному в соответствующей Конвенции ООН [5], России принадлежит приблизительно 40 % территориального шельфа, прилегающего к Северному Ледовитому океану. Следует признать, что разворот государства на путь реального освоения этого макрорегиона, занимающего около 1/5 сухопутного пространства России, обозначен множеством законодательных и нормативных правовых актов, формирующих своеобразный каркас для практического движения в заданном направлении [6].

Результаты исследования

В нашей стране начало арктическим исследованиям для вовлечения в хозяйственный оборот данной территории относится к началу 1930-х годов, однако в тот период можно было говорить лишь о подходах к освоению этого пространства, в основном по причине практически полного отсутствия необходимых технологий и прогнозов относительно региональной специализации в отдельных секторах экономики. Спустя много лет в этом направлении успешно действуют представители Министерства обороны России, других государственных органов, местных (муниципальных) органов, крупных предпринимательских структур, в том числе с государственным участием, а также после некоторой адаптации внесет свой вклад малый и средний бизнес [7].

Приведем лишь некоторые документы и решения, принятые в период 2013–2021 гг., которые дают достаточно развернутое представление о деятельности государства по полномасштабному освоению (или «переосвоению») [8. С. 4] пространства российской Арктики. Необходимо подчеркнуть, что даже в самые напряженные моменты социально-экономического развития, объективно складывавшиеся на протяжении последних полутора лет, государство обращало особое внимание на развитие арктических территорий и принимало немало определяющих документов, формируя

таким образом трамплин для инфраструктурного устройства и деятельности в долгосрочной перспективе предпринимательских структур любого уровня. В настоящий период важнейшие законодательные и нормативные правовые акты, Указы Президента России по основополагающим вопросам развития национальной арктической территории могут быть представлены в качестве документов стратегического развития на ближайшие пятнадцать и более лет [9–16].

Следует отметить, что указанный перечень является неполным. Так, многие серьезные проблемы относительно Арктики нашли отражение в отдельных дополнительных поручениях Президента России и Председателя Правительства и оформлялись также в официальном порядке. Кроме этого, некоторые законодательные и правовые инициативы, принятые в более ранний период, касались развития Дальневосточного макрорегиона, куда, собственно, и входит часть сухопутной Арктической зоны [10]. Таким образом, своеобразный драйвер для развития бизнеса был распространен на Чукотский автономный округ и значительную часть Республики Саха (Якутия) задолго до начала этапа государственной поддержки предпринимательской деятельности в Арктике. Это, в частности, законодательная и нормативная правовая база о создании территорий опережающего социально-экономического развития (далее – ТОР), о свободном порте Владивосток (далее – СПВ), о так называемом дальневосточном гектаре и др. [11].

На раннем этапе реформирования «арктического» вектора определенное значение имела публикационная активность исследователей проблематики данного макрорегиона, в частности, одними из первых современных этап освоения этой территории и некоторые проблемы рассматривали В. Конышев и А. Сергунин [17]. Однако нынешняя внешнеполитическая ситуация, а также необходимость учета национальных интересов и приоритетов свидетельствуют о еще большем повышении актуальности постановки и решения комплекса «арктических» проблем и углублении направлений исследований. Это впоследствии было отражено в работах целого ряда известных отечественных авторов [6, 12, 18–23]. Важно также отметить, что интерес к проблемам нового этапа освоения российской Арктики можно найти и в ряде современных зарубежных публикаций, внимательно изученных авторами статьи [24–28]. Тем

не менее следует подчеркнуть: темпы нынешнего вхождения в отечественное пространство Арктики настолько стремительны, что научные изыскания в этой области порой не успевают за практическим ритмом государства и крупных компаний реального сектора на этой территории [29, 30]. Именно поэтому авторами избран, возможно, нестандартный стиль изложения, с акцентом на прорывные изменения, которые достигнуты в последние годы.

На основании изучения многочисленных официальных документов и сопутствующих материалов авторами сделана попытка сформулировать основной алгоритм действий государства, в значительной степени раскрывающий перед предпринимательским сообществом двери в Арктику, а для многочисленной интересующейся аудитории – вектор на этапе осознания роли и места этого макрорегиона для позиционирования России в современном мире и последующего поступательного развития. Подобное моделирование можно представить в качестве генезиса современного мирного наступления в северных широтах для «переосвоения», т. е. нового этапа освоения Арктики в постсоветский период, начавшийся во втором десятилетии 2000-х гг. [14]:

- начало активной фазы размещения специальных структур, подведомственных Министерству обороны Российской Федерации, на территории Арктической зоны, в том числе для ведения хозяйственной деятельности (ориентировочно с 2013 г.);

- определение основных сухопутных территорий Арктической зоны России и их закрепление в соответствии с административно-территориальным принципом, в том числе для предоставления преференций, – 2014, 2020 гг. [15, 16];

- формирование Объединенного стратегического командования «Северный флот» для защиты арктических рубежей России (2014 г.);

- осуществление Министерством обороны Российской Федерации хозяйственной деятельности по экологической очистке территории, строительству внутренних коммуникационных сообщений и размещению стационарных объектов жилищного и общего социального назначения (начиная с 2014 г.);

- начало активной хозяйственной деятельности крупнейших отечественных компаний нефтегазового сектора на сухопутных территориях и на континентальном арктическом шельфе: ПАО «Газпром», ПАО

- «Роснефть», ПАО «Новатэк» (каждая из компаний – в различные периоды начиная с 2013 г.);

- поступательное продвижение государственных инициатив в целях привлечения крупнейших отечественных корпораций к разработке и внедрению в производство различных видов высокотехнологичного обеспечения для освоения районов арктической территории (ПАО «Роснефть», ПАО «Газпром», госкорпорации Ростех и «Росатом» и др.) – начиная с 2013–2014 гг. [11, 14];

- деятельность по формированию новой и совершенствованию действующей магистральной инфраструктуры в режиме государственно-частного партнерства и/или с использованием принципа концессии в арктической зоне и на прилегающих территориях: Северный морской путь, ж/д магистраль Северный широтный ход (СШХ), продолжение ж/д магистрали Северный широтный ход – СШХ-2 и выход к Норильской железной дороге и др. Таким образом, к 2030–2035 гг. на территории Арктики может быть сформировано движение по морскому и железнодорожному путям (начало активной фазы строительства ж/д магистрали СШХ-1 – 2018 г.) [11, 14];

- закрепление функций государственного управления в сфере развития Арктической зоны за Министерством Российской Федерации по развитию Дальнего Востока с одновременным переименованием ведомства и выстраиванием единой вертикали государственного управления на данной территории – 2019 г. [31];

- разработка и утверждение государственных подпрограмм и региональных программ для формирования энергетической инфраструктуры в районах Арктической зоны России, введение в строй первых объектов для реализации данного направления (государственная подпрограмма «Развитие распределенной генерации в удаленных и изолированных районах», ПАТЭС «Академик Ломоносов», функционирующая на территории Чукотского АО, и др.) – начиная с 2019 г.;

- завершение процесса формирования современных институтов развития Дальнего Востока и Арктики в системе Минвостокразвития России на основе распределения функций между АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» и ФАНУ «Восточный центр государственного планирования» (2020 г.);

- обоснование и совместная проработка Правительством Российской Федерации, крупнейшими нефте- и газодобывающими компаниями России

решения о формировании газохимического кластера на полуострове Ямал (2019–2020 гг.);

- принятие определяющего комплекса последовательных законодательных актов, указов Президента Российской Федерации и нормативных правовых документов, обеспечивающих повышение статуса государственного управления в Арктической зоне России, государственную поддержку предпринимательской деятельности в указанном макрорегионе и закрепление права имущественных (земельных) преференций для населения на арктической территории (2019–2021 гг.);

- прием первых заявок от инвесторов для начала деятельности на территории Арктической зоны в соответствии с Федеральным законом от 13.07.2020 № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» (сентябрь – октябрь 2020 г.);

- утверждение Правительством Российской Федерации по инициативе администраций Архангельской, Мурманской областей и Ненецкого автономного округа Научно-образовательного центра мирового уровня «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования», а также НОЦ «Север: территория устойчивого развития» на базе ряда вузов городов Москвы, Якутска, Магадана, Южно-Сахалинска и некоторых других (ноябрь, 2020 г., июль 2021 г.) [32, 33];

- начало эксплуатации ФГУП «Атомфлот» нового поколения судов атомного ледокольного флота и продление сроков навигации на Северном морском пути – предварительно с мая по январь (начиная с 2020 г.);

- повышение статуса Объединенного стратегического командования «Северный флот» до уровня военного округа и закрепление за данным командованием зоны ответственности от Мурманска до Анадыря. Таким образом, окончательно сформированы органы управления и функциональные подразделения для обеспечения военной защиты национальных интересов и целостности государства на территории Арктики – январь 2021 г. [12];

- утверждение Правительством Российской Федерации государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» в целях создания устойчивых условий для современного этапа освоения Арктики – март 2021 г. [14];

- решение о выделении субсидий в соответствии с государственной программой «Развитие энергетики» для продолжения строительства двух воздушных ЛЭП Певек – Билибино с целью улучшения энергетического обеспечения социальных и промышленных объектов в Чукотском АО (июнь 2021 г.);

- принятие Правительством Российской Федерации решения о комплексном развитии инфраструктуры арктических и граничащих с ними, близких по климатическим условиям территорий на основе использования в качестве первоначального источника средств из Фонда национального благосостояния (ФНБ), в частности для Ангаро-Енисейского макрорегиона (начиная с 2021 г.).

На основании вышеизложенного можно сделать следующий вывод: современное освоение Арктики предпринимательским сообществом, проведение на данной территории научных, в том числе военных, исследований должно быть обеспечено прочной защитой национальных интересов со стороны Минобороны России, отработанной системой государственной поддержки и построением инфраструктуры, приемлемой для поддержания на достойном уровне всех объектов жизнедеятельности [11, 14, 15]. При этом основной задачей целеполагания на нынешнем этапе «переосвоения» Арктики можно считать защиту национальных интересов, включающих задачи по обеспечению суверенитета и территориальной целостности российского государства. Только после этого возможен более активный приход бизнес-структур в Арктическую зону, который станет постепенным, по мере освоения этой территории государством и крупнейшими компаниями России. В представленных позициях заключаются особенности современного этапа вхождения в Арктику и одновременно обязательные требования к моделированию «арктических» процессов, отличающихся от обычных региональных условий «связанности» и межтерриториального взаимодействия, реализация которых происходит в приемлемых для жизнедеятельности условиях.

Заключение

В связи с рассматриваемыми вопросами необходимо отметить, что грамотное разъяснение принятых официальных актов, представленного алгоритма и особенностей реализации так называемой арктической модели развития является важной составляющей

в деятельности государственных органов и общественных объединений. Поэтому подготовка предпринимательского сообщества и обеспечивающих инфраструктурных организаций для работы в Арктической зоне является задачей не только профильных ведомств – Минобрнауки России и заинтересованного в этом Минвостокразвития России, но и крупных, подготовленных для этих целей высших учебных заведений и их филиалов на местах, имеющих соответствующие кадровый потенциал и материально-техническое обеспечение. Серьезным дополнением к недавно образованному Научно-образовательному центру мирового уровня «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования», так называемому Арктическому НОЦ и НОЦ «Север...» [32, 33], созданным, главным образом, для подготовки кадров по инженерным специальностям и проведения научных разработок в технологической области знаний

в арктической и субарктической зонах России, может стать сеть базовых кафедр Минвостокразвития России при некоторых ведущих российских вузах экономического и юридического профиля. Это необходимо при осуществлении целенаправленной подготовки профессиональных управленческих кадров высшего и среднего звена для последующей работы в районах Дальнего Востока и Арктики [34]. Указанные структурные подразделения могут, в частности, осуществлять методическую, правовую и иную консультативную поддержку для многих вузов, расположенных в Арктическом регионе и по объективным причинам не включенных в систему созданных НОЦ, но осуществляющих подготовку специалистов исходя из местных условий. Такой подход может обеспечить более активное участие высшей школы в кадровом обеспечении этих важнейших геостратегических территорий России и будет способствовать их дальнейшему освоению.

Список литературы

1. Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: полномасштабный междисциплинарный синтез // Арктика и Север. 2018. № 3. С. 5–26. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.31.5>
2. Оценка устойчивости социально-экономического развития регионов России / Р. В. Фаттахов, М. М. Низамутдинов, В. В. Орешников // Мир новой экономики. 2019. № 2. С. 97–110. DOI: <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-2-97-110>
3. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>
4. Оценка интенсивности и вероятности движения населения в регионах Арктической зоны РФ / А. Г. Коровкин, И. Б. Королев, А. Л. Сеница // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2020. С. 409–429.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994). URL: <http://www.Consultant.ru/> (дата обращения: 02.06.2021).
6. Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Новый подход к освоению северных и арктических территорий России: локальная транспортная система // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 26–41. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.2
7. Кожевина О. В. Управление пространственными изменениями в целях обеспечения экономической безопасности // Управление. 2020. Т. 8, № 1. С. 141–149.
8. Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Российская Арктика: логика и парадоксы перемен // Проблемы прогнозирования. 2019. № 6. С. 4–21.
9. Указ Президента РФ № 164 от 05.03.2020 «Об Основах государственной политики в Арктике на период до 2035 года». URL: <http://www.Consultant.ru/> (дата обращения: 02.06.2021).
10. Указ Президента РФ № 427 от 26.06.2020 «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока». URL: <http://www.Consultant.ru/> (дата обращения: 02.06.2021).
11. Указ Президента РФ № 645 от 26.10.2020 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». URL: <http://www.Consultant.ru/> (дата обращения: 02.06.2021).
12. Указ Президента Российской Федерации № 803 от 21.12.2020 «О Северном флоте». URL: <http://www.Consultant.ru/> (дата обращения: 02.06.2021).
13. Распоряжение Правительства РФ № 2464-р от 24.09.2020 «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года». URL: <http://www.Consultant.ru/> (дата обращения: 02.06.2021).

14. Постановление Правительства РФ № 484 от 30 марта 2021 года «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации». URL: <http://www.Consultant.ru/> (дата обращения: 21.06.2021).
15. Федеральный закон № 193-ФЗ от 13.07.2020 «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». URL: <http://www.Consultant.ru/> (дата обращения: 02.06.2021).
16. Указ Президента Российской Федерации № 296 от 02.05.2014 (ред. от 05.03.2020) «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». URL: <http://www.Consultant.ru/> (дата обращения: 02.06.2021).
17. Конышев В. Н., Сергунин А. А. Национальные интересы России в Арктике: мифы и реальность // Национальные интересы, приоритеты и безопасность. 2011. № 29. С. 2–11.
18. Строев П. В., Пивоварова О. В. Совершенствование оценки эффективности и мониторинга функционирования территорий опережающего социально-экономического развития // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 4. С. 2037–2054. DOI: <https://doi.org/10.18334/vinec.10.4.111216>
19. Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / В. М. Котляков, А. Н. Швецов, О. Б. Глезер. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. 365 с.
20. Нестерова Н. Н., Черкасов В. А. Ретроспектива теорий пространственного развития региональной экономики // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10, № 12. С. 52–57.
21. Пилясов А. Н., Богодухов А. О. Арктическая корпорация: подступы к формированию новой теории // ЭКО. 2021. № 1 (559). С. 40–66.
22. Бухвальд Е. М., Виленский А. В. Новая пространственная стратегия для России. М.: Институт экономики РАН, 2020. 250 с.
23. Гольцов А. Г. Международный порядок в Арктике: геополитическое измерение // Мировая политика. 2017. № 4. С. 44–55. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2017.4.18211>
24. Lovcraft A. L., Cost D. Policy paradoxes: challenges confronting the contemporary Arctic // Leadership for the North: the influence and impact of arctic council chairs. Cham: Springer Polar Sciences, 2019. Pp. 13–32.
25. Barros M., Urrutia M. Geostrategic analysis of Russia in the defrosted seas of the North. A new scene of conflict or cooperation in the 21st century? // Revista estudios hemisfericos y polares. 2016. Vol. 7, № 4. Pp. 13–39.
26. Keshri N. The Arctic region: geopolitical and geostrategic study // ZENIT International Journal of Hemispheric & Polar Studies Journal. 2018. Vol. 8, Iss. 6. Pp. 131–148.
27. Garlińska-Bielawska J. The Geostrategic Choice of Russia at the Dawn of the Third Millennium. The Policy of the Russian Federation Towards Asia Pacific, Central Asia and the Arctic // Central European Review of Economics & Finance. 2018. № 25 (3). Pp. 97–99.
28. Gadal S. Issues of the Arctic development in the Far East (Russia) // Northern Forum: 8eme Russian-Chinese Workshop on Interaction in the Arctic. 2019. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02304041/> (дата обращения: 02.06.2021).
29. Лексин В. Н. Социально-экономические проблемы Российской Арктики. Между прошлым и будущим // Российский экономический журнал. 2018. № 5. С. 3–25.
30. Демографическая ситуация в России и социальная инфраструктура / С. В. Макара, Ю. А. Симагин, А. В. Ярашева // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 1. С. 67–75. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.6>
31. Указ Президента Российской Федерации № 78 от 20.02.2019 (ред. от 21.01.2020) «О совершенствовании государственного управления в сфере развития Арктической зоны Российской Федерации». URL: <http://www.Consultant.ru/> (дата обращения: 02.06.2021).
32. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2020 г. № 3182-п. URL: <http://www.Consultant.ru/> (дата обращения: 02.06.2021).
33. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 июля 2021 г. № 2054-р; б/наименования. URL: <http://www.Consultant.ru/> (дата обращения: 02.06.2021).
34. Путин В. В. Выступление на пленарном заседании Восточного экономического форума (ВЭФ-2021), г. Владивосток. 3 сентября 2021 г. URL: <http://www.Kremlin.ru/> (дата обращения: 03.09.2021).

References

1. Zamyatina, N. Yu., Pilyasov, A. N. (2018). The new theory of the Arctic and Northern development: multi-scale interdisciplinary synthesis, *Arctic and North*, 3, 5–26 (in Russ.). <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.31.5>
2. Fattakhov, R. V., Nizamutdinov, M. M., Oreshnikov, V. V. (2019). Assessment of the Sustainability of the Socio-economic Development of the Regions in Russia, *The World of New Economy*, 2, 97–110 (in Russ.). <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-2-97-110>

3. Zubarevich N. V. (2019). Spatial development Strategy: Priorities and instruments, *Voprosy Ekonomiki*, 1, 135–145 (in Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>
4. Korovkin, A. G., Korolev, I. B., Sinitsa, A. L. (2020). Estimation of the intensity and probability of the population movement if the Arctic zone of the Russian Federation. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN*, 409–429 (in Russ.). <https://doi.org/10.47711/2076-318-2020-409-430>
5. *United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS)* (signed in Montego Bay on 10.12.1982) (with amendments of 23.07.1994). <http://www.Consultant.ru/> (access date: 02.06.2021) (in Russ.).
6. Zamyatina, N. Yu., Pilyasov, A. N. (2018). A new approach to developing northern and Arctic Russian territories: local transport system. *Problems of territory's development*, 4 (96), 26–41. <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.4.96.28>
7. Kozhevina, O. V. (2020). Spatial changes management in order to ensure economic security, *Management*, 8 (1), 141–149 (In Russ.). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-1-141-149>
8. Leksin, V. N., Porfir'ev, B. N. (2019). The Russian Arctic: logic and paradoxes of changes. *Problemy prognozirovaniya*, 6, 4–21 (in Russ.).
9. Decree of the Russian President No. 164 of 05.03.2020 “On the bases of state policy in the Arctic up to 2035”. <http://www.Consultant.ru/> (access date: 02.06.2021) (in Russ.).
10. Decree of the Russian President No. 427 of 26.06.2020 “On measures of social-economic development of the Far East”. <http://www.Consultant.ru> (access date: 02.06.2021) (in Russ.).
11. Decree of the Russian President No. 645 of 26.10.2020 “On the strategy of development of the Arctic zone of the Russian Federation and ensuring national security up to 2035”. <http://www.Consultant.ru/> (access date: 02.06.2021) (in Russ.).
12. Decree of the Russian President No. 803 of 21.12.2020 “On the Northern fleet”. <http://www.Consultant.ru/> (access date: 02.06.2021) (in Russ.).
13. Order of the Russian Government No. 2464-r of 24.09.2020 “On adopting the National program of social-economic development of the Far East up to 2024 and for the perspective up to 2035”. <http://www.Consultant.ru> (access date: 02.06.2021) (in Russ.).
14. Order of the Russian Government No. 484 of March 30, 2021 “On adopting the State program of the Russian Federation Arctic zone of the Russian Federation”. <http://www.Consultant.ru/> (access date: 21.06.2021) (in Russ.).
15. Federal Law No. 193-FZ of 13.07.2020 “On the state support of business activity in the Arctic zone of the Russian Federation”. <http://www.Consultant.ru/> (access date: 02.06.2021) (in Russ.).
16. Decree of the Russian President No. 296 of 02.05.2014 (ed. of 05.03.2020) “On overland territories on the Arctic zone of the Russian Federation”. <http://www.Consultant.ru/> (access date: 02.06.2021) (in Russ.).
17. Konyshchev, V. N., Sergunin, A. A. (2011). National interests of Russia in the Arctic: myths and reality. *National Interests: Priorities and Security*, 29, 2–11 (in Russ.).
18. Stroeve, P. V., Pivovarov, O. V. (2020). Improvement of efficiency assessment and monitoring of the territories of advanced socio-economic development, *Russian Journal of Innovation Economics*, 10 (4), 2037–2054 (in Russ.). <https://doi.org/10.18334/vinec.10.4.111216>
19. Kotlyakov, V. M., Shvetsov, A. N., Glezer, O. B. (2020). *Challenges and policy of spatial development of Russia in the 21st century*, Moscow, Tovarichestvo nauchnykh izdaniy KMK. (in Russ.).
20. Nesterova, N. N., Cherkasov, V. A. (2015). Retrospective of theories of spatial developments of regional economy, *Social-Economic Phenomena and Processes*, 10 (12), 52–57 (in Russ.).
21. Pilyasov, A. N., Bogoduhov, A. O. (2021). Arctic Corporation: Approaches to a New Theory, *ECO*, 1 (559), 40–66 (in Russ.).
22. Bukhval'd, E. M., Vilenskii, A. V. (2020). *New spatial strategy for Russia*, Moscow, Institut ekonomiki RAN (in Russ.).
23. Goltsov, A. G. (2017). The International Order in the Arctic: A Geopolitical Dimension, *World Politics*, 4, 44–55 (in Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2017.4.18211>
24. Lovcraft, A. L., Cost, D. (2019). Policy paradoxes: challenges confronting the contemporary Arctic, *Leadership for the North: the influence and impact of arctic council chairs* (pp. 13–32). Cham, Springer Polar Sciences.
25. Barros, M., Urrutia, M. (2016). Geostrategic analysis of Russia in the defrosted seas of the North. A new scene of conflict or cooperation in the 21st century?, *Revista estuios hemisfericos y polares*, 7 (4), 13–39.
26. Keshri, N. (2018). The Arctic region: geopolitical and geostrategic study, *ZENIT International Journal of Hemispheric & Polar Studies Journal*, 8 (6), 131–148.
27. Garlińska-Bielawska, J. (2018). The Geostrategic Choice of Russia at the Dawn of the Third Millennium. The Policy of the Russian Federation Towards Asia Pacific, Central Asia and the Arctic, *Central European Review of Economics & Finance*, 25 (3), 97–99.
28. Gadal, S. (2019). Issues of the Arctic development in the Far East (Russia), *Northern Forum: 8eme Russian-Chinese Workshop on Interaction in the Arctic*. <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02304041/> (access date: 02.06.2021).

29. Leksin, V. N. (2018). Social-economic problems of the Russian Arctic. Between the past and the future. *Russian Economic Journal*, 5, 3–25 (in Russ.).
30. Makar, S. V., Simagin, Yu. A., Yarasheva, A. V. (2020). Demographic situation in Russia and social infrastructure, *Population*, 23 (1), 67–75 (in Russ.). <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.6>
31. Decree of the Russian President No. 78 of 20.02.2019 (ed. of 21.01.2020) "On improving the public governance in the sphere of development of the Arctic zone of the Russian Federation". <http://www.Consultant.ru/> (access date: 02.06.2021) (in Russ.).
32. Order of the Russian Government of December 3, 2020, No. 3182-r. <http://www.Consultant.ru/> (access date: 02.06.2021) (in Russ.).
33. Order of the Russian Government of July 24, 2021, No. 2054-r.; without title. <http://www.Consultant.ru/> (access date: 02.06.2021) (in Russ.).
34. Putin, V. V. A speech in the plenary session of the Eastern Economic Forum (EEF-2021), Vladivostok. September 3, 2021. <http://www.Kremlin.ru/> (access date: 03.09.2021) (in Russ.).

Вклад авторов

С. Л. Орлов является главным исполнителем, проводившим исследование и координировавшим его.
П. В. Строев осуществил обзор литературы и подготовил рукопись.
А. И. Дудник проводила статистический анализ и интерпретировала результаты.

The author's contribution:

S. L. Orlov is the main researcher who carried out and coordinated the research.
P. V. Stroeve performed a literature review and prepared the manuscript.
A. I. Dudnik performed statistical analysis and interpreted the results.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 09.06.2021

Дата принятия в печать после доработки / Date of acceptance for publication after finalization 28.09.2021

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.686-701>

УДК 330.43:336.7:339.9:338.2(594)

JEL: C01, C5, E44, E52, F3

И. Д. РАКОВ¹

¹ Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации,
Москва, Россия

АНАЛИЗ ФИНАНСОВОЙ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ В ИНДОНЕЗИИ: ПОДХОД SVAR

Раков Иван Дмитриевич, младший научный сотрудник Центра международных финансов, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации

E-mail: rakov@nifi.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9864-9873>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 6892-1514, AuthorID: 804230

Аннотация

Цель: анализ влияния политики финансовой либерализации на макроэкономическую стабильность экономики Индонезии.

Методы: ретроспективный и эконометрический анализ.

Результаты: в статье актуализируются вопросы проведения политики финансовой либерализации в Индонезии. В частности, рассмотрены этапы снятия валютных ограничений в Индонезии. При этом основное внимание уделяется финансово-экономическим кризисам, происходящим в Индонезии, в которых финансовая открытость является одной из причин ухудшения экономической ситуации внутри страны. Рассмотрены принимаемые государством меры по ужесточению трансграничных потоков капитала в ответ на кризис. Дана характеристика сопровождающей экономической политики Индонезии в условиях финансовой открытости.

Применена эконометрическая модель SVAR по оценке влияния финансовой либерализации на макроэкономическую ситуацию страны. Она показала, что данный процесс негативно влияет на индонезийскую экономику. Но макроэкономическое состояние Индонезии зависит не только от финансовой интеграции, а от целого ряда других внутренних макроэкономических факторов, которые изменяются под воздействием национальной экономической политики.

Научная новизна: в статье систематизирован опыт проведения политики финансовой либерализации в Индонезии, а также разработана эконометрическая модель SVAR, которая показывает значимость процесса финансовой интеграции для макроэкономических показателей.

Практическая значимость: рассмотренный опыт проведения финансовой либерализации в Индонезии показывает значимость валютного регулирования для развивающихся стран и риски, возникающие в ходе политики по усилению финансовой открытости. А представленная модель SVAR дает возможность для исследования влияния финансовой либерализации на макроэкономические показатели стран.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством, финансовая либерализация, Индонезия, финансовый кризис, финансовая открытость, валютные ограничения

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

© Раков И. Д., 2021

© Rakov I. D., 2021

Раков И. Д. Анализ финансовой либерализации в Индонезии: подход SVAR
Rakov I. D. Analysis of financial liberalization in Indonesia: SVAR approach

Как цитировать статью: Раков И. Д. Анализ финансовой либерализации в Индонезии: подход SVAR // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Т. 15, № 4. С. 686–701. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.686-701>

The scientific article

I. D. RAKOV¹

¹ Scientific-research Finance Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russia

ANALYSIS OF FINANCIAL LIBERALIZATION IN INDONESIA: SVAR APPROACH

Ivan D. Rakov, Junior Researcher of the Center for International Finance, Scientific-research Finance Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation

E-mail: rakov@nifi.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9864-9873>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 6892-1514, AuthorID: 804230

Abstract

Objective: to analyze the impact of the financial liberalization policy on the macroeconomic stability of the Indonesian economy.

Methods: retrospective and econometric analysis.

Results: the article updates the issues of financial liberalization policy in Indonesia. In particular, the stages of lifting currency restrictions in Indonesia are considered. The main attention is paid to the financial and economic crises taking place in Indonesia, in which financial openness is one of the reasons for the deterioration of the economic situation inside the country. The measures taken by the government to restrict the cross-border capital flows in response to the crisis are considered. The characteristic of the accompanying economic policy of Indonesia under the conditions of financial openness is given. The SVAR econometric model was applied to assess the impact of financial liberalization on the macroeconomic situation of the country. It showed that this process has a negative impact on the Indonesian economy. But the macroeconomic state of Indonesia depends not only on financial integration, but on a number of other internal macroeconomic factors that change under the influence of the national economic policy.

Scientific novelty: the article systematizes the experience of financial liberalization policy in Indonesia, and develops the SVAR econometric model, which shows the importance of the financial integration process for macroeconomic indicators.

Practical significance: The reviewed experience of financial liberalization in Indonesia shows the importance of currency regulation for developing countries and the risks arising in the course of policies to strengthen financial openness. The presented SVAR model provides an opportunity to study the impact of financial liberalization on the macroeconomic indicators of countries.

Keywords: Economics and national economy management, Financial liberalization, Indonesia, Financial crisis, Financial openness, Currency restrictions

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Rakov, I. D. (2021). Analysis of financial liberalization in Indonesia: SVAR approach. *Russian Journal of Economics and Law*, 15 (4), 686–701. (in Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.686-701>

Введение

В последние десятилетия развивающиеся страны активно начали проводить политику финансовой либерализации под влиянием процессов интеграции

и глобализации, происходящих в мире, а также под оказываемым давлением со стороны национальной промышленности, научного сообщества (мейнстрим), международных организаций (МВФ, Всемирный

банк, Организация экономического сотрудничества и развития) [1. С. 56]¹ и стран с развитой экономикой. Финансовая либерализация – это политика государства, направленная на достижение полной мобильности капитала между странами, которая включает в себя следующие инструменты: снятие ограничений с потоков капитала (счет операций с капиталом и текущий счет), переход к режиму свободного плавающего обменного курса, либерализация процентной ставки, устранение ограничений в банковском секторе и приватизация банков [2].

Несмотря на «рекламируемые» преимущества финансовой либерализации научным сообществом (монетарные и неолиберальные экономические течения) и МВФ, на практике данная политика способствовала усилению экономических рисков для развивающихся стран [3. С. 59–60; 4; 5; 2]: проблемы паники на финансовом рынке и оттока капитала (кейнсианское течение); проблема краткосрочных потоков капитала (некейнсианское течение); проблема получения долгосрочного финансирования (посткейнсианское течение); проблема экономических кризисов и передачи внешних экономических шоков через потоки капитала (марксистское течение); концентрация финансового капитала в ограниченном количестве стран и в некоторых капиталоемких секторах (например, природные ресурсы) (марксистское течение).

Республика Индонезия – одна из развивающихся стран, которая к 90-м годам XX в. смогла провести широкомасштабную финансовую либерализацию не только по счету текущих операций, но и по счету операций с капиталом. Но два международных кризиса (Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. и Международный финансовый кризис 2008–2009 гг.) заставили страну вновь накладывать ограничения на финансовые потоки капитала. Противоречия между теоретическими концепциями и негативным опытом Индонезии в политике финансовой либерализации определяют актуальность настоящего исследования. Таким образом, целью исследования является анализ влияния политики финансовой либерализации

на макроэкономическую стабильность экономики Индонезии.

Для достижения поставленной цели исследования выделено несколько задач: анализ опыта проведения политики финансовой либерализации и ее последствия для Индонезии; определение основных параметров государственной экономической политики в условиях финансовой открытости; определение наиболее подходящего метода эконометрического исследования; оценка влияния финансовой либерализации на экономику Индонезии с помощью эконометрического анализа.

С учетом представленных задач дальнейшее изложение дано в следующих параграфах: 1. Опыт проведения политики финансовой либерализации в Индонезии. 2. Обзор эконометрических исследований процесса финансовой либерализации и выбор модели. 3. Статистические данные. 4. Результаты эконометрического анализа.

1. Опыт проведения политики финансовой либерализации в Индонезии

Политика финансовой либерализации в Индонезии началась с либерализации банковского сектора в 60-х гг. XX в. В 1966 г. разрешили открывать частные банки, а в 1968 г. – филиалы иностранных банков в Индонезии. Однако уже в 1968 г. выдача разрешений была остановлена.

Дальнейшие действия по усилению финансовой открытости начинаются с введения свободного валютного режима в 1970 г., который позволял покупать и продавать иностранную валюту. В 1982 г. произошла отмена требований о репатриации иностранной валюты, а в 1989–1991 гг. открываются новые сектора для прямых иностранных инвестиций, в том числе банковский сектор. Почти одновременно, в 1983–1989 гг., в Индонезии происходят процессы внутренней финансовой либерализации (отменен контроль процентной ставки по кредитам и депозитам для государственных банков в 1983 г., сняты ограничения на вход частных банков и разрешено участие иностранных банков через совместные предприятия в 1988 г.) и наблюдалась макроэкономическая устойчивость (устойчивый экономический рост, низкая инфляция и устойчивый обменный курс), что привело к увеличению притоков капитала на фоне понижения международных процентных ставок в 1990 г. [6. С. 269].

¹ Хасбулатов Р. И. Трансформации экономических теорий и экономическая политика // Официальный сайт РЭУ им. Г. В. Плеханова. URL: <https://www.rea.ru/ru/org/cathedries/mireckaf/Pages/Публикации.aspx> (дата обращения: 07.02.2019).

Стоит отметить, что в Индонезии процесс финансовой либерализации сопровождался приватизацией государственного имущества, как и во многих развивающихся странах: Аргентине, Бразилии, Мексике и др. Однако, согласно Конституции Индонезии от 1945 г. (ст. 33), только государство может осуществлять управление в стратегически значимых секторах, в том числе связанных с природными ресурсами [7. С. 1]. До реформ по приватизации государственные предприятия принимали участие почти во всех секторах экономики и являлись в 1970-х гг. ядром стратегии по индустриализации [7. С. 54]. В Индонезии происходит частичная приватизация с сохранением государственного контроля с 1991 г. За период 1991–2018 гг. только у одного предприятия (сотовый оператор *PT Indosat Tbk.* в 2002 г.) был продан больше чем 50%-й пакет акций [8. С. 153; 9. С. 99].

Несмотря на то, что страна богата полезными ископаемыми, значительная доля прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ) в Индонезии приходится

на обрабатывающее производство (40 %), а также на торговлю (12 %) и финансовый сектор (13 %) (рис. 1).

В 1990–1991 гг. индонезийская экономика начала перегреваться: увеличился дефицит текущего счета, выросла инфляция и высоко поднялись процентные ставки. В это время увеличиваются притоки иностранного капитала в форме банковского займа. В ответ на это установлен контроль над иностранными займами для банков и уменьшен размер банковского валютного свопа в отношении собственного капитала банков. Но власти продолжают либерализацию для портфельных и прямых иностранных инвестиций, которые осуществлялись на фондовом рынке, а также принимались меры по увеличению финансирования торговли за счет иностранных займов [10. С. 23].

Но из-за роста финансовой нестабильности в Индонезии (дефицит текущего счета, обусловленный притоками краткосрочного капитала и высокой ликвидностью денежной базы) кризис в Таиланде стал спусковым механизмом для возникновения внутрен-

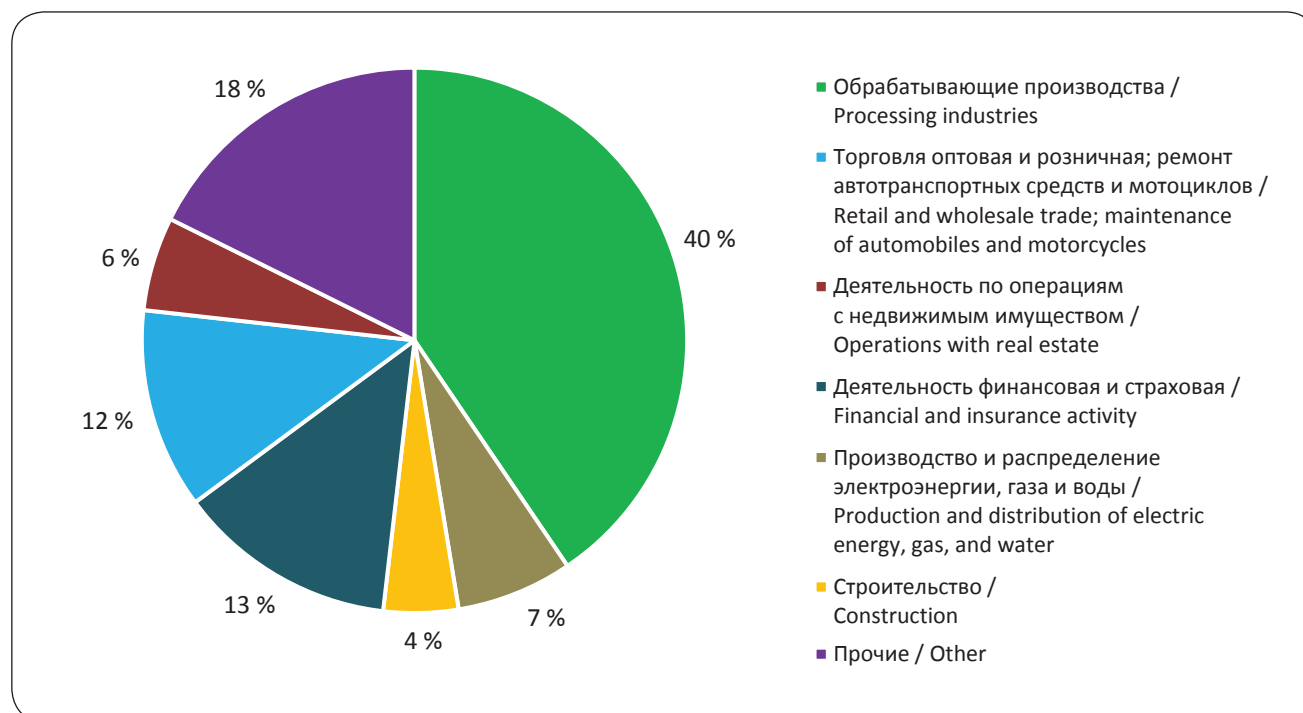

Рис. 1. Структура прямых иностранных инвестиций в Индонезии на 2019 г., %

Источник: Santander. URL: <https://santandertrade.com/> (дата обращения: 15.05.2021).

Fig. 1. Fig. 1. Structure of direct foreign investments in Indonesia in 2019, %

Source: Santander, available at: <https://santandertrade.com/> (access date: 15.05.2021).

него кризиса [11. С. 149]. В 1997 г. произошли резкие оттоки частного капитала из страны, в связи с этим национальная валюта к концу 1997 г. обесценилась меньше чем за шесть месяцев приблизительно на 55 %. Обесценение рупии сопровождалось банковским кризисом, переросшим в национальный экономический кризис: рост инфляции и безработицы [12. С. 157].

С 1978 г. в Индонезии был установлен режим управляемого плавающего курса, где якорем выступала корзина валют, и доллар США имел в ней существенный вес. Но большой отток капитала во время кризиса требовал значительных интервенций, что снизило эффект от стерилизации и затраты на денежно-кредитную политику. В итоге в 1997 г. был установлен режим свободно плавающего валютного курса для защиты валютных резервов². Однако покупательная сила рупии остается изменчивой и оказывает негативный эффект на национальную экономику, поэтому Центральный банк Индонезии осуществляет вмешательство при ее волатильности и резком обесценении с целью стабилизации ожиданий рынка (т. е. де-факто режим обменного курса является управляемым плавающим) [13. С. 36–37].

Основными элементами денежно-кредитной политики в Индонезии выступают отмена контроля процентной ставки по депозитам и кредитам для государственных банков, а также обеспечение стабильности внутренних цен (таргетирование инфляции) и национального обменного курса посредством операций на открытом рынке (начиная с конца 80-х гг.) [7. С. 34].

Одной из главных причин кризиса 1997 г. Гоелтом и соавторы называют либерализацию счета движения капитала в сочетании с плохим государственным управлением в финансовом секторе (в том числе в банковском), которая снизила финансовую устойчивость страны, и проявлялось это в следующем: 1) появилась чрезмерная зависимость от иностранных источников финансирования (займы частного сектора до кризиса выросли до 60 % от внешней задолженности); 2) банки стали использовать внешние краткосрочные

заимствования для финансирования долгосрочных кредитов, выраженных в рупиях [6. С. 273].

После азиатского кризиса в 1998 г. установлено ограничение на косвенное кредитование национальными банками нерезидентов через своп-рынок. В 1999 г. целью была поддержка стабильности рупии, в 2000 г. принята политика таргетирования инфляции [14. С. 13]. В 2001 г. ужесточено валютное регулирование для спекулятивных операций, чтобы снизить чрезмерное колебание валюты [6. С. 279]. Стоит отметить, что проблемы, связанные с падением доходов в посткризисный период (1999 г.) из-за падения экономической активности, были решены индонезийским правительством за счет сокращения государственных инвестиций и программ развития, а также получение доходов от частичной приватизации [15. С. 7–8]³.

По сравнению с азиатским кризисом 1997–1998 гг. экономика Индонезии оставалась относительно стабильной во время финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Основные проблемы в индонезийской экономике возникли по текущему счету: падение экспорта на 20 % по сравнению с декабрем 2008 г.⁴ Но, кроме этого, в Индонезии из-за неопределенности на мировых финансовых рынках появились следующие трудности для национальной экономики: обесценение валютного курса, сопровождаемого высокой волатильностью, высокая инфляция и отток капитала из страны⁵.

Как утверждает Сапарини, причиной кризиса 2008–2009 гг. стала та же самая ошибка, которую правительство Индонезии сделало во время кризиса 1997 г. Так как правительство стимулировало поступление краткосрочных потоков капитала⁶, это привело к снижению финансовой устойчивости страны

³ Indonesian Economic Report / Bank Indonesia. 2009. URL: <https://www.bi.go.id/en/publikasi/laporan-tahunan/perekonomian/Documents/bc444121546e41ec92bae5fc6dfdcc76LPI2008ingg.pdf> (дата обращения: 15.08.2018).

⁴ Indonesia // Social Protection. URL: <http://www.social-protection.org/gimi/RessourcePDF.action;jsessionid=9dABgMDcXGAh-CmIJ1ojqLhDAr7U2uAaEAG5UdyLhHuXkKtc70oZ> (дата обращения: 15.08.2018).

⁵ Indonesian Economic Report / Bank Indonesia. 2009. URL: <https://www.bi.go.id/en/publikasi/laporan-tahunan/perekonomian/Documents/bc444121546e41ec92bae5fc6dfdcc76LPI2008ingg.pdf> (дата обращения: 15.08.2018).

⁶ Повышение процентной ставки на фоне понижения ставок в мире и политика финансовой либерализации.

² History of Bank Indonesia: monetary. Period from 1997–1999 / Special Unit for Bank Indonesia Museum: History of Bank Indonesia. URL: <https://www.bi.go.id/en/tentang-bi/museum/sejarah-bi/bi/Documents/1559ad61c53d4bdea493ed0aea24b85fMicrosoftWordHistoryofMonetaryPeriod19971999.pdf> (дата обращения: 15.08.2018).

и перенаправлению инвестиций из реального сектора в финансовый. В дополнение к этому страна имела большой государственный долг (33 % к ВВП), несмотря на большие международные резервы и неразвитую обрабатывающую промышленность, что превратило страну в экспортера сырья [16. С. 23–26].

Но, несмотря на высокий уровень государственно-го долга Индонезии, в 2009 г. принимается программа по развитию инфраструктуры и снижению уровня бедности, что должно будет повысить бюджетный дефицит от 1 до 2,5 % к ВВП. Также для снижения воздействия финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. предпринимается политика стимулирования потребительского спроса: поднимается порог налогооблагаемого дохода для физических лиц, сокращаются ставки по подоходному налогу для домохозяйств и бизнеса. Но налоги на финансовые операции остаются без изменений [15. С. 13–23].

После финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. экономика азиатских стран ожидала возобновления притоков капитала. В связи с этим Индонезия проводит политику валютного курса, осуществляя валютные интервенции, и накладывает ограничения на притоки и оттоки капитала. В 2010 г. налагается месячный период (в 2011 г. увеличен до шести месяцев) владения Сертификатом Банка Индонезии (*Bank Indonesia Certificates, SBI*); установлены новые правила по чистым открытым валютным позициям; увеличена для банков доля валютных резервов при осуществлении краткосрочных заимствований. В 2011 г. установлены ограничения на инвестиции банков в валютные облигации [17. С. 43].

Также стоит отметить, что в границах блока АСЕАН+3⁸ происходят процессы региональной финансовой интеграции с 1997 г. в целях формирования устойчивости к кризисным явлениям. Индонезия, чтобы избежать повторения финансового кризиса, в рамках АСЕАН поддержала дорожную карту по финансовой и денежной интеграции и стала участником Чиангмайской инициативы, призванной укрепить

финансовую стабильность в регионе [18. С. 294; 19. С. 54].

Новый финансово-экономический кризис 2020–2021 гг., обусловленный пандемией COVID-19, стал также источником дестабилизации национальной экономики Индонезии, где финансовая открытость сыграла не последнюю роль. В частности, в стране наблюдается отток капитала, но за счет проведения политики стимулирования спроса, финансирования социально значимых проектов и стабилизации национального обменного курса ситуацию на фондовых рынках удалось смягчить. Также Банк Индонезии имеет защиту в виде двусторонних свопов для повышения долларовой ликвидности с Китаем, Японией, Сингапуром и другими центральными банками⁹.

Изучив опыт финансовой либерализации в Индонезии, можем подчеркнуть, что после широко-масштабной либерализации 60–90-х гг. XX в. и негативного воздействия азиатского кризиса и мирового финансового кризиса начинает меняться подход к экономической политике в стране. Происходит усиление роли государства в экономике с помощью налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики с введением ограничений на краткосрочные потоки капитала. При этом сохраняется государственное участие в добыче полезных ископаемых, банковском секторе и в некоторых секторах экономики, а также принимаются межгосударственные соглашения по поддержанию стабильности национальной валюты.

2. Обзор эконометрических исследований процесса финансовой либерализации и выбор модели

В настоящее время существует множество работ по исследованию процесса финансовой либерализации и его влияния на экономики стран с помощью эконометрических методов. В частности, наиболее распространенным методом исследования является использование множественной регрессии. В качестве независимых переменных берутся показатели де-юре или де-факто финансовой открытости, а зависимой переменной – макроэкономические показатели, ха-

⁷ Инструмент Центрального банка Индонезии для проведения операций на открытом рынке с целью контроля ликвидности в банковской системе.

⁸ Страны АСЕАН (Таиланд, Малайзия, Индонезия, Сингапур, Филиппины, Бруней, Вьетнам, Лаос, Мьянма и Камбоджа) плюс Япония, Южная Корея, Китай.

⁹ BI expects rebound in foreign capital flows later this year // The Jakarta Post. 2020. URL: <https://www.thejakartapost.com/news/2020/04/08/bi-expects-rebound-in-foreign-capital-flows-later-this-year.html> (дата обращения: 24.05.2021).

рактизирующие экономику страны [20–23]. Также зависимой переменной может выступать показатель финансовой открытости, если нужно выявить факторы, влияющие на политику финансовой либерализации [24–26]. В более поздних работах наблюдается усложнение моделей с помощью внедрения переменной-модератора¹⁰, что позволяет выявить определенные условия для эффективной политики финансовой либерализации [29, 30].

Среди новых эконометрических подходов исследования процессов финансовой либерализации выделяются векторные авторегрессионные модели (VAR) [31–34] или стохастические модели по изучению влияния внешних финансовых шоков на макроэкономическую стабильность стран в условиях финансовой открытости [35, 36, 30].

Модели VAR в большей мере используются при анализе влияния финансовой открытости на макроэкономические показатели отдельно по странам: например, Бразилии (за 2000–2008 гг.) [32, 37], Турции (за 1998–2012 гг. и 1989–2009 гг.) [39, 33], Китая (за 1979–2008 гг.) [31], Малайзии (за 2000–2015 гг.) [34]. Отмечены работы и с VAR-моделями по Индонезии [40], в том числе по финансовой открытости [41]. Преимущества VAR-моделей при исследовании данного процесса перед регрессионными уравнениями обусловлены решением следующих проблем:

1) позволяют отследить в долгосрочной перспективе эффект влияния финансовой либерализации на макроэкономические показатели стран;

2) учитывают взаимосвязь не только между политикой финансовой открытости и макроэкономическими показателями, а рассматривают экономику страны как систему под влиянием политики финансовой либерализации.

Исходя из этого, использование простого регрессионного анализа является нецелесообразным. В соответствии с этим для анализа влияния финансовой либерализации на экономическое состояние Индонезии в настоящем исследовании выбран векторный авторегрессионный анализ (VAR).

Следовательно, каждое снятое или поднятое ограничение можно рассмотреть в качестве шока финан-

совой интеграции с помощью структурной векторной авторегрессионной модели (SVAR), которая позволяет отследить реакцию макроэкономических показателей на шоки экономической политики и выявить адекватную эмпирическую модель экономики¹¹.

В настоящей работе предполагается исследовать влияние финансовой интеграции на рынок товаров и услуг, на валютный рынок и на денежный рынок. Рынок товаров и услуг представлен реальным ВВП, который генерирует шок предложения. Ситуация на валютном рынке отображается через реальный эффективный обменный курс, который генерирует валютный шок. И индекс потребительских цен показывает ситуацию на денежном рынке, генерируя денежный шок.

Статистический показатель финансовой интеграции стран выражается как сумма активов и пассивов международной инвестиционной позиции к ВВП¹², который генерирует шок финансовой либерализации. Выбор такого показателя обусловлен тем, что показатель де-факто открытости наиболее точно отображает ситуацию¹³ в стране и предоставляет возможность охватить большие временные периоды (доступность данных). Дополнительно учитывается влияние внешнего шока предложения, что требует включения показателя реального мирового ВВП (разность натуральных логарифмов) в виде экзогенной переменной в модель VAR.

Модель SVAR имеет следующий вид:

$$AY_t = F(L)Y_t + Bu,$$

$$A^{-1}AY_t = A^{-1}F(L)Y_t + A^{-1}Bu \text{ или}$$

$$Y_t = A^{-1}F(L)Y_t + A^{-1}Bu,$$

где $A^{-1}F(L) = \Phi(L)$ и $A^{-1}Bu = \varepsilon_t$. $Y_t = [y_{1t}, y_{2t}, y_{3t}, y_{4t}]'$ – вектор эндогенных переменных, y_{1t} – сумма активов и пассивов международной инвестиционной позиции к ВВП (далее – ОК), y_{2t} – разность

¹¹ Модели векторных авторегрессий или VAR-модели / Белорусский государственный университет. URL: <http://www.bsu.by/Cache/Page/513313.pdf> (дата обращения: 06.06.2016).

¹² Данный метод расчета показателя финансовой интеграции был использован в работе [38].

¹³ Введенные ограничения на потоки капитала не всегда эффективны, поэтому показатели де-юре финансовой открытости могут давать искаженные результаты.

натуральных логарифмов реального ВВП (2010) (далее – РВВП), y_{3t} – разность натуральных логарифмов реального эффективного валютного курса (2010) (далее – РЭОК) и y_{4t} – разность натуральных логарифмов индекса потребительских цен (2010) (далее – ИПЦ). A и B – $k \times k$ матрицы, подлежащие оценке, $u_t = [u_{1t}, u_{2t}, u_{3t}, u_{4t}]'$ – структурные шоки, где u_{1t} – шок финансовой интеграции, u_{2t} – шок предложения, u_{3t} – валютный шок и u_{4t} – монетарный шок.

Модель векторной авторегрессии $VAR(p)$ (каноническая форма) можно записать следующим образом:

$$Y_t = c + \Phi(L)Y_t + \Gamma X_t + \varepsilon_t,$$

где ε_t – вектор возмущений, а c – константа, X_t – экзогенная переменная, представленная темпами прироста реального мирового ВВП (2010), Φ и Γ – параметры, подлежащие оценке.

Параметры Φ и Γ , подлежащие оценке в модели VAR , оцениваются с помощью метода наименьших квадратов. Длина лага (L) определяется на основе информационных критериев выбора: информационные критерии Акайке, Шварца, Ханнан – Куинна, предельной ошибки прогнозирования и статистики LR (на уровне значимости 5 %).

Однако для идентификации параметров модели $SVAR$ требуется выполнить несколько условий. Во-первых, проверить модель VAR на стационарность с помощью нахождения обратных корней характеристического AR -полинома. Во-вторых, наложить ограничения на модель VAR .

В настоящем исследовании применяются ограничения, накладываемые на долгосрочные импульсные отклики (матрица F). Впервые данная методика была предложена в работе [42]. Главным достоинством данной методики является ее простота: ограничения накладываются исходя из предположений и не требуется использование макроэкономических формул при описании экономических процессов, т. е. сокращается риск неправильного описания экономических процессов. Долгосрочные ограничения в настоящей модели следующие:

1. На ставку реального эффективного обменного курса и на реальный ВВП монетарный шок не оказывает долгосрочного влияния [43. С. 83].

2. Шок предложения, валютный и монетарный шок не оказывают долгосрочного влияния на международные активы и пассивы рассматриваемой страны.

3. Валютный шок не имеет долгосрочного влияния на реальный ВВП.

Следовательно, матрица F будет иметь следующий вид:

$$F = \begin{pmatrix} c1 & 0 & 0 & 0 \\ c2 & c5 & 0 & 0 \\ c3 & c6 & c8 & 0 \\ c4 & c7 & c9 & c10 \end{pmatrix}.$$

Структурная идентификация модели VAR осуществляется с помощью метода максимального правдоподобия по алгоритму Ньютона – Рафсона в программе *EViews*. Полученные результаты представлены в виде графиков накопленных импульсных откликов, полученных после наложения ограничений, и декомпозиции дисперсии.

Графики накопленных импульсных откликов, построенные на основе идентифицированной модели $SVAR$, показывают единичное влияние структурного шока на эндогенную переменную. В частности, исходя из включенных в модель данных в виде темпов прироста (натуральных логарифмов), полученные результаты можно интерпретировать следующим образом: при прочих равных условиях одна единица структурного шока увеличит (уменьшит) эндогенную переменную на определенный процент за период t .

Однако графики накопленных импульсных откликов не могут показать важность участия структурного шока в эндогенных переменных. В связи с этим требуется разделение вариации эндогенной переменной на основе значимости влияния структурного шока (декомпозицию дисперсии). Результаты анализа представляются в виде графиков, где отображается в процентном выражении прогноз дисперсии, обусловленный возмущением структурных шоков, т. е. вклад структурных шоков в эндогенные переменные.

3. Статистические данные

Эконометрический анализ по Индонезии на основе представленных статистических данных производился поквартально за период с 1-го квартала 1994 г. по 4-й квартал 2018 г. Статистические данные взяты из официальных статистических баз данных: Международного валютного фонда, Всемирного банка и Банка международных расчетов (табл. 1).

Таблица 1

Источники статистических данных для модели SVAR (квартальные данные) по Индонезии

Table 1. Sources of statistical data for SVAR model (quarterly data) for Indonesia

Статистический показатель / Statistical indicator	Источники данных / Data sources
Статистические показатели международной инвестиционной позиции и платежного баланса по кварталам: – 1994–2013 гг. – квартальные данные по активам и пассивам международной инвестиционной позиции (далее – МИП) получены расчетным способом на основе данных платежного баланса; – 2014–2018 гг. – готовые квартальные данные по активам и пассивам МИП. Также данные МИП переведены из моментных в интервальные / Statistical indicators of investment position and payment balance by quarter: – 1994–2013 – quarterly data by assets and liabilities of the international investment position (further – IIP) are obtained by calculations based on balance-of-payment data; – 2014–2018 – ready quarterly data by assets and liabilities of IIP. IIP data also transferred from moment to interval ones	Balance of Payments and International Investment Position // IMF. URL: http://data.imf.org/ (дата обращения: 18.02.2020)
Валовой внутренний продукт (квартальные данные) / Gross domestic product (quarterly data)	National Accounts, Expenditure, Gross Domestic Product, Nominal, Domestic Currency // IMF. URL: http://data.imf.org/ (дата обращения: 23.05.2021). Обменный курс для пересчета в долл. США / Exchange rate for transferring into US \$: Exchange Rates, Domestic Currency per U.S. Dollar, Period Average, Rate // IMF. URL: http://data.imf.org/ (дата обращения: 23.05.2021)
Реальный эффективный обменный курс / Real effective exchange rate	BIS effective exchange rates monthly // BIS statistics. URL: https://stats.bis.org/ (дата обращения: 23.05.2021)
Индекс потребительских цен (базовый год = 2010) / Consumer Price Index (base year – 2020)	Prices, Consumer Price Index, All items, Index // IMF. URL: http://data.imf.org/ (дата обращения: 23.05.2021)
Реальный валовой внутренний продукт (базовый год = 2010) / Real gross domestic product (base year – 2020)	Gross domestic product - expenditure approach (VPVOBARSA: US dollars, volume estimates, fixed PPPs, OECD reference year, annual levels, seasonally adjusted) // OECD Statistics. URL: https://stats.oecd.org/ (дата обращения: 12.12.2021)
Мировой реальный валовой региональный продукт (базовый год = 2010) / Global real gross regional product (base year – 2020)	GDP, constant 2010 US\$, millions, seas. adj., [NYGDPMKTPSAKD] – World [WLT] // The World Bank Group. URL: https://databank.worldbank.org/ (дата обращения: 23.05.2021)

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Предварительно были взяты разности логарифмов по всем показателям с целью ухода от нестационарности временного ряда и удобства интерпретации, за исключением показателя финансовой интеграции, который был взят для анализа в виде последовательных разностей. Реальный ВВП, РЭОК и ИПЦ представлены изначально в абсолютных значениях в отличие от показателя финансовой интеграции.

4. Результаты эконометрического анализа

Исходя из рассчитанных критериев выбора длины лага показана необходимость использования в модели VAR лага длиной в пять кварталов. Модель VAR ста-

ционарна, так как все полученные обратные корни AR-полинома по модулю меньше единицы.

В ходе оценки модели SVAR по Индонезии выявлено, что влияние структурных шоков на эндогенные переменные значимо на уровне значимости 5 % за исключением влияния валютного шока на РЭОК (табл. 2).

На графиках накопленных импульсных откликов в пределах пяти лет установлено, что при прочих равных условиях шок усиления финансовой интеграции в Индонезии приводит к росту суммы международных активов и пассивов к ВВП, но при этом снижается реальный ВВП и РЭОК, а также возрастает индекс потребительских цен (рис. 2).

Таблица 2

Результаты оценивания SVAR-модели по Индонезии (матрица F)

Table 2. Results of assessing the SVAR-model for Indonesia (F matrix)

	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
C(1)	0.079041	0.005765	13.71131	0.0000
C(2)	-0.018783	0.002611	-7.193060	0.0000
C(3)	-0.043318	0.004873	-8.889590	0.0000
C(4)	0.028748	0.005312	5.412334	0.0000
C(5)	0.021554	0.001572	13.71131	0.0000
C(6)	0.022302	0.003334	6.688195	0.0000
C(7)	-0.044471	0.003647	-12.19522	0.0000
C(8)	0.028222	0.002058	13.71131	0.0000
C(9)	0.001911	0.001661	1.150593	0.2499
C(10)	0.016046	0.001170	13.71131	0.0000
Log likelihood	847.5669			

Источник: составлено и рассчитано автором в программе EViews.

Source: compiled and calculated by the author with EViews software.

Однако в ходе структурной декомпозиции дисперсии выявлено, что шок финансовой интеграции вносит наибольший вклад в показатель ОК (около 65 %). Но с 3-го квартала значимость шока финансовой интеграции снижается в данном показателе, а значимость валютного шока увеличивается. Интересный факт, что показатель ОК после 3-го квартала становится более эндогенным, так как зависит не только от шока, который он генерирует. При этом вклад валютного шока в этот показатель значительно увеличивается (рис. 3).

В реальный ВВП и РЭОК вклад шока финансовой интеграции значительно ниже – около 30 % вариации показателей, в то время как влияние на инфляцию возрастает постепенно от 3 до 20 % дисперсии за пять лет (рис. 3).

Суммируя полученные результаты, можно сделать вывод, что финансовая либерализация приводит к снижению реального ВВП, реального эффективного обменного курса и повышению инфляции в Индонезии.

Но в Индонезии процесс финансовой либерализации не является основным фактором, объясняющим макроэкономическую ситуацию в данной стране. В большей мере влияние на макроэкономические показатели оказывают шок-предложения, денежный шок и валютный шок, что показывает значимость комплексной экономической политики. Даже показатель

степени финансовой интеграции имеет зависимость не только от мер по контролю финансового капитала, а от развития производства, валютной и денежной политики, проводимой в Индонезии.

Выводы

Индонезия – одна из стран, которая, предвзято финансово-экономический кризис, активно проводила политику финансовой либерализации. В результате для нее основным каналом передачи «финансовой инфекции» послужили трансграничные потоки капитала. При этом не было выявлено взаимосвязи между экономическим ростом и финансовой открытостью. Следовательно, либерализация не только не стала фактором устойчивого роста, но явилась источником финансовой нестабильности и ослабила защиту Индонезии перед внешними шоками.

Также опыт Индонезии показал, что финансовая либерализация оказывает значительное влияние на проводимую экономическую политику и институциональную среду. С одной стороны, осуществляется приватизация государственных предприятий и банков иностранцами, усиливая приток ПИИ; сокращаются расходы на обеспечение стабильности национальной валюты из-за принятия плавающего обменного курса. Наблюдаются угрозы для национальной безопасности под воздействием финансовой открытости развиваю-

щихся стран: усиление влияния на экономику из-за границы, увеличивается возможность резкого оттока капитала и дестабилизации обменного курса. Но, с другой стороны, политика финансовой либерализации требует мер по усилению участия государства в экономике и планомерного подхода к данной политике: осуществление валютных интервенций для обеспечения стабильности национальной валюты; увеличения бюджетных расходов на поддержание

экономической стабильности и обеспечения экономического роста; ограничения краткосрочных потоков капитала; использования региональных финансовых инструментов.

Исследование влияния процессов финансовой либерализации в Индонезии с помощью модели SVAR на основе введения долгосрочных ограничений показало негативное воздействие на их макроэкономическое состояние. В частности, отмечены отрицательные

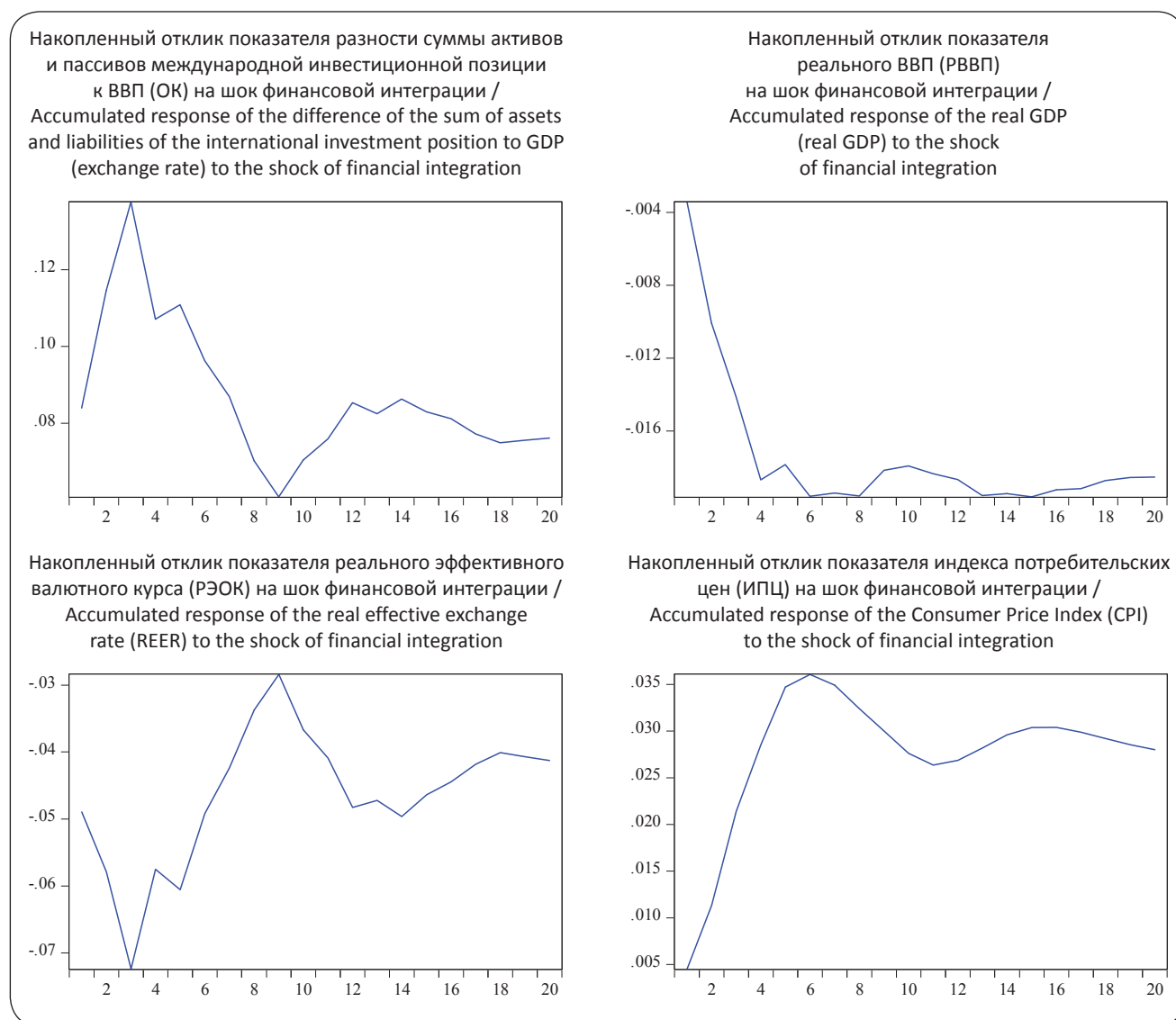

Рис. 2. Функции накопленных импульсных откликов на шок финансовой интеграции в Индонезии

Источник: составлено и рассчитано автором в программе EViews.

Fig. 2. Functions of accumulated impulse responses to the shock of financial integration in Indonesia

Source: compiled and calculated by the author with EViews software.

темпы роста реального валового продукта, падение реального эффективного обменного курса и увеличение темпов роста инфляции.

Результаты исследования показывают, что быстрая финансовая либерализация не стала ключом успеха для развития индонезийской экономики, а, наоборот, явилась причиной ее дестабилизации в условиях глобальной нестабильности. Опыт Индонезии демонстрирует важность координации внутренней

экономической политики и политики, связанной с регулированием потоков финансового капитала, особенно в кризисные периоды. Также результаты эконометрической модели подтверждают, что значимость влияния шока финансовой интеграции на эндогенные переменные достаточно небольшая в Индонезии, а в большей мере они определяются не только валютным регулированием, но и комплексной экономической политикой.

Рис. 3. Результаты декомпозиции дисперсий по Индонезии

Источник: составлено и рассчитано автором в программе EViews.

Fig. 3. Results of decomposition of dispersions for Indonesia

Source: compiled and calculated by the author with EViews software.

Список литературы

1. Смыслов Д. В. Международная валютная система: тенденции эволюции // Деньги и кредит. 2013. № 10. С. 46–58.
2. Раков И. Д. Теоретические концепции финансовой либерализации // Финансы и кредит. 2019. Т. 25, № 8 (788). С. 1933–1948. DOI: <https://doi.org/10.24891/fc.25.8.1933>
3. Caupin V. IV/Les pays émergents face aux flux (et reflux) de capitaux // L'économie mondiale 2015. Paris: La Découverte, 2014. С. 57–72.
4. Яковлев И. А., Швандар К. В. Использование режима плавающего обменного курса в странах с переходной экономикой // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2015. № 5 (27). С. 103–112.
5. Навой А. В. Концепция валютно-финансового регулирования национальной экономики в условиях нестабильности глобальных финансов // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2018. № 1. С. 71–86. DOI: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2018-1-71-86>
6. Goeltom M. S. et al. Capital flows in Indonesia: challenges and policy responses // Participants in the meeting. 2008. Pp. 265–287.
7. Supit B. N. Privatization in Indonesia: One Economic Strategy to Accelerate Economic Growth / Benyamen N. Supit. Naval Postgraduate School Monterey CA, 1996. 89 p. URL: <http://hdl.handle.net/10945/32123> (дата обращения: 24.05.2021).
8. Soejono F., Heriyanto F. X. Privatization Method and Firm Performance: A Study of Indonesia's State-owned Enterprises // Jurnal Dinamika Manajemen. 2018. Vol. 9, № 2. Pp. 149–158.
9. Nahadi B., Suzuki Y. Partial privatization and performance of privatized SOES: the evidence from Indonesia // Journal of Economics and Sustainable Development. 2012. Т. 3, № 14. Pp. 98–109.
10. Sequencing capital account liberalization: lessons from the experiences in Chile, Indonesia, Korea, and Thailand / C. Echeverria, M. S. M. Darbar, M. R. B. Johnston; International Monetary Fund // International Monetary Fund. 1997. № 97–157. 115 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/wp97157.pdf> (дата обращения: 21.02.2019).
11. Iriana R., Sjöholm F. Indonesia's economic crisis: contagion and fundamentals // The Developing Economies. 2002. Vol. 40, № 2. Pp. 135–151.
12. Tambunan T. T. H. The Indonesian experience with two big economic crises // Modern Economy. 2010. Vol. 1, № 03. Pp. 156–167.
13. Syarifuddin F. et al. Monetary policy response on exchange rate volatility in Indonesia // Journal of Contemporary Economic and Business Issues. 2014. Vol. 1, № 2. Pp. 35–54.
14. Hiew L. C. Financial Liberalization and Money Demand in Indonesia: Implications for Weighted Monetary Aggregates. Universiti Malaysia Sarawak, 2010. URL: <http://www.centerforfinancialstability.org/amfm/studies/2011-04-prHiewLC.pdf> (дата обращения: 15.08.2018).
15. Francis S. Fiscal policy evolution and distributional implications: The Indonesian experience // International Development Economics Associates. 2012. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/23b5/4b74084204ba9e5323b6eec26468b961144d.pdf> (дата обращения: 25.07.2019).
16. Saparini H. Policy response to overcome crisis: A lesson from Indonesian case // International conference on “Re-regulating global finance in the light of the global crisis”, Beijing, China. Google Scholar. 2009. 26 p. URL: http://www.networkideas.org/ideasact/feb09/Beijing_Conference_09/Hendri_Saparini.pdf (дата обращения: 21.02.2019).
17. Managing Capital Flows: Lessons from the Recent Experiences of Emerging Asian Economies / M. Kawai, M. B. Lamberte, S. 3. Takagi // Regulating global capital flows for long-run development/ ed. A. Bhattacharya et al. 2012. Pp. 35–46.
18. Indonesia: A country study / ed. W. H. Frederick, R. L. Worden. Government Printing Office, 2011. 440 p. URL: http://www.loc.gov/frd/cs/pdf/CS_Indonesia.pdf (дата обращения: 21.02.2019).
19. Региональные финансовые механизмы и их роль в обеспечении финансовой стабильности (опыт АСЕАН) / И. А. Яковлев, Л. С. Кабир, С. И. Никулина, И. Д. Раков // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2016. № 5 (33). С. 52–62.
20. Kraay A. In search of the macroeconomic effects of capital account liberalization / The World Bank Group. 1998. 45 p. URL: http://siteresources.worldbank.org/DEC/Resources/22237_CALMacroEffects_Manuscript.pdf (дата обращения: 07.03.2019).
21. Laurenceson J., Tang K. K. China's capital account convertibility and financial stability // Discussion Paper. 2005. № 5. 26 p. URL: <http://www.uq.edu.au/economics/eaerg/dp/0505.pdf> (дата обращения: 29.10.2018).
22. Gamra S. B., Clévenot M. Les effets ambigus de la libéralisation financière dans les pays en développement Croissance économique ou instabilité financière? / S. B. Gamra, M. Clévenot. Centre d'Economie de l'Université Paris Nord (ancienne affiliation) (CEPN), 2008. 24 p. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00323334/> (дата обращения: 04.12.2018).
23. Montecino J. A. Capital controls and the real exchange rate: Do controls promote disequilibria? // Journal of International Economics. 2018. Т. 114. С. 80–95. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2018.05.005>

24. Pepinsky T. B. Do currency crises cause capital account liberalization? // *International Studies Quarterly*. 2012. T. 56, № 3. С. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2012.00729.x>
25. Capital-flow management measures: What are they good for? / K. Forbes, M. Fratzscher, R. Straub // *Journal of International Economics*. 2015. T. 96. Pp. S76–S97. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2014.11.004>
26. Раков И. Д. Особенности применения эконометрического моделирования при исследовании финансовой либерализации // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2019. № 4 (29). С. 325–329. DOI: <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0804-0073>
27. Fairchild A. J., MacKinnon D. P. A general model for testing mediation and moderation effects // *Prevention Science*. 2009. T. 10, № 2. С. 87–99.
28. Williams R. Interaction effects between continuous variables (Optional). 2015. URL: <https://www3.nd.edu/~rwilliam/stats2/155.pdf> (дата обращения: 21.03.2017).
29. Okada K. The interaction effects of financial openness and institutions on international capital flows // *Journal of Macroeconomics*. 2013. T. 35. С. 131–143. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2012.11.003>
30. Corruption, capital account liberalization, and economic growth: Theory and evidence / T. Kunieda, K. Okada, A. Shibata // *International Economics*. 2014. T. 139. Pp. 80–108. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2014.03.001>
31. Financial reform in China: Progresses and challenges / Y. Huang, X. Wang, N. Lin. China Macroeconomic Research Center, Peking University, 2013. URL: <http://workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/UNPAN94527.pdf> (дата обращения: 24.10.2018).
32. Baba C. et al. Effectiveness of capital controls in selected emerging markets in the 2000s // *International Monetary Fund*. 2011. № 11/281. 45 p. URL: https://www.imf.org/~media/Websites/IMF/imported-full-text-pdf/external/pubs/ft/wp/2011/_wp11281.ashx (дата обращения: 09.03.2019).
33. Kandil M., Trabelsi M. On capital flows and macroeconomic performance: Evidence before and after the financial crisis in Turkey // *Borsa Istanbul Review*. 2015. T. 15, № 4. Pp. 249–258. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bir.2015.09.001>
34. Macro-Financial Effects of Portfolio Flows: Malaysia's Experience / T. Hwa, M. Raghavan, T. Huey // *CAMA Working Paper*. 2017. № 35/2017. 37 p. URL: https://papers.ssrn.com/Sol3/papers.cfm?abstract_id=2962154 (дата обращения: 13.09.2021).
35. Financial Liberalization and Banking Crises: A Cross-Country Analysis / A. P. Angikand, W. Sawangngoenyuan, C. Wihlborg // *International Review of Finance*. 2010. T. 10, № 2. С. 263–292. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2443.2010.01114.x>
36. Glick R., Hutchison M. Capital controls and exchange rate instability in developing economies // *Journal of International Money and Finance*. 2005. T. 24, № 3. Pp. 387–412. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2004.11.004>
37. Ono F. H. et al. Conversibilidade da conta de capital, taxa de juros e crescimento econômico: uma avaliação empírica da proposta de plena conversibilidade do real // *Revista de Economia Contemporânea*. 2005. T. 9, № 2. Pp. 231–261. DOI: <https://doi.org/10.1590/S1415-98482005000200001>
38. Lane P. R., Milesi-Ferretti G. M. International financial integration // *IMF Staff Papers*. 2003. T. 50, № 1. С. 82–113. DOI: <https://doi.org/10.2307/4149916>
39. Financial liberalization and economic growth in Turkey: a reexamination / G. Dinar, B. Dalgiç, P. Iyidoğan // *Hacettepe Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi*. 2015. T. 33, № 1. Pp. 19–43. DOI: <https://doi.org/10.17065/huiibf.75983>
40. Syamsi M. N. et al. International Trade, Financial Development, Foreign Exchange Reserve and Output in Indonesia // *International Journal of Academic Research in Accounting, Finance and Management Sciences*. 2020. T. 10, № 1. Pp. 324–333. DOI: <https://doi.org/10.6007/IJARAFMS/v10-i1/7205>
41. Simorangkir I. The Openness And Its Impact To Indonesian Economy: A Structural Var Approach // *Buletin Ekonomi Moneter dan Perbankan*. 2008. T. 10, № 3. Pp. 223–260. DOI: <https://doi.org/10.21098/bemp.v10i3.227>
42. Blanchard O. J., Quah D. The dynamic effects of aggregate demand and supply disturbances // *The American Economic Review*. T. 79, № 4. Pp. 655–673. DOI: <https://doi.org/10.3386/w2737>
43. Huang Y., Guo F. Is currency union a feasible option in East Asia?: A multivariate structural VAR approach // *Research in international business and finance*. 2006. T. 20, № 1. Pp. 77–94.

References

1. Smyslov, D. V. (2013). Progress trends in the international currency system. *Den'gi i Kredit*, 10, 46–58 (in Russ.).
2. Rakov, I. D. (2019). Theoretical concepts of financial liberalization. *Finance and Credit*, 25, 8 (788), 1933–1948. <https://doi.org/10.24891/fc.25.8.1933>
3. Caupin, V. (2014). IV/Les pays émergents face aux flux (et reflux) de capitaux. In *L'économie mondiale 2015* (pp. 57–72). Paris, La Découverte.

4. Yakovlev, I. A., Shvandar, K. V. (2015). Using the float exchange rate regime in the countries with transitional economy. *Financial Journal*, 5 (27), 103–112 (in Russ.).
5. Navoy, A. V. (2018). Concept of the Exchange Rate Policy and Capital Control of the National Economy in Terms of Global Finance Instability. *Financial Journal*, 1, 71–86. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2018-1-71-86>
6. Goeltom, M. S. et al. (2008). Capital flows in Indonesia: challenges and policy responses, *Participants in the meeting*, 265–287.
7. Supit, B. N. (1996). *Privatization in Indonesia: One Economic Strategy to Accelerate Economic Growth*, Naval Postgraduate School Monterey CA. <http://hdl.handle.net/10945/32123> (access date: 24.05.2021).
8. Soejono, F., Heriyanto, F. X. (2018). Privatization Method and Firm Performance: A Study of Indonesia's State-owned Enterprises. *Jurnal Dinamika Manajemen*, 9 (2), 149–158.
9. Nahadi, B., Suzuki, Y. (2012). Partial privatization and performance of privatized SOES: the evidence from Indonesia. *Journal of Economics and Sustainable Development*, 3 (14), 98–109.
10. Echeverria, C., Darbar, M. S. M., Johnston, M. R. B. (1997). Sequencing capital account liberalization: lessons from the experiences in Chile, Indonesia, Korea, and Thailand. *International Monetary Fund*, 97–157, 115 p. <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/wp97157.pdf> (access date: 21.02.2019).
11. Iriana, R., Sjöholm, F. (2002). Indonesia's economic crisis: contagion and fundamentals. *The Developing Economies*, 40 (2), 135–151.
12. Tambunan T. T. H. (2010). The Indonesian experience with two big economic crises. *Modern Economy*, 1 (03), 156–167.
13. Syarifuddin, F. et al. (2014). Monetary policy response on exchange rate volatility in Indonesia. *Journal of Contemporary Economic and Business Issues*, 1 (2), 35–54.
14. Hiew, L. C. (2010). *Financial Liberalization and Money Demand in Indonesia: Implications for Weighted Monetary Aggregates*, Universiti Malaysia Sarawak. <http://www.centerforfinancialstability.org/amfm/studies/2011-04-prHiewLC.pdf> (access date: 15.08.2018).
15. Francis, S. (2012). *Fiscal policy evolution and distributional implications: The Indonesian experience*, International Development Economics Associates. <https://pdfs.semanticscholar.org/23b5/4b74084204ba9e5323b6eec26468b961144d.pdf> (access date: 25.07.2019).
16. Saparini, H. Policy response to overcome crisis: A lesson from Indonesian case. *International conference on "Re-regulating global finance in the light of the global crisis"*, Beijing, China. http://www.networkideas.org/ideasact/feb09/Beijing_Conference_09/Hendri_Saparini.pdf (access date: 21.02.2019).
17. Kawai, M., Lamberte, M. B., Takagi, S. 3. (2012). Managing Capital Flows: Lessons from the Recent Experiences of Emerging Asian Economies. In A. Bhattacharya et al. (Eds.), *Regulating global capital flows for long-run development* (pp. 35–46).
18. Frederick, W. H., Worden, R. L. (2011). *Indonesia: A country study*, Government Printing Office. http://www.loc.gov/rr/frd/cs/pdf/CS_Indonesia.pdf (access date: 21.02.2019).
19. Yakovlev, I. A., Kabir, L. S., Nikulina, S. I., Rakov, I. D. (2016). Regional financial mechanisms and their role in providing financial stability (ASEAN experience). *Financial Journal*, 5 (33), 52–62 (in Russ.).
20. Kraay, A. (1998). *In search of the macroeconomic effects of capital account liberalization*, The World Bank Group. http://siteresources.worldbank.org/DEC/Resources/22237_CALMacroEffects_Manuscript.pdf (access date: 07.03.2019).
21. Laurenceson, J., Tang, K. K. (2005). China's capital account convertibility and financial stability. *Discussion Paper*, 5, 26 p. <http://www.uq.edu.au/economics/eaerg/dp/0505.pdf> (access date: 29.10.2018).
22. Gamra, S. B., Clévenot, M. (2008). *Les effets ambigus de la libéralisation financière dans les pays en développement Croissance économique ou instabilité financière?*, Centre d'Economie de l'Université Paris Nord (ancienne affiliation) (CEPN), 24 p. <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00323334/> (access date: 04.12.2018).
23. Montecino, J. A. (2018). Capital controls and the real exchange rate: Do controls promote disequilibria?. *Journal of International Economics*, 114, 80–95. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2018.05.005>
24. Pepinsky, T. B. (2012). Do currency crises cause capital account liberalization?. *International Studies Quarterly*, 56 (3), 1–17. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2012.00729.x>
25. Forbes, K., Fratzscher, M., Straub, R. (2015). Capital-flow management measures: What are they good for?. *Journal of International Economics*, 96, S76–S97. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2014.11.004>
26. Rakov, I. D. (2019). Econometric modeling application features in the investigation of financial liberalization. *Azimuth of Scientific Research: Economics And Administration*, 4 (29), 325–329. <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0804-0073>
27. Fairchild, A. J., MacKinnon, D. P. (2009). A general model for testing mediation and moderation effects. *Prevention Science*, 10 (2), 87–99.
28. Williams, R. (2015). *Interaction effects between continuous variables (Optional)*. <https://www3.nd.edu/~rwilliam/stats2/155.pdf> (access date: 21.03.2017).

29. Okada, K. (2013). The interaction effects of financial openness and institutions on international capital flows. *Journal of Macroeconomics*, 35, 131–143. <https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2012.11.003>
30. Kunieda, T., Okada, K., Shibata, A. (2014). Corruption, capital account liberalization, and economic growth: Theory and evidence. *International Economics*, 139, 80–108. <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2014.03.001>
31. Huang, Y., Wang, X., Lin, N. (2013). *Financial reform in China: Progresses and challenges*, China Macroeconomic Research Center, Peking University. <http://workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/UNPAN94527.pdf> (access date: 24.10.2018).
32. Baba, C. et al. (2011). Effectiveness of capital controls in selected emerging markets in the 2000s. *International Monetary Fund*, 11/281, 45. https://www.imf.org/~media/Websites/IMF/imported-full-text-pdf/external/pubs/ft/wp/2011/_wp11281.ashx (access date: 09.03.2019).
33. Kandil, M., Trabelsi, M. (2015). On capital flows and macroeconomic performance: Evidence before and after the financial crisis in Turkey. *Borsa Istanbul Review*, 15 (4), 249–258. <https://doi.org/10.1016/j.bir.2015.09.001>
34. Hwa, T., Raghavan, M., Huey, T. (2017). Macro-Financial Effects of Portfolio Flows: Malaysia's Experience. *CAMA Working Paper*, 35/2017, 37. https://papers.ssrn.com/Sol3/papers.cfm?abstract_id=2962154 (access date: 13.09.2021).
35. Angikand, A. P., Sawangngoenyuan, W., Wihlborg, C. (2010). Financial Liberalization and Banking Crises: A Cross-Country Analysis. *International Review of Finance*, 10 (2), 263–292. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2443.2010.01114.x>
36. Glick, R., Hutchison, M. (2005). Capital controls and exchange rate instability in developing economies. *Journal of International Money and Finance*, 24 (3), 387–412. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2004.11.004>
37. Ono, F. H. et al. (2005). Conversibilidade da conta de capital, taxa de juros e crescimento econômico: uma avaliação empírica da proposta de plena conversibilidade do real. *Revista de Economia Contemporânea*, 9 (2), 231–261. <https://doi.org/10.1590/S1415-98482005000200001>
38. Lane, P. R., Milesi-Ferretti, G. M. (2003). International financial integration, *IMF Staff Papers*, 50 (1), 82–113. <https://doi.org/10.2307/4149916>
39. Dinar, G., Dalgıç, B., İyidoğan, P. (2015). Financial liberalization and economic growth in Turkey: a reexamination. *Hacettepe Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi*, 33 (1), 19–43. <https://doi.org/10.17065/huiibf.75983>
40. Syamsi, M. N. et al. (2020). International Trade, Financial Development, Foreign Exchange Reserve and Output in Indonesia. *International Journal of Academic Research in Accounting, Finance and Management Sciences*, 10 (1), 324–333. <https://doi.org/10.6007/IJARAFMS/v10-i1/7205>
41. Simorangkir, I. (2008). The Openness And Its Impact To Indonesian Economy: A Structural Var Approach. *Buletin Ekonomi Moneter dan Perbankan*, 10 (3), 223–260. <https://doi.org/10.21098/bemp.v10i3.227>
42. Blanchard, O. J., Quah, D. (1988). The dynamic effects of aggregate demand and supply disturbances. *The American Economic Review*, 79 (4), 655–673. <https://doi.org/10.3386/w2737>
43. Huang, Y., Guo, F. (2006). Is currency union a feasible option in East Asia?: A multivariate structural VAR approach. *Research in International Business and Finance*, 20 (1), 77–94.

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 07.08.2021

Дата принятия в печать / Accepted 08.10.2021

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ / CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

Редактор рубрики С. А. Андрияшин / Rubric editor S. A. Andryushin

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.702-712>

УДК 004:336

JEL: G1, G2, L86

А. В. КУРНОСОВ¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия

SUPTECH- И REGTECH-ИНИЦИАТИВЫ: АНАЛИЗ БАЗОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК И МОДЕЛЬНЫХ РИСКОВ

Курносков Артем Вячеславович, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: kurnosov.work@gmail.com

Аннотация

Цель: анализ *SupTech*- и *RegTech*-инициатив центральных банков в контексте их сущностных характеристик и модельных рисков.

Методы: в работе использовалось сочетание методов диалектического, эмпирического, сравнительного и логического исследований.

Результаты: определены дефиниции технологий *SupTech* и *RegTech*; показаны существующие в рамках их использования проблемы в правовом поле и способы их решения; дана оценка модельным рискам, в частности рискам возникновения неблагоприятных последствий в результате использования в моделях неточностей, ошибок, ложных предпосылок и проведения неверной настройки.

Научная новизна: в статье определены модельные риски и предложены способы их снижения, в частности рисков возникновения неблагоприятных последствий в результате использования неточностей, ошибок, ложных предпосылок и проведения неверной настройки; показана необходимость наличия системы регулирующих нормативных правовых актов; предложены варианты интерпретации результатов моделей.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы для выработки глоссария, терминов и определений *SupTech*- и *RegTech*-инициатив, механизмов регулирования и правовой базы для их функционирования, а также разработки методов снижения рисков, связанных с имплементацией и функционированием *SupTech*- и *RegTech*-инициатив.

Ключевые слова: *SupTech*, *RegTech*, регулирование, центральный банк, модельные риски, надзор, надзорные технологии, регуляторные технологии

© Курносков А. В., 2021

© Kurnosov A. V., 2021

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-510-00009 Бел_а.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Курносков А. В. SupTech- и RegTech-инициативы: анализ базовых характеристик и модельных рисков // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Т. 15, № 4. С. 702–712. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.702-712>

The scientific article

A. V. KURNOSOV¹

¹ *Russian Academy for Economy and State Service under the Russian President, Moscow, Russia*

SUPTECH AND REGTECH INITIATIVES: ANALYSIS OF THE BASIC CHARACTERISTICS AND MODEL RISKS

Artem V. Kurnosov, Russian Academy for Economy and State Service under the Russian President

E-mail: kurnosov.work@gmail.com

Abstract

Objective: to analyze the SupTech and RegTech initiatives of central banks in the context of their essential characteristics and model risks.

Methods: the work used a combination of methods of dialectical, empirical, comparative and logical research.

Results: SupTech and RegTech technologies are defined; problems in the legal field existing within the framework of their use and ways to solve them are shown; model risks are assessed, in particular, the risks of adverse consequences resulting from the use of inaccuracies, errors, false assumptions and incorrect settings in models.

Scientific novelty: the article identifies the model risks and suggests ways to reduce them, in particular, the risks of adverse consequences resulting from the use of inaccuracies, errors, false assumptions and incorrect settings; the work shows the need for a regulatory legal acts system and offers options for interpreting the models results.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used to develop a glossary, terms and definitions of SupTech and RegTech initiatives, the regulatory mechanisms and legal framework for their functioning, as well as to develop methods to reduce risks associated with the implementation and functioning of SupTech and RegTech initiatives.

Keywords: SupTech, RegTech, Regulation, Central Bank, Model risks, Supervision, Supervisory technologies, Regulatory technologies

Financial Support: the work was carried out with the financial support of the RFBR, grant No. 20-510-00009 Bel_a.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kurnosov, A. V. (2021). SupTech and RegTech initiatives: analysis of the basic characteristics and model risks, *Russian Journal of Economics and Law*, 15 (4), 702–712 (in Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.702-712>

Введение

В настоящее время регуляторы многих стран стремятся автоматизировать и оцифровать как собственные бизнес-процессы, так и взаимоотношения с подотчетными финансовыми организациями в области регуляторной и надзорной деятельности.

В качестве отдельной задачи в области цифровизации финансового рынка до 2024 г. Банк России выделяет внедрение *SupTech*- и *RegTech*-решений [17]. В качестве первоочередных целей выделяются повышение эффективности регуляторной и надзорной деятельности, в том числе снижение издержек как со стороны Банка России, так и всех поднадзорных ему финансовых посредников.

В российской практике существует немногочисленное количество научных работ на тему *SupTech*- и *RegTech*-инициатив в целом и их развития, однако работ, затрагивающих специфические модельные риски, в частности риски в результате использования в моделях неточностей, ошибок, ложных предпосылок и проведения неверной настройки, не встречаются. В зарубежной практике имеются заметки регуляторов и рабочие документы Банка международных расчетов, находящиеся в процессе дополнений и обновлений. В них также не сформированы методические рекомендации, а отмечается лишь факт наличия рисков, связанных с неверной интерпретацией, и ошибок в моделях. Ссылки на зарубежные исследования приводятся в статье.

Актуальность обусловлена переходом регуляторов по всему миру к развитию регуляторных технологий *RegTech* и *SupTech* в последние годы, отсутствием единых утвержденных подходов и общепринятой исследовательской базы.

Целью статьи является анализ *SupTech* и *RegTech* инициативы центральных банков, в контексте их существенных характеристик и модельных рисков, что включает определение категорий *SupTech* и *RegTech*, выявление проблематики правовой имплементации, возможностей и улучшений функционирования как *SupTech*- и *RegTech*-инициатив в целом, так и их отдельных элементов; определение и оценка модельных рисков, в частности рисков в результате использования в моделях неточностей, ошибок, ложных предпосылок и проведения неверной настройки.

Задачами проведенного исследования являются: выявление существенных признаков и критериев катего-

рий *RegTech*- и *SupTech*-инициатив; оценка модельных рисков в результате использования в моделях неточностей, ошибок, ложных предпосылок и проведения неверной настройки; выделение способов снижения модельных рисков и формулирование условий эффективного снижения выявленных рисков.

В статье рассмотрены функции ЦБ РФ, политика в отношении *RegTech*- и *SupTech*-инициатив, правовые аспекты, основные стандарты обмена и передачи данных в рамках *RegTech*- и *SupTech*-инициатив, интерфейсы взаимодействия и дана комплексная оценка сложившейся ситуации в сфере функционирования *RegTech*- и *SupTech*-инициатив, выявлены ряд недостатков, решение которых позволит улучшить функционирование технологий *RegTech* и *SupTech* и взаимодействие Банка России с подотчетными организациями и участниками финансового рынка, выявлены зоны развития и использования технологий *RegTech* и *SupTech*. Также рассмотрены интерфейсы взаимодействия регулятора с поднадзорными организациями, модельные риски в рамках технологий *RegTech* и *SupTech*, дана их оценка и предложены методы их снижения. Помимо этого, показана необходимость системы регулирующих нормативных правовых актов, предложены варианты интерпретации результатов моделей.

Функции ЦБ РФ в рамках технологий *SupTech* и *RegTech*

В деятельности ЦБ РФ стоит различать регулирующие и надзорные функции в качестве инструментов политики ЦБ РФ. Основной целью пруденциального надзора в экономике является ограничение финансовых рисков, в то время как регулирование направлено в первую очередь на упрощение взаимодействия с подотчетными организациями.

Мировая практика в целом и со стороны ответственного регулятора в частности развивается в направлении *SupTech*- и *RegTech*-инициатив. В связи с этим актуальным является вопрос корректного определения дефиниций *SupTech* и *RegTech*. Так, Банк России в своем докладе «Основные направления развития технологий *SupTech* и *RegTech* на период 2021–2023 годов» [1. С. 3] приводит такие формулировки для *SupTech* и *RegTech*:

«*SupTech* (*Supervisory Technology*) – технологии, используемые регуляторами для повышения эф-

эффективности контроля и надзора за деятельностью участников финансового рынка» [1].

«RegTech (Regulatory Technology) – технологии, используемые финансовыми организациями для повышения эффективности выполнения требований регулятора» [1].

Также в рамках работы над RegTech- и SupTech-инициативами, зарубежными регуляторными структурами обозначены такие дефиниции, как:

– Надзорные технологии (*suptech*) – это использование инновационных технологий надзорными органами для содействия надзору¹. Такое определение SupTech приводит Банк международных расчетов.

– RegTech включает в себя любое использование технологии для сопоставления структурированных и неструктурированных данных с информационными таксономиями или правилами принятия решений, которые имеют значение как для регулирующих органов, так и для фирм, которые они регулируют, с целью автоматизации процессов соблюдения регуляторных правил или надзора². Данное определение RegTech выработано специалистами из Кембриджского университета совместно с японским подразделением Ernst & Young³.

– Технологии регулирования (*regtech*) – это использование технологий для лучшего достижения целей регулирования [4. С. 4]. Определение RegTech, схожее с используемым Банком международных расчетов для SupTech, опубликовал в своем докладе австралийский регулятор.

Таким образом, RegTech – это технологии, разрабатываемые регуляторами либо при содействии регуляторов, используемые регулируемыми органами и поднадзорными организациями для повышения эффективности регулирования в части выполнения требований регуляторных органов, а SupTech – это

технологии, разрабатываемые регуляторами либо при содействии регуляторов, используемые регулируемыми органами и/или поднадзорными организациями для повышения эффективности и содействия контролю и надзору за поднадзорными организациями.

Сфера применения технологий SupTech и RegTech как в РФ, так и в мировой практике представляет из себя единые стратегии развития взаимодействия регуляторов с регулируемыми организациями и на национальном уровне. Исходя из этого данные технологии могут быть рассмотрены в качестве единой системы, в контексте взаимодействия регуляторных органов и поднадзорных организаций.

Правовые аспекты имплементации и функционирования технологий SupTech и RegTech

Для полноценного функционирования регуляторных систем в рамках SupTech- и RegTech-инициатив необходима система регулирующих нормативных правовых актов, в том числе для отражения принципов и корректного описания правил взаимодействия поднадзорных организаций с регулятором.

Так, Базельским комитетом по банковскому надзору Банка международных расчетов 15 декабря 2019 г. была опубликована первая версия основных принципов эффективного банковского надзора, в будущем предполагается их дополнение и обновление. В качестве основных принципов выделяется использование надзорных ресурсов на пропорциональной основе с учетом профиля рисков и системной значимости банков⁴, необходимость валидации моделей, их корректности, своевременной настройки и использования, а также установки нормативов в отношении моделей для подотчетных организаций со стороны регуляторных органов⁵.

¹ Надзорные технологии (*suptech*) представляют собой использование инновационных технологий надзорными органами для целей осуществления надзора [2. С. 1].

² RegTech включает в себя применение технологий для обработки структурированных и неструктурированных данных для использования в информационных таксономиях или правилах принятия решений, что имеет значение для контролирующих органов и регулируемых ими компаний при автоматизации процедур соответствия или надзора [3. С. 18].

³ Ernst & Young – британская аудиторско-консалтинговая компания, одна из крупнейших в мире.

⁴ Принцип 9 – Надзорные методы и инструменты: Надзорный орган использует соответствующий набор методов и инструментов для реализации надзора и пропорционально применяет надзорные ресурсы с учетом профиля риска и системной значимости банков [5. С. 17].

⁵ Надзорный орган определяет наличие у банков информационных систем, адекватных (как в нормальных условиях, так и в период стресса) целям измерения, оценки и информирования о величине, содержании и качестве рисков для банка в целом, касательно всех типов рисков, продуктов и сторон. Надзорный орган также определяет степень соответствия указанных отчетов

Отдельно отмечается возможность использования услуг третьих лиц, таких как аудиторы, при условии наличия подробного мандата на данную работу. Контроль за результатами работы должен быть доступен исключительно регуляторным структурам во избежание передачи функций пруденциального надзора третьей стороне⁶. Регуляторам необходимо определять корректность выводов моделей, а также проводить регулярную и независимую проверку и стресс-тестирование моделей банков⁷.

Совет управляющих Федеральной резервной системы США в начале 2019 г. выпустил декларацию политики стресс-тестирования, в которой подробно описаны принципы стресс-тестирования как на уровне надзорного органа, так и на уровне отдельных поднадзорных организаций, включая виды стресс-тестов. В акте обозначены основные измеряемые метрики и методика их оценки, принципы и описание процесса валидации регуляторной модели стресс-тестирования устойчивости финансовой системы к экономическим кризисам, а также правовые вопросы и вопросы дальнейшего усовершенствования релевантной нормативно-правовой базы [6].

Эффективная интерпретация нормативных правовых актов и регулирующих документов в системы и программы автоматизации требует использования

профилю рисков, капиталу и необходимости в ликвидности, присущим данному банку, а также своевременность представления указанных отчетов совету директоров и высшему руководству банка в удобной для использования форме [5. С. 64].

⁶ Надзорный орган может использовать в своей работе независимую третью сторону, такую как аудиторов, при условии наличия четкого и подробного описания их работы. При этом надзорный орган не может передавать свои обязанности третьей стороне. При использовании третьей стороны надзорный орган оценивает достоверность результатов ее работы в необходимых пределах и учитывает возможную предвзятость, которая могла повлиять на третью сторону [5. С. 51].

⁷ В случае использования банком моделей для оценки компонентов риска надзорный орган определяет выполнение следующих условий. Кроме того, надзорный орган оценивает степень разумности результатов модели как отражение предполагаемых рисков.

(а) Банки соответствуют стандартам надзорного органа при использовании моделей;

(б) советы директоров и высшее руководство банков понимают ограничения и неопределенности в отношении результатов моделей и риски, связанные с их использованием;

(с) банки регулярно проводят независимую оценку и тестирование моделей [5. С. 64].

специфического машиночитаемого права, а также наличия утвержденного стандарта сбора и обмена данных. Машиночитаемое право включает в себя как изложение правовых норм на формальном языке для исключения возможности двойственной трактовки, так и необходимые технологические стандарты: информационные системы, языки программирования, стандарты обмена деловой информацией.

27 сентября 2021 г. была опубликована утвержденная версия концепции развития технологий машиночитаемого права [7], в которой обозначены основные термины и определения и заложен фундамент для дальнейшей проработки законодательства в данной области.

Одной из важнейших сфер является использование соответствующих стандартов в области автоматизации сбора отчетности в сфере контрольной (надзорной) деятельности, а также важными элементами выступают системы записи норм права в виде математических моделей.

Важным элементом системы является наличие основного нормативного правового акта либо системы актов, включающих в себя основные правила функционирования информационных систем, норм их внедрения, использования и редактирования. В отдельных документах необходимо описание используемых технологий, стандартов сбора, хранения и применения ответственности. Для корректного функционирования необходимы описание и классификация рисков использования цифровых систем в совокупности с определением субъектов ответственности.

Отсутствие единого регулирующего документа/системы документов несет в себе риски, связанные с интерпретацией дефиниций, используемых в рамках технологий *SupTech* и *RegTech*. Также риски, связанные с отсутствием четкого распределения зон ответственности за ошибки, неточности и ложные предпосылки в рамках разработки и функционирования *SupTech*- и *RegTech*-систем.

Стандарты обмена и описания данных

Важной частью применения технологий *SupTech* и *RegTech* является использование единых стандартов создания, обработки, обмена и описания данных как в автоматизированном, так и в ручном режиме. В мировой практике существует множество при-

меров активного использования стандартов обмена финансовой и бизнес-отчетностью с возможностью преобразования данных в автоматизированном формате. Благодаря классификации⁸ наборов метаданных⁹, содержащих в себе как описание показателей отчетности, так и взаимосвязей между ними, создаются условия для удобного создания и обработки документов.

Наиболее распространенным языком (он же является и стандартом) обмена и описания данных отчетностей является *XBRL*¹⁰. Стандарт разработан на базе языка формирования разметки *XML*¹¹. Благодаря его использованию представляется возможным интерпретировать данные отчетности и других документов для представления в виде баз данных, формировать связи между ними и использовать в аналитике [12].

Формат предоставления отчетности в *XBRL*-формате является обязательным для компаний, подающих финансовую отчетность в *SEC*¹², проект реализуется с 2008 г. Также *XBRL*-формат предоставления финансовой отчетности используется налоговым органом Соединенного Королевства¹³. В Великобритании реализуются проекты, в рамках которых частные компании получают доступ (при согласии всех участвующих сторон) к финансовой отчетности сторонних компаний в формате *XBRL* [8], для усовершенствования скоринговых моделей и использования автоматизированных технологий в своих бизнес-моделях.

Банк России начал внедрение открытого стандарта отчетности *XBRL* с 2018 г., в планах с 2023 г. перевести все поднадзорные организации в формат предоставления отчетности с помощью упорядочен-

ных данных *XBRL*¹⁴. На сегодняшний день существует исчерпывающий спектр технических решений для реализации *SupTech*- и *RegTech*-инициатив, однако не менее важным видится формирование правил детализации данных в стандарте *XBRL* и правил сбора и применения этих данных.

С 2018 г. Банк России три раза публиковал правила формирования и представления в Банк России отчетности в формате *XBRL* [9], за счет чего на данный момент выработан свод правил и описание формата и последовательности предоставления данных для поднадзорных организаций. Однако вопрос регламентации правил сбора и применения данных в рамках этих документов не рассматривается. Учитывая более широкий спектр информации, которая может быть потенциально использована в рамках инициатив *SupTech* и *RegTech*¹⁵, необходима выработка правил сбора и работы с используемыми данными.

Технологии описания данных существуют вне зависимости от систем и технологий *SupTech* и *RegTech*, хоть и являются ключевым элементом некоторых из них.

Реализация принципов функционирования систем и моделей, использующихся в рамках *SupTech*- и *RegTech*-инициатив, должна происходить в рамках интерфейсов взаимодействия между регулятором и поднадзорными организациями, а также детализироваться посредством использования возможностей стандартов обмена и детализации данных как *XBRL*, так и *XML* и других подобных инструментов.

⁸ Для этих целей используются таксономии – системы классификации многоуровневых наборов данных, в которых классифицируются наборы метаданных, привязанных к каждой единице информации базы данных.

⁹ Метаданные – это наборы данных о других данных, т. е. характеристика набора данных. Зачастую имеют формат признаков или свойств, присущих описываемому набору информации.

¹⁰ *XBRL* (*eXtensible Business Reporting Language*) – расширяемый язык деловой отчетности.

¹¹ *XML* (*eXtensible Markup Language*) – расширяемый язык разметки.

¹² *SEC* (*Securities and Exchange Commission*) – Комиссия по ценным бумагам и биржам США.

¹³ *HMRC* (*Her Majesty's Revenue and Customs*) – Управление по налоговым и таможенным сборам Ее Величества.

¹⁴ Начиная с 2018 г. формат представления отчетности *XBRL* стал обязательным для страховщиков, профессиональных участников рынка ценных бумаг, акционерных инвестиционных фондов, управляющих компаний инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов, а с 01.04.2021 – для страховых брокеров и кредитных рейтинговых агентств. С 01.10.2021 запланирован переход специализированных депозитариев на формат *XBRL*, с 2022 г. – бюро кредитных историй, а с 2023 г. – операторов инвестиционных платформ, операторов финансовых платформ, операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, а также операторов обмена цифровых финансовых активов [9].

¹⁵ Например, в рамках инициатив «Совершенствование мониторинга операций клиентов на предмет выявления недобросовестных практик» и «Организация процессов кассового обслуживания представителей клиентов в подразделениях Банка России с использованием биометрических технологий (проведение пилотного проекта)», заявленных Банком России [1. С. 33].

Интерфейсы взаимодействия регулятора с поднадзорными организациями

Автоматизация обмена данными требует наличия интерфейса взаимодействия, поскольку в рамках многих инициатив поднадзорным организациям требуются данные от регулятора, собираемые вне взаимодействия конкретной организации и регулятора, либо в процессе взаимодействия регулятор может обрабатывать входящую информацию от организации и предоставлять результаты.

Для целей автоматизации обмена данными между организациями¹⁶ возможным решением является использование API-интерфейса¹⁷, объединяющего в себе множество информации, предоставляемой организациям, либо типовых API-интерфейсов для различных инициатив. API-интерфейсы используются для коммуникации и взаимодействия между программами, обменивающимися информацией и функциями [11].

API могут быть классифицированы по основным типам функционирования [13]:

- отображающие информацию и «отдающие» ее по уточненному запросу со стороны пользователя¹⁸. Модель взаимодействия: со стороны поднадзорной организации поступает запрос на получение некоего массива информации и в ответ API предоставляет требуемый массив;

- проводящие манипуляции с данными и выдающие результат вычислений на основе вводных и имеющихся у регулятора данных¹⁹. Модель взаимодействия: поднадзорная организация предоставляет вводные данные (например, сведения для модели стресс-тестирования), они автоматически направляются

в базу данных Банка России, в которой уже имеются дополнительные необходимые сведения. Затем проводятся необходимые расчеты, и организация может увидеть конечный результат (например, соблюдение норматива достаточности собственных средств (капитала) H1.0 при изменении PD/LGD/других параметров кредитного портфеля).

Среди возможностей реализации API существуют закрытые и открытые виды систем. Закрытые системы недоступны широкому кругу пользователей. Доступ к ним либо может иметь ограниченный список лиц, либо не иметь вовсе, при условии их автоматического функционирования. Открытые системы доступны для широкого круга пользователей, они могут иметь внутренние ограничения на использование, например, в виде необходимой авторизации, однако «увидеть» их может любой желающий.

Среди примеров регуляции использования открытых API можно выделить регулирование применения Open API Банком России. В конце 2020 г. были разработаны стандарты открытых API [14], а летом 2021 г. запущена система тестирования Open API и ПО банковских и финтехкомпаний [15]. Также возможности применения API в сферах SupTech и RegTech (за пределами открытого банкинга) рассматривают британское FCA и другие регуляторы [18]. Вне сферы пруденциального надзора API применяется, например, для интерпретации, представления нормативных актов и регулирующей документации в США [19]. Такой вариант использования может предполагать использование машиночитаемого права.

Важным пунктом, требующим обсуждения в рамках применения API в инициативах SupTech и RegTech, является вопрос безопасности данных. Необходима валидация организаций и лиц, имеющих доступ к сведениям, которые могут содержать в себе конфиденциальные данные физических и юридических лиц, а также данные, содержащие банковскую тайну и т. д.

Учитывая риски распространения конфиденциальных данных, наиболее перспективным выглядит использование закрытых систем, без предоставления доступа к внутренним данным третьим лицам. Также, учитывая обилие данных и разных моделей, не связанных друг с другом напрямую, использование отдельных систем для взаимодействия в рамках каждой инициативы нивелирует риск влияния ошибок

¹⁶ В случае SupTech- и RegTech-инициатив – между регуляторными органами и поднадзорными организациями.

¹⁷ API-интерфейсы позволяют взаимодействовать различным программам. Они содержат набор правил и спецификаций, которые множество программ используют для взаимодействия друг с другом, и интерфейс между различными программами, который облегчает это взаимодействие. API-интерфейсы предлагают эффективный и гибкий способ сбора и распространения данных [2. С. 25].

¹⁸ Подобный тип систем может быть использован, например, в рамках инициативы «Создание инструмента банковской аналитики на сайте Банка России» [1. С. 20].

¹⁹ Такой тип систем может быть использован, например, в рамках реализации инициатив «Анализ взаимосвязанности юридических лиц» и «Разработка платформы сценарного планирования и стресс-тестирования для банков» [1. С. 21, 29].

в рамках каждой отдельной системы на доступность и корректность других моделей и данных.

Типовой API должен принимать запросы в виде информации (отчетности, информации в текстовом виде и т. д.) и в ответ отсылать сообщения, в которых будет содержаться результат обработки (например, кредитный риск заемщика). Параметры вводных данных должны быть регламентированы. Банк России сформировал требования и рекомендации к отчетности формата XBRL [10], подобный документ необходим и для корректного взаимодействия с регуляторными API.

Передаваемые и возвращаемые данные должны быть закодированы. Банком России в 2021 г. были опубликованы стандарты безопасности финансовых (банковских) операций [20], а также стандарты использования открытых банковских интерфейсов [21]. Оба документа содержат в себе исчерпывающую информацию о требуемом уровне защиты передаваемой информации. Ответные сообщения с результатами обработки запросов должны содержать данные в формате JSON²⁰ либо в формате XML, который также применяется в мировой практике использования API-интерфейсов.

Риски неверной настройки моделей и неверных предпосылок со стороны регулятора в рамках технологий SupTech и RegTech

Выше были отмечены риски, связанные с отсутствием детальной регламентации процессов использования IT-систем в рамках инициатив SupTech и RegTech, а также риски отсутствия нормативных правовых актов, определяющих субъектов ответственности за ошибки в данных системах и неверную интерпретацию результатов их работы.

В IT-системах SupTech- и RegTech-инициатив предполагается использование десятков моделей, их количество растет пропорционально развитию технологий и потребностям регуляторов по автоматизации взаимодействия с поднадзорными организациями и участниками финансового рынка.

Создание моделей можно разделить на несколько условных этапов:

1. Определение целей и задач, методологии расчетов внутри, а также данных на выходе модели.

2. Определение предпосылок и допущений, используемых в рамках модели.

3. Создание модели (написание необходимого кода/закладывание вычислений).

4. Тестирование и последующая настройка.

На каждом этапе существуют риски неверного определения необходимых данных, использования ошибочных предпосылок, заложенных в модель, ошибок в расчетах, а также неверной настройки на этапе эксплуатации модели. Риски неверных предпосылок в рамках моделирования могут быть снижены благодаря систематической корректировке данных и выработке методики сценарной проверки моделей с заданными параметрами перед использованием и работой с реальными данными.

В международной практике остро стоит проблема «очистки» больших массивов данных. Так, Банк международных расчетов выделяет эту проблему как один из основных вызовов для регуляторов в рамках стратегий цифровизации и внедрения SupTech- и RegTech-инициатив. Решений, однозначно зарекомендовавших себя в мировой практике, на данный момент не существует. Выделяется применение машинного обучения, однако пилотные проекты все еще требуют ручной корректировки и валидации результатов расчетов [22. С. 13].

Риски неверной настройки моделей и использования неверных данных возможно снизить с помощью использования маркеров для данных. Под этим подразумевается, в рамках набора данных, присвоение отдельным единицам параметров для дальнейшей фильтрации. Например, таким образом данные могут быть отфильтрованы от лишних/невостребованных в рамках конкретной модели данных.

Определение параметров маркировки данных сегодня представляется возможным в ручном режиме, в то время как фильтрация данных может быть реализована с помощью автоматизированных решений.

Наконец, для моделей, используемых с информационными системами взаимодействия, необходимо наличие документов, регламентирующих правила интерпретации результатов на выходе. Регламент интерпретации может быть выполнен в виде таблицы/формы с градацией возможных результатов на выходе.

Для моделей, не содержащих в себе комплексных данных на выходе и выдающих информацию, поддающуюся однозначной оценке (таких как определение

²⁰ В таком формате возвращаются данные в рамках стандартов открытых интерфейсов Банка России [21. С. 9].

кредитного риска), допустима полностью автоматизированная интерпретация результатов после прохождения этапов тестирования и аудита заложенных расчетов.

В случае если модель носит комплексный характер (например, стресс-тест банковской системы в целом) и содержит на выходе наборы данных, представленных в разном виде и нуждающихся в оценке с учетом текущей конъюнктуры и проводимой политики центрального банка, их интерпретация должна производиться коллегиально, ответственными лицами для снижения рисков неправильных предпосылок на предыдущих этапах (настройки и использования неверных предпосылок) и неверной трактовки результатов²¹.

Выводы

В связи с наличием рисков, связанных с отсутствием регламентации и должного регулирования, необходимо создание регулирующего нормативного правового акта либо системы актов, включающих в себя основные правила функционирования, использования и редактирования и внедрения информационных систем. В отдельных документах необходимо описание конкретных используемых технологий и стандартов сбора, хранения, а также определения рисков и субъектов ответственности.

Принципы и системы, описанные в регулирующих документах/системе регулирующих актов, необходимо реализовывать в рамках интерфейсов взаимодействия между регулятором и другими участниками финансового рынка, а также детализировать

посредством использования возможностей стандартов обмена и детализации данных, как *XBRL*.

Необходима валидация организаций и лиц, имеющих доступ к данным, которые могут содержать в себе персональные и конфиденциальные данные физических и юридических лиц.

В рамках использования типовых *API*-интерфейсов необходима регламентация стандартов кодировки и представления информации. В качестве результатов обработки запросов могут выступать данные как в *JSON*-формате, так и в *XML*.

Систематическая корректировка данных, выработка методики сценарной проверки моделей с заданными параметрами перед использованием, а также использование маркеров для наборов данных позволит снизить значительную часть модельных рисков в рамках *SupTech*- и *RegTech*-инициатив.

Интерпретация результатов для моделей, содержащих на выходе однозначные данные, возможна автоматически. Для комплексных моделей с множеством различных данных на выходе более подходящей будет интерпретация данных вручную.

На текущем этапе развития автоматизированных систем и моделей, использующихся в рамках *SupTech*- и *RegTech*-инициатив, без вмешательства человека в работу систем обойтись не представляется возможным. Однако на уровне правового регулирования и технологической реализации использование автоматизированных систем поможет сократить издержки, повысить прозрачность и доверие конечных пользователей.

Список литературы

1. Основные направления развития технологий *suptech* и *regtech* на период 2021–2023 годов. М.: Банк России, 2021. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/120709/suptech_regtech_2021-2023.pdf (дата обращения: 25.07.2021).
2. Broeders D., Prenio J. Innovative technology in financial supervision (*suptech*) – the experience of early users // FSI Insights on policy implementation. № 9. Financial Stability Institute (FSI) of the Bank for International Settlements (BIS), 2018. July. URL: <https://www.bis.org/fsi/publ/insights9.pdf> (дата обращения: 25.07.2021).
3. The Global *RegTech* Industry Benchmark Report / E. Schizas, G. McKain, B. Zhang et al.; ed. Mr. Pavle Avramovic. Cambridge Centre for Alternative Finance, University of Cambridge Judge Business School, 2020. URL: <https://www.jbs.cam.ac.uk/wp-content/uploads/2020/08/2019-12-ccaf-global-regtech-benchmarking-report.pdf> (дата обращения: 22.07.2021).
4. Productivity Commission 2020, Regulatory Technology // Information Paper. Canberra. URL: <https://www.pc.gov.au/research/completed/regulatory-technology/regulatory-technology.pdf> (дата обращения: 30.07.2021).

²¹ Например, такой практики придерживается SEC в рамках проводимой политики стресс-тестирования банковской системы [6].

5. Core Principles for effective banking supervision, Basel Committee on Banking Supervision of the Bank for International Settlements (BIS), 2019. URL: https://www.bis.org/basel_framework/standard/BCP.htm (дата обращения: 03.10.2021).
6. Final rule «Stress Testing Policy Statement», February 22, 2019, № 12 CFR Part 252 RIN 7100-AF 38 // Federal Register. 2019. Vol. 84, № 40.
7. Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности) от 27 сентября 2021 г. М.: Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6af3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf (дата обращения: 06.10.2021).
8. Meet Hydr: How this female-led fintech from Manchester is helping SMEs manage cash flow effectively. URL: <https://www.uktech.news/news/this-female-founded-fintech-from-manchester-offers-smes-immediate-payment-for-their-invoices-20210609> (дата обращения: 17.09.2021).
9. Открытый стандарт отчетности XBRL. М.: Банк России. URL: https://www.cbr.ru/projects_xbrl/ (дата обращения: 01.10.2021).
10. Правила формирования отчетности в формате xbrl и ее представления в Банк России. М.: Банк России. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/126600/rules_XBRL.pdf (дата обращения: 05.10.2021).
11. Формальные спецификации в технологиях обратной инженерии и верификации программ / И. Б. Бурдонов, А. В. Демаков, А. С. Косачев // Труды ИСП РАН. 2000. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formalnye-spetsifikatsii-v-tehnologiyah-obratnoy-inzhenerii-i-verifikatsii-programm> (дата обращения: 08.10.2021).
12. Боронников А. Б. Место XML-технологий в среде современных информационных технологий // Программные продукты и системы. 2005. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-xml-tehnologiy-v-srede-sovremennyh-informatsionnyh-tehnologiy> (дата обращения: 08.10.2021).
13. Глоссарий – API // IMBA URL: <https://imba.ru/glossary/api-59> (дата обращения: 05.10.2021).
14. Банк России выпустил первые стандарты открытых API. М.: Банк России. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=8223> (дата обращения: 09.10.2021).
15. Открытый банкинг. URL: <https://openbankingrussia.ru> (дата обращения: 09.10.2021).
16. Armstrong, Developments in RegTech and SupTech. European Securities and Markets Authority, 2018. URL: https://www.esma.europa.eu/sites/default/files/library/esma71-99-1070_speech_on_regtech.pdf (дата обращения: 30.09.2021).
17. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов. М.: Банк России, 2021. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/124658/onrfr_project_2021-09-30.pdf (дата обращения: 01.10.2021).
18. Regulators research role for DLT and APIs // FStech. URL: https://www.fstech.co.uk/fst/Regulators_Research_Role_DLT_APIs.php (дата обращения: 03.10.2021).
19. Regulations.gov API // openGSA. URL: <https://open.gsa.gov/api/regulationsgov/> (дата обращения: 03.10.2021).
20. Безопасность финансовых (банковских) операций прикладные программные интерфейсы. Обеспечение безопасности финансовых сервисов при инициации openid connect клиентом потока аутентификации по отдельному каналу. Стандарт банка России от 2021 № СТО БР ФАПИ.ПАОК-1.0-2021 требования. 2021. URL: https://www.cbr.ru/statichtml/file/117620/standart_16082021.pdf (дата обращения: 10.10.2021).
21. О введении в действие стандарта Банка России СТО БР «Открытые банковские интерфейсы. Получение публичной информации о кредитной организации и ее продуктах». Приказ Банка России от 5 июля 2021 г. №ОД-1365. 2021. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/59420/Standart_08072021.pdf (дата обращения: 10.10.2021).
22. Doerr S., Gambacorta L., Serena M. Big data and machine learning in central banking // Working Papers No 930. Monetary and Economic Department of the Bank for International Settlements (BIS), 2021. URL: <https://www.bis.org/publ/work930.pdf> (дата обращения: 03.10.2021).

References

1. *Main directions of suptech and regtech technologies development for 2021–2023*. (2021). Moscow, Bank Rossii, https://www.cbr.ru/content/document/file/120709/suptech_regtech_2021-2023.pdf (access date: 25.07.2021) (in Russ.).
2. Broeders, D., Prenio, J. (2018. July). Innovative technology in financial supervision (suptech) – the experience of early users. *FSI Insights on policy implementation*, 9. Financial Stability Institute (FSI) of the Bank for International Settlements (BIS), <https://www.bis.org/fsi/publ/insights9.pdf> (access date: 25.07.2021).
3. Schizas, E., McKain, G., Zhang, B. et al. (2020). *The Global RegTech Industry Benchmark Report*. Mr. Pavle Avramovic (ed.). Cambridge Centre for Alternative Finance, University of Cambridge Judge Business School, <https://www.jbs.cam.ac.uk/wp-content/uploads/2020/08/2019-12-ccaf-global-regtech-benchmarking-report.pdf> (access date: 22.07.2021).

4. Productivity Commission 2020, Regulatory Technology. *Information Paper*. Canberra. <https://www.pc.gov.au/research/completed/regulatory-technology/regulatory-technology.pdf> (access date: 30.07.2021).
5. *Core Principles for effective banking supervision* (2019). Basel Committee on Banking Supervision of the Bank for International Settlements (BIS). https://www.bis.org/basel_framework/standard/BCP.htm (access date: 03.10.2021).
6. Final rule “Stress Testing Policy Statement”, February 22, 2019, No. 12 CFR Part 252 RIN 7100-AF 38. (2019). *Federal Register*, 84 (40).
7. *Conception of machine-readable law technologies development (adopted by the Governmental Commission on digital development and applying information technologies for improving living standards and business activity conditions) of September 27, 2021*. Moscow, Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii, https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6af3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf (access date: 06.10.2021) (in Russ.).
8. *Meet Hydr: How this female-led fintech from Manchester is helping SMEs manage cash flow effectively*. <https://www.uktech.news/news/this-female-founded-fintech-from-manchester-offers-smes-immediate-payment-for-their-invoices-20210609> (access date: 17.09.2021).
9. *Open standards of XBRL reporting*. Moscow, Bank Rossii. https://www.cbr.ru/projects_xbri/ (access date: 01.10.2021) (in Russ.).
10. *Rules of making reports in xbrl format and its presentation to the Bank of Russia*. Moscow, Bank Rossii. https://www.cbr.ru/Content/Document/File/126600/rules_XBRL.pdf (access date: 05.10.2021) (in Russ.).
11. Burdonov, I. B., Demakov, A. V., Kosachev, A. S. (2000). Formal specifications in the technologies of reverse engineering and software verification. *Proceedings of ISP RAS*. <https://cyberleninka.ru/article/n/formalnye-spetsifikatsii-v-tehnologiyah-obratnoy-inzhenerii-i-verifikatsii-programm> (access date: 08.10.2021) (in Russ.).
12. Boronnikov, A. B. (2005). Position of XML-technologies among the modern information technologies. *Software & Systems*, 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-xml-tehnologiy-v-srede-sovremennykh-informatsionnykh-tehnologiy> (access date: 08.10.2021) (in Russ.).
13. API glossary. *IMBA*. <https://imba.ru/glossary/api-59> (access date: 05.10.2021) (in Russ.).
14. *Bank of Russia published the first standards of open APIs*. Moscow, Bank Rossii. <https://www.cbr.ru/press/event/?id=8223> (access date: 09.10.2021) (in Russ.).
15. *Open banking*. <https://openbankingrussia.ru> (access date: 09.10.2021) (in Russ.).
16. Armstrong, P. (2018). Developments in RegTech and SupTech. *European Securities and Markets Authority*. https://www.esma.europa.eu/sites/default/files/library/esma71-99-1070_speech_on_regtech.pdf (access date: 30.09.2021).
17. *Main directions of development of the financial market of the Russian Federation for 2022 and the period of 2023 and 2024*. (2021). Moscow, Bank Rossii. https://www.cbr.ru/content/document/file/124658/onfr_project_2021-09-30.pdf (access date: 01.10.2021) (in Russ.).
18. Regulators research role for DLT and APIs. *FStech*. https://www.fstech.co.uk/fst/Regulators_Research_Role_DLT_APIs.php (access date: 03.10.2021).
19. Regulations.gov API. *openGSA*. <https://open.gsa.gov/api/regulationsgov/> (access date: 03.10.2021).
20. Security of financial (banking) operations, applied software interfaces. Providing the security of financial services when initiating openid connect by the client of authentication flow in a separate channel. *Standard of the Bank of Russia of 2021 No. STO BR FAPI. PAOK-1.0-2021 requirements*. (2021). https://www.cbr.ru/statichtml/file/117620/standart_16082021.pdf (access date: 10.10.2021) (in Russ.).
21. On introducing the standard of the Bank of Russia STO BR “Open Banking interfaces. Obtaining public information about a credit organization and its products”. (2021). *Order of the Bank of Russia of July 5, 2021 No. OD-1365*. https://cbr.ru/StaticHtml/File/59420/Standart_08072021.pdf (access date: 10.10.2021) (in Russ.).
22. Doerr, S., Gambacorta, L., Serena, M. (2021). Big data and machine learning in central banking. *Working Papers*, 930. Monetary and Economic Department of the Bank for International Settlements (BIS). <https://www.bis.org/publ/work930.pdf> (access date: 03.10.2021)

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 20.08.2021

Дата принятия в печать после доработки / Date of acceptance for publication after finalization 12.10.2021

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.713-730>

УДК 336.7:004:330.1:330.3

JEL: E42, E5, G18, G2, O1, O4, L86

А. О. ТИХОНОВ¹,
И. В. ЮЗЕФАЛЬЧИК²

¹ Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

² Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕГУЛЯТОРНЫЙ АСПЕКТЫ

Контактное лицо:

Тихонов Анатолий Олегович, доктор экономических наук, профессор, Академия управления при Президенте Республики Беларусь

E-mail: at64@rambler.ru

eLIBRARY ID: SPIN-код: 6977-5899, AuthorID: 451556

Юзефальчик Инна Владимировна, аспирант, Белорусский государственный экономический университет

E-mail: inna_yuzefalchik@mail.ru

Аннотация

Цель: рассмотрение институционального и регуляторного аспектов цифровизации, раскрытие институциональных особенностей цифровой денежно-кредитной системы, классификация моделей цифровизации, описание феномена цифровых валют центрального банка, рассмотрение основных тенденций развития регулирования и предложение по совершенствованию регулирования денежно-кредитных систем.

Методы: в работе использовались методы систематизации, классификации, анализ и синтез.

Результаты: показано, что цифровизация денежно-кредитных систем характеризуется существенными изменениями не только в организационно-технологическом аспекте, но и в институциональном и регуляторном. Они затрагивают как особенности функционирования субъектов денежно-кредитной системы, способы проведения операций, так и роль и задачи самих финансовых регуляторов. Указано, что институциональное развитие денежно-кредитной системы в долгосрочной перспективе характеризуется формированием нового цифрового инвестиционно-финансового пространства, что выражается в изменении структуры транзакционных издержек, формировании новых институциональных качеств денежно-кредитной системы, а также в появлении новых видов рисков, трансформации действующих и появлении новых игроков, что обусловлено активным внедрением цифровых финансовых технологий. Проанализировано влияние моделей цифровой трансформации на изменение регуляторной среды, предполагающее изменение как подходов к регулированию деятельности поставщиков финансовых услуг, так и роли самих регуляторов. Также проанализированы основные модели регулирования денежно-кредитных систем.

Научная новизна: заключается в выявлении и систематизации основных институциональных аспектов развития цифровых валют, определении цифрового облика финансово-кредитного сектора экономики. В результате исследования сформулированы основные меры, направленные на управление процессом цифровизации денежно-кредитных систем.

Практическая значимость: основные предложения по результатам исследования могут быть использованы финансовыми регуляторами при выработке мероприятий по развитию финансового рынка и цифровизации денежно-кредитной системы, а систематизация моделей регулирования и моделей цифровизации – высшими учебными заведениями при подготовке соответствующих учебных программ для переподготовки и повышения квалификации специалистов в области финансов.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое инвестиционно-финансовое пространство, регулирование, экосистемы, цифровые валюты центральных банков, пропорциональное регулирование

© Тихонов А. О., Юзефальчик А. О., 2021

© Tikhonov A. O., Yuzefalchik I. V., 2021

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, проект БРФФИ-РГНФ «Трансформация системы монетарного регулирования России и Беларуси в условиях цифровизации экономики», № 20200944.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Тихонов А. О., Юзефальчик А. О. Цифровизация денежно-кредитной системы: институциональный и регуляторный аспекты // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Т. 15, № 4. С. 713–730. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.713-730>

The scientific article

A. O. TIKHONOV¹,

I. V. YUZEFALCHIK²

¹Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

² Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

DIGITALIZATION OF THE MONETARY-CREDIT SYSTEM: INSTITUTIONAL AND REGULATIVE ASPECTS

Contact:

Anatoliy O. Tikhonov, Doctor of Economics, Professor, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus

E-mail: at64@rambler.ru

eLIBRARY ID: SPIN-code: 6977-5899, AuthorID: 451556

Inna V. Yuzefalchik, post-graduate student, Belarus State Economic University

E-mail: inna_yuzefalchik@mail.ru

Abstract

Objective: to consider the institutional and regulatory aspects of digitalization, to reveal the institutional features of the digital monetary-credit system, to classify the digitalization models, to describe the phenomenon of the central bank digital currencies, to consider the main trends in the regulation development, and to propose improvements in the monetary systems regulation.

Methods: methods of systematization, classification, analysis and synthesis were used in the work.

Results: it was shown that the monetary systems digitalization is characterized by significant changes not only in the organizational and technological aspects, but also in the institutional and regulatory ones. They affect both the functioning features of the monetary system subjects and the methods of conducting operations, as well as the role and tasks of the financial regulators. It is marked that the monetary system long-term institutional development is characterized by the formation of a new digital investment and financial space, which is expressed in the change in the transaction costs structure, the formation of new institutional qualities of the monetary system, the emergence of new types of risks, the transformation of the existing and emergence of new players, due to the active introduction of digital financial technologies. The influence of digital transformation models on changes in the regulatory environment is analyzed, which implies a change in both approaches to regulating the activities of financial service providers and the role of regulators. The main models of monetary systems regulation are also analyzed.

Scientific novelty: consists in identifying and systematizing the main institutional aspects of digital currencies development and determining the digital image of the financial and credit sector of the economy. As a result of the study, the main measures aimed at managing the process of monetary systems digitalization are formulated.

Practical significance: the main proposals based on the study results can be used by financial regulators in the development of measures for the financial market development and the monetary system digitalization; systematization of regulatory models and digitalization models can be used by higher educational institutions to design the appropriate programs for retraining and advanced training of specialists in the field of finance.

Keywords: Digitalization, Digital investment and finance space, Regulation, Ecosystems, Digital currencies of central banks, Proportional regulation

Financial Support: The research was carried out with the financial support of the Belarus Foundation for Basic Research - Russian Scientific Foundation "Transformation of the monetary regulation system of Russia and Belarus under economy digitalization", No. 20200944.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Tikhonov, A. O., Yuzefalchik, I. V. (2021). Digitalization of the monetary-credit system: institutional and regulative aspects. *Russian Journal of Economics and Law*, 15 (4), 713–730 (in Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.713-730>

Введение

В настоящее время цифровизация денежно-кредитной системы осуществляется весьма динамично. Практически мало кто из ученых и специалистов-практиков сомневается, что денежно-кредитная система радикально меняется. Причем меняются не только ее организационно-технические, но и институциональные характеристики. Это порождает новые проблемы как для действующих субъектов, прежде всего банков, так и для регулирующих органов, перед которыми возникают принципиально новые задачи. Все это предопределяет актуальность темы статьи.

Имеется множество трудов ученых из России, Беларуси и других стран, посвященных различным аспектам цифровизации, включая институциональный, а также новым проблемам и задачам, встающим перед регуляторами. В них получены важные результаты, касающиеся влияния процесса цифровизации на институциональную структуру денежно-кредитной системы, переходящей к использованию цифровых технологий, появления новых игроков на финансовом рынке и возникающих отсюда новых проблем, стоящих перед регуляторами, а также вопросов, связанных с введением в обращение цифровых валют и сопутствующего этому вероятного изменения инструментария денежно-кредитной политики. Вместе с тем, на наш взгляд, в недостаточной степени исследованы темы, касающиеся принципов и методологии регулирования формирующейся новой цифровой денежно-кредитной системы, конкретное содержание которых должно учитывать особенности моделей цифровизации, существующие в той или иной стране, и ее новые институциональные свойства. Это и предопределило цель и задачи данной статьи. Они

заключаются в рассмотрении институционального и регуляторного аспектов цифровизации и на этой основе раскрытии институциональных особенностей цифровой денежно-кредитной системы, классификации моделей цифровизации, определении основных тенденций в развитии регулирования цифровых денежно-кредитных систем.

В начале статьи дается краткий обзор исследований по рассматриваемой проблематике (секция 1). В дальнейшем вводится понятие цифрового инвестиционно-финансового пространства, которое представляет собой принципиально иную по сравнению с существующей в доцифровой денежно-кредитной системе институциональную среду (секция 2). Определяются институциональные качества этого пространства. Далее в статье предлагается видение возможного облика формирующейся цифровой кредитно-финансовой системы (секция 3), рассматриваются модели ее цифровизации (секция 4), характерные для различных стран, и модели ее государственного регулирования (секция 5), а также возможные варианты дизайна цифровой валюты центрального банка (секция 6). В заключительной части авторы формулируют свою точку зрения о принципах и подходах регуляторов к проблемам, возникающим в ходе цифровизации денежно-кредитной системы и формирования нового цифрового финансово-инвестиционного пространства.

1. Институциональные и регуляторные аспекты развития денежно-кредитной системы в условиях ее цифровизации

В настоящее время денежно-кредитные системы всех стран мира подвержены трансформации, обусловленной внедрением и распространением цифро-

вых технологий, систем и инструментов. Структурные изменения затрагивают все ее уровни: технологический, организационный и институциональный. Первый включает техническую и технологическую¹ основу организации экономической деятельности и взаимодействия субъектов. Организационный уровень включает совокупность правил взаимодействия, координации и управления экономическими процессами, которые носят локальный характер, они действуют в пределах определенных структур или совокупностей экономических субъектов. Институты² – это тоже, прежде всего, правила, но они не локальны, а распространяются на всех субъектов той или иной экономики.

Исследование различных проблем институционального характера, связанных с цифровизацией как экономики в целом, так и денежно-кредитной системы в частности, активно ведется как белорусскими [1, 2], так и российскими учеными [3, 4] и исследователями из других стран [5]. Значительная часть из них посвящена проблемам влияния процесса цифровизации на существующую институциональную структуру. В частности, М. Ковалев и Г. Головенчик показали, что цифровизация финансовой системы ведет к появлению в финансовом секторе новых институциональных игроков, меняет структуру транзакционных издержек [1, 2]. Весьма обстоятельное и интересное исследование влияния процессов цифровизации на институциональную структуру экономики и ее различные сферы, включая денежное обращение, осуществлено В. Исламутдиновым [3]. Он оценивает степень влияния на институциональную структуру различных цифровых технологий (блокчейн, цифровые платформы, искусственный интеллект и др.), предлагает методику анализа и оценки этого влияния и делает вывод об общем положительном влиянии цифровизации на институциональную структуру экономики, включая возможности ликвидации «институциональных ловушек», хотя и указывает на

наличие ряда серьезных неисследованных проблем в этой области [3. С. 161]. На существенное снижение структуры транзакционных издержек, связанных с цифровизацией и сопутствующим этому изменением институциональной структуры финансового сектора, указывает также М. Акимов [4]. К этой же группе можно отнести и заслуживающие внимания работы других российских и зарубежных авторов [6, 7].

Другая часть исследователей концентрирует внимание на институциональных качествах самих новых экономических систем, возникающих на основе цифровых технологий. В частности, Р. М. Нуреев и О. В. Карапаев исследуют институциональные свойства сетевых систем и предлагают свою периодизацию этапов становления цифровой экономики [8]. Н. Масюк, М. Бушуева и З. Брагина вводят понятия «цифровой институт» и «институциональная регулятивная среда цифровой экосистемы» [5]. Под первым они понимают регулирующие инструменты цифровой экосистемы, а под регулятивной средой – систему регулирующих процедур, определяющих процесс принятия решений и создание новых продуктов в цифровой экосистеме.

В отличие от этих подходов данная статья посвящена не исследованию влияния цифровизации на существующую институциональную структуру и ее трансформацию (первый подход) и не институциональным свойствам локальных цифровых систем (второй), в ней предпринята попытка определения принципиально новых качеств цифровой денежно-кредитной системы по сравнению с доцифровой, для чего вводится понятие нового цифрового финансово-инвестиционного пространства. Его формирование является долгосрочным процессом. Но уже сегодня перед регуляторами встают новые задачи, связанные как с формированием этого пространства и сопутствующим ему переформатированием банковского сектора, так и новыми его институциональными качествами, описываемыми в первой части статьи.

Подходы к новым задачам регуляторов в условиях цифровизации также находятся в центре внимания многих ученых и научных центров, однако в экономической литературе отсутствует системный подход к регулированию процесса цифровизации денежно-кредитных систем. Отдельные вопросы затрагиваются в исследованиях российских и зарубежных ученых, а также в аналитических материалах международных

¹ Понятия «техники» и «технологии» не тождественны, но мы не будем акцентировать внимание на их различиях, так как в данной статье мы говорим о технологической основе в целом.

² Вопрос о содержании понятия «институт» тоже непростой, и существуют различные подходы к нему. Мы не будем обсуждать эти тонкости, которые важны и интересны, но могут стать предметом для отдельной статьи теоретического характера. Данная статья имеет в большей степени прикладную направленность.

финансовых организаций. В частности, Е. Новикова [9] подчеркивает значимость развития цифровых технологий в финансовом секторе и рассматривает нормативно-правовое регулирование цифровых финансовых технологий. Среди белорусских исследователей данная тематика к текущему времени не получила широкого интереса. В этой связи актуализируется необходимость систематизации исследований и подходов к регулированию цифровизации финансового сектора.

О необходимости выработки согласованных регуляторных мер как для традиционных банков, так и для новых категорий финансовых посредников (в частности, финтех- и бигтехкомпаний) заявляют эксперты Банка международных расчетов [10–12]. Эксперты консалтинговой компании *KPMG* подчеркивают, что регулирование цифровизации в сфере финансовых услуг остается одной из ключевых задач для финансовых секторов на протяжении ряда лет [13, 14]. Однако первостепенной и не вполне решенной задачей для органов денежно-кредитного регулирования является вопрос об определении и выборе регулятивной модели в условиях цифровизации [15]. В данной статье мы стремимся обосновать точку зрения в пользу функциональной модели, по крайней мере, для Беларуси, а возможно, и для России.

2. Формирование нового цифрового финансово-инвестиционного пространства

Цифровизация денежно-кредитной и финансовой системы проявляется в том, что в мире формируется цифровое финансово-инвестиционное пространство (далее – ЦФИП) [16], которое создает совершенно новые возможности для осуществления платежных, кредитно-депозитных, инвестиционных и других финансовых операций. Это пространство носит глобальный характер и, по крайней мере, в организационно-техническом плане не знает национальных границ. Существенно меняются бизнес-модели и схемы организации взаимодействия между клиентами и банковскими учреждениями. Традиционные субъекты финансового рынка, такие как, например, кредиторы и заемщики, в условиях ЦФИП теперь могут вступать в непосредственное взаимодействие, минуя промежуточные звенья.

Формирование нового цифрового пространства, конечно же, не ограничивается только денежно-кредитной системой, но и охватывает всю экономику, включая

торговлю, промышленность, другие отрасли и секторы. Причем эти его сегменты будут интегрированы между собой. Эта тенденция проявляется уже сегодня, например, в том, что крупные торговые компании выходят на рынок финансовых услуг. В данной статье мы ограничиваемся рассмотрением финансового сегмента формирующегося нового экономического цифрового пространства, в котором осуществляется экономическое взаимодействие субъектов экономики и обмен услугами, активами и информацией в цифровом виде.

Формирование ЦФИП предполагает существенные преобразования денежно-кредитной системы на всех трех ее уровнях: технологическом, организационном и институциональном. Данные уровни тесно связаны между собой, и большинство исследований процессов цифровизации экономики и финансовой системы относятся к проблематике, включающей определенное сочетание этих уровней и аспектов. Значительная часть из них относится к организационно-технологическому уровню, включая новые возможности, преимущества и угрозы, связанные с внедрением и распространением новых цифровых технологий, систем и инструментов, таких как блокчейн, цифровые деньги и токены и др. Мы же хотим поставить в центр внимания институциональные аспекты цифровизации финансовой системы, которые проявляются, прежде всего, в изменении структуры трансакционных издержек, хотя понятно, что говорить о них, абстрагируясь от самих цифровых технологий, невозможно.

К важнейшим институциональным свойствам цифрового инвестиционно-финансового пространства, которые радикально отличают его от традиционной, доцифровой денежно-кредитной системы, можно отнести существенное снижение многих видов трансакционных издержек, связанных с верификацией и контролем исполнения контрактных обязательств (для краткости назовем это свойство *контрактоспособностью*), идентификацией и управлением кредитным и операционным риском, обменом информацией, денежными средствами и финансовыми активами, установлением коммуникаций. Кроме того, денежно-кредитная система становится «умной» и способной к переработке огромного количества информации, что также придает ей новые свойства институционального характера, а введение и распространение цифровой валюты центральных банков (далее – ЦВЦБ) должно сделать ее более транспарентной, хотя, вопреки до-

вольно распространенной точке зрения, мы считаем, что это вряд ли позволит само по себе добиться существенного прогресса в противодействии таким явлениям, как теневая экономика и отмывание грязных денег. Тем более что криптовалюты, представляющие собой частную альтернативу официальным деньгам, скорее всего, сохранятся и их использование будет расширяться.

Постараемся дать обобщенную и в то же время концентрированную формулировку институциональных свойств формирующегося ЦФИП, хотя мы понимаем, что положения, которые будут сформулированы ниже, пусть и основаны на анализе наблюдаемых реальных тенденций и учитывают объективные технические характеристики внедряемых новых цифровых систем и технологий, все же в определенной степени носят гипотетический характер.

Классическая банковская система возникла, прежде всего, в связи с тем, что обмен финансовыми активами всегда сопряжен с риском неисполнения контрактных обязательств. Это относится не только к кредитным, но и к платежным операциям. Для их осуществления требовался заслуживающий доверия посредник, умеющий управлять рисками. В качестве такого посредника как раз и выступал классический «доцифровой» банк. В условиях цифровизации экономики и денежно-кредитной системы ситуация меняется. Одним из главных преимуществ цифрового инвестиционно-финансового пространства является его на порядок более высокая *контрактоспособность* по сравнению с традиционной денежно-кредитной системой. Под этим свойством мы понимаем широкие возможности для обеспечения четкой верификации и контроля исполнения контрактных обязательств, а также гарантию исключения изменения первоначальных условий и информации, которые обеспечиваются, прежде всего, благодаря применению технологии распределенного реестра в совокупности со смарт-контрактами. Они позволяют автоматизировать и объективизировать проведение операций по обмену деньгами или другими активами, исключив возможности влияния на условия сделки какой-либо из сторон после заключения контракта. Подобные системы могут действительно привести к определенной дезинтермедиации банковской деятельности в платежных и кредитных операциях, так как делают излишним участие заслуживающего доверия посред-

ника (т. е. традиционного банка) для осуществления сделки. Вполне возможно, что в перспективе платежи, основанные на подобных системах, заменят банковские аккредитивы и другие традиционные документальные операции, а также позволят легче и проще обеспечивать финансирование коммерческих, а возможно, и инвестиционных проектов. Тем не менее потребность в посреднике-консультанте и организаторе, очевидно, не исчезнет полностью. Мы считаем, что банки все же сохранятся, но уже в несколько ином качестве – как центры предложения разнообразных услуг и институциональные единицы, обладающие наиболее разнообразными и системными знаниями в области финансов.

Мобильные технологии, открытые *API* (*application programming interface* – *API*, интерфейс прикладного программирования), интернет-банкинг придают ЦФИП качество открытости. Данные технологии существенно снижают издержки установления контакта и получения информации и необходимых услуг от банка или другого кредитно-финансового учреждения, а также обмена и взаимодействия самих банковских и коммерческих предприятий. При этом благодаря открытым *API* и облачным технологиям это, во-первых, относится не только к платежным, но и к другим банковским услугам и, во-вторых, распространяется не только на розничных, но и на корпоративных клиентов. Последние получают возможность встраивать в свои бизнес-процессы необходимые им финансовые инструменты и банковские продукты. Это находит отражение в известной концепции *BaaS* (*Bank-as-a-Service*, или банк как сервис). В соответствии с ней банковские услуги (кредитные, депозитные, платежные) могут быть переданы в аренду внешнему пользователю и автоматически включаются в бизнес-процесс.

Открытость как институциональное свойство цифрового инвестиционно-финансового пространства означает еще и то, что любой субъект, как физическое, так и юридическое лицо, может быть одновременно клиентом не одного, а нескольких (в принципе, неограниченного числа) банков и интегрировать свои финансы (личные или корпоративные) с банковским обслуживанием. При этом транзакционные издержки, сопутствующие установлению таких отношений, близки к нулевым, что кажется невероятным в условиях традиционной, доцифровой банковской системы.

Цифровое инвестиционно-финансовое пространство обладает свойством *непрерывной коммуникации*, которое заключается в том, что финансово-кредитные организации могут поддерживать непрерывную связь с клиентами и прогнозировать их потребности. Вот как описывает непрерывную систему банковского обслуживания будущего К. Скиннер [17]: «... когда я иду по улице, вы (т. е. банк. – Прим. авт.) знаете, где я нахожусь, что делаю и в чем могу нуждаться. Я прохожу мимо магазина, и тут ваше приложение подсказывает, что в этом магазине мне предоставляется скидка 25 долларов на USB-накопитель емкостью 1 терабайт, если я зайду прямо сейчас» [17. С. 166].

Разумеется, данная картина несколько футуристична, но возможность поддержания постоянной, активной в режиме реального времени связи как с клиентами, так и с другими бизнес-партнерами в ЦФИП вполне реальна.

3. Цифровой облик кредитно-финансового сектора

Цифровизация ведет к изменениям в структуре как самих банков, так и финансового сектора в целом. Несмотря на тенденцию к определенной дезинтермедиации банковской системы, мы считаем, что банки в условиях цифровой экономики все же сохранятся. Их роль в качестве посредников, гарантирующих платежные и кредитно-депозитные операции, снизится, но не сведется к нулю. Это связано с тем, что, во-первых, неопределенность и классические банковские риски никогда не будут устранены полностью, во-вторых, банки, в отличие от других субъектов финансового сектора, обладают наиболее разнообразными и системными знаниями, в-третьих, потребность в традиционных банковских операциях, прежде всего депозитах, кредитовании, сохранится, по крайней мере, еще очень долго. Кроме того, задача координации и управления структурой активов и пассивов также сохраняется. И банки имеют наилучшие возможности и навыки для ее решения.

Разумеется, банки будущего претерпят существенную трансформацию как в технологическом, так и в организационном и институциональном отношении. Интересную версию модели оцифрованного банка будущего предлагает тот же К. Скиннер [18. С. 52–53]: бэк-офис (на основе облачных технологий, *Big Data*, блокчейн) обеспечивает предоставление

услуг, миддл-офис (*API*) обрабатывает транзакции, фронт-офис (мобильные приложения) обеспечивает непосредственную связь с клиентом. Причем такой банк органично вписывается в ЦФИП. Вот как он описывает свою модель нового цифрового банка и ее отличительные черты: «В индустриальную эпоху банк полностью владел всеми тремя уровнями (бэк-, миддл- и фронт-офисом. – Прим. авт.), они были его собственностью, его внутренними подразделениями. Теперь они становятся открытыми и отделяются от него. Отношения, которые поддерживались во фронт-офисе, теперь развиваются в мобильных устройствах. Автоматически конфигурируемое программное обеспечение, используемое для любых операций, позволяет каждому предложить собственный код через *API* и улучшить взаимодействие миддл-офиса с бэк- и фронт-офисом, а сами эти *API* и приложения наполняются данными, которые хранятся в облаке и извлекаются при помощи машинного обучения и искусственного интеллекта» [18. С. 53].

Несмотря на то, что К. Скиннер противопоставляет будущий цифровой банк банку индустриальной эпохи, можно сказать, что в цифровую эпоху происходит своеобразная индустриализация банковской деятельности. Огромные массивы данных, хранимых в облаке, и автоматически конфигурируемое программное обеспечение составляют производственную основу этой «умной» финансовой индустрии, которая может обеспечивать отдельных клиентов на основе стандартных алгоритмов, информационного и программного обеспечения.

Цифровое инвестиционно-финансовое пространство является открытым не только для потенциальных клиентов, но и для новых небанковских компаний, осуществляющих разработку и предложение традиционных банковских услуг. В условиях доцифровой финансовой системы невозможно было бы представить, чтобы некая крупная нефинансовая коммерческая компания или группа энтузиастов – специалистов в определенной узкой области (программистов) вдруг начала разрабатывать и предлагать финансовые продукты. В настоящее время бигтехи (крупные нефинансовые компании) и финтехи (группы специалистов) это делают и теснят традиционные банки. Тем не менее мы считаем, что они вряд ли смогут заменить последние. Бигтехи встраивают услуги финансового характера в свои экосистемы. Финтехи

специализируются на разработке и предоставлении специализированных финансовых услуг. Ни те, ни другие не являются структурами, обладающими разнообразными и системными знаниями в области финансов, и хотя некоторые из них могут предлагать практически все банковские услуги своим клиентам (например, *Amazon*), все же они это делают не полностью самостоятельно, а посредством кооперации с действующими банковскими и кредитно-финансовыми учреждениями.

Наряду с новыми уникальными возможностями для организации взаимодействия субъектов по мере формирования ЦФИП появляются и новые угрозы и риски. Традиционным банковским учреждениям приходится учитывать киберриск, который отсутствовал в прошлом, они сталкиваются с конкуренцией со стороны небанковских учреждений, выходящих на финансовые рынки, и вынуждены не только модернизировать свою организационно-техническую основу, но и принципиально менять бизнес-модели своей деятельности. Регуляторы должны иметь эффективные методы и инструменты для оценки, мониторинга и прогнозирования системного риска (в классической банковской системе он был на порядок менее значительным), принимать решение о регулировании (или нерегулировании) новых парабанковских структур, проводить определенную политику в отношении финансовых инноваций. Кроме того, актуализируются вопросы защиты прав потребителей и повышения финансовой вовлеченности населения, обеспечение которых должно балансироваться достижением иных целей деятельности регуляторов.

4. Модели цифровизации и новая регуляторная среда

Как на глобальном, так и на региональных финансовых рынках происходит усиление конкурентного давления на традиционные банки со стороны нефинансовых, преимущественно технологических и телекоммуникационных компаний. Такие компании оказывают широкий спектр платежных услуг (*Apple, Google*), услуги в области кредитования (*M-Pesa, eBay*) и страхования, а отдельные из них могут предоставлять весь спектр, по сути, банковских операций (примером является *Amazon*) [19].

Реакцией банков на изменяющиеся условия функционирования становится адаптация бизнес-

моделей и форматов предоставления финансовых услуг, расширение взаимодействия с небанковскими организациями в различных формах, как, например, маркетплейсы, кросс-продажи, суперприложения, экосистемы и другие формы партнерского взаимодействия. В таком взаимодействии банки могут выполнять роль как владельца, так и участника. Формирование экосистем и иных форм партнерского взаимодействия не является единственным трендом, но с учетом лучшей мировой практики представляется наиболее устойчивым и вероятным к распространению [20. С. 9]. Положительные эффекты выражаются в повышении маржинальности банковского бизнеса, технологичности бизнес-процессов и расширении клиентской базы.

Однако помимо них такая деятельность связана с рядом рисков, среди которых операционные (кибер-) риски, риск защиты прав потребителей и сохранности клиентских данных, снижения рентабельности традиционных банков и стоимости их брендов, появления новых системно значимых институтов [21. С. 75], деятельность которых выходит за границы традиционного банкинга и может характеризоваться как межиндустриальная.

В мировой практике к текущему времени не сформировались подходы к регулированию форм партнерского взаимодействия, деятельность которых в основном координируется тремя основными аспектами: финансовым, антимонопольным, продуктовым. Как отмечают эксперты, «в международной практике институциональная специфика страны и структура ее финансового рынка играют определяющую роль в формировании модели цифровой трансформации» [22. С. 4]. Так, эксперты исследовательского центра «Сколково-РЭШ» выделяют четыре основные модели цифровизации финансовых систем: американско-китайскую, российскую, европейскую и индийскую (табл. 1). Как следует из данных таблицы, трансформация денежно-кредитных систем «США и Китая осуществляется путем построения бигтех-компаниями экосистем, создаваемых бигтехами, а индийский финансовый сектор трансформируется посредством активного создания финтеха. Для европейских рынков определяющую роль играет банковская инфраструктура, трансформация которой происходит через внедрение открытого банкинга (*open banking*)» [20. С. 9].

Таблица 1

Модели цифровой трансформации
Table 1. Models of digital transformation

Наименование модели / Model title	Основные характеристики модели / Main characteristics of the model	Примеры / Examples
Американо-китайская / American-Chinese	– Повышение доверия населения к технологиям; – финансовые услуги – второстепенный элемент экосистемы; – высокая консолидация клиентских данных у бигтехов / – Increased trust of the population to technologies; – financial services are a secondary element of the ecosystem; – high consolidation of client data with the bigtech	Facebook, Amazon, Microsoft, Google, Apple, Baidu, Ant Financial, Tencent
Российская / Russian	– Инертность потребителя и проактивность традиционных банков; – финансовые услуги являются точкой входа в экосистему цифровых продуктов; – универсализация финансовых институтов; – высокий уровень доверия к традиционным банкам / – Inertia of consumers and proactivity of traditional banks; – financial services are an entrance point into the ecosystem of digital products; – universality of financial institutions; – high level of trust to traditional banks	Сбербанк, Тинькофф, Яндекс, Kaspi Bank / Sberbank, Tinkoff, Yandex, Kaspi Bank
Европейская / European	– Тенденция осознанного («сма́рт») потребления; – усиление роли клиента и вовлечение его в цепочку создания ценности продукта; – нишефикация финансовых услуг / – The trend to conscious («smart») consumption; – increasing role of a client and their involvement into the value adding chain; – niche character of financial services	Revolut, Monzo, N26, Starling Bank
Индийская / Indian	– Доминирование стартапов; – драйвер инноваций – потребительский спрос; – низкий уровень проникновения банковских услуг / – Domination of startups; – consumer demand as a driver for innovations; – low level of banking services penetration	One97, Paytm

Источник: составлено на основе [20. С. 9; 22. С. 4–5].

Source: compiled by the authors based on [20. P. 9; 22. Pp. 4–5].

Как следствие, меняется и регуляторная среда, в которой функционируют традиционные банки и новые поставщики финансовых услуг. Это требует соответствующих действий со стороны финансовых регуляторов³ в виде эффективных решений, обеспечивающих, с одной стороны, устойчивое функционирование финансовых институтов, с другой – стимулирование развития инноваций и обеспечение защиты интересов потребителей финансовых услуг. Поскольку цифровая трансформация финансового сектора приводит к расширению видов провайдеров финансовых услуг, соответствующая адаптация требуется и в отношении регуляторного периметра. Иными словами, финансовым регуляторам необходимо вырабатывать подходы

к регулированию деятельности нетрадиционных поставщиков финансовых услуг (в том числе финтех, бигтех, телекоммуникационных компаний) [23, 24].

В условиях трансформационных преобразований регулирования денежно-кредитных систем меняется также роль самих финансовых регуляторов. Так, международная консалтинговая компания *Deloitte* выделяет две роли финансовых регуляторов в контексте управления процессом цифровой трансформации денежно-кредитных систем, которые не были актуальны в условиях традиционной, доцифровой экономики и финансовой системы [20, 22]:

1. Координирующая роль, направленная на содействие активному развитию инноваций и повышению конкуренции. Основными характеристиками координатора являются регуляторная гибкость и регуляторная экосистемность. Важным уточнением в данном случае являются готовность и способность

³ Под финансовыми регуляторами мы понимаем государственные органы, осуществляющие надзор и регулирование банковской и страховой деятельности и рынка ценных бумаг.

банков эффективно управлять рисками, связанными с финансовыми технологиями.

2. Сдерживающая роль, которая заключается в реагировании на возникшие вызовы и устранении пробелов и несоответствий в регуляторных требованиях. В данном случае регулирование, направленное на ограничение уровня принимаемых рисков, может приводить к снижению глубины и широты внедрения инноваций в денежно-кредитной системе.

Полагаем, что механизмы регулирования должны также учитывать вызовы, с которыми сталкиваются традиционные банки, для поддержания устойчивого функционирования последних и, как следствие, обеспечения финансовой стабильности.

5. Модели регулирования

Как было отмечено авторами в [25], регуляторная практика каждой конкретной страны основывается на институциональных особенностях финансового рынка и уровне его развития, характеристиках самой экономики и системы права. В этой связи в мировой практике не существует единого подхода к построению системы регулирования денежно-кредитных систем.

Так, например, в Беларуси, Гонконге, Китае и Мексике применяется институциональная модель регулирования, которая предполагает выработку мер исходя из правового (институционального) статуса финансового посредника (например, банк, небанковская кредитно-финансовая организация и другие) и его лицензионных полномочий.

В таких странах, как Франция, Испания, Италия и Бразилия, используется функциональная модель, при которой регулируется не правовой статус, а тип осуществляемой деятельности (платежные услуги, кредитование и т. д.).

Все более распространенной в настоящее время становится так называемая интегрированная (гибридная) модель, которая предполагает наличие единого регуляторного органа – мегарегулятора. Названная модель применяется в том числе в России, Германии, Японии, Канаде, Сингапуре и Швейцарии.

В странах, являющихся мировыми финансовыми центрами, как, например, Великобритания, США, Финляндия, Новая Зеландия, ЮАР, Нидерланды, Австралия, применяется модель двойного пика *TwinPeaks*. Данная модель предполагает осуществление регулирования двумя и более органами, полно-

мочия которых разделяются исходя из регуляторных целей, таких как обеспечение финансовой стабильности и надзор за участниками финансового рынка, защита прав потребителей и продуктовый надзор [25. С. 12; 26].

Таким образом, в настоящее время применяются четыре основные модели регулирования, характеристика которых представлена в табл. 2.

В настоящее время трансформация финансового регулирования происходит за счет корректировки используемой модели. В частности, все большее количество стран переходит от институциональной модели к функциональной или гибридной, или комбинации их элементов.

На уровне подходов к регулированию денежно-кредитных систем выделяют регулирование, основанное (1) на принципах (*principle-based*) и (2) на правилах (*rules-based*). «В большинстве стран, в том числе и в Республике Беларусь, применяется регулирование на основе принципов, которое характеризуется высокой степенью формальности» [25. С. 12; 27]. Такой подход, на наш взгляд, ограничивает возможности внедрения финансовых инноваций, повышает издержки (временные, финансовые и другие) на соответствие требованиям регуляторов.

Регулирование на основе принципов предполагает общее описание подходов осуществления деятельности, при котором регулятор не осуществляет оценку применения директивных правил, а определяет соответствие нормативным правилам вне зависимости от применяемого подхода. Регулирование, основанное на принципах, требует от поднадзорных организаций наличия эффективной системы корпоративного управления, поскольку в данном случае применяется принцип «соблюдай или объясняй». Характерными особенностями данного подхода выступают регуляторная гибкость, высокая адаптивность к инновациям. Регулирование, основанное на принципах, получило наибольшее развитие в таких странах, как Великобритания, Сингапур, Мумбай, Исландия, Нидерланды, Швейцария [25. С. 12–13; 28; 29].

Еще одна тенденция в области совершенствования регулирования связана с применением принципа пропорциональности. Как было отмечено авторами в [25], «пропорциональное регулирование содействует повышению устойчивости небольших банков и их бизнес-моделей путем ограничения принимаемых

Таблица 2

Модели финансового регулирования денежно-кредитных систем

Table 2. Models of financial regulation of monetary-credit systems

Подход / Approach	Краткая характеристика модели / Brief characteristics of the model	Страны, применяющие данный подход / The countries applying the approach
Институциональная / Institutional	Регулирование осуществляется исходя из правового статуса финансового института вне зависимости от осуществляемых видов деятельности / Regulation is implemented based on the legal status of a financial institution regardless of the functions performed	Китай, Мексика, Гонконг, Беларусь / China, Mexico, Hong Kong, Belarus
Функциональная / Functional	Регулирование осуществляется исходя из выполняемых функций, вне зависимости от правового статуса финансового института / Regulation is implemented based on the functions performed regardless of the legal status of a financial institution	Италия, Франция, Бразилия, Испания, Россия / Italy, France, Brazil, Spain, Russia
Интегрированная (гибридная) / Integrated (hybrid)	Регулирование всех видов деятельности и видов финансовых институтов осуществляется единым регулятором (мегарегулятором) / Regulation of all types of activities and financial institutions is implemented by a single regulator (megaregulator)	Великобритания, Германия, Канада, Япония, Сингапур, Швейцария / Great Britain, Germany, Canada, Japan, Singapore, Switzerland
Twin Peaks	Регулирование, как правило, осуществляется двумя органами с различными полномочиями. Например, один регулятор осуществляет макро- и микропруденциальный надзор, второй регулирует деловое поведение, вопросы защиты прав потребителей / As a rule, regulation is implemented by two bodies with different authorities. For example, one regulator performs macro and micro-prudential supervision, another regulates business behavior, issues of consumer rights protection	Австралия, Нидерланды / Australia, Netherlands

Источник: собственная разработка авторов.

Source: compiled by the authors.

рисков при одновременном применении более простых нормативных требований, что в конечном итоге выражается в более прозрачных условиях для конкуренции. Упрощение регулирования может происходить в той степени, в которой не представляет угрозы финансовой стабильности и устойчивости отдельных банков. Принцип пропорциональности широко применяется в мировой банковской практике, в том числе в Европейском союзе, Бразилии, Гонконге, Японии, Швейцарии, США», а также в рамках отдельных регуляторных норм в Российской Федерации и Республике Беларусь [25. С. 14].

Практика применения пропорционального регулирования в различных странах существенно отличается. Каждая из них применяет свой подход к разработке критериев для классификации банков и разграничения регуляторных норм с применением принципа пропорциональности [25. С. 14; 30. С. 1–2]. Проведенный авторами анализ зарубежной практики [25] (табл. 3) позволяет сделать вывод, что «пропорционального регулирования требуют в первую очередь наиболее сложные регуляторные требования» [25. С. 15].

Критериями для разграничения требований с учетом принципа пропорционального регулирования могут выступать в том числе объем совокупных активов, масштабы международной деятельности, уровень принимаемых рисков.

6. Цифровая валюта центрального банка: выбор дизайна

Наряду с изменением характера финансового регулирования цифровая трансформация актуализирует вопросы эволюции денег, что выражается в появлении цифровых форм денег. Наиболее ярким феноменом в сфере цифровых финансовых технологий выступают цифровые валюты центрального банка (*central bank digital currencies*). По мере их введения может существенно измениться не только характер трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики, ее инструментарий, но и роль банков в обслуживании платежного процесса.

Для целей исследования наиболее полным представляется определение Банка международных расчетов, который определяет ЦВЦБ «как обязательство

Таблица 3

Применение принципа пропорционального регулирования в отдельных странах

Table 3. Applying the principle of proportionate regulation on some countries

Регуляторные требования / Regulative requirements	Бразилия / Brazil	ЕС / EU	Гонконг / Hong Kong	Япония / Japan	Швейцария / Switzerland	США / USA
Регулирование ликвидности (LCR, NSFR) / Regulation of liquidity (LCR, NSFR)	+	+	+	+	+	+
Кредитный риск контрагента / Counteragent's credit risk	+	+	+		+	+
Нормативы кредитного риска / Norms of credit risk	+	+	+		+	+
Кредитный риск / Credit risk	+		+		+	+
Рыночный риск / Market risk	+	+	+	+	+	+
Минимальные требования к капиталу / Minimal requirements to capital				+		
Процентный риск банковского портфеля / Interest risk of bank portfolio	+	+			+	+
Раскрытие информации / Information disclosure	+	+	+		+	+

Источник: составлено авторами на основе [30. С. 11].

Source: compiled by the authors based on [30. P. 11].

центрального банка, выраженное в имеющихся единицах стоимости и выступающее средством обращения и средством сохранения стоимости» [31. С. 28]. «Более 86 % центральных банков вовлечены в исследование феномена ЦВЦБ и находятся на разных стадиях исследования. Например, на стадии пилотного проекта находятся Банк России, Национальный банк Казахстана и ЕЦБ, на стадии тестирования – Китай» [32]. Национальный банк Республики Беларусь приступает к изучению возможностей внедрения цифрового белорусского рубля, а о запуске собственной ЦВЦБ заявили Нигерия и Багамские Острова.

В зависимости от элементов дизайна цифровая валюта центрального банка может рассматриваться в качестве безналичной формы или, сочетая в себе характеристики наличных и безналичных денег, выступать третьей, цифровой, формой. Поскольку ЦВЦБ сочетает в себе множество характеристик, наиболее важным является вопрос ее дизайна – т. е. выбора комбинации характеристик. В зарубежной литературе выделяют множество моделей ЦВЦБ с различными комбинациями возможных характеристик, имеющими различные последствия как для платежных систем, трансмиссионного механизма монетарной политики, так и для структуры и стабильности финансовой си-

стемы. Дизайн цифровой валюты центрального банка для конкретной страны разрабатывается с учетом характеристик национальной экономики, особенностей платежного рынка, финансовой системы и монетарной политики.

Проведенная авторами систематизация исследований позволяет выделить следующие основные элементы дизайна и классификационные признаки ЦВЦБ [33. С. 28–30], приведем их в виде цитирования для сохранения неизменности определений:

«1. Вид доступа:

1.1. на основе счетов (account-based), согласно которому эмиссия ЦВЦБ происходит посредством открытия в центральном банке персонифицированных счетов всем экономическим агентам;

1.2. на основе токенов (value-, token-based), что предполагает эмиссию наличности в цифровом виде (токен), которая может частично или полностью замещать наличные деньги как единиц учета в определенном реестре (базе данных).

2. Модель системы (доступность):

2.1. розничные (retail/general) – цифровая валюта центрального банка, доступная для широкого использования, в том числе юридическими и физическими лицами;

2.2. *оптовые (wholesale)* – цифровая валюта центрального банка, доступная ограниченному кругу пользователей, например, финансовым институтам, хранящим деньги на счетах центральных банков, или профессиональным участникам финансового рынка и используется для ограниченного спектра финансовых операций, к примеру, для осуществления межбанковских расчетов.

3. Тип инфраструктуры:

3.1. *централизованные* (не основанные на технологии распределенного реестра, *non-DLT*);

3.2. *децентрализованные* (основанные на технологии распределенного реестра, *DLT*)».

Цифровая валюта центрального банка может быть спроектирована как с применением технологии распределенного реестра, в котором объектом учета является токен, так и на централизованных реестрах, являющихся аналогами существующих платежных систем [33].

«Внедрение цифровой валюты центрального банка может преследовать решение одной из двух основных задач: (1) сокращение наличных денег в обращении и повышение удельного веса безналичных платежей, а также (2) повышение финансовой вовлеченности населения. Соответственно разработка конкретного дизайна ЦВЦБ, включающего определенную комбинацию элементов, отраженных в классификации выше, осуществляется исходя из целеполагания (выбор одной из названных задач) и ожидаемых результатов» [33. С. 31–32; 34].

Внедрение ЦВЦБ должно быть своевременным, способствовать интересам экономики в условиях ее цифровизации и быть направленным на удовлетворение запросов потребителей.

Учитывая изложенное, а также принимая во внимание обозначенные глобальные тренды в области развития регулирования, полагаем, что наибольшую актуальность для национальных регуляторов при выработке мер, направленных на управление процессом цифровизации денежно-кредитных систем, будут иметь следующие аспекты [21, 25]:

1. *Развитие элементов функциональной модели регулирования* с постепенным сокращением элементов институциональной модели. «Функциональная модель предполагает применение подходов к регулированию, основанных на экономической сущности операций и функций, а не на правовом статусе юриди-

ческих лиц (в случае применения институциональной модели)» [25. С. 12].

К примеру, если в России применяется гибридная модель, функцию мегарегулирования в которой осуществляет Банк России, то Республика Беларусь использует институциональную модель финансового регулирования. Отсюда следует, что Национальному банку Республики Беларусь целесообразно развивать финансовое регулирование в контексте активизации внедрения элементов функциональной модели [25. С. 18]. На наш взгляд, предпосылками трансформации используемой модели в целях обеспечения эффективного развития денежно-кредитной системы выступают активное развитие деятельности небанковских поставщиков услуг и повсеместное применение цифровых и финансовых технологий, которое выражается в изменении институциональных характеристик денежно-кредитной системы.

В целях систематизации требований к элементам платежной системы, а также включения в регуляторный периметр новых категорий финансовых посредников, предоставляющих платежные услуги, в Республике Беларусь разработан проект Закона «О платежных услугах и платежных системах в Республике Беларусь». Данный законопроект является примером применения функционального регулирования [25. С. 18].

2. *Более широкое применение пропорционального регулирования*, выражающегося в ранжировании регуляторных требований исходя из масштаба деятельности финансового института, уровня принимаемых рисков и (или) других факторов.

В Республике Беларусь в этом направлении осуществляются определенные меры, в частности, все банки страны разделены на две группы: группа значимости I и группа значимости II. Масштаб деятельности, значимость для экономики, взаимосвязь с банками-резидентами и банками-нерезидентами – это критерии, на основе которых определялась системная значимость банков [25. С. 17–18]. Так, в соответствии с постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 18 мая 2017 г. № 180 «Об утверждении Инструкции о порядке определения системно значимых банков, небанковских кредитно-финансовых организаций и внесении изменений и дополнений в некоторые нормативные правовые акты Национального бан-

ка Республики Беларусь»⁴ «к банкам, отнесенным к числу системно значимых, применяются дополнительные пруденциальные требования, в частности, о соблюдении нормативов достаточности нормативного капитала с учетом буфера системной значимости, а также о создании комитета по вознаграждениям» [25. С. 18].

В свою очередь Банк России в части пропорционального регулирования разделяет банки на две категории: с базовой и универсальной лицензией.

3. *Внедрение регулирования на основе принципов, а не на основе правил.* Такой подход подразумевает переход от директивных правил ведения банковского бизнеса к установлению стандартов рыночного поведения. Как было отмечено авторами в [25], «наиболее оптимальным вариантом на текущий момент является комбинация двух подходов – на основе принципов и на основе правил – при активном взаимодействии между финансовым регулятором и регулируемыми финансовыми институтами. Это связано с тем, что применение исключительно подхода на основе принципов не может рассматриваться в качестве исключительного варианта на текущем этапе развития денежно-кредитной системы, поскольку действующая система основана на правилах и ее эффективное изменение требует времени» [25. С. 12]. Обеспечение бесшовного и поступательного внедрения подхода на основе принципов требует высокой степени взаимодействия регулятора с поднадзорными институтами, а также выработки новых механизмов взаимодействия регулятора и участников финансового рынка.

4. *Выработка подходов к регулированию деятельности небанковских финансовых поставщиков финансовых услуг.* Необходимость их выработки обусловлена тем, что использование форм партнерского взаимодействия (экосистемы, маркетплейсы и т. д.) влечет за собой структурные изменения в финансовом секторе и, следовательно, обуславливает возникновение новых видов рисков для денежно-

кредитных систем. В этой связи для обеспечения баланса между достижением целей деятельности центральных банков и стимулированием инноваций необходимо соответствующее регулирование. К текущему времени в мировой практике еще не выработались единые подходы к регулированию такой деятельности. Вместе с тем, как правило, ключевые аспекты затрагивают продуктовые, антимонопольные и финансовые нормы осуществления такой деятельности.

5. *Изучение возможностей внедрения в денежный оборот цифровых валют центральных банков как третьей формы национальной денежной единицы наряду с наличными и безналичными деньгами.*

Актуальность проведения такой работы обусловлена необходимостью решения ряда задач, наиболее значимыми из которых являются: активизация совершения безналичных расчетов, повышение скорости, удобство и безопасность их осуществления, стимулирование внедрения инновационных финансовых инструментов. В качестве примера можно привести Банк России, который вплотную приступил к практической реализации проекта по введению в оборот цифрового российского рубля. В Беларуси данный вопрос пока находится на стадии изучения. При этом Национальный банк Республики Беларусь с большим вниманием относится к выводам российских коллег относительно дизайна будущих цифровых денег.

Полагаем, что реализация предложенных авторами мероприятий будет содействовать формированию эффективного регулирования денежно-кредитных систем в условиях цифровой трансформации. В свою очередь это выразится в повышении эффективности деятельности участников национальных финансовых рынков, повышении предсказуемости регуляторной среды и конкуренции на финансовом рынке.

Таким образом, цифровизация денежно-кредитных систем, обусловленная повсеместным внедрением цифровых технологий, систем и инструментов, проявляется в трансформационных преобразованиях в двух ключевых аспектах: институциональном и регуляторном. Так, данный процесс затрагивает организационно-техническую инфраструктуру, а также влечет за собой появление принципиально новых инструментов и методов проведения операций.

Институциональные аспекты цифровизации финансовой системы проявляются, прежде всего,

⁴ Инструкция о порядке определения системно значимых банков, небанковских кредитно-финансовых организаций и внесении изменений и дополнений в некоторые нормативные правовые акты Национального банка Республики Беларусь: утв. постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 18 мая 2018 г. № 180 // Национальный банк Республики Беларусь. URL: https://www.nbrb.by/legislation/documents/pp_180.pdf (дата обращения: 01.10.2021).

в изменении структуры транзакционных издержек, связанных с верификацией и контролем исполнения контрактных обязательств, идентификацией и управлением кредитным и операционным риском, обменом информацией, денежными средствами и финансовыми активами, установлением коммуникаций. Это выражается в формировании цифрового инвестиционно-финансового пространства с такими отличительными особенностями, как открытость, контрактоспособность, непрерывность коммуникации.

Регуляторный аспект является следствием трансформации институциональных характеристик денежно-кредитных систем. Повышение конкурентного давления на традиционные банки, размывание границ между сегментами финансового рынка, снижение маржинальности банковского бизнеса и корректировка бизнес-моделей банков являются для финансовых регуляторов новыми вызовами, требующими выработки нестандартных подходов к управлению процессом цифровой трансформации денежно-кредитных систем. В целях обеспечения эффективности регулирования с учетом тенденций институционального преобразования денежно-кредитных систем, на наш взгляд, наиболее актуальными являются вопросы развития элементов функциональной модели регулирования, более широкого применения пропорционального регулирования, внедрения регулирования на основе принципов, выработки подходов к регулированию деятельности небанковских финансовых посредников, а также исследования возможностей применения цифровых валют центральных банков.

Выводы

В результате проведенного исследования авторами были систематизированы два основных аспекта цифровизации: институциональный и регуляторный,

раскрыты основные институциональные особенности цифровой денежно-кредитной системы, такие как контрактоспособность, открытость и непрерывная коммуникация. Названные особенности отличают цифровую денежно-кредитную систему от традиционной и являются следствием формирования цифрового финансово-инвестиционного пространства в условиях развития цифровых технологий. ЦФИП проявляется через ряд сущностных трансформаций: изменение структуры транзакционных издержек, формирование новых институциональных характеристик денежно-кредитной системы, появление новых, ранее неизвестных и (или) менее актуальных видов рисков, появление новых участников денежно-кредитных систем и трансформацию деятельности традиционных участников. Взаимообусловленным с институциональным аспектом выступает регуляторный аспект. В рамках его рассмотрения авторы обозначили модели цифровизации, получившие распространение в международной практике, охарактеризовали феномен цифровых валют центрального банка и рассмотрели ключевые тенденции совершенствования финансового регулирования, на основе которых предложены мероприятия по его совершенствованию.

Выводы авторов, касающиеся институциональных аспектов цифровизации, носят глобальный характер и применимы в общем к финансовым системам всех стран. Что касается тех, которые относятся к их регулированию, а также введению цифровой валюты центрального банка, они в первую очередь относятся к Беларуси, но, поскольку денежно-кредитные системы всех стран учитывают глобальные тренды и развиваются в сопоставимых траекториях, мы надеемся, что многие из них справедливы и для России, и будут интересны для коллег из других стран.

Список литературы

1. Ковалев М. М., Головенчик Г. Г. Цифровая экономика – шанс для Беларуси. Минск: Изд. центр БГУ, 2018. 328 с.
2. Головенчик Г. Г., Ковалев М. М. Цифровая экономика. Минск: Изд. центр БГУ, 2019. 395 с.
3. Исламудинов В. Ф. Институциональные изменения в контексте цифровой экономики // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2020. № 12 (3). С. 142–156. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.3.142-156>
4. Акимов М. А. Цифровая экономика – мир сделок без посредников // Основные тренды развития цифровой экономики в финансовой сфере. Правовые аспекты регулирования и практического применения. М.: Издание Государственной Думы, 2019. 160 с.

5. The Institutional Regulatory Environment of the Digital Ecosystem: Theoretical Approach and Russian Experience / N. Masyuk, M. Bushueva, Z. Bragina // SHS, Web of Conferences. January 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/338551989_The_Institutional_Regulatory_Environment_of_the_Digital_Ecosystem_Theoretical_Approach_and_Russian_Experience/ (дата обращения: 10.09.2021).
6. Евневич М. А., Бычкова И. И. Цифровизация банковской деятельности на рынке e-commerce: новые возможности развития кредитно-финансового сектора на современном этапе // Цифровая экономика и онлайн-образование: европейский опыт: коллективная монография / под науч. ред. И. В. Пеньковой, В. А. Королева. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2020. С. 151–161.
7. Impact of implementation of digital trade facilitation on trade costs / Y. Duval, C. Utoktham, A. Kravchenko // ARTNeT Working Paper Series. № 174. 2018. January. URL: <https://www.unescap.org/sites/default/files/AWP174.pdf/> (дата обращения: 25.02.2020).
8. Нуреев Р. М., Карапаев О. В. Три этапа становления цифровой экономики // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2019. Т. 10, № 2. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2019.10.2.006-027>
9. Новикова Е. А. Цифровизация финансового сектора: новые инструменты и перспективы их использования // Право, экономика и управление: от теории к практике: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Чебоксары, 21 мая 2020 г. / редкол. Г. Н. Петров [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2020. С. 24–27.
10. Restoy F. Regulating fintech: what is going on, and where are the challenges? // Bank for International Settlements. 2019. URL: <https://www.bis.org/speeches/sp191017a.pdf> (дата обращения: 05.10.2020).
11. Crisanto C. Big tech regulation: what is going on? // Bank for International Settlements. 2021. URL: <https://www.bis.org/fsi/publ/insights36.pdf> (дата обращения: 05.10.2020).
12. Shin H. Issues in the regulation of big techs in finance // Bank for International Settlements. 2020. URL: <https://www.bis.org/speeches/sp210210.pdf> (дата обращения: 05.10.2020).
13. Lewis J. Financial Services: regulating the new reality // KPMG. 2021. URL: <https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2020/07/regulating-the-new-reality.html> (дата обращения: 10.10.2020).
14. Weir A., Patterson J. Regulating digital finance. Evolving Asset Management Regulation // KPMG. 2021. URL: <https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2021/06/regulating-digital-finance.html> (дата обращения: 10.10.2020).
15. Регуляторная политика в России: основные тенденции и архитектура будущего / Центр стратегических разработок. Высшая школа экономики. М., 2018. URL: <https://publications.hse.ru/books/219490252> (дата обращения: 01.10.2021).
16. Тихонов А. Новое глобальное финансово-инвестиционное пространство и проблемы национальной финансовой политики // Банкаўскі веснік. 2016. № 11 (640). С. 3–7.
17. Скиннер К. Value Web. Как финтех-компании используют блокчейн и мобильные технологии для создания интернета ценностей / пер. с англ. Н. Яцюк; науч. ред. А. Форк. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 416 с.
18. Скиннер К. Цифровой человек. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого / пер. с англ. О. Сивченко; науч. ред. К. Щеглова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 304 с.
19. Everything You Need To Know About What Amazon Is Doing In Financial Services // CBINSIGHTS. URL: <https://www.cbinsights.com/research/report/amazon-across-financial-services-fintech/> (дата обращения: 25.11.2020).
20. Юзефальчик И. Механизмы совершенствования финансового регулирования в условиях цифровой трансформации // Банкаўскі веснік. 2020. № 9 (686). С. 9–15.
21. The bank business model in the post-covid-19 world / E. Carletti, S. Claessens, A. Fatas, X. Vives // IESE Business school University of Navarra. 2020. URL: <https://media.iese.edu/research/pdfs/ST-0549-E.pdf> (дата обращения: 25.11.2020).
22. Цифровая трансформация финансовых услуг: модели развития и стратегии для участников отрасли // Сколково, Московская школа управления, 2019. URL: <https://finance.skolkovo.ru/> (дата обращения: 14.09.2021).
23. Big tech in finance: opportunities and risks / BIS Annual Economic Report 2019. URL: <https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2019e3.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).
24. Digital transformation meets regulation 4.0 in 2030. Coping with disruptive innovation // Deloitte. 2019. URL: <https://www2.deloitte.com/> (дата обращения: 10.10.2021).
25. Юзефальчик И. Современные мировые тенденции и перспективы развития финансового регулирования // Банкаўскі веснік. 2018. № 8 (661). С. 9–20.
26. The structure of financial supervision. Approaches and Challenges in a Global Marketplace / Group of Thirty. URL: <http://group30.org> (дата обращения: 10.09.2021).
27. Грант С. Принципы против правил // Аналитический банковский журнал. 2010. № 7–8 (181–182). URL: <http://www.abajour.ru> (дата обращения: 02.09.2021).
28. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов / Банк России. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 25.06.2018).
29. Arjoon S. Striking a balance between rules and principles-based approaches for effective governance: A risks-based approach // Journal of Business Ethics. 2006. № 68. Pp. 53–82.

30. Proportionality in banking regulation: a cross-country comparison / A. Carvalho, S. Hohl, R. Raskopf, S. Ruhnau // Financial Stability Institute. Bank for international settlements. August 2017. URL: <https://www.bis.org/fsi/>
31. Central bank digital currencies / Committee on Payments and Market Infrastructures // BIS. March 2018. URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d174.pdf> (дата обращения: 18.09.2021).
32. Кувшинова О., Рябова И. Цифровая валюта центральных банков: мировой опыт // ЭКОНС. 2020. URL: <https://econs.online/articles/regulirovanie-tsifrovaya-valyuta-tsentralnykh-bankov-mirovoy-opyt/> (дата обращения: 10.10.2021).
33. Юзефальчик И. Цифровые валюты центральных банков: подходы к внедрению и роль в финансовой системе // Банкаўскі веснік. 2019. № 11 (676). С. 27–34.
34. Ward O., Rochemont S. Understanding Central Bank Digital Currencies (CBDC) // Institute and Faculty of Actuaries. March 2019. URL: <https://www.actuaries.org.uk/> (дата обращения: 01.10.2021).

References

1. Kovalev, M. M., Golovenchik, G. G. (2018). *Digital economy – a chance for Belarus*. Minsk, Izd. tsentr BGU (in Russ.).
2. Golovenchik, G. G., Kovalev, M. M. (2019). *Digital economy*. Minsk, Izd. tsentr BGU (in Russ.).
3. Islamutdinov, V. F. (2020). Institutional change within the context of digital economy. *Journal of Institutional Studies*, 12 (3), 142–156 (in Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.3.142-156>
4. Akimov, M. A. (2019). Digital economy – the world of deals without intermediaries. In *The main trends of digital economy development in the financial sphere. Legal aspects of regulation and practical application*. Moscow, Izdanie Gosudarstvennoi Dumy (in Russ.).
5. Masyuk, N., Bushueva, M., Bragina, Z. (2020). The Institutional Regulatory Environment of the Digital Ecosystem: Theoretical Approach and Russian Experience. *SHS, Web of Conferences*. January. https://www.researchgate.net/publication/338551989_The_Institutional_Regulatory_Environment_of_the_Digital_Ecosystem_Theoretical_Approach_and_Russian_Experience/ (access date: 10.09.2021).
6. Evnevich, M. A., Bychkova, I. I. (2020). Digitalization of banking activity in the market of e-commerce: new opportunities for the credit-financial sector development at the modern stage. In I. V. Pen'kova, V. A. Korolev (eds.), *Digital economy and online education: European experience*, collective monograph (pp. 151–161). Stavropol, Izd-vo SKFU (in Russ.).
7. Duval, Y., Utoktham, C., Kravchenko, A. (2018). Impact of implementation of digital trade facilitation on trade costs, *ARTNeT Working Paper Series*. No. 174. January. <https://www.unescap.org/sites/default/files/AWP174.pdf> (access date: 25.02.2020).
8. Nureev, R. M., Karapayev, O. V. (2019). Digital economy as an economic institute. *Journal of Economic Regulation*, 10 (2), 6–27 (in Russ.). <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2019.10.2.006-027>
9. Novikova, E. A. (2020). Digitalization of the financial sector: new tools and prospects of using them. In G. N. Petrov et al. (eds.), *Law, economics and management: from theory to practice*, works of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. Cheboksary, May 21, 2020 (pp. 24–27). Cheboksary, ID “Sreda” (in Russ.).
10. Restoy, F. (2019). Regulating fintech: what is going on, and where are the challenges? *Bank for International Settlements*. <https://www.bis.org/speeches/sp191017a.pdf> (access date: 05.10.2020).
11. Crisanto, C. (2021). Big tech regulation: what is going on?. *Bank for International Settlements*. <https://www.bis.org/fsi/publ/insights36.pdf> (access date: 05.10.2020).
12. Shin, H. (2020). Issues in the regulation of big techs in finance. *Bank for International Settlements*. <https://www.bis.org/speeches/sp210210.pdf> (access date: 05.10.2020).
13. Lewis, J. (2021). Financial Services: regulating the new reality. *KPMG*. <https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2020/07/regulating-the-new-reality.html> (access date: 10.10.2020).
14. Weir, A., Patterson, J. Regulating digital finance. Evolving Asset Management Regulation. *KPMG*. <https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2021/06/regulating-digital-finance.html> (access date: 10.10.2020).
15. Centre for strategic developments. (2018). *Regulation policy in Russia: main trends and architecture of the future*. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki. <https://publications.hse.ru/books/219490252> (access date: 01.10.2021) (in Russ.).
16. Tikhonov, A. (2016). New global financial-investment space and the problem of national financial policy. *Bankaŭski vesnik*, 11 (640), 3–7 (in Russ.).
17. Skinner, K. (2018). *Value Web. How fintech companies use blockchain and mobile technologies to create the Internet of values*. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber (in Russ.).
18. Skinner, K. (2019). *Digital man. The fourth revolution in the history of mankind, which will touch upon everyone*. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber (in Russ.).
19. Everything You Need To Know About What Amazon Is Doing In Financial Services. *CBINSIGHTS*. <https://www.cbinsights.com/research/report/amazon-across-financial-services-fintech/> (access date: 25.11.2020).

20. Yuzefal'chik, I. (2020). Mechanisms of improving financial regulation under digital transformation. *Bankaŷski vesnik*, 9 (686), 9–15 (in Russ.).
21. Carletti, E., Claessens, S., Fatas, A., Vives X. (2020). The bank business model in the post-covid-19 world. *IESE Business school University of Navarra*. <https://media.iese.edu/research/pdfs/ST-0549-E.pdf> (access date: 25.11.2020).
22. Skolkovo, Moscow school of management. (2019). *Digital transformation of financial services: models of development and strategies for the sector participants*. <https://finance.skolkovo.ru/> (access date: 14.09.2021) (in Russ.).
23. Big tech in finance: opportunities and risks. (2019). *BIS Annual Economic Report*. <https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2019e3.pdf> (access date: 10.10.2021).
24. Digital transformation meets regulation 4.0 in 2030. Coping with disruptive innovation. (2019). *Deloitte*. <https://www2.deloitte.com/> (access date: 10.10.2021).
25. Yuzefal'chik, I. (2018). Modern global trends and prospects of financial regulation development. *Bankaŷski vesnik*, 8 (661), 9–20 (in Russ.).
26. *The structure of financial supervision. Approaches and Challenges in a Global Marketplace*. Group of Thirty. <http://group30.org> (access date: 10.09.2021).
27. Grant, S. (2010). Principles versus rules. *The Analytical Banking Magazin*, 7–8 (181–182). <http://www.abajour.ru> (access date: 02.09.2021) (in Russ.).
28. Main directions of development of the financial market of the Russian Federation from 2019–2021. *Bank of Russia*. <http://www.cbr.ru> (access date: 25.06.2018) (in Russ.).
29. Arjoon, S. (2006). Striking a balance between rules and principles-based approaches for effective governance: A risks-based approach. *Journal of Business Ethics*, 68, 53–82.
30. Carvalho, A., Hohl, S., Raskopf, R., Ruhnau, S. (2017). Proportionality in banking regulation: a cross-country comparison. *Financial Stability Institute. Bank for international settlements*. August. <https://www.bis.org/fsi/>
31. Central bank digital currencies. (2018). Committee on Payments and Market Infrastructures. *BIS*, March. <https://www.bis.org/cpmi/publ/d174.pdf> (access date: 18.09.2021).
32. Kuvshinova, O., Ryabova, I. (2020). Digital currency of the central banks: global experience. *Economic Conversations*. <https://econs.online/articles/regulirovanie/tsifrovaya-valyuta-tsentralnykh-bankov-mirovoy-opyt/> (access date: 10.10.2021) (in Russ.).
33. Yuzefal'chik, I. (2019). Digital currencies of the central banks: approaches to introduction and role in the financial system. *Bankaŷski vesnik*, 11 (676), 27–34 (in Russ.).
34. Ward, O., Rochemont, S. (2019). *Understanding Central Bank Digital Currencies (CBDC)*. Institute and Faculty of Actuaries, March. URL: <https://www.actuaries.org.uk/> (access date: 01.10.2021).

Вклад авторов

А. О. Тихонов является главным исследователем, проводившим исследование и координировавшим его, формировал содержание работы и проводил обзор литературы по вопросам институциональных аспектов цифровизации денежно-кредитных систем.

И. В. Юзефальчик проводила исследование по регуляторному аспекту цифровизации денежно-кредитной системы, сделала обзор литературы, подготовила рукопись.

Contribution of the authors

A. O. Tikhonov is the main researcher who conducted the research and coordinated it, formed the content of the work and conducted a literature review on the institutional aspects of the monetary systems digitalization.

I. V. Yuzefalchik conducted a study on the regulatory aspect of the monetary system digitalization, reviewed the literature, and prepared the manuscript.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 25.10.2021

Дата принятия в печать / Accepted 20.11.2021

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО / ADMINISTRATIVE LAW

Редактор рубрики А. С. Панова / Rubric editor A. S. Panova

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.731-742>

УДК 342.9:347.4:336.5:339.186

Г. Б. ДОБРЕЦОВ¹

¹ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Москва, Россия

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СРОКИ В КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ

Добрецов Григорий Борисович, кандидат исторических наук, доцент по кафедре административного права, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России

E-mail: 2096900@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9091-9285>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 7196-8080, AuthorID: 312619

Аннотация

Цель: разработка понятия «срок» в законодательстве о контрактной системе и выявление особенностей их исчисления с учетом редакции Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 02.07.2021.

Методы: в работе использованы общенаучные и частнонаучные методы исследования.

Результаты: законодательство о контрактной системе не закрепляет понятия «срок», но устанавливает его во всех процедурах и ко всем участникам контрактной системы. За нарушение сроков предусмотрена административная ответственность как в отношении юридических, так и должностных лиц. Со сроками связана вся логистика закупочной деятельности. В результате исследования выявлены следующие особенности, связанные со сроками в контрактной системе: а) расчет сроков; б) рабочие дни; в) добавление к установленному минимальному сроку, вычитание от максимального срока дней на случай непредвиденных технических сбоев; г) расчет сроков в правовой конструкции «со дня, следующего за днем»; д) в некоторых случаях не только соблюдать все сроки формулы «не более», но и планировать, чтобы на последнем этапе не возникло противоречие между «не более» и «не менее»; е) исчисление сроков с момента их размещения в ЕИС. Отдельные документы размещаются в ЕИС через Казначейство, территориальный орган которого вправе формировать уведомления о прохождении контроля указанных объектов контроля в течение следующего рабочего дня. При этом размещение объектов контроля в ЕИС будет осуществлено на следующий рабочий день со дня их направления на контроль в соответствующий орган Казначейства.

Научная новизна: в статье впервые исследованы нормы и правила расчета сроков, закрепленные в Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в редакции от 02.07.2021, а также проанализированы нормативные правовые акты в сфере закупок, вступающие в силу с 1 января 2022 г.

© Добрецов Г. Б., 2021

© Dobretsov G. B., 2021

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с расчетом сроков в сфере закупок.

Ключевые слова: административное право, гражданское право, срок, единицы исчисления сроков, закупка, контрольная система в сфере закупок, электронный контракт

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Добрецов Г. Б. Гражданско-правовые сроки в контрактной системе // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Т. 15, № 4. С. 731–742. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.731-742>

The scientific article

G. B. DOBRETISOV¹

¹ Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

CIVIL-LEGAL TERMS IN CONTRACTUAL SYSTEM

Grigoriy B. Dobretsov, PhD (History), Associate Professor of the Department of Administrative Law, Senior Researcher, Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

E-mail: 2096900@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9091-9285>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 7196-8080, AuthorID: 312619

Abstract

Objective: to develop the “term” concept in the contract system legislation and to identify the features of terms calculation, taking into account the wording of the Federal Law “On the contract system in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs” of 02.07.2021.

Methods: general scientific and specific scientific research methods are used in the work.

Results: the legislation on the contract system does not register the “term” concept, but establishes it in all procedures and for all participants of the contract system. Terms violation entails administrative liability for both legal entities and officials. The entire logistics of procurement activities is connected with terms. As a result of the study, the following features related to terms in the contract system were identified: a) the terms calculation in the contract system in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs must be carried out in accordance with Chapter 11 of the Civil Code of the Russian Federation; b) Monday to Friday, except for federal official holidays, as well as other non-working days established by the authorities of the Russian Federation, should be considered working days; c) taking into account the high administrative responsibility for these offenses, if possible, to add to the established minimum and to subtract from the maximum period at least one day for unforeseen technical failures, in addition to the calculated period; d) in the legal structure “from the day following the day”, when establishing the maximum preventive terms in the law, to calculate the terms from the day of the event, the minimum preventive terms – from the day following the specified event; e) in some cases, as, for example, when concluding a contract, the customer should not only comply with all the terms of the formula “not more”, but also plan so that at the last stage there is no contradiction between “not more” and “not less”; f) the calculation of the terms provided by Law for the placement of electronic documents and information in the UIS starts from the moment they are placed in the UIS. Individual documents are placed in the UIS through the Treasury, the territorial body of which has the right to form notifications about the passage of control of these objects of control during the next working day. At that, the placement of control objects in the UIS will be carried out on the next working day from the date of their referral for control to the appropriate Treasury body.

Scientific novelty: the article for the first time examines the norms and rules for calculating the terms stipulated in the Federal Law “On the contract system in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs” as amended on 02.07.2021, and analyzes regulatory legal acts in the field of procurement that come into force on January 1, 2022.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering issues related to the calculation of terms in the field of procurement.

Keywords: Administrative law, Civil law, Term, Units of terms calculation, Procurement, Control system in the field of procurement, Electronic contract

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Dobretsov, G. B. (2021). Civil-legal terms in contractual system. *Russian Journal of Economics and Law*, 15 (4), 731–742 (in Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.731-742>

Введение

Закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (далее – Закон) в редакции от 02.07.2021 более 250 раз употребляет понятие «срок» («сроки»), однако ни разу не дает ему толкования. Для понимания термина следует обратиться к ч. 1 ст. 2 Закона [1. Ст. 2, ч. 1], которая устанавливает, что законодательство Российской Федерации о контрактной системе основывается на положениях Гражданского кодекса РФ, а затем к соответствующим статьям Гражданского кодекса РФ, регулирующим исчисление сроков [2, гл. 11]. Законодательство о контрактной системе употребляет понятие «сроки» и регулирует сроки совершения участниками контрактной системы действий в строгом соответствии с гражданско-правовым толкованием дефиниции и правилами их применения.

Понятие «сроки».

Единицы исчисления сроков

Под сроком в гражданском праве понимается промежуток времени, в течение которого осуществляются и защищаются права и исполняются обязанности, или момент времени, с наступлением которого связано возникновение, изменение и прекращение правоотношений.

Установленный законом, иными правовыми актами, сделкой или назначаемый судом срок определяется календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами. Закон в большей части устанавливает

сроки в днях (более 200 раз), в меньшей (около 50 раз) – в часах, в отдельных случаях – в месяцах и годах.

Например, извещение об осуществлении закупки размещается при проведении электронного конкурса не менее чем за пятнадцать дней до даты окончания срока подачи заявок на участие в закупке [1. Ст. 44, ч. 3, п. 1].

Срок может определяться также указанием на событие, которое неизбежно должно наступить [2. Ст. 190]. Например, оплата контрактов, заключенных до начала указанного финансового года. Наступление финансового года будет тем событием, которое должно неизбежно наступить [1. Ст. 3, п. 16].

Сроки, исчисляемые днями, в половине случаев указываются в рабочих днях, в половине – в календарных.

Например, извещение об осуществлении закупки размещается при проведении электронного аукциона не менее чем за пятнадцать дней до даты окончания срока подачи заявок на участие в закупке, за исключением случаев, когда начальная (максимальная) цена контракта (далее – НМЦК) не превышает трехсот миллионов рублей либо НМЦК на выполнение работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту, сносу объекта капитального строительства не превышает двух миллиардов рублей, при которых такое извещение размещается не менее чем за семь дней до даты окончания срока подачи заявок, а при проведении электронного запроса котировок – не менее чем за четыре рабочих дня до даты окончания срока подачи заявок [1. Ст. 44, ч. 3, пп. 1, 3].

У отдельных специалистов возникает вопрос: как заказчику считать дни при проведении процедуры

закупки товаров, работ, услуг в том случае, если прямо не указано о каких днях – календарных или рабочих – идет речь [9].

Ответ однозначный: презюмируется, что срок исчисляется календарными днями, если не указано иное [2. Ст. 190; 8; 10]. Противоположную точку зрения по этому вопросу содержит Налоговый кодекс РФ. Срок, определенный днями (указывается в Кодексе), исчисляется в рабочих днях, если не установлен в календарных днях [7. Ст. 6.1, п. 6].

Обозначим важность расчета и соблюдения сроков, установленных Законом, в связи с тем, что Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [3] (далее – КоАП) за нарушение ряда сроков установлена административная ответственность. Согласимся с А. А. Гунба [12], что некоторые составы административных правонарушений в сфере закупок, являясь формальными по своей правовой природе, влекут чрезмерно строгие санкции в отношении заказчиков и их должностных лиц. Например, предусмотренное частью 14 ст. 7.30 КоАП [5] нарушение сроков, которые установлены Законом для подписания протоколов при проведении конкурентных закупочных процедур, более чем на два рабочих

дня ведет к наложению административного штрафа на должностных лиц в размере тридцати тысяч рублей. Аналогичным образом заказчики подвергаются административной ответственности за такие правонарушения, носящие формальный характер, которые вряд ли могут нанести ущерб публичным интересам, как, например, неразмещение в установленный срок контракта в реестре контрактов в соответствии со ст. 103 Закона [1].

Составы административных правонарушений в сфере закупок и размеры штрафов за указанные правонарушения приведены в табл. 1.

При расчете и оценке сроков возникает правовая неопределенность в толковании понятия «рабочий день», ибо легального определения такого термина Трудовой кодекс Российской Федерации [3] не содержит.

Единственным нормативным правовым актом, содержащим определение рабочего дня, является Руководство, утвержденное Главным государственным санитарным врачом 27.07.2005 [4], где сказано, что рабочий день (смена) – это установленная законодательством продолжительность (в часах) работы в течение суток. А отсюда, если установленная

Таблица 1

Нарушения сроков закупок, за которые предусмотрена административная ответственность, и размеры административных штрафов

Table 1. Violations of purchasing terms, for which administrative liability is stipulated, and the volumes of administrative fines

Ст. КоАП / Article of the Administrative Code	Состав административного правонарушения. Нарушение сроков / Corpus delicti of an administrative violation, violation of terms	Примечание / Note	Штраф на лиц, в рублях / Fine for persons, rubles	
			Должностных / Officials	Юридических / Juridical persons
7.29, ч. 2.1 / 7.29, part 2.1	Направления в контрольный орган информации и документов для согласования применения закрытого способа, возможности заключения контракта с единственным поставщиком / Of forwarding to the controlling body information and documents to coordinate the closed method and the possibility to sign a contract with a sole supplier		50 000	
7.29.3, ч. 3 / 7.29.3, part 3	Проведения обязательного общественного обсуждения закупок / Of conducting the obligatory public hearings of purchases		30 000	
7.29.3, ч. 4 / 7.29.3, part 4	Утверждения плана-графика закупок (вносимых в эти планы изменений) или размещения плана-графика закупок (вносимых в эти планы изменений) в Единой информационной системе (далее – ЕИС) / Of approving the schedule of purchases (changes into the schedule) or placing the schedule (the changes in the schedule) in the Unified Information System (further – UIS)		5 000–30 000	
7.30, ч. 1 / 7.30, part 1	Размещения в ЕИС информации и документов при проведении конкурса, аукциона / Of placing information and documents in UIS when conducting a contest or auction	Не более чем на 2 рабочих дня / Not more than two working days	5 000	15 000
7.30, ч. 1.1 / 7.30, part 1.1		Более чем на 2 рабочих дня / More than two working days	30 000	100 000

Окончание табл. 1

Ст. КоАП / Article of the Administrative Code	Состав административного правонарушения. Нарушение сроков / Corpus delicti of an administrative violation, violation of terms	Примечание / Note	Штраф на лиц, в рублях / Fine for persons, rubles	
			Должностных / Officials	Юридических / Juridical persons
7.30, ч. 1.2 / 7.30, part 1.2	Размещения в ЕИС информации и документов при проведении запроса котировок, закупки у единственного поставщика / Of placing information and documents in UIS when conducting a request of rates or purchasing from a sole supplier	Не более чем на 1 рабочий день / Not more than one working day	3 000	10 000
7.30, ч. 1.3 / 7.30, part 1.3		Более чем на 1 рабочий день / More than one working day	15 000	50 000
7.30, ч. 1.4 / 7.30, part 1.4	Внесения изменений в план-график / Of making changes into the schedule		15 000	50 000
7.30, ч. 1.5 / 7.30, part 1.5	Размещения в ЕИС извещения после внесения изменения в план-график / Of placing notification in UIS making changes into the schedule			30 000
7.30, ч. 8 / 7.30, part 8	Подачи заявок на участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя) или отмены определения поставщика / Of submitting applications for participation in determining a supplier (subcontractor, executor) or cancellation of a supplier determination		30 000	
7.30, ч. 13 / 7.30, part 13	Подписания протоколов при проведении конкурса, аукциона, запроса котировок / Of signing protocols when conducting a contest or auction, or requesting rates	Не более чем на 2 рабочих дня / Not more than two working days	3 000	
7.30, ч. 14 / 7.30, part 14		Более чем на 2 рабочих дня / More than two working days	30 000	
7.30, ч. 15 / 7.30, part 15	Размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг по государственному оборонному заказу / Of placing orders for supplying goods, performing works, rendering services for state defense order		30 000–50 000	
7.31, ч. 2 / 7.31, part 2	Направления информации для включения в Реестр недобросовестных поставщиков (далее – РНП) / Of forwarding information for including into the Register of mala fide suppliers (further – RMFS)		20 000	
7.31.1, ч. 1 / 7.31.1, part 1	Возврата денежных средств, внесенных в качестве обеспечения заявки на участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя) / Of returning the funds deposited as a provision of an application for participation in determining a supplier (subcontractor, executor)	Не более чем на три рабочих дня / Not longer than three working days	5 000	30 000
7.31.1, ч. 2 / 7.31.1, part 2		Более чем на три рабочих дня / More than three working days	15 000	90 000
7.31.1, ч. 3 / 7.31.1, part 3	Прекращения оператором электронной площадки блокирования операций по счету участника закупок (далее – участника) для проведения операций по обеспечению участия в электронных аукционах / Of cancelling by an electronic platform operator of blocking the operations with the account of a purchase participant (further – participant) to carry out operations to provide participation in electronic auctions			15 000
7.31.1, ч. 5 / 7.31.1, part 5	Размещения, направления информации и (или) уведомлений, проектов контрактов оператором электронной площадки / Of placing and forwarding information and/or notifications, draft contracts by an electronic platform operator			15 000
7.32, ч. 3 / 7.32, part 3	Заключения контракта / Of signing a contract		50 000	
7.32.1	Оплаты товаров (работ, услуг) при осуществлении закупок, предусмотренных контрактом / Of paying for goods (works, services) when carrying out purchases stipulated by a contract	По госзаказу / For state defense order	30 000–50 000	
7.32.5, ч. 1 / 7.32.5, part 1	Оплаты товаров (работ, услуг) при осуществлении закупок, предусмотренных контрактом / Of paying for goods (works, services) when carrying out purchases stipulated by a contract		30 000–50 000	
19.7.2-1	Предоставление информации о недобросовестных участниках закупки и поставщиках / Of providing information about mala fide purchase participants and suppliers		10 000–15 000	30 000–50 000

Источник: [5. Ст. 7.29–7.32.5, 19.7.2-1].

Source: [5. Art. 7.29–7.32.5, 19.7.2-1].

продолжительность работы – это рабочее время, по принципу аналогии обращаемся к Трудовому кодексу РФ: рабочий день – это рабочее время, т. е. часы, когда работник исполняет в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка и трудовым договором свои трудовые обязанности [3. Ст. 91].

Налоговый кодекс РФ рабочим днем считает день, который не признается в соответствии с законодательством РФ или актом Президента РФ выходным, нерабочим праздничным и (или) нерабочим днем [7. Ст. 6.1, п. 6].

Допуская определенную погрешность и исходя из того, что большинство участников контрактной системы работают на пятидневной рабочей неделе с выходными в субботу и воскресенье, введем определение рабочего дня.

Рабочим днем в целях законодательства о контрактной системе следует считать любой день, кроме нерабочих дней, к которым относятся субботы, воскресенья, федеральные официальные праздники, а также иные нерабочие дни, установленные органами власти Российской Федерации.

К таким иным нерабочим дням отнесем, например, нерабочие дни в связи с коронавирусной инфекцией. Так, в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции Президентом РФ неоднократно принималось решение об установлении нерабочих дней. Постановлением Правительства РФ от 03.04.2020 № 443 [6] дано разъяснение, что в течение таких нерабочих дней при осуществлении закупки сроки, предусмотренные Законом и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами, исчисляемые в рабочих днях, подлежат исчислению в календарных днях. При этом субботы, воскресенья и нерабочие праздничные дни не учитываются при исчислении сроков.

Исчисление сроков, определенных периодом времени

Первой ключевой точкой исчисления срока, определенного периодом времени, является начало течения срока.

В некоторых случаях начало течения срока четко указано ссылкой на событие (назовем эту грамматическую конструкцию «со дня»). Например:

а) день поступления независимой гарантии. Заказчик рассматривает поступившую независимую гарантию в срок, не превышающий трех рабочих дней со дня ее поступления [1. Ст. 45, ч. 5];

б) день размещения заказчиком проекта контракта. Не позднее пяти рабочих дней, следующих за днем размещения заказчиком проекта контракта, участник, с которым заключается контракт, осуществляет одно из следующих действий... [1 (вст. в силу 01.01.2022). Ст. 51, ч. 3];

в) дата заключения контракта. При осуществлении закупки у единственного поставщика заказчик обязан направить в срок не позднее одного рабочего дня с даты заключения контракта в контрольный орган в сфере закупок уведомление [1. Ст. 93, ч. 2].

Особенностью установления сроков в Законе является то, что некоторые сроки в нем исчисляются не «со дня», а конструкцией «до дня» [8]. В ряде случаев установленный минимальный пресекающий срок определяет дату события, с которым связывается начало течения срока. Например:

а) внесение изменений в план-график может осуществляться не позднее чем за один день до дня размещения извещения об осуществлении соответствующей закупки [1. Ст. 16, ч. 9];

б) при проведении закрытого конкурса, закрытого аукциона заказчик не позднее чем за пять дней до даты окончания срока подачи заявок возвращает участникам поданные ими заявки [1 (вст. в силу 01.01.2022). Ст. 36, ч. 3].

Другой особенностью является то, что во многих случаях затруднительно определить начало течения срока, так как оно описано сложной конструкцией: «со дня, следующего за днем» (в отличие от обычной формулировки: «в срок со дня события»).

Например: норма, где четко указана дата: заказчик не позднее двух рабочих дней, следующих за днем истечения срока выполнения участником закупки требований, должен совершить определенные действия [1. Ст. 73, ч. 14, п. 4]. Сравним с другой нормой, в которой использована конструкция «со дня, следующего за днем»: заказчик обязан совершить действия не позднее одного рабочего дня со дня, следующего за днем получения информации и документов [1. Ст. 93, ч. 12, п. 6]. Не позднее второго дня? От какого дня считать срок?

Рассмотрим еще одну аналогичную пару конструкций установления сроков:

а) конструкция «со дня, следующего за днем»: не позднее одного рабочего дня со дня, следующего за днем получения информации и документов... [1. Ст. 48, ч. 15];

б) «в срок со дня события»: ...решении об одностороннем отказе от исполнения контракта, которое размещается автоматически в реестре контрактов не позднее одного рабочего дня с момента ее направления [1. Ст. 103, ч. 4].

Автор усматривает в этих примерах смысловую разницу между моментом (днем) совершения действий, при котором отсчет срока начинается с указанного дня как с «нулевого» и конструкцией «со дня, следующего за днем», в которой имеется ссылка на следующий после дня события день.

Вышеуказанные примеры позволяют прийти к выводу, что событием, которое является датой исчисления начала срока («нулевым» днем) в конструкции «со дня, следующего за днем» следует считать именно этот следующий день.

При этом особо оговорим, что само событие является нулевым днем. В соответствии с ГК РФ, течение

срока, определенного периодом времени, начинается на следующий день после календарной даты или наступления события, которыми определено его начало [2. Ст. 191].

Еще один пример, как примененные в Законе неточные словесные конструкции, дают разные результаты. 19 июля в понедельник (для примера) произошло событие, которое повлекло за собой правовые последствия. Но в одном случае в расчете срока оно явилось «нулевым» днем, в другом – нет. Расчет приведен в табл. 2.

Окончание срока

Если последний день срока приходится на нерабочий день, днем окончания срока считается ближайший следующий за ним рабочий день [2. Ст. 193].

Около 20 случаев окончания сроков связаны с датой окончания срока подачи заявок на участие в закупке, рассчитываемых по формуле: «до даты окончания срока подачи заявок». То, что дата окончания срока подачи заявок в расчет не берется, как правило, вопросов не вызывает.

Таблица 2

Определение начала и окончания течения сроков (когда два дня равны одному)

Table 2. Determining the start and the end of terms (when two days equal one)

Показатель / Indicator	Условное наименование схемы / Conditional titles of patterns	
	«Со дня, следующего за днем» / “Since the day following the day”	«В срок со дня события» / “During the period since the day of the event”
Норма закона / Legal norm	Не позднее одного рабочего дня со дня, следующего за днем получения информации и документов... заказчик принимает решение о соответствии заявки требованиям, установленным в извещении, или об ее отклонении [1. Ст. 93, ч. 12, п. 6] / Not later than one working day since the day following the day of obtaining information and documents... the customer shall make a decision on compliance of the application with the requirements stipulated in the notification, or on its rejection [1. Art. 93, part 12, clause 6]	В случае если участником закупки, с которым заключается контракт, не выполнены требования, заказчик не позднее двух рабочих дней, следующих за днем истечения срока выполнения участником закупки требований, составляет протокол... [1. Ст. 73, ч. 14, п. 4] / In case the purchase participant, with whom the contract was signed, does not fulfill the requirements, the customer shall, not later than two working days following the day of expiry of the term of fulfilling the requirements by the purchase participant, compose a protocol... [1. Art. 73, part 14, clause 4]
Дата события / Date of event	19.07.2021 (день получения информации) / 19.07.2021 (date of information receipt)	19.07.2021 (невыполнение требований) / 19.07.2021 (unfulfilled requirements)
Длительность срока / Duration of term	Один рабочий день / One working day	Два рабочих дня / Two working days
Начало исчисления срока – «нулевой» день / Start of term – “zero” day	День, следующий за днем получения информации, являющийся началом течения срока, – 20.07.2021 / The day following the day of information receipt, being the start of the term – 20.07.2021	День истечения срока выполнения участником требований (невыполнение требований) – 19.07.2021 / The day of expiring the term of the participant fulfilling the requirements (unfulfilled requirements) – 19.07.2021
Окончание срока / End of term	21.07.2021	21.07.2021

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Однако, как следует из ч. 1 ст. 194 ГК РФ, если срок установлен для совершения какого-либо действия, оно может быть выполнено до двадцати четырех часов последнего дня срока. Отсюда контрольные органы делают вывод, что время срока окончания подачи заявок на участие в процедуре должно быть установлено не ранее 23:59 [13]. Но в условиях, когда через два часа с момента окончания срока подачи заявок на участие в закупке необходимо проводить электронный аукцион [1 (в ред. вст. 01.01.2022)]. Ст. 42, ч. 1, п. 23], в таком толковании норма применяться не может. Кроме того, согласимся с Е. В. Баланцевым, что действие, для совершения которого установлен срок, может быть совершено и в последний день этого срока по правилам ст. 194 ГК РФ [2]. Так, если срок установлен для совершения какого-либо действия, оно может быть выполнено до двадцати четырех часов последнего дня срока. Однако если это действие должно быть совершено в учреждении-заказчике, то срок истекает в тот час, когда в этом учреждении по установленным правилам прекращаются соответствующие операции. Соответственно, не будет нарушением, если заказчик в извещении установит время окончания подачи заявок в последний день срока, например, 11 часов утра [8]. Но при этом сделаем оговорку, что срок подачи заявок рассчитан правильно. Речь идет о том, как верно подчеркнул Е. В. Баланцев, что в расчетный

срок не включаются не только день начала, но и день окончания срока [8].

Иногда и начало, и окончание срока приходятся на один день: не позднее одного рабочего дня, следующего за датой размещения заказчиком информации и документов... [1. Ст. 51, ч. 5]. При этом законодатель для фиксации срока «один рабочий день» применяет широкий набор разнообразных логических конструкций, изложенных в табл. 3. Уместно задать вопрос: в чем их отличие? Автор полагает, что здесь имеет место неудачная юридическая техника.

Рассмотрим тот же срок «один рабочий день», но в иной конструкции: «день со дня», когда днем события, по мнению автора, будет «день следующий (табл. 4). День получения информации (для примера) – 19.07.2021 – не будет являться «днем события». День события – начала течения срока («нулевой день») в конструкции «со дня, следующего за днем» будет в данном случае «день, следующий после дня получения информации и документов» – 20.07.2021.

В отдельных случаях сроки ограничены с двух сторон: выстроены в конструкции: «не более», но и «не ранее», как, например, в табл. 5, где рассмотрено заключение контракта с победителем по результатам электронной процедуры [1 (в ред. от 01.01.2022)].

Классификация сроков открытых процедур контрактной системы

Таблица 3

Различные конструкции срока «один рабочий день»
Table 3. Various constructs of the term “one working day”

№	Нормы закона / Legal norm	День окончания срока. Расчет / End of term. Calculation
1	Не позднее одного рабочего дня, следующего за днем... [1. Ст. 31, ч. 11] / Not later than the day following the day... [1. Art. 31, part 11]	20.07.2021
2	Не позднее рабочего дня, следующего после дня... [1. Ст. 24.2, ч. 4] / Not later than the working day following the day... [1. Art. 24.2, part 4]	20.07.2021
3	Не позднее рабочего дня, следующего за датой... [1. Ст. 54.4, ч. 13] / Not later than the working day following the date... [1. Art. 54.4, part 13]	20.07.2021
4	Не позднее следующего рабочего дня после дня... [1. Ст. 54.7, ч. 11] / Not later than the next working day after the day... [1. Art. 54.7, part 11]	20.07.2021
5	В течение одного рабочего дня со дня... [1. Ст. 44, ч. 15] / During one working day since the day... [1. Art. 44, part 15]	20.07.2021
6	Не более одного рабочего дня с даты... [1. Ст. 44, ч. 8] / Not more than the one working day since the date... [1. Art. 44, part 8]	20.07.2021

Примечание: день начала течения срока («нулевой» день) для примера везде – 19.07.2021.
Note: as an example, the day of the start of term (“zero” day) is always 19.07.2021.

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

Таблица 4

Расчет окончания срока при схеме срока «со дня, следующего за днем»

Table 4. Calculation of the end of the term under the scheme “Since the day following the day”

№	Нормы закона / Legal norms	День события / Day of event	День начала течения срока – «нулевой» день / Day of the start of term – “zero”	День окончания срока. Расчет автора / Day of the end of term. Calculation of the author
7	Не позднее одного рабочего дня со дня, следующего за днем получения информации и документов, заказчик принимает решение... [1. Ст. 93, ч. 12, п. 6] / Not later than one working day since the day following the day of obtaining information and documents, the customer shall make a decision [1. Art. 93, part 12, clause 6]	19.07.2021	20.07.2021	21.07.2021

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Таблица 5

Схема сроков в процедуре заключения электронного контракта

Table 5. Scheme of the terms in the procedure of signing an electronic contract

События/субъект / Events/subject	Участник / Participant	Заказчик / Customer	
Формула пресекательного срока – не позднее / Formula of the preclusive term – not later			
1-е событие («нулевой» день) / Event 1 (“zero” day)	Размещение протокола подведения итогов определения поставщика (дата) / Placing the protocol of the results of determining the supplier (date)		
Срок / Term		2 рабочих дня / 2 working days	Но не ранее 10 дней [1. Ст. 51, ч. 1] / BUT Not earlier than 10 days [1. Art. 51, part 1]
1-е действие / Action 1		Формирует с использованием ЕИС и размещает без своей подписи проект контракта [1. Ст. 51, ч. 2] / Forming the draft contract with UIS and placing it without their signature [1. Art. 51, part 2]	
2-е событие («нулевой» день) / Event 2 (“zero” day)	Размещение проекта контракта (дата) / Placing the draft contract (date)		
Срок / Term		5 рабочих дней / 5 working days	
2-е действие / Action 2	Подписывает проект контракта и одновременно размещает его на электронной площадке [1, ст. 51, ч. 3] / Signing the draft contract and simultaneously placing it in the electronic platform [1, Art. 51, part 3]		
3-е событие («нулевой» день) / Event 3 (“zero” day)	Подписание проекта контракта (дата) /		
Срок / Term		2 рабочих дня / 2 working days	
3-е действие / Action 3		Размещает в ЕИС подписанный контракт [1. Ст. 51, ч. 4] / Placing the signed contract in UIS [1. Art. 51, part 4]	

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Разделим основные сроки открытых конкурентных закупок на три основные процедурные группы, чтобы иметь возможность проанализировать влияние сроков на закупочный процесс:

1. Основные сроки подготовки и организации закупочного процесса (планирования, регистрации, аккредитации, контроля):

- сроки хранения информации в информационных системах;
- осуществления планируемых закупок;
- формирования план-графика;
- регистрации участников в ЕИС;
- планируемых закупок по истечении планируемого периода;

- направления информации в контрольный орган;
- подписания заказчиком контракта после получения согласования контрольного органа;
- проверок, исполнения предписаний;
- обжалования действий участников контрактной системы;
- внесения в Реестр недобросовестных поставщиков, исключения из Реестра;
- формирования установленных отчетов.

2. Основные сроки объявления и проведения процедур:

- сроки размещения извещения об осуществлении закупки;
- предусмотренные для отмены закупки;
- необходимые для определения поставщика (подрядчика, исполнителя);
- подачи заявок на участие в закупке;
- рассмотрения и оценки первых частей заявок;
- рассмотрения и оценки вторых частей заявок;
- действия независимой гарантии;
- рассмотрения поступившей независимой гарантии;
- формирования протоколов по процедурам закупок;
- минимальный срок заключения контракта с победителем конкурентной процедуры;
- формирования в ЕИС проекта контракта;
- подписания победителем проекта контракта;
- формирования протокола разногласий;
- формирования проекта контракта с учетом протокола разногласий;
- подписания заказчиком контракта;
- внесения сведений в реестр контрактов.

3. Основные контрактные сроки [11]:

- срок действия контракта;
- действия специального инвестиционного контракта;
- исполнения контракта;
- процедур отказа от исполнения контракта;
- исполнения обязательств сторон;
- поставки товаров;
- минимальные сроки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) контракта;
- приемки заказчиком результатов контракта;
- оплаты заказчиком цены контракта;
- предоставления обеспечения исполнения контракта или гарантийного обязательства;

- действия обеспечения исполнения контракта;
- действия гарантийных обязательств;
- службы;
- возврата заказчиком поставщику (подрядчику, исполнителю) денежных средств, внесенных им в качестве обеспечения;
- предоставления информации о соисполнителях (субподрядчиках), заключивших договор с поставщиком (подрядчиком, исполнителем) в рамках исполнения контракта [1].

Заключение

1. Расчет сроков в контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд необходимо осуществлять в соответствии с правилами главы 11 ГК РФ. Рекомендуем специалистам контрактной службы внимательно высчитывать установленные сроки (начало, продолжительность, окончание, в каких днях определен срок: в календарных или рабочих. При расчете сроков день события, с которым связано начало течения срока и день окончания срока, в расчет не включать).

2. Рабочие дни считать понедельник – пятница, кроме федеральных официальных праздников, а также иные нерабочие дни, установленные органами власти Российской Федерации.

3. С учетом высокой административной ответственности за указанные правонарушения по возможности дополнительно к рассчитанному сроку – к установленному минимальному добавлять, от максимального срока вычитать как минимум один день на случай непредвиденных технических сбоев.

4. Исходя из отсутствия правоприменительной практики и возможности особенностей примененной юридической техники, расчет сроков в конструкции «со дня, следующего за днем» при установлении в Законе максимальных пресекательных сроков производить от дня события, минимальных – со дня, следующего после указанного события.

5. В некоторых случаях, как, например, при заключении контракта, заказчику следует не только соблюдать все сроки формулы «не более», но и планировать, чтобы на последнем этапе не возникло противоречие между «не более» и «не менее». Например, Заказчик разместил 20.07 (вторник) протокол подведения итогов, 22.07 (четверг) – проект контракта, который

участник подписал 26.07 (понедельник). Заказчик должен подписать контракт не позднее двух рабочих дней, т. е. 28.07, но не вправе этого сделать до 31.07, пока не истечет десятидневный срок с момента размещения итогового протокола (31.07 – суббота, следовательно, срок переносится на понедельник 01.08). За невыполнение срока подписания контракта, установленного ч. 4 ст. 51 Закона (в ред. вст. 01.01.2022) – два рабочих дня, – заказчику грозит административная ответственность в размере 50 000 рублей [5. Ст. 7.32, ч. 3]. Невыполнение срока составит два рабочих дня (29.07 и 30.07).

6. Исчисление сроков, предусмотренных Законом для размещения в ЕИС электронных документов и информации, начинается с момента их размещения в ЕИС [1. Ст. 4, ч. 10, п. 1]. Отдельные документы размещаются в ЕИС через Казначейство, территориальный орган которого вправе формировать уведомления о прохождении контроля указанных объектов контроля в течение следующего рабочего дня. При этом размещение объектов контроля в ЕИС будет осуществлено на следующий рабочий день со дня их направления на контроль в соответствующий орган Казначейства [14].

Список литературы

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон РФ от 05.04.2013 № 44-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. Законодательство. ВерсияПроф. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.07.2021).
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. Законодательство. ВерсияПроф // Собрание законодательства. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
4. Р 2.2.2006-05. 2.2. Гигиена труда. Руководство по гигиенической оценке факторов рабочей среды и трудового процесса. Критерии и классификация условий труда (утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 29.07.2005) // Бюллетень нормативных и методических документов Госсанэпиднадзора. 2005. № 3.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства. 07.01.2002, № 1 (ч. 1). Ст. 1.
6. Об особенностях осуществления закупки в период принятия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции: Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 443 // СПС КонсультантПлюс. Законодательство. ВерсияПроф. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.07.2021).
7. Налоговый кодекс Российской Федерации, часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства. 1998. № 31. Ст. 3824.
8. Баланцев Е. В. Сроки в контрактной системе // Советник в сфере образования. 2015. № 2. С. 8–11.
9. Бермес С. В. Проблема исчисления сроков в контрактной системе // Гражданское право, гражданское и административное судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики, материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2017. С. 5–8.
10. Решение Московского УФАС России по делу № 077/07/00-15710/2019 // СПС КонсультантПлюс. Законодательство. ВерсияПроф. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.07.2021).
11. Крамской В. В. Институт срока в рамках государственного (муниципального) контракта: понятие, виды, проблемы в их определении и исчислении // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5, № 17. С. 99–116.
12. Гунба А. А. К вопросу об увеличении сроков давности привлечения к административной ответственности за нарушение законодательства о контрактной системе // Административное право и практика администрирования. 2019. № 1. С. 33–40.
13. Решение Комиссии УФАС по Краснодарскому краю по делу № ЭА-186/2018 о нарушении законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. URL: <https://fas.gov.ru/documents/612834> (дата обращения: 10.07.2021).
14. О направлении заказчиками на контроль извещений об осуществлении закупок: Письмо Казначейства России от 21.03.2017 № 07-04-05/13-240 // СПС КонсультантПлюс. Законодательство. ВерсияПроф. URL: consultant.ru (дата обращения: 10.07.2021).

References

1. On the contractual system in the sphere of purchasing goods, works, and services for public and municipal needs: Federal Law of the Russian Federation of 05.04.2013 No. 44-FZ, *SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf.* consultant.ru (access date: 10.07.2021) (in Russ.).
2. Civil Code of the Russian Federation (part 1) of 30.11.1994 No. 51-FZ (1994). *SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf, Sobranie zakonodatel'stva*, No. 32, Art. 3301 (in Russ.).
3. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ (2002). *Sobranie zakonodatel'stva*, No. 1 (part 1), Art. 3 (in Russ.).
4. P 2.2.2006-05. 2.2. Hygiene of labor. Guidelines on hygienic assessment of the working environment and labor process factors. Criteria and classification of labor conditions (adopted by the Chief public health doctor of the Russian Federation on 29.07.2005). (2005). *Byulleten' normativnykh i metodicheskikh dokumentov Gossanepidnadzora*, 3 (in Russ.).
5. Code of the Russian Federation on administrative law breaches of 30.12.2001 No. 195-FZ. (07.01.2002). *Sobranie zakonodatel'stva*, No. 1 (part 1), Art. 1 (in Russ.).
6. On the features of implementing purchases in the period of taking measures on providing sanitary-epidemiological welfare of the population in the territory of the Russian Federation under the spread of the new coronavirus infection: Decree of the Government of the Russian Federation of 03.04.2020 No. 443, *SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf.* consultant.ru (access date: 10.07.2021) (in Russ.).
7. Taxation Code of the Russian Federation, part 1 of 31.07.1998 No. 146-FZ. (1998). *Sobranie zakonodatel'stva*. No. 31, Art. 3824 (in Russ.).
8. Balantsev, E. V. (2015). Terms in the contractual system. *Sovetnik v sfere obrazovaniya*, 2, 8–11 (in Russ.).
9. Bermes, S. E. (2017). The issue of calculating terms in the contractual system. In *Civil law, civil and administrative court procedure: topical issues of theory and practice*, works of the 2nd All-Russia scientific-practical conference. Khabarovsk, Tikhookeanskii gosudarstvennyi universitet, 5–8 (in Russ.).
10. Decision of Moscow Office of Federal Antimonopoly Service of Russia on case No. 077/07/00-15710/2019. *SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf.* consultant.ru (access date: 10.07.2021) (in Russ.).
11. Kramskoy V. V. (2021). The institution of term within the framework of a state (municipal) contract: concept, types, issues in their definition and calculation, *Current Issues of the State and Law*, 5 (17), 99–116 (in Russ.).
12. Gunba, A. A. (2019). Regarding extension of terms of bringing to administrative responsibility for violation of the contract system law. *NB: Administrative Law and Administration Practice*, (1), 33–40 (in Russ.). <https://doi.org/10.7256/2306-9945.2019.1.29085>
13. *Decision of the Commission of the Office of Federal Antimonopoly Service in Krasnodar region on case No. EA-186/2018 on breaching the law on contractual system in the sphere of purchasing goods, works, and services for public and municipal needs.* <https://fas.gov.ru/documents/612834> (access date: 10.07.2021) (in Russ.).
14. On notifying customers about implementing purchases: A letter of the Russian Treasury of 21.03.2017 No. 07-04-05/13-240. *SPS Konsul'tantPlyus. Zakonodatel'stvo. VersiyaProf.* consultant.ru (access date: 10.07.2021) (in Russ.).

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 30.07.2021

Дата принятия в печать / Accepted 12.09.2021

ДИАЛЕКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ / THE DIALECTICS OF ANTI-CORRUPTION

Редактор рубрики П. А. Кабанов / Section editor P. A. Kabanov

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.743-750>

УДК 340.1:328.185:347.113

В. В. АСТАНИН¹

¹ Университет Банка России, г. Москва, Россия

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: ДИАЛЕКТИКА НОРМАТИВНОЙ «МАТРЕШКИ»

Астанин Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, советник
директора, Университет Банка России

E-mail: astaninvv@rambler.ru

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3964-3549, AuthorID: 263596

Аннотация

Цель: осуществление юридико-догматического анализа законодательной конструкции понятия «конфликт интересов» и составных его категорий в обеспечение прикладных задач эффективного правоприменения и предупреждения коррупционных рисков, детерминированных коллизией интересов.

Методы: диалектический подход к познанию социально-правовых явлений, позволяющий выделить в правовых категориях, образующих понятие конфликт интересов, единство противоположностей. Формально-логический метод научного познания, представленный в юридико-догматическом анализе законодательных норм. Метод операционализации понятий.

Результаты: проведенное сравнительно-правовое исследование, выраженное в совокупности методов анализа и синтеза правовых категорий, направленных на получение компаративистских знаний, позволяет соотносить их содержание по отношению к понятию «конфликт интересов» в соразмерности целям правоприменения. Произведен юридико-лингвистический разбор правовых категорий, совокупность которых образует содержание понятия «конфликт интересов». Выделены абстрактные и определенные нормы категорий в контексте необходимой для обеспечения их доказательства связи (наличия и отсутствия) с юридическими фактами.

Научная новизна: введен в научный оборот правовой науки термин «нормативная «матрешка»», позволяющий комплексно отражать операциональное определение сложных социально-правовых явлений, описывающих его в составных правовых категориях. Теоретически представленный феномен нормативной «матрешки» конфликта интересов в дискретности составных его понятий и диспозитивных правовых категорий обуславливает высокие риски искажений или ошибочных толкований. Эти риски складываются во внесудебном порядке, получая первичное оформление в решениях комиссий по урегулированию конфликта интересов. Превенцию таких рисков обеспечивает не только привлечение к ее работе экспертов, обладающих, помимо юридических знаний и профессионально-отраслевых познаний, еще и морально-этическими устоями, носителями которых являются вершители прецедентного правоприменения.

© Астанин В. В., 2021

© Astanin V. V., 2021

Практическая значимость: основные положения статьи служат целям использования в практической деятельности по обеспечению доказательств де-юре проявлений конфликта интересов. Выявленные нормативные коллизии и отсутствие полноты правового регулирования общественных отношений, связанных с определением «личной заинтересованности», могут служить обоснованием совершенствования законодательства о противодействии коррупции в части упрощения используемого понятия для целей правоприменения.

Ключевые слова: конфликт интересов, личная заинтересованность, коррупция, коррупционный риск, нормативная «матрешка», прецедент, правоприменение, имущественные, корпоративные и иные близкие отношения, выгоды, преимущества, абстрактные нормы, формально определенные нормы

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Астанин В. В. Конфликт интересов: диалектика нормативной «матрешки» // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Т. 15, № 4. С. 743–750. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.743-750>

The scientific article

V. V. ASTANIN¹

¹ University of the Bank of Russia, Moscow, Russia

CONFLICT OF INTEREST: DIALECTICS OF A NORMATIVE “TIERED STRUCTURE”

Viktor V. Astanin, Doctor of Law, Professor, Counselor to Director, University of the Bank of Russia

E-mail: astaninvv@rambler.ru

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3964-3549, AuthorID: 263596

Abstract

Objective: to carry out a legal and dogmatic analysis of the legislative structure of the “conflict of interests” concept and its constituent categories in order to ensure the applied tasks of effective law enforcement and prevention of corruption risks determined by a conflict of interests.

Methods: the dialectical approach to the cognition of socio-legal phenomena, which allows identifying the unity of opposites in the legal categories that form the conflict of interests concept; the formal-logical method of scientific cognition, presented in the legal-dogmatic analysis of legislative norms; the method of operationalization of concepts.

Results: the conducted comparative legal research, expressed in a combination of methods of analysis and synthesis of legal categories aimed at obtaining comparative knowledge, allows correlating their content with respect to the “conflict of interests” concept in proportion to the goals of law enforcement. A legal and linguistic analysis of legal categories has been carried out, the totality of which forms the content of the “conflict of interests” concept. Abstract and definite norms of categories are highlighted in the context of the proof necessary to ensure their connection (presence and absence) with legal facts.

Scientific novelty: the term “normative ‘tiered structure’” was introduced into the scientific circulation of legal science, which comprehensively reflects the operational definition of the complex socio-legal phenomena described in composite legal categories. The theoretically presented phenomenon of the normative “tiered structure” conflict of interest in the discreteness of its constituent concepts and dispositive legal categories causes high risks of distortion or erroneous interpretations. These risks are formed out of court, initially registered in the decisions of the conflicts of interest settlement commissions. Prevention of such risks is ensured not only by the involvement of experts who, in addition to legal knowledge and professional-industry knowledge, also have moral and ethical foundations, the bearers of which are the arbiters of precedent law enforcement.

Practical significance: the main provisions of the article can be used in practical activities to provide evidence of de jure manifestations of a conflict of interests. The revealed regulatory collisions and the incomplete legal regulation of public relations in the sphere of “personal interest” require improving the anti-corruption legislation in terms of simplifying the concept used for law enforcement purposes.

Keywords: Conflict of interest, Personal interest, Corruption, Corruption risk, Normative “tiered structure”, Precedent, Law enforcement, Property, corporate and other close relationships, Benefits, Advantages, Abstract norms, Formally defined norms

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Astanin, V. V. (2021). Conflict of interest: dialectics of a normative “tiered structure”. *Russian Journal of Economics and Law*, 15 (4), 743–750 (in Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.743-750>

Введение

Изменчивый характер, непостоянство проявлений конфликта интересов обуславливают диспозитивный характер понятийного его содержания в нормативном правовом обеспечении. Можно отмечать лукавые свойства законодательного определения конфликта интересов в операциональном значении. Зарубежные методологи в конце XX в. предложили использовать операциональные определения в отношении сложных явлений, которые позволяют его описывать в процессах образования, для подтверждения его наличия и качества [1. С. 11–22]. Такой сложностью обладает конфликт интересов, возникающий из ситуаций, образующих нарушение установленных в целях предупреждения коррупции запретов. Такие ситуации содержат множественные элементы и отражаются в предикатных свойствах действий по отношению к будущим коррупционным правонарушениям. Иными словами, законодатель, учитывая витиеватость генезиса конфликта интересов и его проявлений, предложил редкую для юридической науки и практики форму операционального определения запрещаемого явления в множественной нормативной конструкции его элементов и признаков. Законодательный подход операционализации вполне оправдан, учитывая беспрецедентные проявления конфликта интересов, берущие начало в англосаксонской практике правового регулирования ситуаций, его образующих. Проводя аналогии, связанные с не поддающимися элементарному определению категориями антикоррупционного назначения, существующими в англосаксонском праве¹, можно прийти к заключению, что российское

законодательство стало реципиентом казуистического понятия конфликта интересов. Аналогичным образом описывают этот институт не только российские специалисты [2; 3. С. 69–74; 4; 5. С. 2061–2070; 6; 7; 8. С. 26–38; 9; 10. С. 56–65; 11], но и зарубежные исследователи [12. С. 32; 13. С. 387–388; 14. С. 465–466; 15]. При этом отечественные нормы его определения образно можно представить по принципу нормативной «матрешки». Пояснением этому тезису послужит обращение к законодательно определенным (данным) категориям, совокупность которых раскрывает содержание конфликта интересов.

Результаты исследования

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон) под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий).

Произведем разбор элементов этой верхней части нормативной «матрешки». Прежде всего следует обратить внимание, что конфликт интересов образует не действие (бездействие), выраженное в виде деяния и форме правонарушения, которое обладает составом в образующих его элементах. Указание на то, что ситуация является юридической, отсутствует, при этом дальнейшее содержание определения свидетельствует о том, что она образует правовую реальность. И это при том, что в правовой науке и практике оперируют юридическим фактом (также нередко обусловленным

¹ Примечательно в этой связи, что Закон Великобритании «О взяточничестве» не содержит определения коррупционной выгоды. Данная категория отнесена к усмотрению правоприменителей и судей.

жизненной ситуацией), с которым норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правовых отношений. Смысловое содержание «ситуации» вне юридического ее факта обладает большой палитрой словарного толкования.

Ситуация означает принуждение к принятию решения, отмечают философы [16. С. 47–54]. Она является фактором детерминации поведения, дополняют их социологи [17. С. 39]. В юридической науке такой однозначности нет. Если говорить о ситуации в контексте юридических фактов, то ее образуют и обуславливают события, происходящие или развивающиеся независимо от воли субъекта. Без юридических фактов нельзя признать ситуации правовыми. Между тем именно они, как подмечено апологетами теории права, являются исходными, с них все начинается, разворачивается вся сложная, многоуровневая и многослойная цепь правовых средств и механизмов [18. С. 260]. Ситуацию в конфликте интересов генерируют не юридические факты, а личная заинтересованность, т. е. мотив должностного лица, который влияет (способен влиять) на содержание осуществляемых их правомочий. Таким образом, влияние зависит от воли субъекта и только затем может образовать юридические факты в виде событий, деяний, поступков или актов.

Представленный юридико-догматический анализ верхней части нормативной «матрешки» конфликта интересов преследует теоретико-прикладные задачи возможного упрощения понятия для эффективного правоприменения. Кроме того, анализ служит обоснованием тому, что определение понятия «конфликт интересов» обладает чрезмерной дискретностью, выраженной в усмотрении множества ситуаций, производных от корыстных мотивов субъекта и находящихся под управлением его воли, которые обуславливают перспективы образования юридических фактов. Гораздо проще, по крайней мере, для носителей романо-германской правовой культуры, исходить из значения действий (бездействия), имеющих формы правонарушений, в которых априори содержится субъективная сторона (вина, мотив, цель), равно как и иные элементы их составов. Отсутствие такой конструкции определения конфликта интересов обрекает на сложности оценки причинно-следственных связей его проявлений, затрудняет возможности их выявления, равно как и предотвращения, обуславливает ошибки правоприменения.

Составные части нормативной «матрешки» рассматриваемого определения и так содержат немало дискреционных понятийных категорий неоднозначного толкования. Это касается «надлежащего», «объективного», «беспристрастного» исполнения должностных обязанностей субъектом – носителем конфликта интересов. Названные категории обладают относительным правовым содержанием. Более того, обнаруживают аналогию с коррупциогенным фактором, выраженным в юридико-лингвистической неопределенности понятий двоякого или смыслового содержания, неустоявшихся терминов и категорий. Оценка качества или полноты, например, «надлежащего» исполнения нередко требует привлечения экспертизы, анализа юридически значимых документов (должностной инструкции, трудового договора, положений о структурных подразделениях, регламентов оказания услуг, организационно-распорядительных и исполнительных актов). При этом в определении отмечается расширенная конкретизация исполнения функций – они могут вытекать как из должностных обязанностей, так и из служебных полномочий (постоянных или временных) при отсутствии корреляции с должностными.

Нижестоящую нормативную «матрешку» в весьма объемном содержании правовых и иных категорий, ее составляющих, образует определение понятия личной заинтересованности. Под ней понимается возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) субъектов – носителем конфликта интересов и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами (родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами или организациями, с которыми указанный субъект и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями.

Первое, что обращает на себя внимание, – это не раскрытая в содержании дефиниция «возможность», которая в общем и неизменном значении слова со времен древнегреческих ученых, занятых познанием мироздания, означает наличие необходимых предпосылок существования, возникновения чего-либо или

упрощенно – иметь шанс и стать действительностью [19. С. 152]. Насколько состоятельным может оказаться такой шанс? Ответ на вопрос находится в зависимости от объективных и субъективных обстоятельств, а также оценки их связи, что становится предметом обсуждения на комиссиях по урегулированию конфликта интересов или исследования в ходе судебного разбирательства.

Возможности в праве имеют сложную природу. Выделяют объективную, субъективную, материальную, реальную, фактическую правовую возможность в отражении юридических предпосылок [20. С. 16–30]. Однако в правообразующем содержании возможность нельзя представить без действий (бездействия), ведь именно они образуют связь события с его предпосылкой. Смыслового определения этой категории, которое позволяет фиксировать юридический факт, связанный с возможностью получения предметов, прав, благ, услуг, выгод (преимуществ), в определении нет. Отмечается вероятность получения, которая не нуждается в связи с юридическими фактами (например, переход прав собственности на объекты гражданских прав) и тем более в оценке наступивших событий, которые образуют дисциплинарный проступок, деликт или даже преступление. Учитывая эти обстоятельства, оперирование категорией «возможность получения» обладает высокой степенью неопределенности.

Следующие категории, составляющие понятие личной заинтересованности, – «какие-либо выгоды (преимущества)» – обладают внутренней коллизией. Преимущества – это достаточно объективные характеристики качества, выраженные в предоставлении благоприятных условий для реализации прав. Они поддаются установлению и квалификации. Выгоды же обладают субъективной оценкой, обусловлены индивидуальными потребностями и их удовлетворением, которые сложно фиксировать в значении юридических фактов. Категория «выгоды» обладает еще и внутренней нормативной коллизией в законе. Применительно к личной заинтересованности они обозначены «какие-либо», а при определении коррупции в ст. 1 Закона они перечислены в конкретизированном виде – «денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав». Таким образом, в контексте личной заинтересованности категория «какие-либо выгоды» обладает широкой диспозитивностью. Между тем внутренняя

нормативная коллизия имеет и позитивные свойства – предоставляет возможность трактовать выгоду при конфликте интересов в бланкетном содержании нормы, применяя ее по аналогии закона (в определении, данном в ст. 1 Закона).

Количественный ряд возможных аффилированных лиц по отношению к субъекту – носителю конфликта интересов имеет потенциальную к воплощению арифметическую формулу прогрессии, если принять во внимание возможность получения доходов, каких-либо выгод или преимуществ не только им самим, его родственниками и собственниками, но и связанными с каждым из них гражданами или организациями по критерию имущественных, корпоративных или иных близких отношений. Возможности квалификации личной заинтересованности исходя из представленного субъектного состава имеют правовые пределы, выраженные в установлении трех видов отношений (для квалификации достаточно одного из них). Однако очередная нормативная «матрешка» в этот раз имеет как формальные, так и абстрактные нормы и даже их смешение.

Смешением формально определенной и абстрактной нормы обладает категория «имущественные отношения». Это объемный вид правоотношений в оценках цивилистов, не учтенный гражданским законодательством [21. С. 6–9], не только связанный с принадлежностью и управлением материальными и нематериальными благами товарного характера, но и регулируемый в широком спектре (владение, пользование, распоряжение, наследование и т. д.). Имущественными являются также отношения, к которым не применяется гражданское законодательство (налоговые, финансовые, административные), несмотря на изъятие, установленное ч. 3 ст. 2 ГК РФ. Для фиксирования аффилированной связи между субъектами конфликта интересов имущественные отношения не рассматривают в контексте образования или обеспечения личной заинтересованности. Достаточно фиксации связей, основанной на имущественных отношениях.

Формальной определенностью обладает категория «корпоративные отношения» между лицами (как юридическими, так и физическими), возникающие по поводу совместного создания и управления хозяйствующими субъектами (соучредительство, владение акциями, долями участия в уставном капитале орга-

низации, замещение лицами должностной позиции единоличного, коллегиального или исполнительного органа управления). При этом следует учитывать, что не все внутренние отношения в корпорации следует причислять к корпоративным. Так, трудовые и производственные отношения не являются таковыми и не регулируются корпоративным правом и, соответственно, при квалификации конфликта интересов не могут быть причислены к корпоративным.

Абстрактным содержанием обладает нормативное определение «иные близкие отношения», которое позволяет предполагать наличие заинтересованности или зависимости между субъектами. Таковые могут быть образованы: наличием общих детей (рожденных вне брака или усыновленных (удочеренных), со свидетельством о записи в актах гражданского состояния); бракоподобными отношениями, не оформленными в установленном законом порядке как брак, или, напротив, отношениями между бывшими супругами, но фиксируемыми в юридически значимых фактах ведения общего хозяйства, проживания на одной жилой площади, несения совместных расходов. Близкие отношения не ограничиваются брачными/внебрачными, они могут возникать с любыми лицами, но обладать особым доверительным характером. На это могут указывать: участие в расходах на лечение, отдых, образование, дарение ценного имущества, иные обстоятельства социально-материальных отношений, свидетельствующие о проявлении заботы о благополучии человека.

Дискретность нормы об «иных близких отношениях» обуславливает трудности доказательства искомых связей, которые полны житейских противоречий. Это отмечается даже в актах высших судебных инстанций: «...совместное ведение общего хозяйства либо его прекращение само по себе не может свидетельствовать о прекращении семейных отношений, и данное обстоятельство должно оцениваться в совокупности с другими доказательствами»².

Выводы

Теоретически представленный феномен нормативной «матрешки» конфликта интересов в дискретности составных его понятий и диспозитивных правовых категорий обуславливает высокие риски искажений или ошибочных толкований. Эти риски складываются во внесудебном порядке получая первичное оформление в решениях комиссий по урегулированию конфликта интересов. Превенцию таких рисков обеспечивает не только привлечение к ее работе экспертов (независимых в том числе), обладающих, помимо юридических знаний и профессионально-отраслевых познаний, еще и морально-этическими устоями (помогающими оценивать ментальные детерминанты конфликта интересов), носителями которых являются вершители прецедентного правоприменения. Аргумент таких рекомендаций кроется в прецедентном характере самих рисков конфликта интересов, которые можно классифицировать по сферам проявлений и типовым случаям, образующим единство их противоположностей.

Список литературы

1. Watt J. H. Elements of Scientific Theories: Concepts and Definitions // Research Methods for Communication Science. Allyn & Bacon, 1995. Pp. 11–22.
2. Бикеев И. И., Кабанов П. А. Организация работы комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Республики Татарстан и урегулированию конфликта интересов: методическое пособие. Казань: Познание, 2015. 80 с.
3. Борисова Н. В. Конфликт интересов как объект антикоррупционного контроля // Отечественная юриспруденция. 2017. № 10 (24). С. 69–74.
4. Дедов Д. И. Конфликт интересов. М.: Волтерс Клувер, 2004. 272 с.

² О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 П. 13 // Российская газета. 08.07.2009. № 123 (4947).

5. Зеленев М. В. Конфликт интересов на государственной службе: соотношение терминов «личная заинтересованность» и «интерес» // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 35. С. 2061–2070.
6. Ильяков А. Д. Урегулирование конфликта интересов как основной способ предупреждения коррупции в системе государственного управления: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ, 2015. 176 с.
7. Конфликт интересов на государственной службе, а также в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование: научно-практическое пособие / Т. С. Глазырин, Т. Л. Козлов, Н. М. Колосова и др. М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2016. 224 с.
8. Ноздрачев А. Ф. Конфликт интересов: новое «универсальное» нормативное правовое определение понятия в законодательстве о противодействии коррупции // Административное право и процесс. 2016. № 6. С. 26–38.
9. Соловьев А. В. Конфликт корыстных интересов на государственной и муниципальной службе: природа и способы преодоления: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 258 с.
10. Чаннов С. Е. Конфликт интересов в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Гражданин и право. 2016. № 8. С. 56–65.
11. Щеголкин С. Ю. Конфликт интересов в государственных служебных отношениях: материальные и процессуальные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2011. 270 с.
12. Davis M. Conflict of interest revisited // Business & Professional Ethics Journal. 1993. Pp. 21–41.
13. Carson T. L. Conflicts of interest // Journal of Business Ethics. 1994. T. 13, № 5. С. 387–404.
14. Kurland N. B. Ethics, incentives, and conflicts of interest: A practical solution // Journal of Business Ethics. 1995. T. 14, № 6. С. 465–475.
15. Schwab A. P. Systemic versus Severable Conflicts of Interest // Business and Professional Ethics Journal. 2021.
16. Hartmann N. Zur Grundlegung der Ontologie. Berlin: De Gruyter, 1935. 413 p.
17. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999. 429 с.
18. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. 752 с.
19. Аристотель. Метафизика. (Антология мысли): пер. в ред. 1934 г. М.: Эксмо, 2006. 608 с.
20. Матузов Н. И. Возможность и действительность в правовой сфере // Правоведение. 2000. № 3. С. 16–30.
21. Баринев Н. А. Принцип однородности имущественных отношений в праве // Гражданское право. 2012. № 5. С. 6–9.

References

1. Watt, J. H. (1995). Elements of Scientific Theories: Concepts and Definitions. *Research Methods for Communication Science* (pp. 11–22). Allyn & Bacon.
2. Bikeev, I. I., Kabanov, P. A. (2015). *Organizing the work of commissions on observing the requirements to official conduct of state civil servants of the Republic of Tatarstan and regulating conflicts of interest*, methodological tutorial, Kazan, Poznanie, 2015 (in Russ.).
3. Borisova, N. V. (2017). Conflict of interest as the object of anticorruption control. *Otechestvennaya yurisprudentsiya*, 10 (24). 69–74 (in Russ.).
4. Dedov, D. I. (2004). *Conflict of interest*. Moscow, Volters Kluver (in Russ.).
5. Zelenov, M. V. (2021). Conflict of interest at the state service: correlation of the “personal interest” and “interest” notions. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 35. 2061–2070 (in Russ.).
6. Il'yakov, A. D. (2015). *Regulating a conflict of interest as the main means of preventing corruption in the state governance system*, PhD (Law) thesis. Moscow, Ros. akad. nar. khoz-va i gos. sluzhby pri Prezidente RF (in Russ.).
7. Glazyrin, T. S., Kozlov, T. L., Kolosova, N. M. et al. (2016). *Conflict of interest at the state service and in the activity of organizations: causes, prevention, regulation*, scientific-practical manual. Moscow, Nauchno-izdatel'skii tsentr INFRA-M (in Russ.).
8. Nozdrachev, A. F. (2016). Conflict of interests: new “universal” regulatory legal definition of the notion in the anti-corruption legislation. *Administrativnoe pravo i protsess*, 6, 26–38 (in Russ.).
9. Solov'ev, A. V. (2018). *Conflict of mercenary interests at the state and municipal service: nature and means of overcoming*, tutorial, 2-e izd., pererab. i dop., Moscow, Prospekt (in Russ.).
10. Channov, S. E. (2016). Conflict of interest in the sphere of state and municipal purchases, *Grazhdanin i pravo*, 8, 56–65 (in Russ.).
11. Shchekoldin, S. Yu. (2011). *Conflict of interest in the state official relations: material and procedural aspects*, PhD (Law) thesis. Voronezh, Voronezh. gos. un-t (in Russ.).

12. Davis, M. (1993). Conflict of interest revisited. *Business & Professional Ethics Journal*, 21–41.
13. Carson, T. L. (1994). Conflicts of interest. *Journal of Business Ethics*, 13 (5), 387–404.
14. Kurland, N. B. (1995). Ethics, incentives, and conflicts of interest: A practical solution, *Journal of Business Ethics*, 14 (6), 465–475.
15. Schwab, A. P. (2021). Systemic versus Severable Conflicts of Interest. *Business and Professional Ethics Journal*.
16. Hartmann, N. (1935). *Zur Grundlegung der Ontologie* (p. 413). Berlin, De Gruyter.
17. Ross, L., Nisbett, R. (1999). *Person and situation. Lessons of social psychology*. Moscow, Aspekt Press (in Russ.).
18. Alekseev, S. S. (2001). *Ascent to law. Search and solutions*. Moscow, Norma (in Russ.).
19. Aristotel. (2006). *Metaphysics (Anthology of thought)*. Moscow, Eksmo (in Russ.).
20. Matuzov, N. I. (2000). Possibility and reality in the sphere of law. *Pravovedenie*, 3, 16–30 (in Russ.).
21. Barinov, N. A. (2012). Principle of uniformity of property relations in the law. *Grazhdanskoe pravo*, 5, 6–9 (in Russ.).

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 30.10.2021

Дата принятия в печать / Accepted 20.11.2021

ПОЗНАНИЕ

Антонова, И. И.

Стандартизация в формировании системы инновационного менеджмента предприятия / И. И. Антонова, А. Т. Хадиева. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2021. – 168 с.

В монографии обобщены научные основы формирования системы инновационного менеджмента на основе стандартизации, представлена концептуальная и нечетко-множественная модель мониторинга и анализа технологической готовности инновационного проекта с учетом стандартизации, сформулированы рекомендации по развитию инновационного менеджмента предприятия с применением стандартизации.

Адресована как магистрантам, аспирантам и научным работникам, занятым исследованием вопросов применения стандартизации в формировании системы инновационного менеджмента, так и практическим работникам, непосредственно занимающимся решением данного вопроса.

А. В. СКОРОБОГАТОВ¹,
А. И. СКОРОБОГАТОВА¹,
А. В. КРАСНОВ²

¹ Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, Казань, Россия

² Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, Россия

ДИСКУРС КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Контактное лицо:

Скоробогатов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9139-5367>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/J-4391-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 8894-1939, AuthorID: 112765

Скоробогатова Анна Ильдаровна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогической психологии и педагогики, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

E-mail: skorobogatova@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1793-8161>

Web of Science Researcher ID: <https://publons.com/researcher/3970830/skorobogatova-anna/>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1870-4377, AuthorID: 417078

Краснов Александр Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия

E-mail: field08@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9934-4975>

Web of Science Researcher ID: <https://publons.com/researcher/3334013>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3971-7305, AuthorID: 355813

Аннотация

Цель: исследование социокультурной и правовой природы феномена коррупции в дискурсивно-коммуникативном контексте.

Методы: методологической основой статьи является синтез дискурсивно-коммуникативной теории Ю. Хабермаса и интегративной теории правовой реальности В. Кравица, ориентирующих на междисциплинарное исследование коррупции как междисциплинарной категории с учетом не только объективных, но и субъективных составляющих. Это определило выбор исследовательских методов (компаративного, герменевтического, дискурсивного).

Результаты: коррупция как явление и отражающая ее междисциплинарная категория детерминирована социальными, культурными и психологическими факторами развития правовой реальности. Выступая в качестве комплексного правового архетипа, она определяет ценностные установки сознания и поведения участников правовой коммуникации, ориентирует их на осуществление действий, направленных на удовлетворение индивидуальных (реже групповых и социальных) интересов даже при условии их противоречия законодательству. Коррупционное поведение воспринимается большей частью российского общества как модель иерархического взаимодействия субъектов правовой коммуникации, целью которой, по мнению адресата, является повышение эффективности деятельности адресанта. Кроме того, коррупция становится неформальным средством «освобождения» от жестких

и несправедливых, по мнению ряда представителей общества, требований законодательства. В этих условиях успешность институциональной борьбы с коррупцией будет достигнута лишь в том случае, если эта борьба предусматривает не только совершенствование антикоррупционного законодательства, но и противодействие теневым нормам, создание системы антистимулов коррупционного поведения, в том числе идеологически, посредством формирования ценностных установок граждан на неприятие коррупционных практик как непатриотичных и наносящих вред правопорядку и правовой культуре всего общества в целом.

Научная новизна: впервые в отечественной юриспруденции проведено исследование категории коррупции в коммуникативно-дискурсивном аспекте.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов о сущности и содержании российской правовой реальности, в антикоррупционной деятельности государственных и муниципальных органов, а также в антикоррупционном просвещении.

Ключевые слова: коррупция, правовой дискурс, коррупционная деятельность, противодействие коррупции, правовой архетип, правовая коммуникация, интегративное правопонимание

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И., Краснов А. В. Дискурс коррупции в российском обществе // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Т. 15, № 4. С. 751–764. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.751-764>

The scientific article

A. V. SKOROBOGATOV¹,

A. I. SKOROBOGATOVA¹,

A. V. KRASNOV²

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

² Kazan branch of Russian State University for Justice, Kazan, Russia

DISCOURSE OF CORRUPTION IN THE RUSSIAN SOCIETY

Contact:

Andrey V. Skorobogatov, Doctor of History, Professor, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9139-5367>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/J-4391-2016>

Anna I. Skorobogatova, PhD (Pedagogy), Associate Professor, Head of the Chair of Pedagogical Psychology and Pedagogy, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: skorobogatova@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1793-8161>

Web of Science Researcher ID: <https://publons.com/researcher/3970830/skorobogatova-anna/>

Aleksandr V. Krasnov, PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Theory of state and law, Kazan branch of Russian State University of Justice

E-mail: field08@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9934-4975>

Web of Science Researcher ID: <https://publons.com/researcher/3334013>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3971-7305, AuthorID: 355813

Abstract

Objective: to study the socio-cultural and legal nature of the corruption phenomenon in a discursive and communicative context.

Methods: the methodological basis of the article is the synthesis of the discursive and communicative theory of J. Habermas and W. Krawietz's integrative theory of legal reality, focusing on the interdisciplinary study of corruption as an interdisciplinary category, taking into account not only objective, but also subjective components. This determined the choice of research methods (comparative, hermeneutic, and discursive methods).

Results: corruption as a phenomenon and the interdisciplinary category reflecting it is determined by social, cultural and psychological factors of the legal reality development. Acting as a complex legal archetype, it defines the value attitudes of consciousness and behavior of the legal communication participants, orienting them to carry out actions aimed at satisfying individual (less often group and social) interests, even if they contradict the law. Corrupt behavior is perceived by a large part of the Russian society as a model of hierarchical interaction of the legal communication subjects, the purpose of which, according to the addressee, is to increase the effectiveness of the addressee's activities. In addition, corruption is becoming an informal means of "liberation" from the legal requirements, rigid and unfair, according to some representatives of the society. In these conditions, the success of the institutional fight against corruption can be achieved only if this fight involves not only improvement of anti-corruption legislation, but also countering shadow norms, creating a system of anti-incentives for corrupt behavior, including ideologically, through the formation of value attitudes of citizens to reject corrupt practices as unpatriotic and harmful to the rule of law and the legal culture of the society as a whole.

Scientific novelty: for the first time in Russian jurisprudence, a study of the category of corruption in the communicative and discursive aspect was conducted.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical activities when considering the issues of the essence and content of the Russian legal reality, in the anti-corruption activities of state and municipal bodies, as well as in anti-corruption education.

Keywords: Corruption, Legal discourse, Corruption activity, Corruption counteraction, Legal archetype, Legal communication, Integrative legal understanding

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Skorobogatov, A. V., Skorobogatova, A. I., Krasnov, A. V. (2021). Discourse of corruption in the Russian society, *Russian Journal of Economics and Law*, 15 (4), 751–764 (in Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.751-764>

Введение

Постановка проблемы. Российская правовая реальность носит транзитивный характер¹, что обуславливает не только ее трансгрессивность, но и ориентацию на исторически сформированные социальные нормы и ценности. В этих условиях коррупция может быть рассмотрена как традиционный для России альтернативный способ разрешения конфликтов и удовлетворения интересов человека [2]. Однако преимущественно этот феномен анализиру-

ется в отечественной науке в контексте противодействия девиантному коррупционному поведению и его влиянию на функционирование правовой реальности, что, в свою очередь, обусловлено доминированием в советской и отчасти в постсоветской науке юридико-позитивистской методологии, фокусирующей внимание лишь на действующем законодательстве и правоприменении. В то же время легальное, а тем более легитимное преодоление любого социального явления невозможно без всестороннего исследования его сущности и содержания не только на онтологическом, но и аксиологическом уровне.

Анализ исследований и достижений. Большое место, занимаемое коррупцией в социальном взаимодействии, и все более активная роль государства в борьбе с ней обусловили большое число работ,

¹ Транзитивность в гуманитарных науках понимается как этап социального развития, «в котором новое состояние общества, культуры, экономики сохраняет наиболее значимые черты предыдущего периода и в то же время начинает приобретать черты следующего, еще не наступившего этапа» [1. С. 24].

посвященных различным аспектам этого социального феномена. Понятие и сущность коррупции как социального, психологического и правового явления стали предметом изучения не только российских ученых (В. В. Астанин [3], И. И. Бикеев [4], Я. И. Гилинский [5], П. А. Кабанов [6], В. Н. Кудрявцев [7], А. В. Куракин [8], В. В. Лунеев [9], А. В. Наумов [10], В. А. Номоконов [11], Ю. А. Тихомиров [12], Ю. В. Трунцевский [13] и др.), но и зарубежных авторов (О. Димант [14], Р. Кройз [15], М. Джонстон [16], С. Роуз-Аккерман [17], Дж. Тиrol [18], Д. Торселло [19], Дж. Ханденхаймер [20], Чонг Сун Ю [21] и др.). Эти работы создали основу для междисциплинарных исследований феномена коррупции, в соответствии с которыми определена **цель статьи** – исследование социокультурной и правовой природы феномена коррупции в дискурсивно-коммуникативном контексте.

Методологической основой статьи является комплекс идей, разработанных в отечественной и зарубежной гуманитарной науке постклассической направленности. Прежде всего, речь идет о дискурсивно-коммуникативной теории Ю. Хабермаса [22], позволяющей рассмотреть правовые феномены через призму их интерпретации, нашедшей отражение в юридических текстах и поведении субъектов правовой коммуникации. Во-вторых, мы основывались на разработанной В. Кравицем интегративной теории правовой реальности [23], ориентирующей исследователей на выработку междисциплинарной методологии, позволяющей максимально полно представить образ изучаемого правового явления с учетом не только объективных, но и субъективных характеристик. Применительно к российской правовой реальности эти идеи конкретизированы в работах А. В. Полякова [24] и И. Л. Честнова [25]. Синтез данных методологических подходов позволяет исследовать коррупцию не только онтологически, но и аксиологически, через призму правовой культуры, в контексте ценностных аспектов правосознания и поведения участников правовой коммуникации.

Результаты исследования

Несмотря на активную борьбу с коррупцией, ведущуюся государством, довольно большая часть россиян зачастую воспринимает это явление позитивно в ключе допустимого поведения, видя в нем

специфичный способ обеспечения правового взаимодействия. Это можно рассматривать как своеобразную конвенцию о взаимном удовлетворении индивидуальных интересов. В общественном сознании формируется дискурс коррупции², принципиально отличный от признаваемого официально [28].

Коррупция выступает в качестве средства достижения общественного согласия между властью и населением, способом легитимации государства и права [29], связанным с аномией российского общества, возникшей как реакция на деидеологизацию и ориентацию на бездуховность и приоритет материальных благ, характерные для России рубежа XX–XXI вв. При этом необходимо учитывать не только явные проявления коррупции, но и латентные формы ее существования [30], включая социальное одобрение и установку на совершение коррупционных действий. Кроме того, для коррупции в России характерны глубокие исторические корни: централизация государства вокруг монарха или иного единоличного лидера периодически приводила к гипертрофии государственного механизма, его отчуждению от населения, следованию собственным целям вопреки интересам населения, что также выливалось в соответствующие коррупционные действия. С другой стороны, для большей части населения коррупция становилась средством защиты, ухода от несправедливости, способом некоторого «избегания» непомерных требований аппарата чиновников [31].

В российском обществе трансформируется понятие коррупционного действия как преступного явления: правонарушение (с позиции официального права) для многих слоев населения становится допустимым и даже приемлемым деянием, если оно позволяет удовлетворить индивидуальные интересы человека. Допустимость таких действий оценивается как лабильная в переходный период морали, основанной на негативном отношении к несправедливому

² В современных гуманитарных науках под юридическим дискурсом понимается совокупность правовых текстов, т. е. вербальных, литеральных и невербальных выражений правовых представлений [26. С. 83]. Исходя из этого, дискурс коррупции можно рассматривать как совокупность правовых представлений о коррупции как правовом и социокультурном явлении, которые сформировались не только в законодательстве, но и общественном правосознании. (Подробнее о коррупции как социально-правовом явлении см. [27].)

государству и необходимости решения собственных проблем наперекор его воле, а также в контексте сложившихся обычаев во взаимоотношениях в рамках так называемого социального (или теневого, неформального) права, которое актуализируется в науке в связи с использованием антрополого-правовых, культурологических и социологических методов исследования. Незаконность деяния становится ценностной установкой правосознания и правового поведения, способной обеспечить не только выживание индивида и его адаптивность к социальной транзитивности, но и гарантировать максимально возможное в ситуации иерархической правовой коммуникации удовлетворение потребностей человека.

Стремление идентифицировать себя с определенной социальной группой (когда речь идет об устойчивых группах, в целом ориентированных на коррупционное поведение в целях осуществления властных функций, удовлетворения интересов и (или) максимизации прибыли) ориентирует человека на восприятие правовых знаний и ценностей группы и совершение действий, им соответствующих, даже в случае их несоответствия позитивному праву. Это приводит к стиранию границы между официальным (дозволенным, разрешенным) и теневым (соответствующим индивидуальным и (или) групповым интересам) правом, а потому откаты, взятки и другие проявления коррупции не рассматриваются в качестве правонарушений.

Исходя из этого, коррупционные действия можно рассматривать как специфичную форму правового поведения, являющегося противоправным объективно, но правомерным субъективно (с позиций его соответствия теневому праву). Истоки такой ситуации лежат в правовых архетипах [32], которые мы рассматриваем как модели поведения индивида, внутригрупповой и межгрупповой коммуникации, сформировавшихся в правовой ментальности человека под влиянием социального правового опыта³. В этом плане особенно заметным становится противоречие между сущим и должным в юридических исследованиях: и если юридический позитивизм ориентирован лишь на описание должного, «комментаторство» законодатель-

ства, то коммуникативная методология дает возможность исследовать реальные правовые и социальные практики, а также их обусловленность различными социокультурными факторами.

В соответствии с характерной для традиционного сознания бинарной оппозицией добра и зла архетипы можно классифицировать на позитивные (обеспечивающие социальную стабильность и ведущие к социальному и правовому развитию) и негативные (способные привести к кризису общества и государства). К последним можно отнести коррупцию, имеющую в российском обществе архетипические черты [34]. Однако негативность восприятия коррупции как архетипа неоднозначна и зависит как от социальных, так и от психологических факторов.

Несмотря на активное противодействие коррупции со стороны государства, отношение к этому явлению в обществе намного сложнее. Рассматривая коррупцию как модель вертикальной правовой коммуникации, человек оценивает это не только отрицательно, но и положительно в контексте достижения конвенционального результата правового взаимодействия. Факт коррупционного поведения при этом можно рассматривать как конвенцию не только внутри группы, с которой себя идентифицирует человек, но и в качестве аналога общественного договора между гражданином (взятодателем) и государством (в лице конкретного должностного лица, берущего взятку): гражданин реализует свой интерес более эффективным образом, а также одновременно защищает себя от возможных дополнительных ограничений со стороны государственной власти.

При таком подходе коррупция обеспечивает социальный компромисс власти и человека и выступает специфичной формой легитимации власти [35]. Отметим, что легитимация государственной власти в данном случае выступает как категория фактического, а не формально-юридического порядка. Поэтому источником легитимации вполне могут выступать социальные явления, носящие с точки зрения действующего законодательства противоправный характер (поскольку с позиции неформального, неписаного права, складывающегося в обществе, противоправность может быть неочевидной либо вовсе отсутствовать). При этом стирается граница между позитивным и неофициальным правом [36], а откаты, взятки и другие проявления коррупции приобретают

³ Подробнее об особенностях и содержании российского правового архетипа изложено в ряде наших статей (см. напр., [33]).

не только массовый и регулярный, но и системный характер [37].

Следует отметить, что подобная система регулирования отношений посредством неписаного права с использованием коррупционных элементов характерна для целого ряда стран, общество которых находится в транзитивном состоянии. Сохранение черт традиционного общества в сочетании с попыткой внедрения «сверху» законодательства европейского и североамериканского типа с идеями верховенства права, правового государства и прочими ведет к существованию параллельных друг другу правовых систем, конкурирующих между собой, причем отнюдь не в пользу официального позитивного права [38]. Одним из элементов неофициальной правовой системы и выступает коррупция в своей архетипической ипостаси.

Возникновение архетипа коррупции, как и других правовых архетипов, происходит еще в первобытном обществе и связано с условиями организации социальной жизни [39]. Одним из первых архетипических векторов является стремление к увеличению материального благосостояния как свидетельства высокого социального статуса. Если первоначально это достигалось лишь личной доблестью и реципрокным обменом [40], то в современном государственно организованном обществе, для которого характерен еще больший примат материальных ценностей над духовными [41] (в том числе правовыми), это выражается в различных проявлениях коррупционного поведения. Несмотря на относительно высокие легальные доходы государственных служащих и иных субъектов, от воли которых зависит удовлетворение потребностей индивида, коррупция воспринимается как необходимый элемент (эталон) организации правовой жизни, является правовой максимой российского общества [42].

Однако коррупция представляет собой не только стремление к материальному благосостоянию. Это более сложное явление, которое следует рассматривать как комплексный архетип, включающий в себя отдельные архетипы, связанные с социальным взаимодействием разноуровневых субъектов. При коррупционной коммуникации один из субъектов наделен полномочиями, позволяющими ему удовлетворить потребности другого индивида. Несмотря на социальный характер такого взаимодействия,

усиление его материальным компонентом, по мнению участников, способно ускорить и облегчить решение вопроса.

Истоки подобного типа правовой коммуникации обнаруживаются в архетипе власти, сформировавшемся еще в первобытном обществе. Он имеет сакральное содержание, основанное на культе силы (выражающем могущество власти) правителя (происхождение которого связано с животным или легендарным героем, являющимся родоначальником и покровителем рода), рода (разделяющего окружающих на своих и чужих), патерналистской психологии, ориентации на жертвенность.

Облеченный властью человек уподобляется субъекту, наделенному сакральными полномочиями. Взятка при этом может рассматриваться как сакральная жертва, а услуга, получаемая взамен, приобретает черты сверхъестественного чуда. С одной стороны, человек рационально понимает, что решение вопроса, с которым он обратился к субъекту, облеченному властью, является обязанностью последнего. С другой стороны, иррационально он верит, что только дача взятки приведет к реальному удовлетворению его интересов, и воспринимает окончательное разрешение проблемы как сакральный феномен. При этом необходимо учитывать, что в традиционном сознании идущая от бога вертикаль власти носит мужской характер. Следствием этого является как достаточно негативное восприятие женщин, облеченных властью, своеобразных узурпаторов сакральных полномочий, так и большая сложность дачи взятки женщине, чем мужчине.

Коррупция, как дароприношение, выступает аналогом искупительной жертвы, адресат которой имеет сакральный смысл. Дар может приноситься как до, так и после решения вопроса. Если в последнем случае дароприношение рассматривается как прямая благодарность, то в первом воспринимается в качестве благодарности за будущие деяния. При этом дар является необходимым элементом коммуникации субъектов с разным статусом, а его отсутствие – как потенциальная угроза для их дальнейшего взаимодействия.

Государственный служащий, беря взятку, уподобляется субъекту, имеющему сакральные полномочия на осуществление власти и совершение действий, являющихся атрибутом власти, в том числе получение

даров. При этом действует традиционная властная закономерность: тем выше положение чиновника, тем больше власти он имеет и тем на больший размер взятки может рассчитывать. Поэтому наибольшие взятки получают государственные служащие высшего уровня, являющиеся монополистами в своей сфере.

Взятка, приобретая черты дара, выступает как правомерное поведение. Напротив, антикоррупционное поведение, соответствующее норме позитивного права и формально являющееся правильным и правомерным, воспринимается субъективно в качестве неправомерного, поскольку носит «аморальный» характер и связано с эгоизмом человека, стремящегося выделиться из общества (поступает вопреки устоявшимся правилам). Коррупция тем самым приобретает черты ритуала, позволяющего власти (и конкретным ее носителям) утверждать, воссоздавать и демонстрировать человеку, социальной группе (реальной и номинальной) и (или) обществу свое символическое назначение. В обмен на это власть получает легитимацию своих действий.

В условиях сакрализации власти и ее носителей коррупционные отношения рассматриваются многими людьми как этичное и социально легитимное явление. Поскольку данные отношения являются традиционными, а их правильность и необходимость подтверждена авторитетом предков, «коррупционная благодарность» воспринимается как адекватное, социально одобряемое поведение. В то же время антикоррупционное поведение, особенно со стороны индивида, облеченного властью, воспринимается как эгоистичное и лишенное человечности [43].

Коррупционная коммуникация несет в себе ритуальные черты не только социально, но и политически. Ритуал коррупции позволяет референтным группам сконструировать метафизически и исторически обоснованный символический образ надсоциального субъекта, призванного не только регулировать правовое взаимодействие, но и способствовать удовлетворению индивидуальных и социальных интересов человека. В обмен на это они получают социальное признание и моральное оправдание. Прежде всего, подобное восприятие коррупционного взаимодействия характерно для властных отношений, в которых индивид выступает как адресат коммуникации, а государство – в качестве адресанта.

Не столь явно это проявляется в коррупционных взаимодействиях с субъектом, не имеющим прямого отношения к государственному аппарату, но тем не менее облеченному определенной властью и полномочиями решать вопросы, прямо затрагивающие интересы человека. В этом случае коррупционный ритуал обеспечивает более высокую степень доверия в социальном взаимодействии, следствием которой должно стать более быстрое или более эффективное решение проблемы.

Коррупция как специфичная форма вертикальной правовой коммуникации предполагает, что адресат для удовлетворения индивидуальных (реже групповых или социальных) интересов использует материальные и нематериальные средства неформального характера при обращении к адресанту, будучи уверенным в том, что отсутствие такого «хабара» приведет к негативному результату. Одновременно адресант рассматривает «хабар» как необходимый элемент иерархической коммуникации, своеобразное проявление уважения и благодарности к его «нелегкому» труду.

Коррупция при этом выступает как конвенциональный результат правовой коммуникации, содержащий архетипические ценностные установки правового сознания и поведения на совершение действий, не только допустимых, но и необходимых для удовлетворения интересов человека и общества, даже если они противоречат официальному праву. На первое место выступают социальные ценности и нормы, определяющие, что коррупционное поведение является необходимым условием развития и функционирования общества и естественным психологическим состоянием человека. Борьба же с коррупцией является элементом правовой политики референтных групп, связанным не с ее преодолением, а с перераспределением социальных ролей.

Как показывают современные исследования, коррупционное поведение имеет не только социальную, но и психологическую составляющую [44]. С одной стороны, индивидуальный опыт правовой коммуникации ориентирует индивида на удовлетворение своих интересов, допуская возможность выхода за пределы комфортного социального пространства ради достижения цели, включая элементы девиантного поведения с элементами коррупционной направленности [45]. С другой стороны, социальный правовой

опыт показывает, что коррупционное поведение не является полностью негативным явлением. Общество не только терпимо, но зачастую и с одобрением смотрит на его проявления со стороны своих членов [46]. Это находит отражение в пословицах и поговорках: «Не подмажешь – не поедешь», «В суд поди и кошелек неси, а то скажут: завтра», «Когда карман сух, тогда и суд глух», «И умный берет, когда глупый дает» [47].

Распространенность коррупции в разных сферах жизни, существование ее как массового явления превращают ее в элемент повседневности. Коррупция воспринимается как национальная черта, исторически сложившийся элемент правовой культуры [48]. Распространенность коррупции и привычность к ней населения, особенно в тех сферах общественной жизни, которые определяют порядок и условия ее существования и развития (управление, здравоохранение, образование, сфера услуг), становится для человека культурной нормой.

Формирование понимания коррупции прежде всего определяется существованием нескольких ментальных моделей, которые фиксируют самые распространенные в обществе особенности восприятия коррупции и факта ее существования.

1. *Персонализация коррупции*, связанная с ассоциацией коррупции в определенной сфере с определенной известной персоной (полковник Д. В. Захарченко как символ коррупции в правоохранительных органах, министр экономического развития РФ А. В. Улюкаев в качестве образа «чиновника-коррупционера» и т. д.) или с обобщенным образом (например, «депутаты», «политики», «судьи», «власть» и т. д.). Деятельность по противодействию коррупции при этом получает персонализированный характер: «Надо противодействовать не системе или институту, а определенным лицам».

2. *Стереотипная маркировка отдельных сфер как коррумпированных на основании лишь широкого спроса к ним среди населения*: организации образования, медицинские учреждения, суды, правоохранительные органы, органы самоуправления разных уровней. Хотя «хабар» (подношение, взятка, подарок и т. д.) могут брать все, деятельность учреждений, которые не ведут прием рядовых граждан, не предполагает открытого мздоимства. Поэтому такие учреждения считаются менее коррумпированными. «Хабар» здесь

рассматривается как условие эффективности действия определенных институтов.

3. *Отсутствие в большей части общества отношения к коррупции как к противоправному поведению*, связанное с распространенным в обществе стремлением оправдывать коррупцию в ситуациях, которые выгодны человеку. Подобное отнесение определенных действий к коррупционным в зависимости от конкретных жизненных обстоятельств свидетельствует о высокой терпимости и функциональном отношении к коррупции со стороны населения. При этом коррупция как форма правовой коммуникации воспринимается как единственно возможный вариант действий, приводящих к позитивному результату (удовлетворению интересов человека (группы) и (или) достижению бесконфликтного сосуществования).

4. *Вынужденный характер коррупции*. Данная модель формируется в процессе социального правового опыта и предполагает, что коррупция вынужденно носит конвенциональный характер. Человек уверен, что отсутствие коррупционных составляющих в его действиях будет иметь для него отрицательные последствия.

5. *Ситуативная оценка коррупции*, предполагающая зависимость отношения к коррупционному поведению от особенностей коррупционной коммуникации. Если субъект является адресантом коммуникации (человеком, берущим взятку), то он положительно оценивает такое поведение. Если же он выступает адресатом (взятодателем), то оценивает факт коррупции негативно. При этом пятая модель не существует в чистом виде. Как правило, она сочетается с одной из вышерассмотренных моделей.

Несмотря на многообразие моделей коррупционных практик, коррупционное поведение человека может быть представлено в двух формах. Во-первых, следует говорить о коррупционных действиях, носящих прямой характер и совершаемых лицами, имеющими определенные институциональные полномочия для решения каких-либо вопросов, но осуществляющих их либо вне должностных полномочий, либо изменяя порядок рассмотрения в соответствии с получаемой материальной выгодой. Во-вторых, возможны коррупционные действия обратного порядка, совершаемые гражданами, обращающимися к должностным лицам для удовлетворения своих

потребностей и предлагающие им определенное материальное вознаграждение в случае успешного и (или) ускоренного решения вопроса.

В зависимости от мотивации и характера коррупционных действий субъектов коррупционной коммуникации можно разделить на несколько групп. Для первой группы характерно активное восприятие коррупционных правил. Коррупционное поведение рассматривается как соответствующее социальным стандартам и являющееся необходимым элементом удовлетворения не только индивидуальных, но и социальных интересов. Вторая группа, несмотря на понимание антиюридической направленности коррупционного поведения, вынужденно совершает такие действия, считая, что без них невозможно удовлетворение индивидуальных интересов. К этой группе можно отнести не только собственно коррупционеров (хотя и менее активных, чем в первой группе, действующих не системно, а ситуативно), но и обычных граждан, совершающих коррупционные действия обратного порядка. Третья группа является самой массовой. Представители этой группы, не совершая сами коррупционных действий, пассивно относятся к наблюдаемым примерам коррупционного поведения, осуждая их, но признавая, что от их действий ничего не зависит. Четвертую группу составляют люди с активной жизненной позицией, не только не принимающие любых коррупционных действий, но и активно борющиеся с ними. Речь идет не только о законодателях и правоприменителях, для которых борьба с коррупцией является обязанностью, но и обычных гражданах. Ведущаяся в России антикоррупционная политика, в том числе просвещение населения [49], способствует тому, что численность четвертой группы расширяется, хотя и недостаточно быстро.

Становится очевидным, что мероприятия по противодействию коррупции в нашей стране не могут сводиться исключительно к закреплению ограничений и санкций за соответствующее поведение в формально-юридическом плане. В связи с тем, что коррупционные действия опосредствуются неформальным, теневым правом (в антрополого-правовом и культурологическом понимании; в нормативистском такие нормы трактуются как обычаи и мораль), основной целью антикоррупционной политики должно быть формирование ценностных установок и моделей

правомерного поведения с позиций официального права, направленных на вытеснение соответствующих практик, а также идеологическая работа с разными слоями населения с целью снижения распространенности архетипических представлений, лежащих в основе оправдания коррупции как допустимого поведения. Поскольку в качестве доминирующей идеологии в России рассматривается патриотизм, вытеснение коррупции должно происходить и посредством формирования представлений о конечном приоритете общественных интересов, поскольку эффективное правовое государство способно обеспечить действие механизмов реализации интересов личного и индивидуального характера и их гармонизацию. Коррупция должна позиционироваться как антипатриотичная модель поведения.

Выводы

Коррупция как явление и отражающая ее междисциплинарная категория детерминирована социальными, культурными и психологическими факторами развития правовой реальности. В правовой реальности России коррупция представлена двумя дискурсами: официальным, отраженным в законодательстве и правоприменительной практике, и социальным, отраженным в правосознании и определяющим правовое поведение граждан. Социальный дискурс коррупции является конвенциональным результатом правовой коммуникации горизонтальной направленности и представляет собой совокупность вербальных и невербальных правовых текстов, отражающих ценностное отношение российских граждан к феномену коррупции и определяющих их правовую коммуникацию в сфере коррупционных практик. Коррупция имеет глубокие исторические корни, а также выступает комплексным правовым архетипом сознания, фиксирующим государственную власть как жесткого носителя сакральных функций, охранителя целостности страны, облеченного полномочиями по продвижению личных и групповых интересов. Тем самым в широких слоях общества формируются ценностные установки сознания и поведения участников правовой коммуникации, ориентирующие их на «задабривание» представителей власти при необходимости удовлетворения индивидуальных (реже групповых или социальных) интересов даже при условии их противоречия законодательству. Коррупционное поведение воспринимается

в российском обществе как модель иерархического взаимодействия субъектов правовой коммуникации, целью которой, по мнению адресата, является повышение эффективности деятельности адресанта. Кроме того, коррупция становится неформальным средством «освобождения» от жестких и несправедливых, по мнению ряда представителей общества, требований законодательства. В этих условиях успешность институциональной борьбы с коррупцией будет достигнута

лишь в том случае, если эта борьба предусматривает не только совершенствование антикоррупционного законодательства, но и противодействие теневым нормам, создание системы антистимулов коррупционного поведения, в том числе идеологически, посредством формирования ценностных установок граждан на неприятие коррупционных практик как непатриотичных и наносящих вред правопорядку и правовой культуре всего общества в целом.

Список литературы

1. Чагдурова Э. Г. «Транзитивность» как объект философского осмысления // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 6 (1). С. 24–28.
2. Акимов Н. В. Коррупция в России: история и современность // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 2. С. 36–38.
3. Астанин В. В. Антикоррупционная экспертиза в вопросах доктрины и практики // Российская юстиция. 2016. № 8. С. 5–9.
4. Все о коррупции и противодействии ей: терминологический словарь / И. И. Бикеев и др.; под общ. ред. И. И. Бикеева, П. А. Кабанова. Т. 2. Казань: Изд-во «Познание» ИЭУП, 2014. 228 с.
5. Гишинский Я. И. Коррупция как социальный конструкт // Конструирование девиантности: монография / сост. Я. И. Гишинский. СПб.: ДЕАН, 2011. С. 161–169.
6. Кабанов П. А. Антикоррупционная информированность: понятие, содержание, условия формирования // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2016. № 2. С. 38–54. DOI: <https://doi.org/10.7256/2306-9945.2016.2.18846>
7. Кудрявцев В. Н. Организованная преступность и коррупция в России (1997–1999) (главы автора В. Н. Кудрявцева). М.: Юр. норма, Инфра-М, Znanium.com. 49 с. URL: <https://znanium.com/read?id=204943>, по паролю (дата обращения: 10.09.2021).
8. Куракин А. В., Сухаренко А. Н. Противодействие коррупции в условиях пандемии коронавируса // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 58–60.
9. Лунеев В. В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы // Государство и право. 2000. № 4. С. 99–111.
10. Наумов А. В. Коррупционная преступность // Избранные труды. О реформе Уголовного кодекса Российской Федерации (публикации 2009–2019 гг.) / А. В. Наумов; сост. Е. Н. Карабанова, И. А. Стаценко; вступит. ст. О. С. Капинус. М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2019. С. 103–117.
11. Номоконов В. А., Гилевская М. А. Коррупция в России и перспективы борьбы с ней // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 1. С. 181–186.
12. Тихомиров Ю. А., Трикоз Е. Н. Право против коррупции // Журнал российского права. 2007. № 5 (125). С. 39–52.
13. Трунцевский Ю. В. Причины бытовой (повседневной) коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 6. С. 50–56. DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2020-6-50-56>
14. A Crook is a Crook... But is He Still a Crook Abroad? On the Effect of Immigration on Destination-Country Corruption / Eu. Dimant, T. Krieger, M. Redlin // German Economic Review. 2014. Vol. 16 (4). Pp. 464–489.
15. Kroeze R. Lockheed (1977) and Flick (1981–1986): Anticorruption as a Pragmatic Practice in the Netherlands and Germany // Anticorruption in History: From Antiquity to the Modern Era / R. Kroeze, A. Vitória, G. Geltner (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2018. Pp. 274–291.
16. Johnston M. Political Corruption and Public Policy in America. Monterey: Brooks Cole Publishing Co, 1982. 210 p.
17. Palifka B. J., Rose-Ackerman S. Corruption and Government: causes, consequences, and reform. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 644 p.
18. Tirole J. A Theory of collective reputations (with Applications to the Persistence of Corruption and to Firm Quality) // The Review of Economic Studies. 1996. Vol. 63, № 1. Pp. 1–22.
19. Torsello D., Venard B. The Anthropology of Corruption // Journal of Management Inquiry. 2016. Vol. 25, Iss. 1. Pp. 34–54.

20. Political Corruption: Concept and Context / A. Heidenheimer, M. Johnston (eds.). 3th ed. New Brunswick, L.: Transaction Publishers, 2007. xvi, 970 p.
21. Jong-Sung You. Democracy, Inequality and Corruption: Korea, Taiwan and the Philippines Compared. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 308 p.
22. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. Cambridge: Polity Press, 2004. 512 p.
23. Krawietz W. Juridische Kommunikation im modernen Rechtssystem in rechtstheoretischer Perspektive // *Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert* / W. Brugger, U. Neumann, S. Kirste (eds.). Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 2008. S. 181–206.
24. Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 575 с.
25. Честнов И. Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
26. Коновалова М. В. Типы когерентности юридического дискурса // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2008. № 21. С. 83–86.
27. Коррупция как социально-правовое явление: антропологический анализ / А. В. Скоробогатов, А. В. Краснов, А. И. Скоробогатова // *Диалектика противодействия коррупции: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 23 ноября 2018 г.* Казань: Татарский центр образования «Таглитмат»; Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2018. С. 199–203.
28. Скоробогатов А. В. Ценностная детерминация юридического дискурса // *Правовая культура*. 2019. № 2 (37). С. 30–38.
29. Краснов А. В. Легитимность права: аксиологический аспект // *Вестник экономики, права и социологии*. 2019. № 1. С. 87–90.
30. Петрянин А. В. Коррупция как угроза национальной безопасности и неотъемлемый элемент современного мира: вопросы уголовно-правового и криминологического противодействия // *Российский правовой журнал*. 2020. № 1. С. 63.
31. Глазкова Л. В. Государственный чиновник: история коррупции в России: монография. М.: Проспект, 2016. 112 с.
32. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // *Архетип и символ* / сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. М.: Ренессанс, 1991. С. 98.
33. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Российский правовой архетип: сущность и содержание // *Российский журнал правовых исследований*. 2015. № 4 (5). С. 28–33.
34. Мухамедьярова Л. В., Газизова О. В. Основные детерминанты коррупционного поведения и формирование антикоррупционной устойчивости // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014. № 14-2. С. 90–96.
35. Скоробогатский В. В. Коррупция как способ легитимации власти // *Чиновник*. 2001. № 1. URL: <http://chinovnik.uara.ru/ru/issue/2001/01/13>, свободный (дата обращения: 02.09.2021).
36. Скоробогатов А. В., Юсупов А. А. Неофициальное право в контексте правового поведения // *История государства и права*. 2018. № 8. С. 9–14.
37. Коррупция в Российской Федерации: генезис, формы, технологии, противодействие: монография / Т. Е. Бейдина и др.; под общ. ред. проф. Н. Н. Меньшениной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 202 с.
38. Сото Э. де. Иной путь: Невидимая революция в третьем мире / пер. с англ. Б. Пинскер. М.: Catallaxy, 1995. С. 178.
39. Сюткина Е. Н. Кандыбович С. Л. Архетип как социокультурный феномен: философские и культурные основания // *Человеческий капитал*. 2016. № 7 (91). С. 6–15.
40. Валеров А. В. Обмен и распределение в системе социального взаимодействия первобытных и архаических обществ // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 5. 2012. Вып. 3. С. 41–59.
41. Гафарова Г. Р. Правовой статус участников финансовых правоотношений в сфере ценообразования // *Финансовое право*. 2012. № 9. С. 2–5.
42. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Коррупционное поведение как правовая максима российского общества // *Диалектика противодействия коррупции: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 16 декабря 2016 г.* Казань: Изд-во «Познание» КИУ, 2016. С. 151–154.
43. Сиссенер Т. К. Феномен коррупции в антропологической перспективе (перевод О. Паченкова) // *Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции* / сост. и отв. ред. И. Б. Олимпиева, О. В. Паченко. СПб.: Алетейя, 2007. С. 56–82.
44. The psychology of the corrupt: some preliminary findings / C. Nee, M. Button, D. Shepherd, D. Blackburn, S. Leal // *Journal of Financial Crime*. 2019. Vol. 26. № 2. Pp. 488–495.
45. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психологические факторы коррупции // *Социологические исследования*. 2014. № 7 (363). С. 63–71.
46. Алехин Э. В., Юрасов И. А. Коррупция: восприятие гражданами РФ // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1–1. С. 1512.

47. Иллюстров И. И. Юридические пословицы и поговорки русского народа. 3-е изд. М.: КРАСАНД, 2011. 80 с.
48. Тимошук А. С., Трофимова Н. Н. Коррупция в культурной динамике социума // Вопросы культурологии. 2020. № 4. С. 61–66. DOI: <https://doi.org/10.33920/nik-01-2004-07>
49. Кабанов П. А. Антикоррупционное просвещение как средство противодействия коррупции: понятие и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4. С. 42–51.

References

1. Chagdurova, E. D. (2014). "Transitivity" as an object of philosophical reflection, *The Buryat State University Bulletin*, 6 (1), 24–28 (in Russ.).
2. Akimova, N. V. (2009). Corruption in Russia: history and modernity, *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii*, 2, 36–38 (in Russ.).
3. Astanin, V. V. (2016). Anti-corruption expertise in matters of doctrine and practice. *Rossiiskaya yustitsiya*, 8, 5–9 (in Russ.).
4. Bikeev, I. I. et al. (2014). *Everything about corruption and counteraction against it: terminological dictionary*, 2. Kazan, Izd-vo "Poznanie" IEUP (in Russ.).
5. Gilinskii, Ya. I. (2011). Corruption as a social construct, In *Constructing deviancy*, monograph. Saint Petersburg, DEAN, 161–169 (in Russ.).
6. Kabanov, P. A. (2016). Anti-corruption awareness: concept, content, conditions of formation. *NB: Administrative Law and Administration Practice*, 2, 38–54 (in Russ.). <https://doi.org/10.7256/2306-9945.2016.2.18846>
7. Kudryavtsev, V. N. *Organized crime and corruption in Russia (1997–1999)* (chapters by V. N. Kudryavtsev). Moscow, Yur. norma, Infra-M, Znanium.com. <https://znanium.com/read?id=204943> (access date: 10.09.2021) (in Russ.).
8. Kurakin, A. V., Sukharensko, A. N. (2021). Countering corruption in the context of the coronavirus pandemic. *Rossiiskaya yustitsiya*, 1, 58–60 (in Russ.).
9. Luneev, V. V. (2000). Corruption: political, economic, organizational and legal problems. *State and Law*, 4, 99–111 (in Russ.).
10. Naumov, A. V. Corruption crime. In A. V. Naumov. *Selected works. On the reform of the Russian Criminal Code (publications of 2009–2019)*. Moscow, Un-t prokuratury Ros. Federatsii, 2019, 103–117 (in Russ.).
11. Nomokonov, V. A., Gilevskaya, M. A. (2009). Corruption in Russia and prospects of struggle against it. *Actual Problems of Economics and Law*, 1, 181–186 (in Russ.).
12. Tikhomirov, Yu. A., Trikoz, Ye. N. (2007). Law against corruption, *Journal of Russian Law*, 5 (125), 39–52 (in Russ.).
13. Truntsevskiy, Yu. V. (2020). Reasons for petty (commonplace) corruption. *State power and local self-government*, 6, 50–56 (in Russ.). <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2020-6-50-56>
14. Dimant, Eu., Krieger, T., Redlin, M. (2014). A Crook is a Crook... But is He Still a Crook Abroad? On the Effect of Immigration on Destination-Country Corruption. *German Economic Review*, 16 (4), 464–489.
15. Kroeze, R. (2018). Lockheed (1977) and Flick (1981–1986): Anticorruption as a Pragmatic Practice in the Netherlands and Germany. In R. Kroeze, A. Vitória, G. Geltner (eds.). *Anticorruption in History: From Antiquity to the Modern Era*. Oxford, Oxford University Press, 274–291.
16. Johnston, M. (1982). *Political Corruption and Public Policy in America*. Monterey, Brooks Cole Publishing Co.
17. Palifka, B. J., Rose-Ackerman, S. (2016). *Corruption and Government: causes, consequences, and reform*. Cambridge, Cambridge University Press.
18. Tirole, J. (1996). A Theory of collective reputations (with Applications to the Persistence of Corruption and to Firm Quality). *The Review of Economic Studies*, 63 (1), 1–22.
19. Torsello, D., Venard, B. (2016). The Anthropology of Corruption. *Journal of Management Inquiry*, 25 (1), 34–54.
20. Heidenheimer, A., Johnston, M. (eds.) (2007). *Political Corruption: Concept and Context*. 3rd ed. New Brunswick, L., Transaction Publishers.
21. Jong-Sung, You. (2015). *Democracy, Inequality and Corruption: Korea, Taiwan and the Philippines Compared*. Cambridge, Cambridge University Press.
22. Habermas, J. (2004). *The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society*. Cambridge, Polity Press.
23. Krawietz, W. (2008). Juridische Kommunikation im modernen Rechtssystem in rechtstheoretischer Perspektive. In W. Brugger, U. Neumann, S. Kirste (eds.). *Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert*. Frankfurt-am-Main, Suhrkamp, 181–206.
24. Polyakov, A. V. (2014). *Communicative legal consciousness: Selected works*. Saint Petersburg, Alef-Press (in Russ.).
25. Chestnov, I. L. (2012). *Postclassical theory of law: monograph*. Saint Petersburg, Alef-Press (in Russ.).

26. Konovalova, M. V. (2008). Types of coherence of juridical discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 21, 83–86 (in Russ.).
27. Skorobogatov, A. V., Krasnov, A. V., Skorobogatova, A. I. (2018). Corruption as a social-legal phenomenon: anthropological analysis. In *Dialectics of corruption counteraction: works of the 8th All-Russian scientific-practical conference with international participation, November 23, 2018*. Kazan, Tatarskii tsentr obrazovaniya "Taglimat"; Izd-vo "Poznanie" Kazanskogo innovatsionnogo universiteta, 199–203 (in Russ.).
28. Skorobogatov, A. V. (2019). Valuable Determination of Legal Discourse. *The Legal Culture*, 2 (37), 30–38 (in Russ.).
29. Krasnov, A. V. (2019). Legitimacy of law: axiological aspect. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 1, 87–90 (in Russ.).
30. Petryanin, A. V. (2020). Corruption as a threat to national security and an indispensable element of the modern world: issues of criminal-legal and criminological counteraction. *Rossiiskii pravovoi zhurnal*, 1, 63 (in Russ.).
31. Glazkova, L. V. (2016). *A state official: history of corruption in Russia*: monograph. Moscow, Prospekt (in Russ.).
32. Yung, K. G. (1991). On archetypes of the collective unconscious. In *Archetype and symbol*. Moscow, Renessans (in Russ.).
33. Skorobogatov, A. V., Krasnov, A. V. (2015). Russian legal archetype: essence and contents. *Russian Journal of Legal Studies*, 2 (4), 28–33 (in Russ.).
34. Mukhamedyarova, L. V., Gazizova, O. V. (2014). Main determinants of corrupt behavior and the formation of anti-corruption stability. *BSU Bulletin*, 14-2, 90–96 (in Russ.).
35. Skorobogatskii, V. V. (2001). Corruption as a means of power legitimization. *Chinovnik*, 1. <http://chinovnik.uapa.ru/ru/issue/2001/01/13> (access date: 02.09.2021) (in Russ.).
36. Skorobogatov, A. V., Yusupov, A. A. (2018). An Informal Right in the Framework of Legal Behavior. *History of State and Law*, 8, 9–14 (in Russ.).
37. Beidina, T. E. et al. (2014). *Corruption in the Russian Federation: genesis, forms, technologies, counteraction*: monograph. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta (in Russ.).
38. Soto E. de. (1995). *Another way: Invisible revolution in the third world*. Moscow, Catallaxy (in Russ.).
39. Syutkina, E. N., Kandybovich, S. L. (2016). Archetype as a socio-cultural phenomenon: philosophical and cultural foundations. *Chelovecheskij Kapital*, 7 (91), 6–15 (in Russ.).
40. Valerov, A. V. (2012). Exchange and distribution in the system of social interaction of primitive and archaic societies. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 3, 41–59 (in Russ.).
41. Gafarova, G. R. (2012). Legal status of the participants of financial legal relations in the sphere of price formation. *Finansovoe pravo*, 9, 2–5 (in Russ.).
42. Skorobogatov, A. V., Krasnov, A. V. (2016). Corruption behavior as a legal maxima of the Russian society. In *Dialectics of corruption counteraction: works of the 6th All-Russian scientific-practical conference with international participation, December 16, 2016*. Kazan, Izd-vo "Poznanie" KIU, 151–154 (in Russ.).
43. Sissener, T. K. (2007). Phenomenon of corruption in anthropological perspective. In I. B. Olimpieva, O. V. Pachenko (Eds.). *Fighting a losing battle? Socio-anthropological approach to studying corruption*. Saint Petersburg, Aleteiya, 56–82 (in Russ.).
44. Nee, C., Button, M., Shepherd, D., Blackburn, D., Leal, S. (2019). The psychology of the corrupt: some preliminary findings. *Journal of Financial Crime*, 26 (2), 488–495.
45. Zhuravlev, A. L., Yorevich, A. V. (2014). Psychological factors of corruption. *Sociological Studies*, 7, 63–71 (in Russ.).
46. Alekhin, E. V., Yurasov, I. A. (2015). Corruption: the perception of citizens of the Russian Federation, *Modern problems of science and education*, 1–1, 1512 (in Russ.).
47. Illyustrov, I. I. (2011). *Juridical sayings and proverbs of the Russian people*. Moscow, KRASAND (in Russ.).
48. Tymoschuk, A., Trofimova, N. (2020). Corruption in the cultural dynamics of society. *Issues of Cultural Studies*, 4, 61–66 (in Russ.). <https://doi.org/10.33920/nik-01-2004-07>
49. Kabanov, P. A. (2014). Anti-corruption education as a means of corruption counteraction: notion and content, *Actual Problems of Economics and Law*, 4 (32), 42–51 (in Russ.).

Вклад авторов

А. В. Скоробогатов – разработка концепции статьи, анализ и интерпретация научной литературы, написание результатов исследования.

А. И. Скоробогатова – написание аннотации, введения статьи, анализ и интерпретация научной литературы, подготовка списка литературы.

А. В. Краснов – разработка методологического инструментария статьи, анализ и интерпретация научной литературы, написание выводов статьи.

The author's contribution

A. V. Skorobogatov – concept design, analysis and interpretation of scientific literature, formulating the research results.

A. I. Skorobogatova – writing the abstract and introduction, analysis and interpretation of scientific literature, preparing the references.

A. V. Krasnov – elaborating the research methodology, analysis and interpretation of scientific literature, writing the conclusions.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 08.09.2021

Дата принятия в печать / Accepted 22.10.2021

ПОЗНАНИЕ

Кабанов, П. А.

Стимулирование реализации государственной политики противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ : аналитический доклад. – Казань: Издательство «Познание» Казанского инновационного университета, 2021. – 91 с. (Серия: Противодействие коррупции).

В аналитическом докладе представлены результаты исследования правового регулирования стимулирования реализации государственной политики противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ. Рассмотрены формы поощрения за правомерное антикоррупционное поведение, а также депоощрения лиц, ранее удостоенных региональных наград и совершивших впоследствии коррупционные деяния (преступления, административные правонарушения, проступки). Выявлены несоответствия между положениями регионального законодательства в вопросах поощрения и депоощрения как универсальных средств управленческого воздействия, а также предложены меры по его совершенствованию в целях повышения эффективности противодействия коррупции с использованием указанных средств.

Работа продолжает практику аналитических докладов НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова для органов публичной власти и по их обращению.

Доклад предназначен для лиц, реализующих государственную политику противодействия коррупции на любых ее уровнях, научных работников, преподавателей, обучающихся и всех, кто интересуется проблемами коррупции и противодействия ей. Выводы исследования представляются особенно актуальными для субъектов Российской Федерации.

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.765-787>

УДК 334:342.9:343.352:316(470.341)

А. А. ГЛУХОВА¹,

Д. А. ШПИЛЕВ^{1,2}

¹ Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия

² Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БИЗНЕСА С ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ МВД РОССИИ (МНЕНИЕ МАЛЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ НИЖЕГОРОДСКОГО РЕГИОНА)

Контактное лицо:

Глухова Анна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии, Нижегородская академия Министерства внутренних дел РФ

E-mail: namvd_crime@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7462-8947>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5228-2016>

Шпилев Дмитрий Анатольевич, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры криминологии, Нижегородская академия Министерства внутренних дел РФ; профессор кафедры социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

E-mail: namvd_crime@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9499-0580>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5200-2016>

Аннотация

Цель: анализ, изучение и раскрытие видов, форм и качества взаимодействия представителей малого и среднего бизнеса Нижегородского региона с подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России на основе социологического исследования.

Методы: общенаучные (анализ, системно-структурный подход к анализу объекта исследования, сравнительно-правовой), а также логические методы и частно-научный (опросный метод – анкетирование предпринимательского сообщества Нижегородского региона).

Результаты: выявлены и классифицированы способы и особенности взаимодействия представителей малого и среднего бизнеса и подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России Нижегородского региона в процессе осуществления предпринимательской деятельности, проанализированы проблемы, существующие при взаимодействии представителей малого и среднего бизнеса и подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России в Нижегородском регионе.

Научная новизна: в статье на основании мнения представителей малого и среднего бизнеса Нижегородского региона впервые выявляются и систематизируются основные характеристики, в том числе проблемные, уровня и качества взаимодействия представителей малого и среднего бизнеса с подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России. Исходя из полученных эмпирических данных исследования, предлагаются виды и формы взаимодействия, пути их реализации, механизм оценки качества взаимодействия представителей малого и среднего бизнеса Нижегородского региона с подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России в будущем. Среди них обязательство добровольно сообщать о случаях коррупции и об экономических правонарушениях; поддерживать своих сотрудников, информировавших о подготовке или

© Глухова А. А., Шпилев Д. А., 2021

© Glukhova A. A., Shpilev D. A., 2021

совершении экономического или коррупционного правонарушения; проводить правовое информирование сотрудников по вопросам предупреждения коррупционных и экономических правонарушений; содействовать уполномоченным представителям подразделений ЭБиПК МВД России при проведении ими инспекционных проверок деятельности организации; оказывать поддержку в выявлении и расследовании подразделениями ЭБиПК МВД России фактов коррупции, экономических преступлений и при подготовке ответов на запросы правоохранительных органов привлекать специалистов в соответствующей области права.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы для повышения качества взаимодействия представителей малого и среднего бизнеса с подразделениями ЭБиПК МВД России, в частности, путем принятия предпринимателями на себя публичных обязательств по сообщению в правоохранительные органы о случаях совершения коррупционных и экономических правонарушений, о которых организации (работникам организации) стало известно, а также реализации мер поддержки бизнесменами сотрудников, сообщивших в правоохранительные органы о ставшей им известной в ходе выполнения трудовых обязанностей информации о подготовке или совершении экономического или коррупционного правонарушения.

Ключевые слова: подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, малый и средний бизнес, предпринимательство, органы власти, коррупция, взаимодействие, гендер

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Глухова А. А., Шпилев Д. А. Взаимодействие бизнеса с подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (мнение малых предпринимателей Нижегородского региона) // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Т. 15, № 4. С. 765–787. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.765-787>

The scientific article

A. A. GLUKHOVA¹,

D. A. SHPILEV^{1, 2}

¹ Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, Nizhniy Novgorod, Russia

² Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy, Nizhniy Novgorod, Russia

INTERACTION OF BUSINESS WITH THE DIVISIONS OF THE AGENCY FOR ECONOMIC SAFETY AND CORRUPTION COUNTERACTION OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS (OPINION OF THE SMALL BUSINESSES OF NIZHNIY NOVGOROD REGION)

Contact:

Anna A. Glukhova, PhD (Law), Associate Professor, Head of the Chair of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

E-mail: namvd_crime@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7462-8947>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5228-2016>

Dmitriy A. Shpilev, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs; Professor of the Chair of General Sociology and Social Work, Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy

E-mail: namvd_crime@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9499-0580>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5200-2016>

Abstract

Objective: based on a sociological research, to analyze, study and disclose the types, forms and quality of interaction between representatives of small and medium-sized businesses of the Nizhny Novgorod region with the economic security and anti-corruption units of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Methods: general scientific (analysis, systemic-structural approach to the analysis of the research object, comparative legal method), as well as logical and specific scientific methods (survey – questioning of the business community of the Nizhny Novgorod region).

Results: the methods and features of interaction between representatives of small and medium-sized businesses and departments of economic security and anti-corruption of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Nizhny Novgorod region in the course of entrepreneurial activity are identified and classified; the problems in the interaction of representatives of small and medium-sized businesses and departments of economic security and anti-corruption of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Nizhny Novgorod region are analyzed.

Scientific novelty: based on the opinions of representatives of small and medium-sized businesses of the Nizhny Novgorod region, the article identifies and systematizes the main characteristics, including problematic ones, of the level and quality of interaction between representatives of small and medium-sized businesses with economic security and anti-corruption units of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Based on the empirical research data obtained, the types and forms of interaction, ways of their implementation, and a mechanism for assessing the quality of interaction between representatives of small and medium-sized businesses of the Nizhny Novgorod region with economic security and anti-corruption units of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the future are proposed. Among them, the obligation to voluntarily report cases of corruption and economic offenses; to support their employees who informed about the preparation or commission of an economic or corruption offense; to provide legal information to employees on the prevention of corruption and economic offenses; to assist authorized representatives of the units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in conducting inspections of the organization's activities; to support the identification and investigation of corruption, economic crimes and by the units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and to involve specialists in the relevant field of law when preparing responses to requests from law enforcement agencies.

Practical significance: the study results can be used to improve the quality of interaction between representatives of small and medium-sized businesses with the divisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, in particular, by entrepreneurs assuming public obligations to report cases of corruption and economic offenses to law enforcement agencies, which the organization (employees of the organization) became aware of, as well as the implementation of measures to support the employees who reported to law enforcement agencies about information that became known to them during the performance of their work duties about the preparation or commission of an economic or corruption offense.

Keywords: Economic security and anti-corruption units of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Small and medium-sized businesses, Entrepreneurship, Authorities, Corruption, Interaction, Gender

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Glukhova, A. A., Shpilev, D. A. (2021). Interaction of business with the divisions of the Agency for economic safety and corruption counteraction of the Russian Ministry of Internal Affairs (opinion of the small businesses of Nizhny Novgorod region). *Russian Journal of Economics and Law*, 15 (4), 765–787 (in Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.765-787>

Введение

События последних лет в очередной раз показали ту большую роль, которую играет малый и средний бизнес в обеспечении экономической и социальной стабильности в обществе [1]. Речь идет не только о налоговых отчислениях в казну, создании рабочих мест и выплате заработной платы, но и об общем климате в бизнес-среде, способствующем

или препятствующем предпринимательской активности. Подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) способны внести большой вклад в обеспечение баланса между экономическими интересами государства и добросовестных предпринимателей, в защиту предпринимательского сообщества от различных преступных посягательств. Рассмотрению данной темы

посвящена работа Ю. В. Арсентьева, П. И. Иванова и А. В. Солдатов [2].

Стоит отметить, что в современных условиях взаимодействие бизнеса и подразделений ЭБиПК не может осуществляться без использования информационных технологий, которые, кроме всего прочего, необходимы в оперативно-служебной деятельности. Анализ различных информационных ресурсов уделяют внимание В. В. Стрельченко и А. Н. Поздняков [3]. Как известно, одной из главных задач подразделений ЭБиПК является подрыв экономических основ организованной преступности. В этой области сотрудники подразделений ЭБиПК тесно сотрудничают с налоговыми органами. Описанию этой совместной работы посвящено исследование А. Е. Ильина [4, 5]. Серьезным направлением работы подразделений ЭБиПК также является предупреждение и профилактика преступлений в сфере государственного заказа для обеспечения государственных нужд. Эта тема рассматривается в работах И. А. Овчинникова [6] и И. В. Бандориной [7].

Вопросам борьбы с экономическими преступлениями в сфере торговли уделяет внимание Н. Н. Киселев [8–10], с экономическими преступлениями в сфере страхования – Л. В. Мищенко и Н. А. Телицын [11]. В период пандемии коронавируса подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России на региональном уровне столкнулись с необходимостью противодействия новым способам (схемам) совершения хищений бюджетных средств, а также мошенничества в отношении имущества граждан и организаций. Изучению и анализу новых способов совершения преступлений уделяется внимание в статье П. И. Иванова и А. С. Шитова [12]. Таким образом, перед УЭБиПК МВД России в современных условиях постоянно встают новые задачи, требующие скорейшего и эффективного решения, имеющие, кроме того, определенную региональную специфику [13, 14].

Что касается взаимодействия с предпринимателями, то существенной задачей подразделений ЭБиПК является преодоление недоверия, существующего между органами внутренних дел и бизнесменами, проявляющегося, в частности, в отказе предпринимателей заявлять о фактах вымогательства из-за опасения противоправных действий со стороны высокопоставленных должностных лиц, имеющих

коррупционные связи в правоохранительных либо государственных контрольно-надзорных органах. Анализ возможных путей решения этой проблемы посвящена статья А. Д. Нечаева [15]. Способы формирования антикоррупционной атмосферы в современной России с помощью взаимодействия власти и бизнеса на всех уровнях предпринимательской деятельности исследуются в целом ряде работ отечественных авторов [16–18].

Следует отметить, что исследования по коррупционной проблематике активно проводятся и за рубежом. В частности, последствия коррупции для экономики, государства и общества проанализированы в докладе Д. Энсте [19]. Общие тенденции отношения к фактам коррупции в немецком обществе систематизирует профессор Института экономической политики Кельнского университета К. Ватрин [20].

Однако тема организации регулярной и взаимовыгодной совместной работы между представителями малого и среднего бизнеса и сотрудниками подразделений ЭБиПК системно практически не анализируется в отечественной научной литературе, данные актуальных эмпирических замеров отсутствуют. При этом в ближайшее время необходимо запустить механизм качественного взаимодействия представителей малого и среднего бизнеса с подразделениями ЭБиПК, обращая особое внимание на защиту прав предпринимателей, борьбу с недобросовестной конкуренцией и противодействию коррупции.

Результаты исследования

Характеристика выборки. В опросе приняли участие 475 респондентов – предпринимателей, занятых в сфере малого (75 %) и среднего (19 %) бизнеса. Большинство (79 %) проживает в Нижегородской области в следующих районах: Ардамовский – 4 %, Большеболодинский – 6 %, Борский – 6 %, Выксунский – 4 %, Воскресенский – 6 %, Вадский – 4 %, Гагинский – 6 %, Городецкий – 4 %, Дальнеконстантиновский – 4 %, Дивеевский – 3 %, Княгининский – 4 %, Перевозский – 6 %, Починковский – 4 %, Сергачский – 4 %, Семеновский – 6 %, Тоншаевский – 4 %, Уренский – 4 %, Шахунский – 5 %. Только 5 % предпринимателей, принявших участие в опросе, проживают в Нижнем Новгороде (Автозаводский район – 4 %, Ленинский район – 1 %). 12 % респондентов отказались ответить на вопрос о месте своего проживания (табл. 1).

Таблица 1

Социально-демографические характеристики респондентов, %

Table 1. Social-demographic characteristics of the respondents, %

Показатель / Indicator	Характеристики / Characteristics	Выборка / Sample	Мужчины / Men	Женщины / Women
Половозрастные группы / Age and gender groups	18–25 лет / 18–25 y.o.	13	12	15
	26–35 лет / 26–35 y.o.	23	20	26
	36–45 лет / 36–45 y.o.	25	28	21
	46–55 лет / 46–55 y.o.	14	14	15
	56–65 лет / 56–65 y.o.	13	12	16
	66–75 лет / 66–75 y.o.	1	2	1
	76 лет и старше / 76 y.o. and older	0	1	0
Уровень образования / Education level	Неполное среднее / Incomplete secondary	1	1	2
	Среднее общее / Complete secondary	5	6	6
	Среднее специальное / Secondary special	27	28	27
	Неоконченное высшее / Incomplete higher	11	11	11
	Высшее / Higher	46	47	44
Общая численность организации / Number of employees	1–15 чел. / 1–15 people	69	66	74
	16–100 чел. / 16–100 people	23	27	18
	101–250 чел. / 101–250 people	2	2	2
Должность респондентов / Position of the respondent	Собственник, хозяин, владелец / Owner, proprietor	1	3	0
	Индивидуальный предприниматель / Sole proprietor	23	22	28
	Генеральный директор, директор / Director General, director	23	29	13
	Руководитель, начальник, заведующий, глава / Head, executive	17	16	19
	Финансовый директор, бухгалтер, экономист / Finance director, accountant, economist	2	0	4
	Заместитель директора, управляющий, администратор / Deputy director, manager, administrator	3	2	4
	Менеджер, мастер, специалист, товаровед, инженер, служащий / Manager, master, specialist, merchandiser, engineer, clerk	5	4	6
	Рабочий / Worker	2	0	3
	Продавец, уборщица, водитель / Shop assistant, cleaner, driver	1	1	3

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Таким образом, основной возраст предпринимателей составляет от 36 до 45 лет, большинство из них имеют высшее образование и являются директорами

своих предприятий или индивидуальными предпринимателями. Основная численность организаций составляет от 1 до 15 человек (табл. 2).

Таблица 2

Сфера деятельности, форма собственности и время создания организации, %
Table 2. Sphere of activity, form of property and time of foundation of the organization, %

Показатель / Indicator	Характеристики / Characteristics	Выборка / Sample	Мужчины / Men	Женщины / Women
Сфера деятельности / Sphere of activity	Производственная / Production	15	19	9
	Ремесленная и промысловая / Crafts and field	3	3	4
	Сельское хозяйство / Agriculture	13	14	14
	Торговая / Trade	39	39	42
	Финансовая (банковская, кредитная, страховая деятельность) / Finance (banking, credit, insurance activity)	4	4	4
	Консультационная (юриспруденция, психология, социология, маркетинг) / Consulting (law, psychology, sociology, marketing)	2	2	2
	Оказание услуг (бытовые, социальные, образовательные, медицинские, информационные, культура, туризм) / Services (household, social, educational, medical, information, culture, tourism)	21	17	25
	Строительство / Construction	1	1	1
Форма собственности / Form of property	Закрытое акционерное общество (ЗАО) / Close Corporation	3	3	4
	Открытое акционерное общество (ОАО) / Open Corporation	5	6	4
	Общество с ограниченной ответственностью (ООО) / Limited Liability Company	22	25	16
	Государственное унитарное предприятие / State unitary enterprise	1	1	2
	Муниципальное унитарное предприятие / Municipal unitary enterprise	0	0	1
	Предприятие (предприниматель) без образования юридического лица / Enterprise (sole proprietor) without forming a juridical person	51	48	57
	Кооператив / Cooperative	3	3	5
	Крестьянское (фермерское) хозяйство / Farm	11	13	11
Время создания / Time of foundation of the organization	До 1991 г. / before 1991	1	2	2
	1991–1995	2	2	2
	1996–2000	7	10	5
	2001–2005	12	12	13
	2006–2010	18	22	13
	2011–2015	20	18	24
	2016–2020	27	25	29
	2021	0	0	1

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Большинство предпринимателей занимаются торговой деятельностью, среди форм собственности организаций преобладают предприятия без образования юридического лица, большинство из которых основаны в период с 2016 по 2020 г.

Таким образом, большинство представителей малого и среднего бизнеса имеют средний уровень жизни, высокий уровень жизни – только 16 % (табл. 3).

Уровень социального оптимизма предпринимателей. Большинство предпринимателей говорят о том, что их задача на ближайшие 1–2 года – продержаться, остаться хотя бы на нынешнем уровне (44 %). При этом расширять бизнес собираются 27 % предпринимателей, сокращать дело – 12 %, закрывать – 5 %.

Причины, мешающие развитию малого и среднего бизнеса в России. В качестве основных причин, мешающих развитию бизнеса (для оценки было предложено 17 тезисов), предприниматели назвали чрезмерные налоги и сборы, невысокие доходы населения, высокие процентные ставки по кредитам и глобальную неуверенность в своем будущем. Проблема коррупции оказалась в середине списка, а отсутствие взаимодействия между бизнесменами и сотрудниками отделов по борьбе с экономическими преступлениями, слабая судебная система и плохая работа полиции – в самом конце (табл. 4).

Мнение предпринимателей о коррупции. Предприниматели совершенно не согласны с тем, что бороться с коррупцией бессмысленно, что это естественная часть нашей жизни, помогающая людям решать свои проблемы. При этом они уверены в том, что коррупция будет побеждена, если правительство реально захочет бороться с ней, а также в том, что коррупцию можно победить только всем миром. С ней должны бороться и власти, и все граждане. Предприниматели говорят о том, что существующей системы анонимных сообщений недостаточно, для эффективной борьбы с коррупцией необходимы доказательства конкретных фактов коррупции (табл. 5).

Наиболее коррумпированными предприниматели считают органы государственной и муниципальной власти, здравоохранения и образования. Такая сфера, как бизнес, занимает промежуточное положение вместе с сотрудниками полиции. При этом судебная система и подразделения ЭБиПК, по мнению предпринимателей, наименее коррумпированы (табл. 6).

Причины появления и законность действий сотрудников ЭБиПК на предприятии. Предпринимателям был задан вопрос о том, по каким причинам, по их мнению, на предприятии могут появиться сотрудники подразделения ЭБиПК. В качестве основных причин, получивших у бизнесменов максимальный

Таблица 3

Материальное положение семей предпринимателей, %
Table 3. Financial position of the proprietors' families, %

Показатель / Indicator	Характеристики / Characteristics	Выборка / Sample	Мужчины / Men	Женщины / Women
Материальное положение / Financial position	Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать / Enough money to afford anything	16	19	13
	Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей / Purchasing most of the long-term goods (a fridge, a TV) is not a problem	24	28	23
	Денег достаточно для приобретения продуктов питания и одежды, на более крупные покупки приходится откладывать / There is enough money for food and clothes, but we have to save for larger purchases	43	40	47
	Денег хватает только на приобретение продуктов питания / There is enough money for food only	6	4	9
	Денег не всегда хватает даже на приобретение продуктов питания / There is not always enough money even for food	2	2	2

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Таблица 4

Рейтинг причин, мешающих развитию малого и среднего бизнеса в России
Table 4. Ranking of the reasons barring the development of small and middle business in Russia

Тезисы для оценки / Theses for assessment	Коэфф. согласия / Consent coefficient
Чрезмерные налоги и сборы / Excessive taxes and duties	2,48
Невысокие доходы населения / Low incomes of the population	2,47
Высокие процентные ставки по кредитам / High interest rates for credits	2,41
Глобальная неуверенность предпринимателей в своем будущем / Overall lack of confidence of the proprietors in their future	2,28
Необходимость получения массы согласований и разрешений / Need to obtain a lot of permissions and licenses	2,27
Нечеткость законов, дающая возможность их широкого толкования чиновником / Unclear laws enabling their broad interpretation by the officials	2,21
Нестабильность курса национальной валюты / Unstable national currency rate	2,16
Влияние крупных бизнесменов на власть / Impact of large businesspeople on the authorities	2,10
Коррупция в стране / Corruption in the country	2,07
Обилие различных инструкций (постановлений, циркуляров и пр.) / Abundance of various instructions (orders, decrees, etc.)	2,06
Слишком обширное вмешательство государства в экономику и другие сферы жизни / Excessive interference of the state into economy and other spheres	1,93
Давление контролирующих органов, частые проверки / Pressure of supervising bodies, frequent checks	1,92
Ослабленный контроль государства за бизнесом / Weak control of the state over business	1,90
Высокий уровень преступности в стране / High crime rates in the country	1,80
Отсутствие взаимодействия между бизнесменами и сотрудниками отделов по борьбе с экономическими преступлениями / Lack of interaction between businesspeople and representatives of the Agencies for economic crime counteraction	1,73
Слабая судебная система, включая исполнение судебных решений / Weak judicial system, including execution of court decisions	1,70
Плохая работа полиции / Poor performance of the police	1,54

Примечание: Коэффициент согласия высчитывается как среднее арифметическое оценок по 3-балльной шкале, где 1 балл – совсем не мешает, 2 балла – мало мешает, 3 балла – очень мешает.

Note. The consent coefficient was calculated as the mean arithmetic by a 3-point scale, where 1 point means “does not bar at all”, 2 points – “bars a little”, 3 points – “bars a lot”.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Таблица 5

Рейтинг согласия предпринимателей с тезисами о коррупции
Table 5. Ranking of the proprietors' consent with these on corruption

Тезисы для оценки / Theses for assessment	Коэфф. согласия / Consent coefficient
Коррупция будет побеждена, если правительство реально захочет бороться с ней / Corruption can be overcome if the government really wishes to conquer it	1,00
Коррупцию можно победить только всем миром. С ней должны бороться и власти, и все граждане / Corruption can be overcome only by the whole nation. It should be counteracted both by the authorities and all citizens	0,99
Необходимы доказательства конкретных фактов коррупции, анонимных сообщений недостаточно / Evidences of particular corrupt acts are necessary, anonymous information is not enough	0,63

Окончание табл. 5

Тезисы для оценки / Theses for assessment	Коэфф. согласия / Consent coefficient
Органы власти не могут бороться с коррупцией – именно они коррумпированы более всех / Authorities cannot fight corruption – they are the most corrupt of all	0,59
Случаи коррупции вскрываются только тогда, когда взяточник наглеет и запрашивает слишком много / Corruption is revealed only when a briber is impudent and asks for too much	0,59
Система анонимных сообщений о коррупции может дискредитировать честных людей / A system of anonymous reports may discredit honest people	0,55
Трудно сохранить полную анонимность, поэтому система анонимных сообщений вряд ли будет эффективной / It is hard to maintain full anonymity, that is why a system of anonymous reports can hardly be effective	0,40
Коррупционер попадает, если не хочет делиться с вышестоящими начальниками / A corrupt person gets caught if they do not want to share with higher authorities	0,39
В нашей стране необходима практика анонимных сообщений о случаях коррупции по примеру ряда других государств / It is necessary to introduce a practice of anonymous reports about corruption, like in some other countries	0,34
Бороться с коррупцией бессмысленно: это естественная часть нашей жизни, помогающая людям решать свои проблемы / It is useless to fight corruption: it is a natural part of our life which helps people solve their problems	-0,24

Примечание. Коэффициент согласия высчитывается как среднее арифметическое оценок по 5-балльной шкале, где 1 балл – категорически не согласен, 2 балла – скорее не согласен, 3 балла – затрудняюсь ответить, 4 балла – скорее согласен, 5 баллов – совершенно согласен.

Note. The consent coefficient was calculated as the mean arithmetic by a 5-point scale, where 1 point means “completely disagree”, 2 points – “rather disagree”, 3 points – “cannot say”, 4 point means “rather agree”, 5 points – “completely agree”.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Таблица 6

Сферы жизни, в которых, по мнению предпринимателей, наиболее распространена коррупция, %

Table 6. Spheres of life where corruption is most widely spread, in the proprietors' opinion, %

Сферы жизни / Spheres of life	Оценка / Assessment
Органы государственной власти / State authorities	59
Органы муниципальной власти / Municipal authorities	39
Здравоохранение / Healthcare	40
Сфера образования / Education	24
Бизнес, предпринимательство / Business	19
Органы внутренних дел (полиция) / Internal affairs (police)	13
Органы прокуратуры, следствия / Prosecutor's offices, investigation	14
Судебная система / Judicial system	12
Подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции / Agencies for economic safety and corruption counteraction	9

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

коэффициент согласия, были названы: противозаконный характер предпринимательской деятельности, подозрения в мошеннических действиях со стороны фирмы или в нецелевом расходовании средств из госбюджета. Уклонение от таможенных и налоговых платежей оказались в середине рейтинга, как и тезис о желании сотрудников ЭБиПК провести на предприятии разъяснительную и профилактическую работу (табл. 7).

Важно отметить, что предприниматели выразили категорическое несогласие с тезисами о том, что причинами появления на предприятии сотрудников ЭБиПК может быть желание «отжать» бизнес в интересах третьих лиц, затруднить или заблокировать

повседневную деятельность предприятия, решить для другого предприятия задачу по устранению конкурента, а также пожить (заработать) на чужом бизнесе.

Предприниматели уверены в том, что сотрудники ЭБиПК совершенно законно могут производить на предприятии следующие действия: обыск, осмотр помещений, транспорта, выемка документов с признаками подделки, а также серверов. При этом предприниматели сомневаются в том, что такие действия, как блокировка счетов предприятия, закрытие или ликвидация предприятия, а также полная остановка его деятельности сотрудниками ЭБиПК будут являться полностью законными (табл. 8).

Таблица 7

Причины появления на предприятии сотрудников ЭБиПК, %

Table 7. Reasons for the representatives of the Agency for economic safety and corruption counteraction to appear at the enterprise, %

Тезисы для оценки / Theses for assessment	Коэфф. согласия / Consent coefficient
Предпринимательская деятельность носит противозаконный характер / Entrepreneurial activity is illegal	1,05
Фирма подозревается в мошенничестве / The company is suspected in fraud	0,96
Фирма подозревается в нецелевом расходовании средств из госбюджета / The company is suspected in irrelevant spending of the state budget	0,79
Предприниматель легализует денежные средства или имущество, полученные преступным (незаконным) путем / The businessperson legalizes the money or property obtained illegally	0,74
Фирма незаконно использует товарный знак / The company illegally uses a trademark	0,71
Фирма незаконно получила кредит / The company has obtained a credit illegally	0,67
Предприниматель осуществляет фиктивное или преднамеренное банкротство / The businessperson is implementing a fictitious or intended bankruptcy	0,64
Предприниматель уклоняется от уплаты таможенных платежей / The businessperson evades customs duties	0,58
Предприниматель уклоняется от уплаты налогов / The businessperson evades taxes	0,55
Сотрудники ЭБиПК хотят провести на предприятии разъяснительную и профилактическую работу / The Agency for economic safety and corruption counteraction performs explanatory and preventive work	0,44
Предприниматель уклоняется от погашения кредита / The businessperson evades paying credit	0,41
При получении жалобы от покупателя, которому был продан некачественный продукт / After a complaint of a client who purchased a low quality product	0,36
Из-за анонимного телефонного звонка / Because of an anonymous phone call	0,32
Сфера деятельности предприятия потенциально связана с экономической преступностью, например, строительство, общественное питание, сотовая связь / The company's activity is potentially linked with economic crime, for example, construction, catering, cellular communications	0,25
Предприятие находится в районе, в котором сложилась криминальная ситуация: кражи, теракты, бандитизм / The company is located in a district with criminality: thefts, terrorism, banditry	0,19
Сотрудники ЭБиПК хотят обеспечить экономическую безопасность предпринимателя / The Agency for economic safety and corruption counteraction wants to ensure economic safety of the entrepreneur	0,05

Окончание табл. 7

Тезисы для оценки / Theses for assessment	Коэфф. согласия / Consent coefficient
Для привлечения к сотрудничеству руководства фирмы с целью получения информации о недобросовестных «коллегам» / To establish cooperation with the company's administration to get information about dishonest "colleagues"	-0,19
Представление патронажа предпринимателям за вознаграждение / Providing patronage for entrepreneurs for a fee	-0,68
Нечистые на руку правоохранители хотят поживиться (заработать) на чужом бизнесе / Dishonest law enforcers want to get advantage from someone else's business	-0,76
Другим предприятием решается задача по устранению конкурентов / Another company is solving the task of eliminating competitors	-0,76
Сотрудники ЭБиПК хотят затруднить или блокировать повседневную деятельность предприятия / The Agency for economic safety and corruption counteraction wants to impede or block the company's everyday activity	-0,85
Сотрудники ЭБиПК хотят «отжать» бизнес в интересах третьих лиц / The Agency for economic safety and corruption counteraction wants to raid the company to the advantage of the third persons	-1,06

Примечание. Коэффициент согласия высчитывается как среднее арифметическое оценок по 5-балльной шкале, где 1 балл – категорически не согласен, 2 балла – скорее не согласен, 3 балла – затрудняюсь ответить, 4 балла – скорее согласен, 5 баллов – совершенно согласен.

Note. The consent coefficient was calculated as the mean arithmetic by a 5-point scale, where 1 point means “completely disagree”, 2 points – “rather disagree”, 3 points – “cannot say”, 4 point means “rather agree”, 5 points – “completely agree”.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Таблица 8

Оценка законности действий сотрудников ЭБиПК на предприятии, %
Table 8. Assessment of the lawfulness of actions of representatives of the Agency for economic safety and corruption counteraction at the enterprise, %

Действие / Action	Оценка / Assessment
Обыск / Search	48
Осмотр помещений, транспорта / Inspection of the premises, transport	42
Изъятие документов с признаками подделки / Withdrawal of documents with the signs of a fake	41
Опросы и допросы в различных статусах / Questioning and interrogations in various statuses	40
Выемка документов и серверов / Withdrawal of documents and servers	33
Изъятие ограниченных в обороте вещей, если на них не имеется специального разрешения / Withdrawal of the restricted circulation items, if lacking special permission	27
Использование технических средств для аудиозаписи, видео- и фотофиксации / Using technical devices for audio-, video- and photo-recording	22
Блокировка счетов предприятия / Blocking the company's accounts	17
Закрытие и ликвидация предприятия / Closure and liquidation of the company	10
Полная остановка деятельности предприятия / Completely stopping the company's activity	9

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Самоидентификация предпринимателей. Предприниматели идентифицируют сами себя как людей, много работающих, при этом работающих на себя, а не на дядю, людей, которые несут ответственность перед своими сотрудниками и удовлетворяющих потребности других людей, а также общества в целом. При этом предприниматели частично не согласны с тем, что бизнесмены (малый и средний бизнес) в нашей стране зарабатывают много денег, обладают обширными знаниями, а также обладают какой-либо серьезной властью.

Важно, что предприниматели не относят себя к мало работающим людям, получающим пассивный доход. Кроме того, предприниматели осознают, что имеющихся у них знаний недостаточно, что говорит о необходимости продолжать развитие бизнес-образования у нас в стране (табл. 9).

Предприниматели максимально уверены в том, что при принятии бизнес-решений они должны, прежде всего, исходить из экономической логики, а не из этических соображений. При этом основной задачей бизнеса является, по их мнению, ответственное отношение к своим клиентам и своей деятельности в целом, ведение дела в рамках закона. А вот реализацию социальных программ большинство бизнесменов считает пустой тратой ресурсов. Но в общем и целом усиленно помогать развитию своего региона

бизнесмены принципиально не отказываются. Тезис о совместной работе предпринимателей и сотрудников подразделений ЭБиПК по реализации программ по обеспечению безопасности бизнеса, профилактике экономической преступности поддерживает только половина опрошенных бизнесменов (табл. 10).

Оценка предпринимателями условий для ведения бизнеса в нашей стране. Интересно, что условия для ведения бизнеса в нашей стране очень плохими считают только 5 % предпринимателей, плохими – 22 %. Соответственно, хорошими – 15 %, очень хорошими – 1 %. Таким образом, потенциал для создания благоприятных условий для малого и среднего бизнеса в нашей стране далеко не исчерпан.

Предприниматели считают, что в настоящий момент времени чаще всего им приходится давать взятки представителям местной власти, санитарной службе, пожарной инспекции (МЧС) и налоговой службе. Криминальные структуры заняли в этом рейтинге среднее положение, полиция и суды (арбитраж) – предпоследнее, сотрудники подразделений ЭБиПК – последнее (табл. 11).

Только 3 % предпринимателей пожаловались на проведение внеплановых проверок почти каждый месяц, раз в квартал – 11 %. У 29 % опрошенных предпринимателей таких проверок вообще никогда не было, у 24 % были только раз в год, 18 % – 2–3 раза за год.

Таблица 9

Самоидентификация предпринимателей, %
Table 9. Self-identification of proprietors, %

Предприниматель / A proprietor is	Оценка / Assessment
Человек, работающий на себя, а не на дядю / A person working for oneself, not for other people	56
Человек, который много работает / A person who works a lot	43
Человек, несущий ответственность перед своими сотрудниками / A person bearing liabilities to their employees	32
Человек, удовлетворяющий потребности других людей / A person who satisfies the needs of other people	28
Человек, несущий ответственность перед обществом / A person bearing liabilities to the society	22
Человек, определяющий свой образ жизни / A person who determines his or her life style	19
Человек, зарабатывающий и имеющий много денег / A person earning and having a lot of money	10
Человек, обладающий обширными знаниями / A person having broad knowledge	10
Человек, который мало работает и получает пассивный доход / A person who works little and gets a passive income	6
Человек, обладающий властью / A person having power	3

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Таблица 10

Оценка предпринимателями своих обязанностей перед государством и обществом

Table 10. Assessment by businesspeople of their liabilities to the state and the society

Тезисы для оценки / Theses for assessment	Коэфф. согласия / Consent coefficient
При принятии бизнес-решений предприниматель должен, прежде всего, исходить из экономической логики, а не из этических соображений / When making business decisions, a businessperson must follow, first of all, economy logic, not ethical conceptions	0,50
Задача бизнеса – ответственно относиться к своим клиентам и своей деятельности в целом, действовать в рамках закона, а реализация социальных программ – это пустая трата ресурсов / The task of business is to responsibly treat their clients and business activity in general, to act lawfully, while implementation of social programs is a waste of resources	0,48
Предприниматели должны помогать развитию региона своего присутствия (местного сообщества) / Businesspeople must help to develop the region where they work (the local community)	0,46
Предприниматели вместе с сотрудниками подразделений ЭБиПК должны разрабатывать программы по обеспечению безопасности бизнеса, участвовать в мероприятиях, обеспечивающих профилактику экономической преступности / Businesspeople, together with the staff of the Agency for economic safety and corruption counteraction, must develop programs for ensuring	0,46
Предприниматели должны принимать на работу представителей социально незащищенных групп (например, создавать рабочие места для инвалидов) / Businesspeople must hire people from socially unprotected groups (for example, create working places for the disabled)	0,43
Предприниматели должны предоставлять льготы и дополнительные услуги отдельным целевым категориям населения (школьникам, пенсионерам, инвалидам) / Businesspeople must provide bonuses and additional services to certain categories of the population (schoolchildren, pensioners, the disabled)	0,43
Предприниматели, бизнесмены должны наряду с государством и общественными организациями участвовать в решении острых социальных проблем / Businesspeople must participate in solving acute social problems together with state and public organizations	0,25
Прибыль от деятельности предприятия должна хотя бы частично направляться на развитие или на социальные программы, а не исключительно на выплату дивидендов владельцам бизнеса / The income of a company must be partially forwarded to development or to social programs, not solely to paying dividends to the owners	0,08
Предприниматели должны направлять полученную прибыль на развитие и реализацию социальных идей, проектов, решение социальных проблем / Businesspeople must forward their income to development and to implementation of social ideas, projects, to solve social problems	-0,18
Предприниматели должны налаживать связи и заключать договоры не только с коммерческими, но и некоммерческими организациями (НКО), оказывать им финансовую поддержку / Businesspeople must establish connections and sign contracts not only with commercial but also nonprofit organizations, to render financial assistance to them	-0,22

Примечание. Коэффициент согласия высчитывается как среднее арифметическое оценок по 5-балльной шкале, где 1 балл – категорически не согласен, 2 балла – скорее не согласен, 3 балла – затрудняюсь ответить, 4 балла – скорее согласен, 5 баллов – совершенно согласен.

Note. The consent coefficient was calculated as the mean arithmetic by a 5-point scale, where 1 point means “completely disagree”, 2 points – “rather disagree”, 3 points – “cannot say”, 4 point means “rather agree”, 5 points – “completely agree”.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Таблица 11

Рейтинг инстанций, которым необходимо давать взятки в настоящее время

Table 11. Ranking of the agencies to which one has to pay bribes today

Тезисы для оценки / Theses for assessment	Коэфф. согласия / Consent coefficient
Представителям местной власти / Local authorities	1,44
Санитарной службе / Sanitary agency	1,41
Пожарной инспекции (МЧС) / Firefighting agency	1,40
Налоговым органам / Taxation agencies	1,39
Откаты оптовикам / Kickbacks to wholesalers	1,38
Вынужденная благотворительность / Forced charity	1,36

Окончание табл. 11

Тезисы для оценки / Theses for assessment	Коэфф. согласия / Consent coefficient
Органам сертификации и лицензирования / Certification and licensing bodies	1,35
Криминальным структурам / Criminal structures	1,30
Откаты потребителям / Kickbacks to clients	1,30
Полицейским / Police	1,27
Организаторам выставок (ярмарок) / Hosts of exhibitions (fairs)	1,24
Организациям энергоснабжения / Energy supplying organizations	1,24
Судам (арбитражу) / Courts (arbitrage)	1,23
Сотрудникам подразделений ЭБиПК / Staff of the Agencies for economic safety and corruption counteraction	1,19

Примечание. Коэффициент согласия высчитывается как среднее арифметическое оценок по 3-балльной шкале, где 1 балл – никогда, 2 балла – иногда, 3 балла – чаще всего.

Note. The consent coefficient was calculated as the mean arithmetic by a 3-point scale, where 1 point means “never”, 2 points – “sometimes”, 3 points – “most often”.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Таблица 12

Факторы, повышающие конкурентоспособность, %

Table 12. Factors increasing competitiveness, %

Тезисы для оценки / Theses for assessment	Коэфф. согласия / Consent coefficient
Высокое качество выпускаемой продукции, предоставляемых услуг / High quality of the goods produced and services rendered	41
Доверительные отношения с клиентами / Trustful relations with clients	39
Грамотное продвижение продукта / Efficient promotion of product	35
Доверительные отношения с поставщиками / Trustful relations with suppliers	29
Обучение персонала / Training of personnel	29
Уникальность выпускаемой продукции, предоставляемых услуг / Unique goods produced and services rendered	28
Партнерские отношения с другими участниками рынка / Partnership relations with other market participants	25
Низкие издержки / Low costs	18
Покупка технологий, ноу-хау / Buying technologies, know-how	15
Покупка машин и оборудования / Buying machines and equipment	9
Партнерские отношения с органами власти / Partnership relations with authorities	8
Партнерские отношения с правоохранительными органами / Partnership relations with law enforcers	7

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Очень высокой конкуренцию на своем целевом рынке считают 16 % бизнесменов, умеренной – 39 %, слабой – 9 %. В полном отсутствии конкуренции признались только 5 % предпринимателей.

Больше всего, по мнению предпринимателей, конкурентоспособность их фирм могут повысить высокое качество выпускаемой продукции и предоставляемых услуг, доверительные отношения с клиентами и грамотное продвижение продукции. Партнерское отношение с органами власти и с правоохранительными органами заняли последние места в рейтинге (табл. 12).

Сравнение мнений представителей малого и среднего бизнеса. Прежде всего, стоит обратить внимание на различия, существующие в планах предпринимателей на ближайшие один-два года. Так, большинство представителей среднего бизнеса думают о расширении своего бизнеса, большинство представителей малого бизнеса – о том, чтобы продержаться, остаться хотя бы на нынешнем уровне.

Больше всего развитию малого предпринимательства мешают (в порядке убывания) невысокие доходы населения, чрезмерные налоги и сборы, высокие процентные ставки по кредитам и глобальная неуверенность предпринимателей в своем будущем.

Развитию среднего предпринимательства мешают, прежде всего, влияние крупных бизнесменов на власть, давление контролирующих органов и частые проверки, ослабленный контроль государства за бизнесом, высокий уровень преступности в стране, отсутствие взаимодействия между бизнесменами и сотрудниками отделов по борьбе с экономическими преступлениями, слабая судебная система, включая исполнение судебных решений, плохая работа полиции.

Таким образом, в сотрудничестве с подразделениями ЭБиПК в большей степени заинтересованы представители среднего бизнеса.

Наибольшую заинтересованность в борьбе с коррупцией выказывают представители малого бизнеса, которые максимально уверены в том, что органы власти не могут бороться с коррупцией, так как именно они коррумпированы более всех.

Представители среднего бизнеса, напротив, считают, что коррупцию можно победить только при помощи коллективных усилий власти и граждан, в том случае, если правительство реально захочет бороться

с ней. Кроме того, представители среднего бизнеса говорят о том, что случаи коррупции вскрываются только тогда, когда взяточник наглеет и запрашивает слишком много или когда коррупционер не хочет делиться с вышестоящими начальниками, именно поэтому для доказательства конкретных фактов коррупции одних анонимных сообщений недостаточно. И вообще, система анонимных сообщений о коррупции может дискредитировать честных людей, да и полную анонимность сохранить практически невозможно. При этом данная категория бизнесменов не отвергает полезность системы анонимных сообщений полностью.

Малые предприниматели уверены, что причиной появления на предприятии сотрудников подразделений ЭБиПК может быть легализация предпринимателем денежных средств или имущества, полученных преступным (незаконным) путем, а также сама сфера деятельности предприятия, потенциально связанная с экономической преступностью, например, строительство, общественное питание, сотовая связь. При этом они в большей степени не согласны с тем, что причиной появления на предприятии сотрудников подразделений ЭБиПК является попытка привлечения к сотрудничеству руководства фирмы с целью получения информации о недобросовестных коллегах, а также стремление затруднить или заблокировать повседневную деятельность предприятия.

Представители среднего бизнеса считают, что причинами появления на предприятии сотрудников подразделений ЭБиПК может быть незаконное использование фирмой товарного знака, уклонение предпринимателя от уплаты налогов или погашения кредита, а также желание сотрудников ЭБиПК обеспечить экономическую безопасность предпринимателя. В большей степени, чем их коллеги из малого бизнеса, они отрицают такую причину появления сотрудников, как решение другим предпринимателем задачи по устранению конкурентов.

Представители малого бизнеса уверены в том, что сотрудники ЭБиПК могут производить на предприятии такие законные действия, как блокировка счетов предприятия. Представители среднего бизнеса, в свою очередь, выделяют такие действия, как обыск, выемка ограниченных в обороте вещей, если на них не имеется специального разрешения, а также полную остановку деятельности предприятия.

В вопросе о самоидентификации предпринимателя представители малого бизнеса особое внимание уделяют таким моментам, как работа на себя, а не на дядю, а также выполнение предпринимателем большого объема работы.

Представители среднего бизнеса в большей степени уверены в том, что в нашей стране созданы хорошие условия для предпринимательской деятельности. Представители малого бизнеса испытали значительные затруднения при оценке условий, созданных для ведения бизнеса в нашей стране.

Представители малого бизнеса в большинстве случаев вынуждены давать взятки пожарной инспекции (МЧС), а среднего бизнеса – организаторам выставок (ярмарок) и судам (арбитражу). При этом у малых предпринимателей незапланированных проверок или не бывает совсем, или они проходят один раз в год. У среднего бизнеса – раз в квартал.

Представители среднего бизнеса больше, чем малые предприниматели, не согласны с тем, что они должны направлять полученную прибыль на развитие и реализацию социальных идей, проектов, решение социальных проблем. При этом они соглашались предоставлять льготы и дополнительные услуги отдельным целевым категориям населения (школьникам, пенсионерам, инвалидам). Малые предприниматели, в свою очередь, уверены в том, что задача бизнеса – ответственно относиться к своим клиентам и своей деятельности в целом, действовать в рамках закона, а реализация социальных программ – это пустая трата ресурсов. Ведь предприниматель при принятии бизнес-решений должен, прежде всего, исходить из экономической логики, а не из этических соображений. При этом, по их мнению, предприниматели по мере сил должны помогать развитию региона своего присутствия (местного сообщества). Интересно, что малые предприниматели, по сравнению с представителями среднего бизнеса, выразили большую готовность вместе с сотрудниками подразделений ЭБиПК разрабатывать программы по обеспечению безопасности бизнеса, участвовать в мероприятиях, обеспечивающих профилактику экономической преступности.

При оценке сфер жизни с наибольшим распространением коррупции представители малого бизнеса выделили здравоохранение, представители среднего – бизнес и предпринимательство.

Представители малого бизнеса считают конкуренцию на своих целевых рынках как высокой, так и умеренной. Представители среднего бизнеса – слабой. Однако большинство из них испытали затруднения при ответе на данный вопрос.

Среди главных факторов повышения конкурентоспособности малые предприниматели особо выделили низкие издержки, доверительные отношения с клиентами, высокое качество и уникальность выпускаемой продукции, предоставляемых услуг. Представители среднего бизнеса подчеркнули лишь партнерские отношения с органами власти.

Что касается формы собственности организации, то у представителей малого бизнеса преобладает такая форма, как предприятие (предприниматель) без образования юридического лица, у представителей среднего – общество с ограниченной ответственностью (ООО), открытое акционерное общество (ОАО) и кооперативы.

По сферам деятельности организаций у малого бизнеса преобладают торговля и оказание услуг, у среднего – сельское хозяйство и производство.

По дате создания организаций в малом бизнесе преобладают 2016–2020 гг., в среднем – 2001–2005 гг.

В малом бизнесе преобладают организации численностью от 1 до 15 человек, в среднем – от 16 до 100 человек.

Среди опрошенных представителей малого бизнеса преобладают индивидуальные предприниматели и руководители, начальники, заведующие, в среднем бизнесе – генеральные директора и директора.

Среди малых предпринимателей также больше женщин. Существенных различий по возрастным группам обоих типов предпринимателей не зафиксировано, как и по уровню их образования.

Большинство представителей малого бизнеса имеют невысокий уровень жизни – денег хватает на еду и одежду, на остальное приходится копить. Средний бизнес чувствует себя несколько лучше – они могут приобретать бытовые товары длительного пользования (стиральная машина, телевизор и т. д.) без предварительной экономии денежных средств. Есть также и те, кто может ни в чем себе не отказывать.

Поселенческие различия у представителей малого и среднего бизнеса. Большинство представителей малого бизнеса работают в городах. Представители среднего бизнеса в равных долях распределены по

городам и иным населенным пунктам (областным районам).

У бизнесменов, работающих в области, основная задача на ближайшие 1–2 года заключается в том, чтобы продержаться, остаться хотя бы на нынешнем уровне. У бизнесменов, работающих в городе, – расширить дело.

Предпринимателям, работающим в городе, развивать бизнес мешают (в порядке убывания): необходимость получения массы согласований и разрешений, давление контролирующих органов, частые проверки, отсутствие взаимодействия между бизнесменами и сотрудниками отделов по борьбе с экономическими преступлениями, слабая судебная система, включая исполнение судебных решений, а также плохая работа полиции.

Предпринимателям, работающим в области, развивать бизнес мешают невысокие доходы населения, высокие процентные ставки по кредитам, глобальная неуверенность предпринимателей в своем будущем, нечеткость законов, дающая возможность их широкого толкования чиновником, нестабильность курса национальной валюты, влияние крупных бизнесменов на власть, а также высокий уровень преступности в стране.

Таким образом, в сотрудничестве с подразделениями ЭБиПК больше заинтересованы бизнесмены, работающие как в самом Нижнем Новгороде, так и в районных центрах Нижегородского региона.

По сравнению со своими коллегами из области городские предприниматели категорически не согласны с тем, что коррупционер попадает, если не хочет делиться с вышестоящими начальниками, что случаи коррупции вскрываются только тогда, когда взяточник нагнет и запрашивает слишком много, что в нашей стране необходима практика анонимных сообщений о случаях коррупции по примеру ряда других государств. При этом они также не согласны и с тем, что органы власти не могут бороться с коррупцией, так как именно они коррумпированы более всех, и с тем, что система анонимных сообщений о коррупции может дискредитировать честных людей.

Предприниматели, работающие в области, согласны с тезисом о том, что необходимы доказательства конкретных фактов коррупции, анонимных сообщений недостаточно. Городские бизнесмены в этом отношении настроены скептически.

Предприниматели, работающие в области, уверены в том, что коррупцию можно победить только всем миром, с ней должны бороться и власти, и все граждане. Они считают, что коррупция будет побеждена, если правительство реально захочет бороться с ней. Из-за невозможности сохранить анонимность бизнесмены из области не уверены в эффективности системы анонимных сообщений. Объясняется это тем, что население городов атомизировано, люди, как правило, не знакомы друг с другом лично. А вот в области, где население обычно неплохо знает друг друга, нарушение анонимности сообщений о коррупции может привести к неприятным последствиям.

Наиболее коррумпированной сферой общественной жизни предприниматели из области считают здравоохранение. Городские предприниматели на первое место ставят органы муниципальной власти, на второе – бизнес и предпринимательство, на третье – органы прокуратуры, следствия. Четвертое место делят между собой органы внутренних дел (полиция), судебная система и подразделения ЭБиПК.

При оценке причин появления на предприятии сотрудников подразделений ЭБиПК наибольшее разногласие у предпринимателей города и области вызвали несколько тезисов. Так, городские бизнесмены категорически не согласны с тем, что причиной появления сотрудников подразделений ЭБиПК могут быть расположение предприятия в районе, в котором сложилась криминогенная ситуация: кражи, теракты, бандитизм; получение жалобы от покупателя, которому был продан некачественный продукт; проведение на предприятии разъяснительной и профилактической работы, а также обеспечение экономической безопасности предприятия.

В свою очередь, областные бизнесмены отказываются считать серьезными такие причины, как решение другим предприятием задачи по устранению конкурентов, а также желание нечистых на руку правоохранителей поживиться (заработать) на чужом бизнесе, затруднить или заблокировать деятельность предприятия.

Уважительными причинами для появления на предприятии сотрудников подразделений ЭБиПК городские предприниматели считают осуществление предпринимателем фиктивного или преднамеренного банкротства, наличие подозрений в нецелевом расходовании средств из госбюджета, уклонение от уплаты налогов и незаконное получение кредита.

Областные предприниматели среди уважительных причин выделяют легализацию денежных средств или имущества, полученных преступным (незаконным) путем, незаконное использование товарного знака, уклонение от уплаты таможенных платежей и от уплаты кредита.

Городские предприниматели считают, что сотрудники ЭБиПК могут законно производить на предприятии выемку документов с признаками подделки, изымать ограниченные в обороте вещи, если на них не имеется специального разрешения, блокировать счета предприятия, использовать технические средства для аудиозаписи, видео- и фотофиксации, а также закрывать и ликвидировать предприятие.

Областные предприниматели уверены в том, что сотрудники ЭБиПК имеют право производить обыск, осматривать помещения и транспорт, проводить опросы и допросы в различных статусах.

Для бизнесменов из области предприниматель ассоциируется с большим количеством работы, которую он выполняет. У городских бизнесменов круг ассоциаций значительно шире. Для них предприниматель – это человек, который работает на себя, несет ответственность перед обществом, удовлетворяет потребности других людей, обладает обширными знаниями. Не отказываются городские предприниматели и от такой характеристики, как возможность получать пассивный доход при минимальных усилиях со своей стороны. У областных бизнесменов, напротив, именно этот тезис получил минимальную поддержку.

Значительных различий в оценке условий, созданных для ведения бизнеса в нашей стране, между городскими и областными предпринимателями не зафиксировано. Бизнесмены из области считают эти условия чуть более хорошими по сравнению с городскими бизнесменами.

Предпринимателям, работающим в городе, приходится чаще давать взятки. В первую очередь представителям местной власти. Затем пожарной инспекции (МЧС), санитарной службе и налоговым органам. Областные предприниматели чаще дают взятки только в форме откатов оптовикам.

Внеплановые проверки у областных предпринимателей бывают раз в год, у городских – два-три раза в год.

Что касается готовности участвовать в социальных программах, то предприниматели из области считают

это пустой тратой времени. Они категорически не согласны с тем, что должны налаживать связи и заключать договоры не только с коммерческими, но и некоммерческими организациями (НКО), оказывать им финансовую поддержку, а также направлять полученную прибыль на развитие и реализацию социальных идей, проектов, решение социальных проблем. При этом они готовы ответственно относиться к своим клиентам и своей деятельности в целом, действовать в рамках закона.

Городские бизнесмены в значительно большей степени готовы наряду с государством и общественными организациями участвовать в решении острых социальных проблем, принимать на работу представителей социально незащищенных групп (например, создавать рабочие места для инвалидов), вместе с сотрудниками подразделений ЭБиПК разрабатывать программы по обеспечению безопасности бизнеса, участвовать в мероприятиях, обеспечивающих профилактику, а также помогать развитию региона своего присутствия (местного сообщества). Таким образом, готовность к сотрудничеству с подразделениями ЭБиПК у городских предпринимателей выше.

Городские предприниматели считают конкуренцию на своем целевом рынке высокой, областные – умеренной.

Для повышения конкурентоспособности областные предприниматели считают особенно важным выпускать уникальную продукцию или представлять уникальные услуги, а также наладить партнерские отношения с другими участниками рынка.

Для городских предпринимателей в этом плане особенно важно высокое качество выпускаемой продукции и предоставляемых услуг, грамотное продвижение продукта, обучение персонала, а также наличие доверительных отношений с клиентами.

Кроме того, для бизнесменов, работающих в городе, по сравнению с их коллегами из области также большое значение имеют покупка машин и оборудования, построение партнерских отношений с правоохранительными органами и органами власти.

По форме собственности организаций у городских бизнесменов преобладает общество с ограниченной ответственностью (ООО), у областных – предприятие (предприниматель) без образования юридического лица.

По сферам деятельности организаций в городе преобладают оказание услуг (бытовые, социальные,

образовательные, медицинские, информационные, культура, туризм) и производство, в области – сельскохозяйственное хозяйство и торговля.

Большинство городских предприятий было создано в период с 2006 по 2010 г., областных – с 2016 по 2020 г.

Преобладающая численность организаций в городе – 1–15 человек, в области – 16–100 человек.

Среди областных предпринимателей значительно больше женщин. В области также больше предпринимателей в возрасте от 46 до 65 лет.

В городе больше предпринимателей с высшим образованием, в области – со средним специальным и неоконченным высшим.

Значительных различий по уровню жизни городских и областных предпринимателей не выявлено.

Гендерные различия у представителей малого и среднего бизнеса. По уровню развития бизнеса и планов в отношении него на ближайшие 1–2 года существенных гендерных различий не зафиксировано.

У мужчин развитию бизнеса больше мешают давление контролирующих органов, частые проверки, у женщин – невысокие доходы населения, чрезмерные налоги и сборы, глобальная неуверенность предпринимателей в своем будущем и коррупция в стране.

Мужчины больше, чем женщины, не согласны с тем, что бороться с коррупцией бессмысленно, что она естественная часть нашей жизни, помогающая людям решать свои проблемы. Женщины, в свою очередь, уверены в том, что органы власти не могут бороться с коррупцией, так как именно они коррумпированы более всех, а также в том, что случаи коррупции вскрываются только тогда, когда взяточник наглеет и запрашивает слишком много. Мужчины больше убеждены в коррумпированности органов внутренних дел (полиции) и органов прокуратуры, следствия.

При оценке причин появления на предприятии сотрудников подразделения ЭБиПК мужчины радикальнее женщин отвергают такие, как желание нечистых на руку правоохранителей поживиться (заработать) на чужом бизнесе, представление патронажа предпринимателям за вознаграждение и стремление сотрудников ЭБиПК «отжать» бизнес в интересах третьих лиц. Женщины, в свою очередь, радикально отвергают такую причину, как желание сотрудников ЭБиПК затруднить или заблокировать повседневную деятельность предприятия.

К числу законных оснований появления сотрудников ЭБиПК женщины относят желание сотрудников ЭБиПК провести на предприятии разъяснительную и профилактическую работу, получение жалобы от покупателя, которому был продан некачественный продукт, а также потенциальную связь сферы деятельности предприятия с экономической преступностью, например, строительство, общественное питание, сотовая связь.

У мужчин к таким причинам относятся противозаконный характер предпринимательской деятельности, подозрение фирмы в мошенничестве или в нецелевом расходовании средств из госбюджета, а также легализация денежных средств или имущества, полученных преступным (незаконным) путем. Кроме того, предприниматели-мужчины считают, что сотрудники подразделений ЭБиПК могут законно появиться на предприятии с целью обыска.

Для мужчин предприниматель – это человек, который много работает и несет ответственность перед обществом. Для женщин это человек, удовлетворяющий потребности других людей.

По сравнению с предпринимателями-женщинами предприниматели-мужчины считают, что им часто приходится давать взятки представителям местной власти, налоговым органам и пожарной инспекции (МЧС).

При оценке согласия участвовать в социальных проектах и инициативах предприниматели-мужчины подчеркнули, что решения в бизнесе должны приниматься на основе экономической рациональности, а этические соображения носят второстепенный характер. Это означает, что, по мнению данной группы респондентов, предприниматели не должны использовать полученную прибыль для реализации социальных проектов и решения социальных проблем.

Предприниматели-женщины не согласны с тем, что должны налаживать связи и заключать договоры не только с коммерческими, но и некоммерческими организациями (НКО), оказывать им финансовую поддержку. При этом больше, чем мужчины, они согласны с тем, что предприниматели вместе с сотрудниками подразделений ЭБиПК должны разрабатывать программы по обеспечению безопасности бизнеса, участвовать в мероприятиях, обеспечивающих профилактику, а также с тем, что предприниматели должны предоставлять льготы и дополнительные услуги отдельным целевым категориям населения.

(школьникам, пенсионерам, инвалидам). Таким образом, предприниматели-женщины больше готовы к участию в различных социальных инициативах, а также к сотрудничеству с подразделениями ЭБиПК.

Среди факторов повышения конкурентоспособности женщины выделяют уникальность выпускаемой продукции, предоставляемых услуг, а мужчины – высокое качество выпускаемой продукции и предоставляемых услуг, доверительные отношения с клиентами и покупку машин и оборудования.

По форме собственности организации у предпринимателей-женщин преобладает предприятие (предприниматель) без образования юридического лица, у предпринимателей-мужчин – общество с ограниченной ответственностью (ООО).

Мужчины больше занимаются производством, женщины – оказанием услуг (бытовые, социальные, образовательные, медицинские, информационные, культура, туризм) и торговлей.

Большинство предприятий было создано мужчинами в период с 2006 по 2010 г., женщинами – с 2011 по 2015 г. и с 2016 по 2020 г.

У женщин больше организаций численностью 1–15 человек, у мужчин – 16–100 человек.

Среди должностей у мужчин преобладают генеральные директора, директора. У женщин – индивидуальные предприниматели и различные руководители.

У мужчин преобладает возрастная группа 36–45 лет, у женщин – 26–35 лет.

Выводы

Таким образом, одним из важных показателей уровня доверия представителей малого и среднего бизнеса подразделениям ЭБиПК МВД России является обеспечение плодотворного сотрудничества с ними, которое возможно реализовать в рамках нескольких направлений:

1. Малые предприниматели могут взять на себя обязательство добровольно и незамедлительно сообщать о случаях коррупции и об экономических правонарушениях (совершенных работниками организации) в подразделения ЭБиПК МВД России.

2. Бизнес должен поддерживать своих сотрудников, сообщивших в подразделения ЭБиПК МВД России о ставшей им известной в ходе выполнения трудовых обязанностей информации о подготовке

или совершении экономического или коррупционного правонарушения.

3. Проводить правовое информирование сотрудников малого и среднего бизнеса по вопросам предупреждения коррупционных и экономических правонарушений. Так, организации (представители) имеют возможность обращаться в Следственный комитет Российской Федерации и его территориальные органы, в подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации. Потому что одной из задач подразделений ЭБиПК МВД России является организация предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений экономической и коррупционной направленности, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. В случае если сообщение о фактах коррупции касается непосредственно системы МВД России, организациям рекомендуется обращаться в территориальные подразделения собственной безопасности Министерства внутренних дел Российской Федерации.

4. Представители малого и среднего бизнеса имеют возможность сотрудничества с подразделениями ЭБиПК МВД России по вопросам оказания содействия уполномоченным представителям вышестоящих подразделений при проведении ими инспекционных проверок деятельности организации.

5. Малому и среднему бизнесу следует оказывать поддержку в выявлении и расследовании подразделениями ЭБиПК МВД России фактов коррупции, экономических преступлений и при подготовке ответов на запросы правоохранительных органов рекомендуется привлекать к данной работе специалистов в соответствующей области права.

Таким образом, уровень доверия представителей малого и среднего бизнеса к деятельности подразделений ЭБиПК МВД России должен обуславливаться, прежде всего, приверженностью организации высоким стандартам ведения бизнеса. Повышение информированности своих сотрудников об антикоррупционной политике государства, о существующих подходах к выстраиванию законопослушной политики с подразделениями ЭБиПК МВД России и формирование культуры нулевой терпимости к коррупции как в обществе в целом, так и в отдельных секторах экономики или для отдельных хозяйствующих субъектов (для субъектов малого и среднего предпринимательства).

Список литературы

1. Нефедов В. А. Роль микро-, малых и средних предприятий в обеспечении экономической безопасности России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 4 (36). С. 229–235.
2. Деятельность подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, их задачи и функции в защите интересов добросовестных предпринимателей / Ю. В. Арсентьев, П. И. Иванов, А. В. Солдатов // Безопасность бизнеса. № 2. 2020. С. 34–40.
3. Стрельченко В. В., Поздняков А. Н. О роли информационных ресурсов в деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции системы Министерства внутренних дел Российской Федерации // Закон и право. 2020. № 9. С. 138–145.
4. Ильин А. Е. Взаимодействие оперативных подразделений ЭБиПК ОВД с налоговыми органами при выявлении экономической основы организованных преступных структур // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8, № 5А. С. 80–85.
5. Акулов А. О. Основные направления взаимодействия подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции с федеральной налоговой службой Российской Федерации // Актуальные вопросы деятельности подразделений ЭБиПК на современном этапе: сборник материалов Межведомственной научно-практической конференции. Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя. 2019. С. 14–20.
6. Овчинников И. А. Проблемы предупреждения преступлений в сфере государственных закупок оперативными подразделениями ЭБиПК // Юность. Наука. Культура: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). 2020. С. 407–411.
7. Бандорина И. В. Отдельные рекомендации сотрудникам подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции по сбору и проверке информации о фактах преступной деятельности, совершаемой в сфере государственных закупок // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции. В 2 т. 2018. С. 9–13.
8. Киселев Н. Н. Организация подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции оперативно-разыскных мер по борьбе с экономическими преступлениями в сфере торговли // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2017. № 4. С. 26–31.
9. Киселев Н. Н. Организация подразделениями ЭБиПК оперативно-разыскных мер по борьбе с экономическими преступлениями в сфере торговли // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2017. Т. 9, № 4. С. 103–108.
10. Киселев Н. Н. Организация оперативного обслуживания подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции объектов торговли // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2016. Т. 8, № 4. С. 32–40.
11. Мищенко Л. В., Телицын Н. А. Криминогенная характеристика сферы страхования как значимый элемент информационной основы управленческой деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции в процессе борьбы с преступностью // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 181–186.
12. Иванов П. И., Шитов А. С. Основные направления деятельности подразделений ЭБиПК территориальных органов МВД России на региональном уровне в период пандемии коронавируса // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции / под общ. ред. И. Г. Чистобородова, А. Л. Ситковского, В. О. Лапина. 2020. С. 350–358.
13. Характеристика деятельности управления экономической безопасности и противодействия коррупции главного управления МВД России по Самарской области / С. А. Пудовкина, А. А. Муравьева, Е. И. Портягина, А. И. Портягина // Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, студентов и учащихся школ. 2020. С. 112–121.
14. Иванов П. И. Методическое обеспечение оперативно-разыскной деятельности подразделений ЭБиПК по борьбе с экономическими и коррупционными преступлениями в сфере реализации целевых программ // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 3 (35). С. 39–43.
15. Нечаев А. Д. Проблемы в деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел экономической направленности // Современные проблемы уголовно-правовой охраны экономических отношений: сборник материалов круглого стола в рамках X Пермского конгресса ученых-юристов. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 104–109.
16. Горланов Г. В., Деханова Н. Г. Формирование коррупционной (антикоррупционной) атмосферы взаимодействия власти и бизнеса // Актуальные вопросы инновационной экономики. 2014. № 8-1. С. 66–78.

17. Куракин А. В., Сухаренко А. Н. Проблемы антикоррупционного взаимодействия государства и бизнес-сообщества // Современное право. 2019. № 11. С. 28–32.
18. Сухаренко А. Н., Крылова Д. В. Антикоррупционное взаимодействие бизнеса и государства: состояние и перспективы // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 53–56.
19. Enste D. H. Folgen von Korruption für Wirtschaft, Staat und Gesellschaft. URL: <https://www.bpb.de/apuz/332695/folgen-von-korruption-fuer-wirtschaft-staat-und-gesellschaft> (дата обращения: 07.05.2021).
20. Watrin Ch. Korruption in Deutschland – der Normalfall? // IFO-Schnelldienst. München, 2002. Jg. 55, № 11. S. 36. (дата обращения: 10.05.2021).

References

1. Nefedov, V. A. (2016). Small and medium enterprises as a strategic factor of Russia's economic security. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4 (36), 229–235 (in Russ.).
2. Arsentyev, Yu. V., Ivanov, P. I., Soldatov, A. V. (2020). Activities of economic security and corruption combating subdivisions, their tasks and functions in the protection of interests of good faith entrepreneurs. *Bezopasnost' biznesa*, 2, 34–40 (in Russ.).
3. Strelchenko, V. V., Pozdnyakov, A. N. (2020). On the role of information resources in the activity of the Agencies for economic safety and corruption counteraction within the system of the Russian Ministry of Internal Affairs. *Zakon i parvo*, 9, 138–145 (in Russ.).
4. Il'in, A. E. (2018). Interaction between operational divisions of internal affairs bodies, ensuring economic security and counteraction to corruption, and tax authorities in identifying the economic basis for organised criminal structures. *Matters of Russian and International Law*, 8 (5A), 80–85 (in Russ.).
5. Akulov, A. O. (2019). Main directions of interaction between the Agencies for economic safety and corruption counteraction and the Russian Federal Tax Service. *Topical issues of the activity of the Agencies for economic safety and corruption counteraction at the modern stage*, a collection of works of Interdepartmental scientific-practical conference, Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs named after V. Ya. Kikot, 14–20 (in Russ.).
6. Ovchinnikov, I. A. (2020). Issues of preventing crime in the sphere of public purchases by the operative divisions of the Agency for economic safety and corruption counteraction. *Yunost'. Nauka. Kul'tura*, works of the 7th All-Russia scientific-practical conference. Middle Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russian Academy of Justice of the Russian Ministry of Justice), 407–411 (in Russ.).
7. Bendorina, I. V. (2018). Special recommendations to the staff of the Agency for economic safety and corruption counteraction on collecting and checking the information on crimes in the sphere of public purchases. *Activity of law-enforcement bodies under the modern conditions*, collection of works of the 23rd International scientific-practical conference, in 2 vol., 9–13 (in Russ.).
8. Kiselev, N. N. (2017). Organization of operative-search measures while struggling against economic crime in the sphere of trade by the Agency for economic safety and corruption counteraction. *Aktual'nye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina*, 4, 26–31 (in Russ.).
9. Kiselev, N. N. (2017). Organization of operative-search measures while struggling against economic crime in the sphere of trade by the Agency for economic safety and corruption counteraction. *Aktual'nye problemy prava i gosudarstva v XXI veke*, 9 (4), 103–108 (in Russ.).
10. Kiselev, N. N. (2016). Organization of operative servicing of trade venues by the Agency for economic safety and corruption counteraction. *Aktual'nye problemy prava i gosudarstva v XXI veke*, 8 (4), 32–40 (in Russ.).
11. Mishchenko, L. V., Telitsin, N. A. (2019). Criminogenic characteristics of the insurance sector as an important element of the information basis of management activities of units of economic security and anticorruption in the process of combating crime. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 4 (48), 181–186 (in Russ.).
12. Ivanov, P. I., Shitov, A. S. (2020). Main directions of activity of the divisions of the Agency for economic safety and corruption counteraction of the territorial bodies of the Russian Ministry of Internal Affairs at the regional level under the coronavirus pandemic. In I. G. Chistoborodov, A. L. Sitkovsky, V. O. Lapin (eds.), *Strategic development of the system of the Russian Ministry of Internal Affairs: state, trends, prospects*, collection of works of the International scientific-practical conference (pp. 350–358) (in Russ.).
13. Pudovkina, S. A., Murav'eva, A. A., Portyagina, E. I., Portyagina, A. I. (2020). Characteristics of activity of the Agency for economic safety and corruption counteraction of the Chief Directorate of the Russian Ministry of Internal Affairs in Samara oblast. In *Collection of works of the All-Russia scientific-practical conference of post-graduate students, students and schoolchildren* (pp. 112–121) (in Russ.).
14. Ivanov, P. I. (2015). Methodological Support of Operative-Search Activity of Units Responsible for Economic Security and Anty-Corruption Enforcement in the sphere of realization of targeted programmes. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 3 (35), 39–43 (in Russ.).

15. Nechaev, A. D. (2019). Problems in the activities of divisions of the Agency for economic safety and corruption counteraction of the Russian Ministry of Internal Affairs when solving crimes and investigating criminal cases of economic character, In *Modern problems of the criminal-legal protection of economic relations*, collection of works of the Round Table within the 10th Perm congress of legal scientists (pp. 104–109). Perm, Permskii institut Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii (in Russ.).
16. Gorlanov, G. V., Dekhanova, N. G. (2014). Forming the corruption (anticorruption) atmosphere in interaction between authorities and business, *Central Problems of innovation economics*, 8-1, 66–78 (in Russ.).
17. Kurakin, A. V., Sukharensko, A. N. (2019). Problems of Anti-corruption Interaction States and Business Communities. *Sovremennoe parvo*, 11, 28–32 (in Russ.).
18. Sukharensko, A. N., Krylova, D. V. (2019). Anti-corruption cooperation between business and the state: state and prospects. *Rossiiskaya yustitsiya*, 1, 53–56 (in Russ.).
19. Enste, D. H. (2021). *Folgen von Korruption für Wirtschaft, Staat und Gesellschaft*, <https://www.bpb.de/apuz/332695/folgen-von-korruption-fuer-wirtschaft-staat-und-gesellschaft> (access date: 07.05.2021).
20. Watrin, Ch. (2002). Korruption in Deutschland – der Normalfall?. *IFO-Schnelldienst*, 55 (11), 36 (access date: 10.05.2021) (in Germ.).

Вклад авторов

А. А. Глухова является главным исследователем, проводившим исследование и координировавшим его; проводила обзор литературы, интерпретировала результаты.

Д. А. Шпилев подготовил рукопись; осуществлял расчеты модели и проводил статистический анализ; формировал вопросы исследования и интервьюирование.

The author's contribution

A. A. Glukhova is the main researcher who carried out and coordinated the research; performed a literature review, interpreted the results.

D. A. Shpilev prepared the manuscript; performed calculations of the model and statistical analysis; formulated the research questions and conducted the polling.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 27.07.2021

Дата принятия в печать / Accepted 10.09.2021

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

Ответственные за подбор: А. В. Власов, П. А. Кабанов /
Persons in charge of selection: A. V. Vlasov, P. A. Kabanov

Редактор рубрики А. В. Власов /
Rubric editor A. V. Vlasov

Научная статья
УДК 004:336.74

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.788-821>

ДЖ. ГУДЕЛЛ¹,
Х. Д. АЛЬ-НАКИБ¹,
П. ТАСКА¹

¹ Центр блокчейн-технологий, Университетский колледж Лондона, Лондон, Великобритания

АРХИТЕКТУРА ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ, СИСТЕМНО ПОДДЕРЖИВАЮЩАЯ ПРИВАТНОСТЬ И КАСТОДИАЛЬНОЕ ХРАНЕНИЕ

Редактор переводной версии статьи: А. В. Власов

Контактное лицо:

Джеффри Гуделл, Центр блокчейн-технологий, Университетский колледж Лондона
E-mail: g.goodell@ucl.ac.uk

Хазем Денни Аль-Накиб, Центр блокчейн-технологий, Университетский колледж
Лондона
E-mail: h.nakib@cs.ucl.ac.uk

Паоло Таска, основатель и исполнительный директор, Центр блокчейн-технологий,
Университетский колледж Лондона
E-mail: p.tasca@ucl.ac.uk
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5460-5940>

Аннотация

Цель: представление нового подхода к совершению денежных транзакций с использованием цифровых валют.

Методы: абстрактно-логический, аналитический.

© Гуделл Дж., Аль-Накиб Х. Д., Таска П., 2021. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (<http://rusjel.com>) 25.12.2021

© Перевод Беляева Е. Н., Власов А. В., 2021

© Goodell G., Al-Nakib H. D., Tasca P., 2021

© Translation Belyaeva E., Vlasov A., 2021

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Future Internet*. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Future Internet*.

Цитирование оригинала статьи на английском: Goodell G., Al-Nakib H. D., Tasca P. A Digital Currency Architecture for Privacy and Owner-Custodianship, *Future Internet*, 2021, 13, 130. <https://doi.org/10.3390/fi13050130>

URL публикации: <https://www.mdpi.com/1999-5903/13/5/130>

Гуделл Дж., Аль-Накиб Х. Д., Таска П. Архитектура цифровой валюты, системно поддерживающая приватность и кастодиальное хранение
Goodell G., Al-Nakib H. D., Tasca P. A Digital Currency Architecture for Privacy and Owner-Custodianship

Результаты: в последние годы во многих развитых странах электронные розничные платежи все больше вытесняют оплату наличными деньгами. Особенно это заметно в секторе электронной коммерции и при выполнении оплаты картой в торговой точке. В результате общество утрачивает возможность использования оплаты розничных покупок, а розничные покупатели лишаются значимых прав, связанных с использованием ими наличных денег. Для решения этой проблемы мы предлагаем новый подход к использованию цифровых валют, который позволит людям совершать транзакции в электронной форме, а также приватно, без обращения к банкам, как в сфере электронной коммерции, так и в торговых точках, где требуется безналичная оплата.

В статье показаны преимущества наличных расчетов относительно безналичных платежей, а также определены возможности трансформации этих преимуществ в цифровые валюты центральных банков. Рассмотрены дискуссионные вопросы развития коммерческих банков в условиях распространения цифровых валют. Описана архитектура цифровых валют, в том числе технология распределенного реестра. Показано, что для более эффективной организации функционирования цифровой валюты необходимо заложить в ее архитектуру приватность операций розничных пользователей, а также определены необходимые для этого меры.

Научная новизна: предложенный в статье подход предлагается использовать для развития инфраструктуры цифровой валюты. Предполагается, что он управлялся бы частным образом, был обеспечен государством и поддерживал процесс регистрации каждой транзакции банком или оператором, опираясь на не связанные с депозитарием электронные кошельки на основе обеспечивающих анонимность технологий, например, слепых подписей или протоколов доказательств с нулевым разглашением (т. е. без раскрытия конфиденциальных сведений сторон сделки). Этот подход может также обеспечить более высокую эффективность и прозрачность взаиморасчетов, погашения задолженности и управления системными рисками. Мы утверждаем, что наша система может восстановить и сохранить важнейшие свойства наличности, включая приватность, подконтрольность владельцу, взаимозаменяемость и доступность, при этом поддерживая функцию частичного банковского резервирования и существующую двухуровневую банковскую систему.

Практическая значимость: предложенный подход может быть применен в практической организации системы денежных расчетов с использованием цифровых валют.

Ключевые слова: цифровая валюта, цифровая валюта центрального банка, ЦВЦБ, приватность, распределенные реестры, подконтрольность владельцу, не связанные с депозитарием электронные кошельки, защищенные транзакции, платежи, электронная коммерция

Благодарности: авторы благодарят Tomaso Aste за его неизменную поддержку нашего проекта, а также Larry Wall из Федерального резервного банка Атланты, Robleh Ali из Медиалаборатории Массачусетского технологического института и Erica Salinas из фонда Value Technology Foundation за их ценные замечания. Мы также высоко ценим поддержку Центра блокчейн-технологий Университетского колледжа Лондона, Центра технологии и мировой экономики Оксфордского университета и Центра системных рисков Лондонской школы экономики, а также выражаем особую благодарность Европейской комиссии за финансирование проекта ФинТех (H2020-ICT-2018-2 825215).

Финансирование: данное исследование финансировалось и было выполнено в рамках гранта Horizon 2020 № H2020-ICT-2018-2 825215.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution Non-Commercial License BY-NC 4.0 (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Гуделл Дж., Аль-Накиб Х. Д., Таска П. Архитектура цифровой валюты, системно поддерживающая приватность и кастодиальное хранение // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Т. 15, № 4. С. 788–821. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.788-821>

The scientific article

G. GOODELL¹,

H. D. AL-NAKIB¹,

P. TASCA¹

¹ Centre for Blockchain Technologies, University College London, London, United Kingdom

A DIGITAL CURRENCY ARCHITECTURE FOR PRIVACY AND OWNER-CUSTODIANSHIP

Translated version editor of the article: A. Vlasov

Contact:

Geoffrey Goodell, Centre for Blockchain Technologies, University College London

E-mail: g.goodell@ucl.ac.uk

Hazem Danny Al-Nakib, Centre for Blockchain Technologies, University College London

E-mail: h.nakib@cs.ucl.ac.uk

Paolo Tasca, Centre for Blockchain Technologies, University College London

E-mail: p.tasca@ucl.ac.uk

<https://orcid.org/0000-0002-5460-5940>

Abstract

Objective: to present the new approach to perform monetary transactions with digital currency.

Methods: abstract-logical, analytical methods.

Results: in recent years, electronic retail payment mechanisms, especially e-commerce and card payments at the point of sale, have increasingly replaced cash in many developed countries. As a result, societies are losing a critical public retail payment option, and retail consumers are losing important rights associated with using cash. To address this concern, we propose an approach to digital currency that would allow people without banking relationships to transact electronically and privately, including both e-commerce purchases and point-of-sale purchases that are required to be cashless.

The article shows the advantages of cash payments compared to non-cash ones and defines the possibility to transform these advantages into the central bank digital currencies. The disputable issues of commercial banks development under the spread of digital currencies are discussed. The architecture of digital currencies is described, including distributed ledgers technology. It was shown that, for the digital currency to function effectively, it is necessary to include the privacy of end-users into its architecture; measures to achieve that are determined.

Scientific novelty: the approached proposed in the article should be used to develop the digital currencies infrastructure. It should be government-backed, privately-operated and ensure that every transaction is registered by a bank or money services business, relying upon non-custodial wallets backed by privacy-enhancing technology, such as blind signatures or zero-knowledge proofs, to ensure that transaction counterparties are not revealed. This approach can also facilitate more efficient and transparent clearing, settlement, and management of systemic risk. We argue that our system can restore and preserve the salient features of cash, including privacy, owner-custodianship, fungibility, and accessibility, while also preserving fractional reserve banking and the existing two-tiered banking system.

Practical significance: the proposed approach can be applied in the practical organization of perform monetary transactions using digital currencies.

Keywords: Digital currency, CBDC, Privacy, Distributed ledgers, Owner-custodianship, Non-custodial wallets, Shielded transactions, Payments, E-commerce

The article was first published in English language by Future Internet. For more information please contact the editorial office.

For original publication: Goodell G., Al-Nakib H. D., Tasca P. A Digital Currency Architecture for Privacy and Owner-Custodianship, Future Internet, 2021, 13, 130. <https://doi.org/10.3390/fi13050130>

Publication URL: <https://www.mdpi.com/1999-5903/13/5/130>

Гуделл Дж., Аль-Накиб Х. Д., Таска П. Архитектура цифровой валюты, системно поддерживающая приватность и кастодиальное хранение
Goodell G., Al-Nakib H. D., Tasca P. A Digital Currency Architecture for Privacy and Owner-Custodianship

Acknowledgments: We thank Tomaso Aste for his continued support for our project, and we thank Larry Wall of the Federal Reserve Bank of Atlanta, Robleh Ali of the MIT Media Laboratory, and Erica Salinas of the Value Technology Foundation for their valuable feedback. We also acknowledge the support of the Center for Blockchain Technologies at University College London, the Center for Technology and Global Affairs at the University of Oxford, and the Systemic Risk Center at the London School of Economics, and we specifically acknowledge the European Commission for the FinTech project (H2020-ICT-2018-2 825215).

Financial Support: This research was funded by Horizon 2020 grant number H2020-ICT-2018-2 825215.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Goodell, G., Al-Nakib, H. D., Tasca, P. (2021). A Digital Currency Architecture for Privacy and Owner-Custodianship. *Russian Journal of Economics and Law*, 15 (4), 788–821. <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.788-821>

1. Введение

Такая форма денег, как наличные, предоставляет своему владельцу много преимуществ. Наличные деньги, принадлежащие непосредственно владельцам, позволяют последним совершать сделки приватно, не опасаясь раскрытия, дискриминации, блокировки, что может произойти, даже если сделка была законной. Наличные деньги представляют собой обязательство центробанка, никакой посредник не может помешать выполнить данное обязательство или злоупотребить доверием к центробанку. Напротив, банковские депозиты по своей сути тесно связаны с владельцем, который делится частью своих прав в обмен на возможность пользоваться наличными. В своем стремлении уничтожить наличные общество рискует не оставить нам свободы выбора. В данной статье авторы исследуют вопрос, могут ли цифровые валюты сохранить преимущества формы наличных денег в эпоху электронных платежей.

В работе Mancini-Griffoli и соавт. показано, что анонимность является значимым свойством наличных расчетов, что анонимность транзакций важна и что определенные черты дизайна цифровых валют центральных банков (далее – ЦВЦБ) могут оказывать существенное влияние на финансовую целостность [1].

Наше решение достаточно гибкое, чтобы соответствовать общепризнанным требованиям и целям ЦВЦБ, и имеет большое сходство с наличными. А именно оно обладает достаточной мерой контроля по ограничению сделок между отдельными лицами, при этом является тотальным контролем, который, кажется, считается обязательным, по мнению авторов предложенных ими архитектуроподобных систем [2]. Вместо этого мы предлагаем ограничить масштаб розничных

сделок, что, однако, также можно изменить введением дополнительных мер контроля в определенных контекстах, функционально реализованных во внебюджетной информационной системе (вне реестра).

Предлагаемый подход позволит регулирующим органам выбирать необходимые параметры в рамках компромисса в трилемме масштаба, контроля и приватности. Например, они могут установить, что определенные организации не могут принимать платежи выше некоторой суммы без сбора и предоставления дополнительной информации [о плательщике. – Прим. перев.], которая ограничивает приватность; или установить потолок перечислений на электронный кошелек для некоторых граждан или нефинансовых учреждений. Этот подход можно сравнить с конвейером, на котором находятся ключи, и если они подходят к замку, что определяется в целом [протоколом системы. – Прим. перев.] или в конкретном случае, то транзакция совершается автоматически. Чтобы избежать сомнений, такая автоматизация может включать так называемые встроенные транзакции, при которых платежи интегрируются напрямую в транзакцию без отдельных механизмов или согласований [для их выполнения. – Прим. перев.].

Структура данной статьи выглядит следующим образом. В следующем разделе (2) представлена общая информация о цифровых валютах, системах распределенного реестра и технологиях обеспечения приватности. В разделе 3 представлен авторский подход к построению архитектуры цифровых валют, обеспечивающий строгую приватность и подконтрольность владельцу, при этом дающий значительные возможности для контроля со стороны регулирующих органов. В разделе 4 сделан анализ существенных

особенностей предложенного нами дизайна валюты. Последние два раздела содержат рекомендации и заключение.

2. Общая информация

Данный раздел представляет собой описание контекста и мотивации нашего предложения по архитектуре ЦВЦБ с четырех точек зрения: во-первых, выявлена потребность в публичном механизме для розничных электронных платежей, основанном на принципе оплаты в форме наличных денег; во-вторых, утверждается актуальность проблемы ЦВЦБ для центральных банков и институтов; в-третьих, установлено, что распределенные реестры и обеспечивающие приватность криптографические методы являются важнейшими технологиями, которые включены в наше предложение; наконец, показано, что требования к системе управления (согласно нашему предложению) имеют ряд общих характеристик с существующими системами надзора и контроля.

2.1. Наличные деньги в цифровую эпоху

В настоящее время розничные транзакции с цифровыми валютами воспринимаются как некая узко специфическая область, однако существуют основания того, что в ближайшие десятилетия возрастет как масштаб, так и охват таких транзакций. (Текст раздела 2.1, за исключением последних двух абзацев, также появился в ответ на недавнюю консультацию Агентства по борьбе с финансовыми преступлениями США [3].) Одна из важных причин этого состоит в массовом отказе от использования наличных в большей части развитых стран. Действительно, многие розничные торговцы пришли к выводу, что принимать наличные не обязательно, поэтому во многих юрисдикциях были приняты законы, обязывающие принимать наличные; такие законы действуют в Дании, Норвегии, Китае и нескольких штатах США [4, 5]. Однако этой законодательной защиты может оказаться недостаточно для сохранения наличных как формы оплаты. По мере распространения электронной формы оплаты в розничной торговле переменные расходы, связанные с инфраструктурой обработки наличных, падают по отношению к фиксированным затратам, а предельные затраты на работу с наличными растут. Это верно по отношению к любым розничным пользователям – как покупателям, так и продавцам, а также банкам и опе-

раторам сетей банкоматов. Так, в Великобритании сети банкоматов и отделения банков, работающих с наличностью, уже испытывают трудности, которые приводят к снижению объемов оказываемых услуг [6].

В отличие от современной инфраструктуры розничных платежей наличные деньги имеют ряд важных преимуществ, среди которых стоит выделить следующие:

– *Подконтрольность владельцу.* Отсутствие посредника означает, что он не может помешать владельцу осуществить перевод или установить различную стоимость перевода в зависимости от того, с кем совершается сделка. Возможность независимо принимать решение является существенной чертой владения, а важнейшей предпосылкой владения является возможность снимать и использовать наличные в неограниченном количестве сделок без какого-либо надзора.

– *Реальная взаимозаменяемость.* Поскольку использование наличных не требует какой-либо идентификации и не предполагает каких-либо отношений с финансовой организацией, пользователи наличных понимают, что ценность их денег такая же, как любых других. (В некоторых странах потертые банкноты могут стоить меньше, чем новые, и в таких случаях даже наличные не являются полностью взаимозаменяемыми.) Если бы этого свойства не было, участники сделки могли бы прибегать к дискриминации на основании личности владельца денег или посредника, и одинаковое количество денег имело бы разную ценность в руках у разных людей.

– *Приватность по умолчанию.* Не секрет, что розничные платежи оставляют за собой информационный след, который может быть использован для построения подробной картины личной жизни человека, включая его перемещения, финансовые обстоятельства, отношения и многое другое. Уже не одно десятилетие известен тот факт, что электронные платежи могут использоваться для слежения за населением [7, 8]. Ниже мы отмечаем, что защита данных, которая подразумевает доступ к собранной личной информации и ее использование, – это не то же самое, что приватность по умолчанию в том случае, когда пользователи вообще не раскрывают личную информацию о себе. Преимущества приватности по умолчанию, по сравнению со сбором личных данных, очевидны [9], неспособность государств и корпораций помешать несанкционированному доступу со стороны

(других) государственных органов или недобросовестных соперников еще раз говорит о необходимости установления запрета на сбор личной информации [10]. Этот аргумент особенно тщательно прорабатывался в контексте систем обмена ценностями [11].

Не связанные с депозитарием электронные кошельки дают возможность сохранить свойства наличности в проведении цифровых сделок, и мы уже обсуждали, что популярность криптовалют во многом обусловлена желанием иметь цифровые наличные деньги в частном владении [12]. Мы считаем, что не связанные с депозитарием кошельки должны давать своим владельцам те же преимущества, что и наличные деньги. Тем самым они будут играть важнейшую роль в обеспечении личной приватности и прав человека. В этом случае широкое распространение онлайн-сделок и цифровых платежей не приведет к расширению контроля над отдельными гражданами через отслеживание денежных потоков и ограничение их обращения.

В контексте ЦВЦБ не связанные с депозитарием кошельки предлагают возможность организации прямых экономических отношений, но не прямых технических отношений между розничными пользователями ЦВЦБ и центральным банком. Под этим мы понимаем то, что ЦВЦБ представляют собой такие цифровые токены, по которым ответственность несет центробанк. Это соответствует нынешней двухуровневой банковской системе. Мы не имеем в виду, что розничные пользователи ЦВЦБ будут иметь счета в центральном банке или что они будут взаимодействовать с центральным банком напрямую.

2.2. ЦВЦБ и розничные банки

В мае 2020 г. Ив Мерш, вице-президент наблюдательного совета и член исполнительного совета Европейского центрального банка, подчеркнул важную роль частного сектора в управлении платежными сетями: «Дезинтермедияция стала бы экономически неэффективной и юридически несостоятельной. Согласно Договору ЕС, ЕЦБ должен функционировать в рамках принципов свободы рыночной экономики, в соответствии с политикой принятия децентрализованных рыночных решений при оптимальном размещении ресурсов. Исторические примеры размещения ресурсов центральными банками в масштабах всей экономики не являются примерами эффективности или качественного оказания услуг. Кроме того, ЦВЦБ

на розничном рынке создаст непропорциональную концентрацию власти в центральном банке» [13].

За несколько месяцев до выступления Мерша заместитель генерального директора Международного валютного фонда (IMF) Тао Чжанг также высказал свое мнение об имеющихся предложениях по ЦВЦБ: «Они влекут за собой затраты и риски для центрального банка» [14]. Мы считаем, что эти выводы исходят из предложений, которые до настоящего момента разрабатывались центробанками и основаны на функционировании центрального реестра под управлением самого центробанка [15, 16]. По нашему мнению, такие предложения не отличались ни целостностью, ни соответствием существующим моделям для выполнения платежей, расчетов и клиринга. Напротив, наше предложение разработано специально с учетом затрат и рисков, о которых говорили Мерш и Чжанг, а также полностью соответствует существующей системе платежей. Об этом подробно говорится в разделе 2.3.1.

Чжанг также выдвинул идею «синтетической ЦВЦБ», состоящей из цифровых токенов, выпущенных банками частного сектора [14]. В нашей статье мы докажем, что те положительные качества, которыми, по мнению Чжанга, будет обладать синтетическая ЦВЦБ, будут также присущи и предлагаемой нами системе, за исключением того, что последняя не ставит препятствий существованию «реальной» ЦВЦБ, поскольку управление инфраструктурой будет осуществляться частными организациями по денежному обслуживанию (далее – ОДО) [*money services businesses, MSB*], включая, но не ограничиваясь банками. Такие организации охватывают для наших целей, как традиционные коммерческие банки и финансовые институты, так и новые организации, чьи активы будут состоять лишь из резервов центробанка и чьи обязательства будут, в свою очередь, представлять собой лишь депозиты. В этом состоит важное отличие от предложения г-на Чжанга. Хотя Чжанг не дает конкретного описания технической стороны синтетической ЦВЦБ, мы предполагаем, что она не включает распределенного реестра и не делает возможными частные сделки, поскольку частные банки смогут видеть все операции и владельцев цифровых токенов.

При этом эффективная розничная ЦВЦБ не обязательно приводит к дезинтермедии банковского сектора. ЦВЦБ, которую мы предлагаем, имеет больше общего с физической наличностью, чем с бан-

ковскими депозитами, и не заменяет последние. Она не будет использоваться для перезалога и не будет приносить проценты владельцам, по крайней мере в традиционном смысле. Мы рассматриваем розничную ЦВЦБ главным образом в качестве технологии, облегчающей выполнение платежей и транзакций потребителей. Это не просто более масштабируемая версия оптовой ЦВЦБ, отражающей различные требования розничных и оптовых пользователей денег. Розничные пользователи ЦВЦБ будут предпочитать банковские депозиты цифровой валюте центрального банка для своих долгосрочных инвестиций по тем же причинам, по каким они предпочитают банковские депозиты вместо наличности; этот аспект мы обсуждаем в разд. 4.3. Необходимо также отметить, что центробанк не может адекватно заменить все функции коммерческих банков, о чем будет сказано в разд. 4.6.

2.3. Аспекты архитектуры

Еще один важный вопрос – будет ли ЦВЦБ действовать «на основе счетов»¹, т. е. пользователи будут ли иметь дело только со *счетами*, представляющими собой долгосрочные взаимоотношения, или будут реализованы «на основе цифровых токенов», когда ЦВЦБ будет существовать независимо от каких-либо конкретных отношений, как это происходит с монетами или банкнотами. Счета могут представлять собой отношения с посредником или с самой системой-реестром, и цифровые валюты устроены по-разному. Например, токены биткойна существуют независимо [17], а токены эфириума – на счетах [18]. Эти архитектуры [протоколы сети. – Прим. перев.] не симметричны: хотя токены в системах «на основе токенов» могут находиться в распоряжении посредников, действующих от лица пользователей, такое устройство не обязательно, тогда как счета изначально создаются, чтобы представлять собой постоянные отношения.

ОДО не всегда выполняют все функции банков, например, по выдаче кредитов. Более того, наше предложение предусматривает полную конвертируемость альпари² для ЦВЦБ, банковских депозитов, банкнот и (для авторизованных ОДО) резервов; это облегчит

как его внедрение, так и взаимозаменяемость и общий состав денежной массы. Насколько при этом возникнут какие-либо барьеры или ограничения, будет зависеть от политических решений. Однако по большому счету конвертируемость альпари для наличных и банковских депозитов по умолчанию необходима с точки зрения практического применения и реализации данной структуры. Выпуск и внедрение ЦВЦБ представляет собой новый политический инструмент, регулирующий мотивацию для владения и использования ЦВЦБ через свои различные качества, а также уравнивающий возможный отток средств из банковских депозитов [19]; мы не думаем, что ЦВЦБ может полностью заменить последние.

2.3.1. Технология распределенного реестра

Технология распределенного реестра (англ. *Distributed Ledger Technology*, сокр. *DLT*) дает возможность разделить ответственность за нормотворчество между пользователями. *Распределенный реестр* – это «реестр, разделенный между узлами *DLT* узлами сети»³ и синхронизированный между ними путем механизма консенсуса» [20]. Хотя с помощью централизованной технологии теоретически возможно построить публичную инфраструктуру цифровой валюты, и даже такую, которая будет сохранять приватность [21], мы считаем, что реализация характерных элементов распределенного реестра, включая без ограничений свойства *консенсуса* и *неизменности* внутри сообщества [20], необходима для успеха данной инфраструктуры на практике. Это не означает, что инфраструктура должна обеспечивать или позволять совершать сделки между пользователями напрямую, а указывает на то, что система должна управляться самим сообществом, без решений какого-либо привилегированного арбитра, и что единодушное мнение о том, какие транзакции были совершены, должно отражать соглашение, принятое в данном сообществе. В частности, *DLT*-технология должна реализовывать консенсус [правила. – Прим. перев.] среди независимых игроков таким образом, чтобы достичь практически полного единодушия⁴ в сообществе пользователей перед вводом в реестр новой записи или перед изменением правил управления реестром.

¹ Или на основе принципа ведения счетов. – Прим. перев.

² Альпари (от итал. *al pari*) – точное соответствие между рыночной ценой и номинальной стоимостью цифрового актива. – Прим. перев.

³ Пирами (*peers*), или нодами сети. – Прим. перев.

⁴ Соглашения, доверия между нодами (узлами сети) распределенного реестра. – Прим. ред.

В контексте цифровой валюты DLT-технология обеспечивает прозрачность операций и правил в системе путем ограничения (на техническом уровне) каждого отдельного участника, включая центральный банк, а также правительственных регуляторов в тех действиях, что они могут выполнять в одностороннем порядке. Такая прозрачность дополняет, но не заменяет собой регулятивный надзор.

На рис. 1 показана таксономия цифровых денежных систем. ЦВЦБ является одной из таких систем. Прежде всего необходимо решить, будет ли наша система платежей основана на цифровых токенах или на счетах. Первый вариант имеет ряд преимуществ, в том числе существенное сокращение накладных расходов, связанных с попарной сверкой и регулятивной отчетностью. Однако еще важнее то, что любая система, основанная на счетах, не может обеспечить приватность, поскольку ее структура с необходимостью требует отображения идентификаторов счета, по которым можно определить обе стороны любой сделки. Таким образом, следует признать, что сохранение средств обмена на основе цифровых токенов отвечает интересам общества, повышает благосостояние и приводит к необходимости использования

наличных, при этом обеспечивая центральные банки и правительства инструментами для предотвращения и оценки рисков, характерных для платформ цифровой платежной инфраструктуры.

2.3.2. Приватность по умолчанию

Мы предлагаем включить в дизайн системы требование того, чтобы розничные пользователи ЦВЦБ имели право на приватность, причем не только в отношении хранителей активов и других корпоративных игроков, но и в отношении государства. Правоохранительные органы могут попросить кастодиального хранителя⁵ цифровых активов об исполнении предусмотренных законом действий. Однако легко предположить, что вся информация о сделке может быть доступной правоохранительным органам (или иным лицам) по их запросу, что и стало широко распространенной практикой, с помощью которой государства оказывают влияние на отношения между гражданами и частными организациями.

К счастью, можно регулировать финансовые транзакции и без сбора данных, которые будут использоваться для квалификации действий отдельных граждан. Для этого в зависимости от конкретного случая

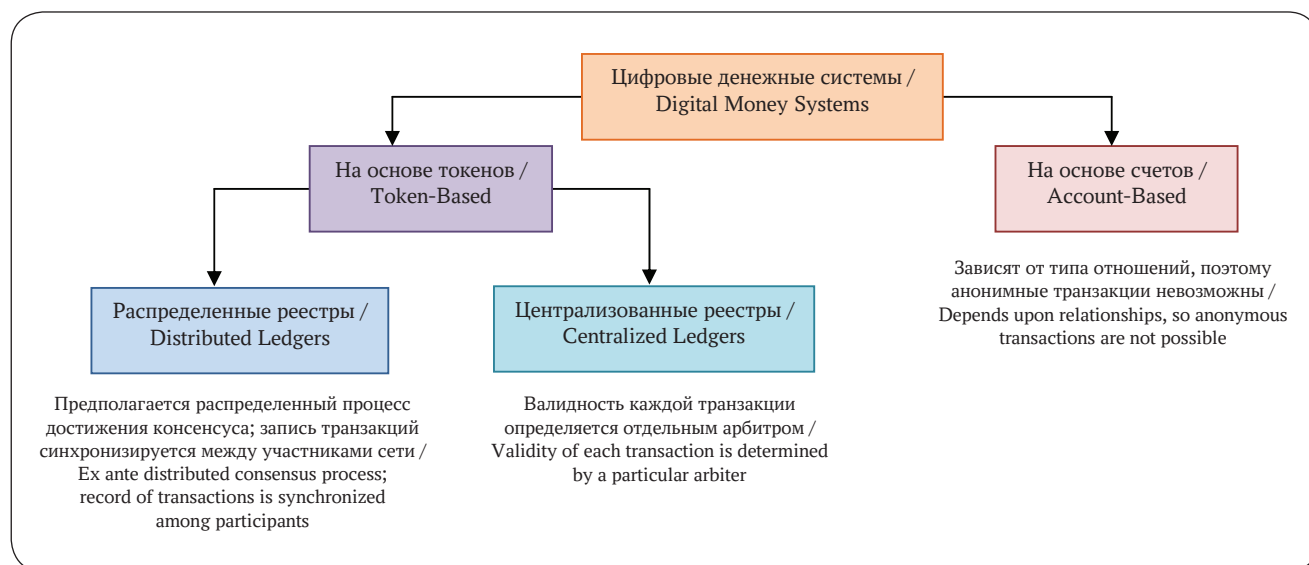

Рис. 1. Таксономия цифровых денежных систем

Fig. 1. Taxonomy of digital money systems

⁵ Или кастодиальный депозитарий, кастодиан.

применяются внешние средства базовой архитектуры, управляемые решениями руководства, среди которых можно назвать ограничение размера для перевода средств на анонимные адреса или ограничение размера перевода от частных лиц.

Мы не думаем, что приватность можно сочетать с полной прозрачностью системы (например, через «ваучеры анонимности» [22, 23]) или что она может определяться защитой, предлагаемой некоей третьей стороной. Если бы ЦВЦБ не обеспечивала определенную степень приватности, многие пользователи, включая тех, для кого важен риск быть учтенными или подвергнуться дискриминации, продолжили бы пользоваться менее зарегулированными способами для выполнения платежей, в том числе наличными деньгами [24]. Более того, существует потребность в частично анонимном средстве платежа [25], а также в разнообразных инструментах, которые могут быть использованы для выполнения платежей; соответственно, широкое разнообразие потребностей домохозяйств придает ЦВЦБ непосредственную социальную значимость [26].

В том же высказывании, которое уже упоминалось в разд. 2.2, Mersch также отмечает важность и значимость сохранения приватности, предположив, что любая попытка снизить степень приватности платежей «неизбежно повлечет за собой социальные, политические и юридические проблемы» [13].

Этот аспект важен по трем причинам. Во-первых, никакая цифровая валюта, будь то основанная на цифровых токенах или иная, на практике не гарантирует абсолютной анонимности: вспомним о возможностях атак по времени, ошибок в программном обеспечении, ограничений операционной безопасности. Даже использование банкнот не дает полной анонимности: их серийные номера позволяют отследить и пометить отдельные купюры, хотя, насколько нам известно, такие меры несовершенны и редко используются для слежения. Тем не менее следует рассмотреть области применения систем платежей, которые побуждают клиентов пользоваться различными свойствами обеспечения анонимности и в целом компромиссными решениями. Во-вторых, появляется возможность создать такую систему, в которой была бы достигнута и применена реальная приватность, в отличие от таких сомнительных предложений, как предоставление привилегированного доступа или защита приватности через предоставление полномочий, а не по умолча-

нию [27]. Подобная система, которую мы описываем в разд. 3, сочетает в себе усовершенствованный вариант применения различных систем цифровых валют при поддержке государства, которые предлагалось использовать до сих пор (поддерживаемых институционально, но не частных), и всевозможных «внешних» решений, включая *общедоступные* реестры, которые используются в таких [анонимных. – Прим. перев.] криптовалютах, как *Zcash* и *Monero*⁶. В-третьих, приватность достаточно важна для того, чтобы мы не спешили создавать или поддерживать инфраструктуру, которая могла бы ее подорвать. В отличие от *защиты данных*, которая предполагает предотвращение незаконного использования собранных данных, *приватность* главным образом не позволяет отдельным лицам (а иногда и организациям) раскрывать информацию о своих (законных) действиях. По сути, защита данных не заменяет приватности [9]. Следовательно, приватность является фундаментальным свойством архитектуры системы, которое не может быть «предоставлено» или «гарантировано» какими-либо полномочиями.

В принципе, приватность как свойство архитектуры должна совмещаться с регулятивным подходом, который неотчуждаемо защищает права розничных пользователей ЦВЦБ. (Остальная часть раздела 2.3.2 также служит ответом на недавнюю консультацию Агентства по борьбе с финансовыми преступлениями США [3].) Чтобы избежать нарушения важных аспектов приватности и прав человека, необходимо принять определенные регулятивные и технические меры, обеспечивающие следующее:

- не связанные с депозитарием кошельки не должны содержать постоянной идентифицирующей информации, такой как уникальный идентификатор или адрес, связанный с несколькими транзакциями;
- не связанные с депозитарием кошельки не должны раскрывать информацию, включая ключи или адреса, связанные с предыдущими или последующими транзакциями, которые могут быть использованы для идентификации их держателей, владельцев или источников средств;
- обязательство идентифицировать стороны сделки может действовать только во время транзакции;

⁶ Частные криптовалюты (негосударственные. – Прим. ред.), не поддерживаемые институционально.

– процесс предоставления информации по запросу банков или ОДО для целей бухгалтерского учета или отчетности не должен включать не связанные с депозитарием кошельки и может производиться только с согласия обеих сторон сделки.

Таким образом, обычные пользователи не связанных с депозитарием кошельков смогут быть уверены в том, что их рутинные действия не отслеживаются, за исключением случаев, когда пороговые суммы их транзакций не слишком высоки, и в некоторых других редких обстоятельствах, когда информация о сторонах сделки запрашивается для целей бухгалтерского учета или отчетности. Для каждого случая такого запроса должно быть обязательным получение отдельного явно выраженного согласия владельца или держателя цифровых токенов; такие запросы не должны быть постоянными для обычных граждан, совершающих простые действия, а также они не должны требовать от не связанных с депозитарием кошельков или иных персональных устройств раскрытия какой-либо информации, идентифицирующей их владельца или держателя.

2.3.3. Криптографические технологии, повышающие приватность

Для обеспечения приватности по умолчанию мы рассматриваем такую технологию, которая применяется в некоторых криптовалютах, например, таких как *Zcash* и *Monero*. Существует, по крайней мере, три возможных подхода:

1. **Скрытый адрес, схема на основе обязательства Педерсена, кольцевая подпись.** Скрытые адреса, которые обеспечивают секретность публичных (открытых) ключей⁷, генерируя их отдельно от приватных (закрытых) ключей⁸ [28], передают функцию

⁷ Публичный ключ (открытый ключ, англ. *public key*) – число, выведенное из приватного (закрытого) ключа с помощью однонаправленной функции. Доступен для публичного обмена и позволяет кому угодно удостовериться в том, что цифровая подпись сделана с использованием соответствующего закрытого ключа. – Антонопулос А. М. и Вуд Г. (2021). Осваиваем Ethereum: создание смарт-контрактов и децентрализованных приложений. Москва, ЭКСМО. 512 с. <https://www.researchgate.net/project/Mastering-Ethereum-Book>. – Прим. перев.

⁸ Приватный (закрытый ключ, англ. *private key*, или *secret key*) – секретное число, с помощью которого пользователи Ethereum (в случае с блокчейн-платформой *Ethereum*, или пользователи другого блокчейн-протокола) могут доказать, что они владеют учетной записью или контрактами. Там же. – Прим. перев.

защиты приватности получателю ценности [29]. Применение обязательства Педерсена позволяет узнать размер транзакции только ее участникам [30, 31] и удаляет метаданные о транзакции из записей реестра [29]. Кольцевая подпись позволяет атрибутировать подписанные сообщения «определенному кругу возможных лиц без указания конкретного подписавшего» [32], тем самым передавая функцию защиты приватности отправителю ценности [29].

2. **Доказательство с нулевым разглашением (*Zero-knowledge proofs, ZKP*).** Реализация данной схемы «позволяет одной из сторон доказать другой стороне, что утверждение истинно, не раскрывая иной информации, кроме того факта, что утверждение истинно» [29]; потенциально эту схему можно использовать для защиты всех метаданных о транзакции [29]. Неинтерактивные методы доказательства с нулевым разглашением, такие как *ZK-STARK*, дают значительные преимущества в характеристиках по сравнению с интерактивными вариантами [33], и, судя по оценкам их эксплуатационных свойств [33–35], мы можем ожидать, что такие операции должны быть достаточно быстрыми, чтобы обслуживать транзакции непосредственно в точках продаж и в секторе электронной коммерции, хотя было бы полезно получить дополнительные доказательства этого предположения.

3. **Слепые подписи или слепые кольцевые подписи.** Поскольку предлагаемая нами архитектура не является пиринговой в отношении к своим пользователям, мы считаем, что в ней можно использовать метод слепых подписей, подобный тому, который предложил Chaum [21]. При этом необходимо, чтобы получатели (потраченных) токенов немедленно возместили их эмитенту либо, аналогично, чтобы плательщик анонимно поручил эмитенту разместить средства на счете, предназначенном получателю. При использовании слепых подписей в качестве эмитента могут выступать несколько игроков, действующих независимо; при выпуске или возмещении токенов они, соответственно, либо размещают на общем счете, либо снимают средства с него, так же, как это делал бы один пользователь [36].

2.4. Управление системой

Поскольку технологии, способствующие повышению приватности, требуют постоянного внимания [37], ОДО и широкая общественность должны се-

рзбно заняться вопросами поддержания, проверки, изменения и улучшения технологии, обеспечивающей приватность средствами внутри самой системы [12]. Такой подход предполагает формирование процесса поддержания безопасности, а также непрерывных обновлений технологических решений и свойств по мере необходимости. Прозрачность, которую предоставляет технология DLT-технология, может сформировать базу, с помощью которой широкая общественность будет наблюдать и анализировать работу системы, включая любые изменения ее нормального функционирования; в результате стороны транзакции будут защищены от технологически продвинутых нарушителей, стремящихся раскрыть анонимность пользователей ЦВЦБ и отслеживать их.

В конечном итоге, кто контролирует код, на основе которого работает система, тот и контролирует работу системы. В качестве аналогии можно рассмотреть роль групп разработчиков в урегулировании споров по поводу реестра в криптосообществах [38]. По этой причине централизованное сообщество разработчиков может, разумеется, отрицать преимущества децентрализованного реестра. При этом предполагается, что каждый независимый участник системы должен установить свою собственную жесткую процедуру принятия изменений в коде, включающую, скорее всего, внутреннюю проверку кода и анализ безопасности, независимо от того, используют участники общую базу кода или нет; эта процедура, вероятно, должна также подлежать общественному надзору. Такие процедуры внутреннего и внешнего контроля должны охватывать широкий круг участников с различными интересами в области безопасности, и, в частности, следует обеспечить возможность своевременных изменений при решении возникающих проблем (включая, но не ограничиваясь полными и частичными отключениями сети от ее функционирования), при этом сохраняя защиту пользователей и операторов системы от программных лазеек и других уязвимостей, которые могут появиться при быстрых изменениях (кода). Это непростая задача, однако работа групп обеспечения безопасности в проектах с открытым кодом, например, Debian [39], показывает, что сочетание глубокого контроля и быстрых изменений вполне достижимо.

Кроме того, следует отметить, что регулятивные органы могут сотрудничать с частным сектором при выработке норм и установлении процедур проверок

на соответствие. Примером могут служить установленные процедуры для управления торговыми сетями, такими как система национального рынка США [40]. В 2005 г. Комиссия по ценным бумагам и биржам США (*U. S. SEC*) ввела Правило 611, согласно которому все компании – агентства по регулированию деятельности финансовых институтов (*FINRA*) должны публиковать и быть подписанными на публикуемый в режиме реального времени список наилучших предложений для всех ценных бумаг из списка на всех биржах, входящих в данную систему, а также любая биржа, получившая рыночный ордер, должна перенаправить его на ту биржу, которая выполнит его по наилучшей цене. Таким образом, от компаний – членов *FINRA* требуется применять передовые технологии для обеспечения корректной передачи всех рыночных ордеров [41].

Эти примеры показывают, что регулятивные органы могут сформулировать нормы с учетом использования технологий, что частные игроки могут разработать технологии для поддержания таких норм и что изменения норм могут происходить в контексте совместного регулирования, хотя формально предложения будут инициироваться регулятивными органами. С нашей точки зрения, мнение о технической сложности вовлечения государственных игроков является предрассудком и не должно влиять на развитие общественных систем.

С точки зрения ЦВЦБ, управление и принятие решений в рамках платформы в основном сводится к аутентификации и последующему разрешению транзакций. Мы считаем, что частный сектор может самостоятельно контролировать инфраструктуру, лежащую в основе нашего предложения, при этом операционная деятельность должна осуществляться исключительно со стороны частного сектора. По нашему мнению, в пилотном проекте должно принять участие не менее пяти ОДО, а для надежной работы – не менее двадцати ОДО. Одобрение транзакций должно происходить путем консенсуса в масштабах операторов инфраструктуры всей платформы. При этом возможность формально стать оператором инфраструктуры и, соответственно, ОДО потребует одобрения местного регулятора. В этом контексте можно предположить, что центральный банк несет ответственность за контроль над расчетно-клиринговой деятельностью. (Например, в Великобритании

этот контроль может быть организован с помощью совместного надзора со стороны Управления пруденциального регулирования (*Prudential Regulatory Authority*, сокр. *PRA*) и Управления по финансовому регулированию (*Financial Conduct Authority*, сокр. *FCA*) в отношении данного вида деятельности).

3. Предложение авторов

Суть нашего предложения изложена в статье Goodell и Aste [12], где описаны два подхода к усилению институциональной поддержки цифровой валюты. Мы опираемся на второй из этих подходов, а именно перемещение частных средств при посредничестве организаций; при этом функционирование системы полностью осуществляется регулируруемыми институтами, и она имеет следующие черты:

1. Используется *электронный токен, выпускаемый правительством*, с помощью которого средства перемещаются без необходимости попарной сверки счетов.

2. Позволяет управлять инфраструктурой транзакций (платежей, взаиморасчетов и клиринга) *независимым частным игрокам* (предполагается, что независимые частные игроки будут участвовать в деятельности совместно с регулирующим органом, таким как *FINRA* в США, или полуавтономных комитетов, таких как *FCA* в Великобритании), при этом позволяя центральным банкам контролировать денежную политику и выпуск ЦВЦБ, а именно создание и уничтожение ЦВЦБ, но не ее распределение.

3. Защищает *метаданные о транзакциях*, по умолчанию связывая отдельных пользователей ЦВЦБ с историей их транзакций, без посредничества доверенных третьих сторон.

4. Обеспечивает *прозрачность* каждой транзакции для регуляторов (исключая информацию о сторонах сделки), давая возможность анализировать системные риски.

В данном разделе мы описываем, как предлагаемый нами механизм цифровой валюты функционирует на системном уровне, идентифицируя интерфейсы между институциональным и техническим аспектами архитектуры.

3.1. Основные положения

По нашему мнению, цифровая валюта может быть выпущена центральным банком в качестве «истинной» цифровой валюты центрального банка,

хотя она может быть выпущена и правительством, представляя собой обязательство по обеспеченным залогом государственным средствам, таким как суверенный фонд благосостояния или казначейские обязательства. В любом случае следует отметить, что во многих странах (включая Великобританию) никакая отдельная сторона (включая центральный банк) не обязана разрабатывать, поддерживать и обновлять нормы записи финансовых переводов и улаживать споры относительно их истинности. Заметим также, что обязанность управлять инфраструктурой транзакций и контролировать платежные системы отличается от обязанности создавать цифровые токены и поддерживать стоимость государственной валюты. Во многих странах системы платежей, клиринга и расчетов управляются совместными усилиями [42, 43]. Структура, предусматривающая внешнее управление инфраструктурой транзакций с цифровой валютой, вполне может совмещаться с управляющей функцией центрального банка по использованию цифровой валюты для эмиссии денег и осуществления денежной политики.

В частности, мы оспариваем аргумент о том, что, поскольку у центрального банка нет очевидных мотивов для злоупотребления данными, то все пользователи должны доверять ему информацию о своих платежах. Идея о наделении властей правом исключительного доступа к частной информации, и в частности, идея о разделении доступа к частной информации между множеством полномочных органов, была уже опровергнута [44]. Так, явно незаинтересованный пользователь может очень быстро превратиться в заинтересованного, если будет обладать чем-то, что интересует его влиятельных партнеров. Поэтому можно проявлять разумное доверие к денежной политике центрального банка, но не в вопросе информации о транзакциях.

Наш подход к цифровой валюте существенно отличается от вариантов, предложенных несколькими центральными банками [15, 16]. Мы утверждаем, что назначение цифровой валюты – обеспечивать, в контексте розничных продаж, механизм электронных платежей, не опирающийся на счета, а в контексте оптовых продаж – являться средством расчетов, более надежным и менее затратным с операционной точки зрения, чем ныне существующие. Цифровая валюта не должна заменять банковские депозиты, которые по-прежнему будут необходимы для осуществления

экономически важных функций, таких как частичное банковское резервирование, создание кредита, страхование вкладов. Не заменяет она и наличные средства, которые дают множество преимуществ, включая широкий доступ к финансовым услугам, операционную надежность, а также уверенность в том, что транзакция будет завершена без участия третьих сторон. По нашему мнению, на практике цифровую валюту будут использовать, прежде всего, для облегчения переводов средств, которые нельзя выполнить с помощью физических наличных, и люди будут пользоваться ею лишь в тех случаях, в которых пользуются наличными.

Тем не менее наше предложение предусматривает наличие у цифровой валюты некоторых свойств наличных денег. А именно мы считаем необходимым сохранить следующие свойства:

1. Устойчивость к массовому отслеживанию. Наличные позволяют владельцам совершать транзакции без опасения, что их действия будут отслеживаться кем-либо. В разделе 4.5 мы сравниваем наше предложение с наличными и наглядно показываем, что наша система не повышает риск мошенничества или нарушения политики AML/KYC [законодательство о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и о проверках благонадежности клиентов. – Прим. переводчика] по сравнению с существующей системой. Фактически мы думаем, что эффект будет обратным, учитывая возможности использования инструментов цифрового мониторинга и анализа данных в случае регулируемых видов деятельности, которые требуют соблюдения определенных норм, и к которым можно применить анализ деятельности регулируемых институтов.

2. Гарантия совершения сделки. Наличные позволяют владельцам быть уверенными, что потенциальная транзакция успешно завершится независимо от отношений с держателем или третьей стороной, которые могут заблокировать, отложить сделку, или потребовать ее верификации.

3. Отсутствие дискриминации. Наличные позволяют владельцам быть уверенными, что их деньги будут приняты так же, как любые другие, и в частности, что их стоимость не будет зависеть от характеристик владельца.

Для выполнения этих требований наша система должна быть основана на токенах, что мы понима-

ем как возможность для розничных пользователей держать цифровые токены, представляющие ценность вне отношений с кастодианом⁹, а также как отсутствие обязательной привязки данных токенов к какому-либо адресу или идентификатору, который можно использовать для идентификации пользователя или его других цифровых токенов. Счета могут использоваться в связке с инфраструктурой, в которой будут реализованы цифровые токены, хотя мы категорически не согласны с аргументом, представленным Bordo и Levin, о том, что процент может начисляться только на счет, а значит, любые ЦВЦБ должны содержаться на счетах [45]. В частности, система ЦВЦБ не обязательно должна выплачивать проценты своим держателям; заметим, что с наличными этого не происходит (см. разд. 2.1 и 4.1). (Отдельно отметим, что мы допускаем возможность выплаты реестром некоей компенсации наподобие процентов непосредственно на цифровые токены, с некоторыми существенными ограничениями.) Говоря более конкретно, свойство доверия, к которому мы стремимся, внутренне присуще нашему цифровому токenu, поскольку мы хотим, чтобы розничные пользователи доверяли самому цифровому токenu, а не какому-то числу предоставляющих счета институтов или операторов данной системы. Кроме того, мы прямо заявляем: доверие не может быть произведено, а может быть только заслужено. Еще важнее то, что доверие не создается, если о нем просят; оно возникает, когда показывают, что оно не нужно. Это положение лежит в основе подхода, который мы описываем в разд. 3.

В предлагаемой нами системе многие – не обязательно все – граждане и организации будут иметь банковские счета, на которые они будут принимать платежи. На эти счета могут начисляться проценты путем кредитной деятельности банка. Банки смогут обменивать цифровую валюту на наличные или на резервы центрального банка на условиях альпари и, как правило, не будут являться держателями электронных кошельков с количеством цифровой валюты, равным размеру их депозитов. В случае ЦВЦБ банки смогут также напрямую обменивать цифровую валюту на резервы центрального банка. Если частное

⁹ Кастодиан – учреждение (обычно банк), осуществляющее хранение ценных бумаг и иных финансовых активов клиентов, а также управление этими ценными бумагами. – Прим. ред.

лицо (или организация) просит вывести цифровую валюту, банк сможет ее предоставить так же, как сейчас он предоставляет наличные. Как и с наличными, в распоряжении банка может быть ограниченное количество цифровой валюты, поэтому на объем и частоту таких снятий будет установлен лимит, как это происходит и в настоящее время при снятии наличных. Получив цифровую валюту, граждане и организации смогут использовать ее для покупок или иных платежей, в качестве альтернативы платежным системам на основе счетов или банковским переводам, и цифровая валюта будет, как правило, приниматься на кошельки регулируемых ОДО так же, как и наличные.

3.2. Описание дизайна системы

Наше предложение по дизайну ЦВЦБ основывается на подходе, описанном в работе Goodell и Aste [12] как перемещение частных средств при посредничестве организаций, который разрабатывается в данной статье и служит основой дальнейших исследований. В нем используется технология DLT-технология для осуществления платежей, что мотивировано причинами, описанными в разд. 2.3.1.

Мы предлагаем использовать архитектуру контролируемого распределенного реестра, участниками которого должны стать регулируемые ОДО. Предприятия по денежному обслуживанию включают банки, другие финансовые организации, например, службы по обмену иностранной валюты и безналичным банковским переводам, а также некоторые нефинансовые организации, такие как почта [42]. В отличие от общедоступных DLT-систем, требующих ресурсоемких и вычислительно-затратных механизмов, например, доказательства выполнения работы для противодействия «атаке Сибиллы»¹⁰ (англ. *Sybil attack*), контролируемые DLT-системы поддерживают эффективные механизмы консенсуса, такие как протокол консенсуса, устойчивого к Византийским сбоям¹¹ (*Practical*

Byzantine Fault Tolerance, PBFT) [46], и работают аналогично популярным платежным сетям. В частности, опыт платформы *Ripple* показал, что ее сеть способна надежно обрабатывать 1 500 транзакций в секунду [47]. Хотя оператор популярной платежной сети *Visa* утверждает, что его система может обрабатывать более 65 000 транзакций в секунду [48], ее реальная пропускная способность составляет не более 1 700 транзакций в секунду [49]. По этой причине мы ожидаем, что система цифровой валюты сможет достичь необходимой пропускной способности без дополнительных инноваций. Кроме того, хотя распределенный реестр основан на одноранговых коммуникациях между участниками, мы считаем, что потребление ресурсов будет сравнимо с таковыми у центров обработки данных, которые поддерживают фондовые биржи или расчетные сети, в отличие от тех центров обработки данных, которые поддерживают так называемые майнинговые пулы для публичных DLT-сетей.

В нашей схеме только стороны, совершающие транзакции в рамках реестра и участвующие в достижении консенсуса¹², могут быть ОДО, т. е. регулируемые организациями¹³. Записи в реестре должны быть доступны всем участникам; кроме того, мы считаем, что некоторые лица, не входящие в число участников, например, сотрудники регулятивных и правоохранительных органов, должны получать от ОДО актуальную информацию, которая позволит им напрямую обращаться к реестру, без необходимости запрашивать информацию в каком-либо ОДО. Хотя записи в реестре сами по себе не будут, как правило, содержать метаданные о сторонах транзакции, однако ОДО, проводившее каждую транзакцию, будет известно властям, и предполагается, что ОДО будут вести учет своих транзакций, включая их размер и любую имеющуюся информацию о сторонах сделки, даже если она была ограничена (изначально), а также что власти будут иметь доступ к этим записям. Далее рассмотрим вопросы доступа к реестру:

– *Записи в реестре.* Мы предполагаем, что операторами реестра могут быть только организации, авторизованные для внесения в него записей, а именно регулируемые ОДО (включая, но не ограничиваясь бан-

¹⁰ Вид атаки в одноранговой сети, в результате которой жертва подключается только к узлам, контролируемым злоумышленником. – Прим. ред.

¹¹ Или Византийской ошибке, или отказоустойчивость к византийским сбоям – это способность системы продолжать функционировать, в ряде случаев в сокращенном объеме, не выходя полностью из строя, когда часть ее компонентов работает неправильно. – Прим. ред.

¹² То есть участвующие в работе сети. – Прим. ред.

¹³ Согласно местному законодательству и требованиям регулятора (например, Банка России в РФ). – Прим. ред.

ками) и центральный банк. Последний вносит записи, создающие или уничтожающие ЦВЦБ, а ОДО вносят записи, «перемещающие» цифровые токены внутри системы путем переписывания их от одного владельца ключа (со счета. – Прим. ред.) на другого. Все записи должны быть одобрены через механизм консенсуса, а именно квалифицированным большинством (возможно, практически всеми, в зависимости от конкретных настроек консенсуса внутри системы) частных пользователей (участников системы платежей).

– *Чтение реестра.* В дизайне нашей системы, набор организаций-пользователей, имеющих право читать записи реестра, должен включать тех, кто имеет право делать в нем записи, а также расширительно должен быть представлен для регулирующих организаций, которые будут контролировать стороны, имеющие право делать записи в реестр. По нашему мнению, нет необходимости в общедоступном программном интерфейсе для чтения реестра, хотя правительство может счесть такой механизм полезным, например, для выполнения функции общественного контроля за функционированием системы или для мониторинга подозрительной активности (в сети). Для обеспечения приватности по умолчанию необходимо, чтобы запись о транзакции в реестре в целом не раскрывала историю транзакций отдельных пользователей, поэтому предполагается, что объем информации, раскрываемой в записях реестра, должен быть ограничен.

3.3. Не связанные с депозитарием электронные кошельки

Еще одна важная черта предлагаемой архитектуры – это *приватность по умолчанию*. Мы считаем, что защита данных не заменяет приватность (см. разд. 2.3.2), однако Ulrich Bindseil отмечает: «Существует мнение, что более сбалансированное решение должно включать адекватную защиту данных об электронных платежах» [50]. В рамках предлагаемого нами решения можно предположить, что вся сеть управляется регулирующими ОДО, поэтому будет предложено создать «мастер-ключ» или другой механизм исключительного доступа [51], чтобы уполномоченный на данную процедуру орган мог нарушить анонимность розничных пользователей ЦВЦБ. Это искушение следует преодолеть, помня о долгой истории такой аргументации [27, 44, 52] и последующих признаний политиков Европы и Америки [53, 54], которые не-

однократно говорили о потенциальной возможности злоупотреблений, как и о внутренних уязвимостях безопасности таких систем. В конечном счете замена защиты данных приватностью может обернуться созданием ограничений для законопослушных розничных пользователей ЦВЦБ, совершающих свои действия в рамках закона, которые не смогут доказать, что осуществляли сбор данных не с целью дальнейшего анализа. Заставить людей пользоваться системой, опирающейся на защиту их данных, означает производить доверие, что невозможно – так как доверие нужно заслужить. Более того, преступники и лица (организации), имеющие привилегированный доступ, будут иметь целый спектр возможностей, включая, но не ограничиваясь доверенностями, криптовалютами и кражами идентичности, которые окажутся в их распоряжении в качестве «внешних решений», если законодатели попытаются принудить их к прозрачности.

В отличие от схем, содержащих механизмы исключительного доступа, которые позволяют уполномоченным органам отследить стороны каждой транзакции, а значит, не обеспечивают анонимности, наша система нацелена на достижение истинной, хотя и частичной анонимности¹⁴, когда стороны транзакции могут оставаться анонимными, но все транзакции подлежат контролю на уровне интерфейса со стороны ОДО. Мы считаем, что уникальность дизайна нашей системы состоит в достижении анонимности и контроля одновременно; это достигается тем, что все транзакции происходят с участием регулируемого игрока, но при этом власти (а также инсайдеры, взломщики и т. д.) не имеют возможности раскрыть анонимность сторон транзакции, будь то напрямую или через корреляционные атаки.

Для выполнения требования приватности по умолчанию мы вводим концепцию *не связанного с депозитарием электронного кошелька*, под которым понимается программное обеспечение, взаимодействующее с реестром через ОДО и позволяющее розничному пользователю ЦВЦБ отделять свои токены ЦВЦБ от любой значимой информации¹⁵ о своей личности

¹⁴ Квазианонимности. – Прим. ред.

¹⁵ Имеется в виду персональная информация (данные), информация, необходимая для идентификации плательщика (или получателя). – Прим. ред.

или личностей прежних владельцев этих токенов. Пользователь выводит (переводит) токены из ОДО в собственный не связанный с депозитарием кошелек, а через некоторое время возвращает их в ОДО через последующую транзакцию, как показано на рис. 2. Система реестра работает как публично контролируемая DLT-система, участниками которой являются регулируемые ОДО. Алиса выводит цифровые токены из ОДО на свой не связанный с депозитарием кошелек в рамках транзакции T_{out} , а затем возвращает их в ОДО через транзакцию T_{in} . ОДО, из которого выведены токены, может быть тем же, что ОДО, на которую их возвратили, или иным. В частности, транзакция, в которой взаимозаменяемый токен переходит из не связанного с депозитарием кошелька к ОДО, не раскрывает никакой значимой информации об истории этого токена или его владельца.

Для обеспечения описываемых свойств приватности у не связанных с депозитарием кошельков система ЦВЦБ должна обладать встроенной технологией обеспечения приватности, подобной той, о которой мы говорили в разд. 2.3.3. Если используются протоколы доказательств с нулевым разглашением конфиденциальных сведений или сочетанием скрытых адресов, обязательства Педерсена и кольцевых подписей, то становится возможным избежать необходимости требовать от принимающих ОДО немедленного возврата эмитенту (потраченных) токенов, которые они получили. Однако использование метода слепых подписей, возможно, дает некоторое преимущество в виде эффективности вычислений; этот метод подходит в качестве примера, так как в нашей системе ОДО участвует в выполнении любой транзакции. А именно поскольку мы устанавливаем, что цифровой

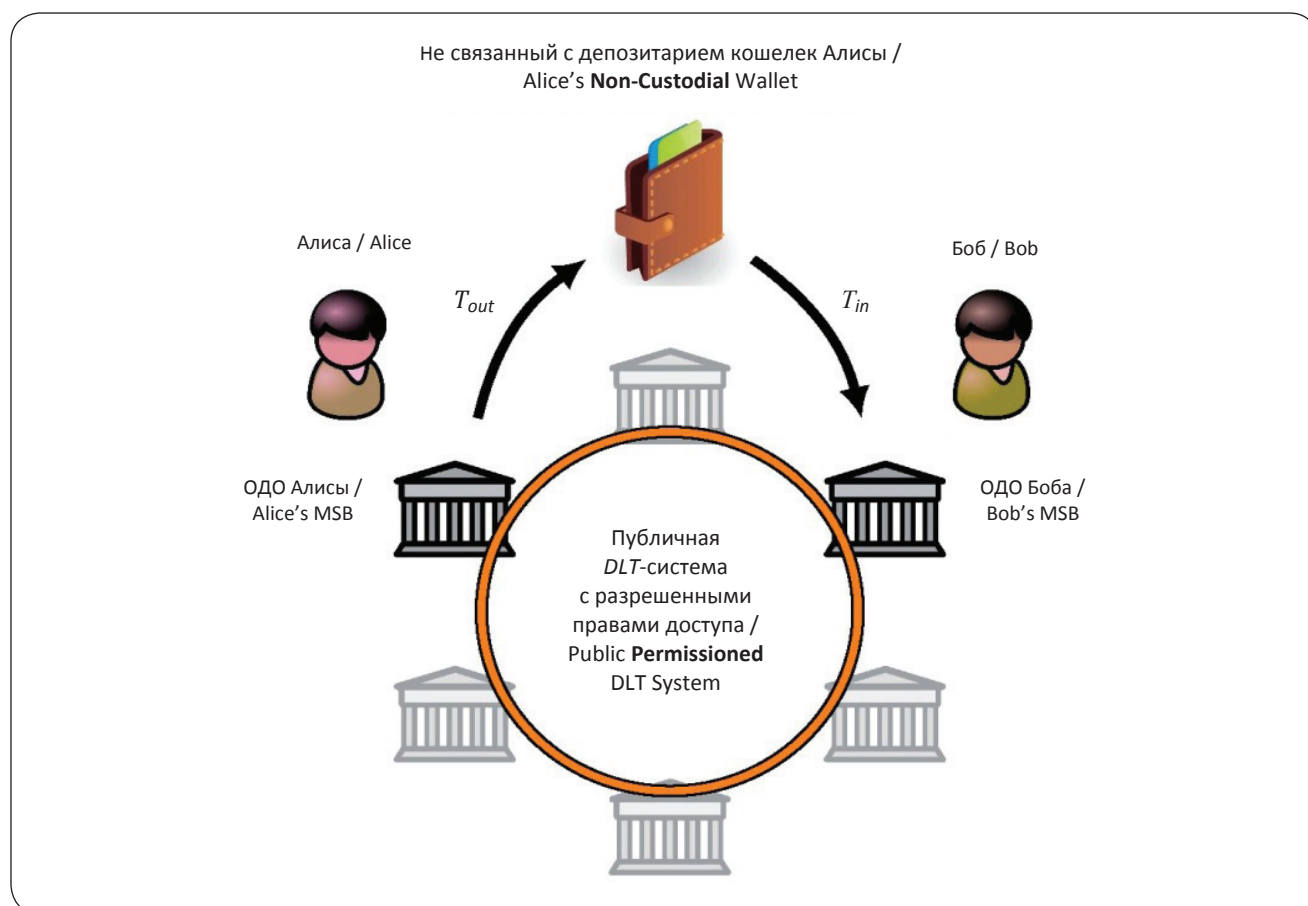

Рис. 2. Схематическое изображение предлагаемого дизайна системы

Fig. 2. Schematic representation of the system design

Часто утверждают, что современные криптографические технологии, такие как доказательства с нулевым разглашением, слишком сложны для понимания или эффективного применения в инфраструктуре с публичным реестром; однако в реальности они широко применяются. Кроме того, во множестве случаев регулирование осуществляется без уточнения деталей

3.4. Цикл активности пользователей

На рис. 3 показан типичный цикл активности пользователей ЦВЦБ, иллюстрирующий предлагаемый нами дизайн системы. Пользователь (физическое лицо B) имеет счет в банке и получает обычный платеж банковским переводом на свой счет (в банке B). Затем пользователь поручает своему банку (банку B) вывести ЦВЦБ. При этом некое количество цифровых токенов переводятся на не связанный с депозитарием электронный кошелек собственника через несоедини-

мые транзакции. Транзакции ЦВЦБ в реестре представлены на рисунке в виде символа фунта стерлинга (£). (Если банк *В* не получил ЦВЦБ напрямую из банка *А* вместе с платежом, то он может предоставить ЦВЦБ из своих собственных средств или получить ЦВЦБ из центрального банка в обмен на наличные или резервы.) Затем пользователь обращается к продавцу или другому поставщику услуг (компания *С*), лично или онлайн, который имеет счет в банке (банк *С*), настроенный на получение ЦВЦБ. С помощью своего не связанного с депозитарием электронного кошелька собственник взаимодействует с программным обеспечением, которое создает взаимодействие этого кошелька с банком продавца; этот банк записывает несколько транзакций в реестр, оформляя перевод ЦВЦБ из кошелька в банк продавца, кредитует счет продавца и информируя продавца об успешном проведении транзакции. Затем банк продавца может вернуть ЦВЦБ в центральный банк в обмен на наличные или резервы. Свойства приватности, заложенные в программное обеспечение реестра и не связанного с депозитарием электронного кошелька, не позволяют пользователю раскрыть информацию о себе или об истории (перемещения и владения) токенов, которая могла бы служить для обнаружения или отслеживания идентичности. В более общем виде выделим четыре механизма, с помощью которых розничный пользователь сможет получить цифровую валюту:

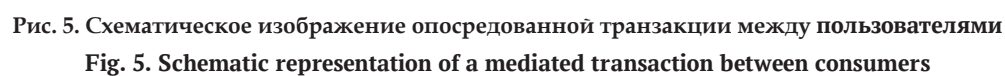
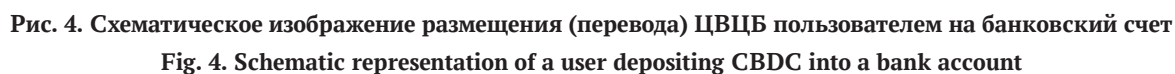
1. Через обмен денежных средств на счете ОДО на цифровую валюту. В нашей системе частное лицо или компания, имея счет в ОДО, сможет вывести цифровую валюту с этого счета на не связанный с депозитарием электронный кошелек. Цифровая валюта розничного пользователя на его не связанном с депозитарием электронном кошельке является аналогом наличных. Поскольку ОДО не является ее держателем, она не инвестируется и не приносит процентов; это равносильно хранению денег в физическом кошельке. Возможно, государство сможет выплачивать поощрения или налагать взыскания на сам актив, но это не будет «истинным» процентом и не будет выполнять его функций. Аналогично, частное лицо или компания со счетом в ОДО сможет депонировать цифровую валюту с не связанного с депозитарием электронного кошелька на счет, как показано на рис. 4. Розничные пользователи смогут помещать средства на свои собственные счета, возможно, с определенными ограни-

чениями или дополнительными проверками, в случае если это происходит часто или ими размещаются крупные суммы средств.

2. Как получатель цифровой валюты из внешнего источника на счет в ОДО. В этом случае пользователь будет получателем платежа в цифровой валюте. Отправитель этого платежа может быть известен, например, если это счет в ОДО, или неизвестен, например, если это не связанный с депозитарием электронный кошелек.

3. Как получатель цифровой валюты из внешнего источника на не связанный с депозитарием электронный кошелек. Любая транзакция, в ходе которой на не связанный с депозитарием электронный кошелек поступает цифровая валюта из внешнего источника, должна проходить через ОДО. Таким образом, ключевое отличие между этим режимом получения цифровой валюты и снятия с собственного счета пользователя состоит в том, что в данном случае получатель не имеет (или не использует) счет в ОДО. Эта форма транзакций показана на рис. 5. Розничные пользователи ЦВЦБ, желающие осуществить транзакцию между собой с помощью не связанного с депозитарием кошелька, должны делать это через регулируемый институт либо через регулируемую компанию со счетом в регулируемом институте. Этот институт создает транзакции в реестре между не связанным с депозитарием и кошельками двух розничных пользователей ЦВЦБ, при этом не создавая для них счетов. Мы предполагаем, что для этого нужно будет установить некие законные требования, определяющие роль ОДО в таких транзакциях, например, лимит на размер транзакции или требование получателю представить идентифицирующие документы сотруднику-человеку. Мы также считаем, что этот процесс был бы очень полезен при осуществлении государственных выплат (в качестве экономического стимулирования или по другим причинам) розничным пользователям без участия банковских счетов, как показано на рис. 6. На этом примере видно, как розничный пользователь может запросить причитающуюся ему ЦВЦБ либо напрямую у центробанка, либо через институт, такой как государственная казна или частный банк. Пользователь идентифицирует себя в регулируемом ОДО, который выполняет необходимые проверки на соответствие.

4. Через обмен физических наличных денег на цифровую валюту. Транзакции, в которых физические

наличные конвертируются в цифровую валюту, будут осуществляться через ОДО согласно соответствующим правилам, так же как цифровая валюта, получаемая напрямую из внешнего источника. Например, можно установить, что ОДО должно запрашивать информацию о происхождении денег, если объем превышает определенное пороговое значение.

Отметим, что обычно на розничных банковских счетах нельзя держать ЦВЦБ от имени отдельного пользователя, так же как и наличные. Время от времени банк обменивает ЦВЦБ на резервы центрального банка, и наоборот, поскольку ожидается, что банк будет выдавать ЦВЦБ своим розничным клиентам в соответствии с объемом и частотой расходования средств.

Отметим также, что сообщения в реестре публикуются регулируемыми финансовыми институтами. Это важное свойство предлагаемой системы: все транзакции в реестре должны быть опубликованы регулируемыми ОДО, а поскольку реестр полностью управляется регулируемыми ОДО, частные игроки не могут обменивать ценности напрямую между своими не связанными с депозитарием кошельками. Не связанные с депозитарием кошельки представляют собой уровень перенаправления, в результате чего ОДО не могут идентифицировать *стороны* сделок с их участием. Нельзя проследить связь любой транзакции с не связанным с депозитарием кошельком с другой такой транзакцией, вплоть до уровня косвенных доказательств, таких как время транзакции. К банкам может предъявляться требование «знай своих клиентов» (KYC), но к продавцам такого требования обычно не предъявляют. Более того, банку продавца не нужно знать клиентов этого продавца, а банку клиентов продавца не нужно знать ничего о продавце или его банке. В тех случаях, когда продавцу все-таки нужно знать своих покупателей, речь идет обычно о сущности взаимоотношений между ними, нежели о механизме оплаты, и идентификация такого рода должна происходить вне платежной системы.

Если сформирован механизм, с помощью которого никакая отдельная организация или группа не сможет построить профиль какой-либо отдельной транзакции в системе, то при использовании распределенного реестра выполняется важнейшее структурное требование. В дополнение к вышеуказанному требованию о наличии механизмов, защищающих транзакции с не связанным с депозитарием кошельками, таких как скрытые

адреса или доказательства с нулевым раскрытием, служащих для разделения приходных и расходных операций, предполагается, что частные лица будут использовать свои не связанные с депозитарием кошельки для транзакций с самыми разными сторонами; при этом они будут взаимодействовать с ОДО, выбранной другой стороной, а не с теми, в которых были открыты их не связанные с депозитарием кошельки.

На рис. 5 показан механизм, с помощью которого частные лица смогут совершать операции между не связанными с депозитарием кошельками. Сначала они должны выбрать регулируемое ОДО, которое будет записывать транзакцию в реестр, возможно, за небольшую плату. Это ОДО должно будет обработать ряд транзакций с (условно) первого не связанного с депозитарием кошелька в ОДО и из ОДО на второй не связанный с депозитарием кошелек. ОДО может предоставлять аналогичную услугу частным лицам при обмене ЦВЦБ на наличные и наоборот. Вероятно, ОДО будут собирать информацию о своих клиентах, необходимую для выполнения требований соответствия, однако мы считаем, что для личных и относительно небольших транзакций можно отменить такую серьезную идентификацию клиента, как, например, рекомендованная FATF [55]. В случае небольших онлайн-транзакций между двумя частными лицами мы считаем достаточной учетную идентификацию на основе атрибутов, показывающих, что отправитель или получатель имеет право совершать сделки [56]. Наконец, некоторые ОДО могли бы оказывать розничным пользователям ЦВЦБ услуги по обмену цифровых токенов, метаданные о которых были случайно раскрыты.

Рассматривая возможные варианты стимулирования, представленные на рис. 6, следует отметить следующее. Если государство хочет сделать стимулирующие выплаты определенной группе граждан либо всем гражданам или жителям страны, то каждого из них можно будет найти по уникальному номеру налогоплательщика. (Подобную процедуру возможно реализовать для организаций.) Затем государство просит указать банковский счет, текущий счет или электронный кошелек, на который будут перечислены средства. Если у гражданина или организации нет банковского счета, они могут обратиться к уполномоченному ОДО (например, почтовое отделение) для верификации их прав на выплату; ОДО выполняет необходимые процедуры идентификации, чтобы определить, дей-

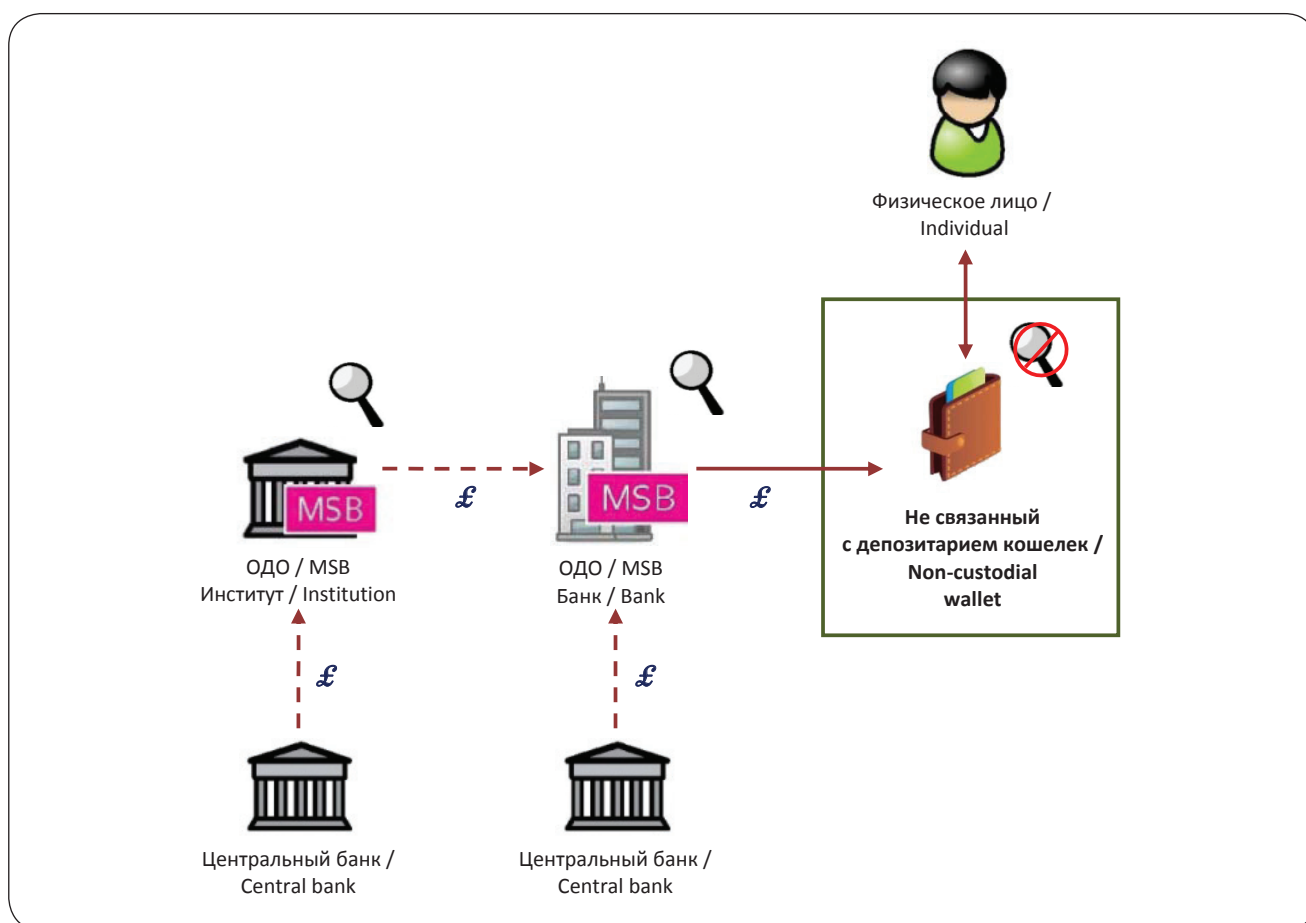

Рис. 6. Схематическое изображение выплаты (перевода) розничному пользователю на не связанный с депозитарием кошелек

Fig. 6. Schematic representation of a disbursement to a retail user with a non-custodial wallet

ствительно ли обратившийся с данным уникальным номером налогоплательщика имеет право на выплаты. Если это так, то ОДО может совершить транзакцию по переводу цифровой валюты непосредственно на его не связанный с депозитарием кошелек (без использования банковского счета). Мы предлагаем сделать такой вариант получения выплат доступным как для частных лиц, так и для организаций.

3.5. Вопросы безопасности

В целом функционирование цифровых валют опирается на использование и управление секретной криптографической информацией, такой как ключи; поэтому мы признаем, что использование цифровой валюты, позволяющей самостоятельно владеть цифровыми токенами вне политик безопасности со

стороны какой-либо финансовой организации, требует от пользователей управления безопасностью данными цифровыми активами¹⁶. Для этого существует целый ряд инструментов, включая идентификацию с применением с однофакторной или двухфакторной аутентификации, кастодиальные услуги, оказываемые третьей стороной, использование однопользовательских физических токенов в качестве альтернативы программному обеспечению электронного кошелька для устройств общего назначения или просто вы-

¹⁶ Имеется в виду то, что пользователям необходимо будет выбрать собственный набор инструментов для управления цифровыми токенами и их безопасного хранения. – Прим. ред.

бор лимита цифровой валюты, которую они держат в определенный момент времени у себя на счете. Мы считаем, что все эти инструменты могут быть полезны и, как и использование вместе со многими финансовыми решениями, наилучший выбор будет зависеть от структуры предпочтений и рисков каждого отдельного пользователя.

Разумеется, технология обеспечения приватности сама по себе не предполагает абсолютной анонимности. Хотя описываемый подход намеренно направлен на избегание связей транзакций друг с другом или с любыми идентификаторами владельцев не связанных с депозитарием кошельков, с помощью косвенных доказательств потенциально можно установить связь между множеством транзакций, а информацию о связи отдельного пользователя с конкретной транзакцией можно связать с другими данными и вывести паттерны использования. Например, при совершении анонимных транзакций через Интернет пользователи могут стремиться скрыть информацию о своем операторе мобильной связи или иную информацию, способную нарушить их анонимность. Кроме того, атаки с помощью временного анализа всегда представляют риск для любых действий с низким значением задержки, и мы настоятельно рекомендуем пользователям выдерживать определенный период времени, возможно, несколько часов или дней, между снятием денег на электронный кошелек и использованием этих денег. Если бы большинство пользователей немедленно тратили ЦВЦБ после ее поступления на электронный кошелек, то было бы потеряно преимущество их смешения с другими пользователями, которые держат деньги на электронном кошельке некоторое время.

По нашему мнению, в ряде случаев частное лицо может сознательно поделиться личной криптографической информацией о цифровой валюте (например, ключом для совершения транзакции) с другим лицом, тем самым разрешая этому другому лицу совершать транзакции от своего имени. Такие действия сходны с тем, как коллеги или члены семьи пользуются одной дебетовой картой. Мы не рассматриваем этот обмен информацией как платеж, поскольку система не предусматривает запрета для первого лица потратить цифровую валюту до того, как это сделает вторая сторона. Такой обмен правильнее характеризовать как «общий кошелек» или «обещанный платеж», а не как платеж как таковой, так же как выдача чека, датированного

будущим числом. Нельзя запретить людям давать обещания. Если частное лицо или организация владеют цифровой валютой, то методы распоряжения ею будут противоположны методам ее получения.

4. Анализ

Следует отметить, что предлагаемый нами дизайн системы цифровой валюты, хотя и может включать в себя ЦВЦБ, но обобщается в качестве «хранилища ценности» [57], которое потенциально может представлять множество различных активов и их инфраструктуру, включая, но не ограничиваясь центральным банком и государственными активами. Для целей нашего анализа мы сосредоточимся на использовании предложенного дизайна ЦВЦБ, и в особенности розничной ЦВЦБ, в качестве инструмента, предоставляющего широкий доступ для общедоступности к публичной цифровой форме наличных денег.

4.1. ЦВЦБ как система розничных платежей

По нашему мнению, главное преимущество ЦВЦБ состоит в том, что розничные пользователи могут держать ее на своих не связанных с депозитарием электронных кошельках. Аргумент, что ЦВЦБ следует держать только на попечительских счетах, основан на двух допущениях: во-первых, что цифровые активы в токенах невозможно возмещать напрямую; и, во-вторых, что ЦВЦБ предназначена, главным образом, для решения проблемы эффективности, к примеру, транзакционных издержек или распространения эффективной кредитно-денежной политики, и ни для чего больше. Однако существуют вполне приемлемые механизмы, позволяющие напрямую возмещать цифровые активы в токенах, а неизбежное снижение роли наличных в качестве средства платежа является, очевидно, гораздо более глубокой проблемой, чем распространение кредитно-денежной политики. Благодаря наличным люди всегда имели возможность совершать финансовые транзакции с активами, полностью находящиеся под их контролем, которые нельзя было отследить, и которые в целом не были подвержены дискриминации или влиянию третьей стороны. Однако снижение использования наличных показывает, что связанная с ними инфраструктура может в скором будущем стать экономически несостоятельной; в этом случае указанные фундаментальные

права могут исчезнуть. Следовательно, ЦВЦБ можно рассматривать, в первую очередь, как возможность для розничных пользователей сохранять преимущества неподотчетных денег в цифровую эпоху.

Возникает вопрос, является ли ЦВЦБ скорее современной формой банковских депозитов или цифровой формой наличных. Если будет предложена система ЦВЦБ, основанная на счетах (прим. ред. см. выше) и подлежащая перезалогу, то она может стать в общем случае жизнеспособным заменителем банковских депозитов; однако если будет использоваться система ЦВЦБ с дизайном, как мы предлагаем, основанным на токенах, которая не будет подлежать перезалогу, тогда она будет больше похожа на реализацию формы наличных денег. В последнем случае у пользователей по-прежнему остаются причины для использования банковских депозитов в качестве средств накопления (среди таких причин – начисление процентов и инфляционные риски) и использовать ЦВЦБ преимущественно в качестве средства платежа, даже если обе формы денег подходят для обеих целей.

Важно отметить, что архитектура предлагаемой системы обеспечивает ее приватность как *по структуре*, так и *по умолчанию*. Наше предложение показывает, как можно поддерживать уровень истинной анонимности даже на платформах, управляемых институционально; тем самым мы опровергаем мнение, что электронные средства розничных платежей, управляемые институционально, должны обязательно собирать все возможные данные о сторонах транзакции.

4.2. Децентрализация

Необходимо прояснить несколько важных вопросов о структуре, основанной на токенах, например, должны ли токены выпускаться напрямую центральным банком или другими институтами (в виде «стейблкоинов») или они могут функционировать полностью вне институциональной среды (в виде «криптовалюты»). Нужно отметить, что стейблкоины несут в себе системный риск. Они связаны с каким-либо другим [обычно физическим. – Прим. перев.] активом, который может рухнуть. Таким образом, пользователи стейблкоинов несут партнерские риски по отношению к тем, кто должен поддерживать указанную связь. Эти риски состоят в том, что либо стейблкоины должны торговаться со скидкой по отношению к активу, с которым они связаны, либо эта

связь должна гарантироваться государственной организацией, например, центральным банком. В первом случае стейблкоины не будут стабильными; во втором они не будут отличаться от фиатной валюты.

Системы на основе токенов, в том числе системы с ярко выраженным свойством приватности, могут быть централизованными, т. е. опираться на конкретного арбитра при разрешении споров о валидности каждой транзакции (возможно, с разными арбитрами для разных транзакций), или они могут быть децентрализованными, т. е. использовать для валидации транзакций технологию распределенного реестра, использующую процедуру достижения консенсуса. В случае использования децентрализованной структуры следует рассмотреть вопрос о том, кто будет управлять системой. Например, в случае ЦВЦБ, хотя мы считаем, что за разработку и выпуск токенов ЦВЦБ отвечает центробанк, это не означает, что он же будет отвечать и за управление инфраструктурой транзакций или платежной системой; до сих пор за эти аспекты отвечали, как правило, частные организации. Как отмечалось выше, системы платежей, клиринга и расчетов часто управляются совместными усилиями [42, 43]. Действительно, современная инфраструктура цифровых платежей, основанная на банковских депозитах, зависит от множества игроков, и мы считаем, что такой будет и инфраструктура цифровых платежей, основанная на ЦВЦБ. Ответственность за управление и поддержание стоимости валюты – это не то же самое, что ответственность за управление и контроль над транзакциями, а ответственность за контроль над платежными системами – это не то же самое, что ответственность за управление ими. Структура, которая обеспечивает внешнюю ответственность за управление инфраструктурой транзакций, поддерживающей ЦВЦБ, вполне совместима с операционной ролью центрального банка при использовании ЦВЦБ для создания денег и реализации денежной политики.

Предлагаемая нами модель ЦВЦБ опирается на инфраструктуру распределенного реестра по нескольким причинам. По нашему мнению, в настоящее время это наиболее жизнеспособный метод реализации сотрудничества центрального банка с частными компаниями в сфере создания общенациональной платежной инфраструктуры под управлением частных компаний; это может быть реализовано как через государственно-частное партнерство, так и в рамках иных

моделей сотрудничества или надзора. Использование технологии распределенного реестра не предполагает, что домохозяйства или отдельные граждане должны иметь счет в центральном банке или непосредственные отношения с ним, как ошибочно утверждают некоторые авторы. Напротив, в нашем предложении велика роль ОДО, особенно при идентификации, регистрации и сопровождении новых клиентов, соблюдении требований соответствия и управлении их счетами.

По нашему мнению, преимущества технологии распределенного реестра можно распределить по трем категориям, причем каждая из них будет относиться к диапазону ошибок, возможности взлома системы и ответственности, возникающей в результате внутренних и внешних рисков. Мы считаем, что каждое из этих преимуществ обязательно должно присутствовать в системе, чтобы она была успешной. Мы отмечаем следующие преимущества:

1. *Ликвидация прямых затрат и рисков, связанных с управлением системой в реальном времени в роли мастера или арбитра.* Поскольку база данных системы управляется централизованно, централизованный реестр будет с неизбежностью опираться на некоего центрального оператора, играющего операционную роль в транзакциях. Эта роль предполагает следующее. Во-первых, центральный оператор несет административные обязанности, включая обязанность гарантировать надежность системы на техническом уровне и улаживать любые проблемы и споры на техническом и человеческом уровне. Во-вторых, поскольку центральный оператор имеет возможность влиять на транзакции, он будет нести издержки на обеспечение ожидаемого осуществления транзакций, а также риски обвинений в халатности или злоупотреблениях, если транзакции не были осуществлены, как ожидалось. В-третьих, поскольку центральный оператор в одностороннем порядке определяет границы допустимых действий, он может быть обвинен в невыполнении установленных правил.

2. *Предотвращение односторонних действий отдельных пользователей или групп.* Как было показано в исследовании Michael Siliski [58], администратор централизованного реестра может наложить запрет на отдельных пользователей или давать им преференции; явно или неявно взимать плату с пользователей системы; искажать официальные записи о транзакциях;

в любой момент менять правила; остановить действие системы без предупреждения.

3. *Обеспечение прозрачности и подотчетности процесса для операторов системы.* Поскольку администратор централизованного реестра может принимать односторонние решения, внешние наблюдатели не могут определить, корректно ли он исполняет свои обязанности. В частности, управление реестром и средства доступа других сторон к реестру находятся под исключительным контролем администратора, который не обязан раскрывать факт своей заинтересованности при изменении протокола или просить другие стороны одобрить изменения. В случае же распределенного реестра можно использовать «обратное наблюдение», когда любые изменения правил должны быть в явном виде одобрены частными операторами.

4. *Повышение эффективности и качества услуг через конкуренцию и инновации.* Если операторы системы подотчетны и заинтересованы в своей деятельности, становится возможным достичь важных целей при предоставлении услуг, включая скорость принятия решений, отсутствие дискриминации в сфере финансов, а также развитие частной инициативы (например, поддержка местных банков) в отличие от насаждения директив сверху.

Каждое из перечисленных преимуществ относится к аспектам диапазона ошибок, возможности взлома системы, а также ответственности центрального органа управления, возникающей в результате внутренних и внешних рисков. Центральный регулирующий орган может наблюдать за функционированием всей сети транзакций и решать, какое из частных ОДО получит право стать ее участником; однако распределенный реестр позволяет передать ответственность за транзакции непосредственно в ОДО. А именно ОДО будет нести ответственность за каждую транзакцию, а распределенный реестр можно использовать для создания (потенциально) неизменяемых записей, связывающих каждую транзакцию с соответствующим ОДО, при этом центральный игрок не будет нести ответственности за отдельную транзакцию.

4.3. Влияние на ликвидность

Выпуск и использование ЦВЦБ может стать для центробанков полезным инструментом управления совокупной ликвидностью. Например, если цифровая валюта центрального банка станет широко распро-

страненной, это может привести к изменению совокупной ликвидности; последнее относится к активам, которые используются, обмениваются и обладают премией за ликвидность [19]. В некоторых моделях ЦВЦБ повышает эффективность обмена, учитывая ее низкую затратность и стабильность единицы учета, особенно в тех случаях, когда цифровая валюта (как в нашем предложении) используется для широкого круга децентрализованных транзакций; это позволяет укрепить каналы распространения денежной политики в торговле. В распоряжении центробанка будут определенные возможности для контроля выпуска и стоимости ЦВЦБ, включая целенаправленное использование положительных и отрицательных стимулов для создания более высокой ликвидности или более низкой премии за ликвидность в ЦВЦБ или в банковских депозитах, ориентируясь на наличие трудностей с инвестированием [19]. Кроме того, держатели ЦВЦБ могут использовать ее в качестве внутридневной ликвидности, когда инструменты поглощения ликвидности не достигают аналогичного эффекта. В настоящее время ощущается недостаток краткосрочных инструментов денежного рынка, которые совмещали бы надежность и ликвидность, которые может потенциально обеспечить ЦВЦБ. Следовательно, ЦВЦБ может играть важную сдерживающую роль против шоков ликвидности.

Одно из опасений относительно ЦВЦБ состоит в том, что во время финансового кризиса клиенты могут отказаться от банковских депозитов в пользу ЦВЦБ. Это вполне возможно, однако мы утверждаем, что с нашей системой отказ в пользу ЦВЦБ не более вероятен, чем в пользу наличных. Действительно, ЦВЦБ может способствовать замене активов частного сектора на безрисковые активы с целью обезопасить свои средства, особенно учитывая, что банковские депозиты подвержены рискам непогашения кредита и остаточной ликвидности, несмотря на широкое использование страхования до определенной суммы. В то же время существуют лимиты на вывод ЦВЦБ из финансовых институтов; мы также считаем, что для физических лиц будут установлены лимиты снятия ЦВЦБ с их банковских счетов, так же как такие лимиты установлены для снятия наличных. Если начнется массовое снятие средств, то оно будет сдерживаться такими лимитами и, в принципе, правительство может даже попросить банки установить более жесткие ли-

миты или вовсе приостановить вывод средств в случае чрезвычайной ситуации. Более того, если правительство гарантирует возврат средств до определенной суммы, то в сочетании с другими выгодами депозитов это может остановить массовое снятие средств. В других случаях соотношения «затраты – выгода» и «риск – выгода» потребуют более тщательного анализа на основе полномочий. Кроме того, мотивация к накоплению средств будет снижаться благодаря наличию «срока годности» на цифровые активы и отсутствию выплаты процентов. Мы признаем, что банковские депозиты останутся привлекательными даже при наличии ЦВЦБ, поэтому считаем, что ЦВЦБ должны быть дополнительным инструментом наряду с депозитами и что банки должны играть определяющую роль в выпуске и хранении токенов ЦВЦБ.

4.4. Влияние на финансовый сектор

В предлагаемой нами системе ЦВЦБ представляет собой самостоятельный финансовый инструмент, который тем не менее имеет с наличностью много общих свойств, включая полное обеспечение и невозможность займов и перезалогов. В сущности, цифровая валюта остается деньгами, относящимися к типу M0¹⁷. Более того, мы не предлагаем снизить роль банкнот или банковских депозитов. Напротив, мы понимаем, что все три указанных инструмента имеют преимущества и ценность для домохозяйств и компаний, они могут дополнять друг друга и увеличивать совокупное благосостояние частных лиц и организаций и после выпуска ЦВЦБ [26]. Существенным недостатком предложений об отмене наличных является то, что наличные играют относительно большую роль в социально-экономических областях более низкого уровня, а значит, введение ЦВЦБ с целью их отмены негативно отразится на таких домохозяйствах и компаниях. Стоит задаться вопросом, перевесят ли затраты на поддержание инфраструктуры наличных затраты на предоставление широкого доступа к технологической инфраструктуре, которая должна заменить наличные.

Самое непосредственное влияние, которое предлагаемая нами система окажет на финансовый сектор, относится к различным уровням управления рисками.

¹⁷ Денежный агрегат M0 – денежная масса. – Прим. ред.

Увеличивая скорость взаиморасчетов, цифровая валюта может улучшить управление рисками ликвидности в сфере финансовых институтов. Кроме того, цифровая валюта может помочь в борьбе с системными рисками как непосредственно, позволяя регулирующим органам отследить практически любую транзакцию, так и косвенно, давая государству инструмент стимулирования при сохранении контроля над всеми рычагами влияния в системе.

Таким образом, в целом технология распределенного реестра обеспечивает создание перспективного инструмента для снижения рисков [59]; поэтому наша архитектура основана на DLT-сети под управлением ОДО и других частных институтов, а не на централизованном реестре под управлением единственной государственной (или частной, как в случае стейблкоинов) организации. Вследствие этого наша система снижает целый ряд рисков, связанных с зависимостью от центрального арбитра: (1) технические риски, связанные с доступностью, надежностью и техническим обслуживанием; (2) риски, связанные с вопросами доверия и операционной прозрачности; (3) финансовые и юридические риски. Кроме того, наша система позволяет передать под управление частного сектора инфраструктуру розничных платежей и расчетно-кассовых операций, при этом сохраняя за государственными регулирующими органами контроль над системой на организационном уровне. Поскольку в нашей системе цифровая валюта не заменяет, а дополняет банковские депозиты, роль коммерческих банков оптимизируется без снижения объемов их активов. В частности, мы считаем, что активы центральных банков не будут существенно увеличены после введения нашей системы цифровой валюты, так как, согласно нашему предложению, основное назначение токенов ЦВЦБ состоит не в создании долгосрочного средства накопления, а в повышении эффективности электронных платежей.

4.5. Влияние на уровень мошенничества и ухода от налогов

Мы считаем, что работа ОДО и их взаимоотношения с клиентами должны проходить в режиме строгого соответствия требованиям. В частности, банки должны выполнять требования по надежной идентификации клиентов, а другие ОДО, такие как организации по переводу безналичных средств,

пункты обмена валют, почтовые отделения, должны иметь как процедуры идентификации и авторизации, так и ограничения транзакций. Предполагается, что уполномоченные органы смогут отслеживать любую транзакцию и определять конкретное ОДО, выполняющее ее, а также что они будут иметь доступ к записям о транзакциях, которые должны вести ОДО.

Однако, поскольку наша система предполагает истинную анонимность, она не позволяет властям узнать конкретные стороны транзакции. В частности, даже если уполномоченные органы имеют все записи, некоторые транзакции будут совершаться через не связанные с депозитарием электронные кошельки, так же как в операциях с наличными стороны часто остаются анонимными. Хотя уполномоченные органы будут иметь информацию обо всех розничных пользователях и истории снятий ими цифровой валюты, они не смогут связать не связанный с депозитарием электронный кошелек с конкретным пользователем. Вспомним, что отдельные пользователи будут иметь возможность выводить цифровую валюту из ОДО так же, как они получают наличные из банка или банкомата, с такими же ограничениями. Розничные пользователи смогут тратить цифровую валюту так же, как они тратят наличные, делая покупки у продавцов, для которых существуют свои ограничения и которые находятся под контролем финансовых институтов и знают, что получение ими токенов будет отслеживаться уполномоченными органами. Последние будут знать, кто недавно переводил цифровую валюту на не связанный с депозитарием электронный кошелек, так же, как они могут узнать, кто недавно снимал наличные, а также они будут знать, кто недавно получал цифровую валюту с не связанного с депозитарием электронного кошелька. При этом нельзя будет с помощью цифровой валюты связать конкретного получателя денег с тем, кто снимал деньги. Мы утверждаем, что это свойство наличных необходимо и обязательно для защиты индивидуальных пользователей от отслеживания и манипулирования со стороны злоумышленников и других заинтересованных лиц, включая игроков из частного сектора. Более того, раскрытие информации о сторонах каждой сделки налагает ответственность за выявление мошенничества на правоохранительные органы, значительно увеличивая нагрузку на них, тогда как при наличии мотивации преступники все равно смогут использовать промежуточные серверы или

взломанные учетные записи для достижения своих целей, даже если каждая транзакция будет полностью прозрачной.

Для борьбы с мошенничеством в нашей системе применен другой подход, ориентированный скорее на механизмы контроля и аналитику данных о транзакциях, чем на отслеживание сторон сделки. Поскольку в каждой транзакции участвует регулируемый финансовый посредник, который должен соблюдать процедуры *AML/KYC*, возникает возможность эффективно рассматривать каждую транзакцию. Уполномоченные органы смогут обеспечить выполнение определенных правил и ограничений держателями счетов, которые получают переводы с не связанных с депозитарием электронных кошельков, включая, но не ограничиваясь налоговым контролем. Записи с таких счетов, а также подлежащие аудиту записи в реестре, генерируемые *DLT*-системой, могут обеспечить сбор данных в режиме реального времени для сферы налогообложения, согласования и соответствия. Поскольку все розничные платежи с участием цифровой валюты будут использовать в конечном итоге один и тот же реестр, станет возможным более непосредственное (по сравнению с текущей ситуацией) распознавание ненормативных действий, таких как намеренное предоставление заведомо неверного адреса для перечисления с не связанного с депозитарием электронного кошелька; в то же время автоматическое подтверждение его соответствия в режиме реального времени станет более доступным. Эти действия смогут производить не только власти, но даже пользователи, тем самым снижая вероятность их совершения.

Рассмотрим также, будет ли безопасное хранение крупных сумм в физических наличных более или менее затратным, чем хранение крупных сумм в цифровой валюте. В принципе, цифровую валюту можно экономно хранить онлайн, однако в защите онлайн-систем могут быть серьезные дефекты, а сроки службы цифровых офлайн-устройств ограничены. Отметим, что обеспечение безопасности обычно оценивается в зависимости от объема ценности, а не от стоимости хранения. Кроме того, использование группировки цифровых токенов, например, по годам выпуска, может предотвратить накопление крупных запасов цифровой валюты, чего не происходит с физическими наличными. (Токены из одной группы подлежат обмену друг на друга, но не на токены из других групп.)

Стоит также рассмотреть вопрос, смогут ли преступные организации, с целью избежать взаимодействия с ОДО, применять обмен частных ключей, вместо того чтобы вступать в транзакции. Мы считаем, что совместное использование приватного ключа – это эквивалент возможности совместно использовать деньги, которые можно использовать только один раз, тем самым создавая договорную обязанность; противоположное действие состоит в передаче права собственности, как при использовании не связанного с депозитарием электронного кошелька. (Заметим, что каждый токен будет иметь свой собственный приватный ключ.) Преступники могут совершать обмен договорными обязанностями с помощью различных частных и офлайн-методов даже при отсутствии обеспечивающей приватность платежной системы. С одной стороны, такие обмены невозможно отследить или ограничить; с другой – для них изначально требуется высокий уровень доверия, а мы утверждаем, что отношения транзитивного доверия должны быстро сойти на нет после успешных транзакций. В то же время будет легко отследить попытки дважды использовать один и тот же цифровой токен; можно организовать систему, оповещающую уполномоченные органы о таких попытках непосредственно в момент их совершения. Мы считаем, что выгоды от применения обеспечивающей приватность системы платежей превосходят ее возможные недостатки; этих недостатков практически нет, учитывая дополнительные возможности, которые получают правоохранительные органы, а также механизмы, которые можно ввести в будущем. Не стоит забывать, что злоумышленники действуют во многих областях и множеством различных способов, а предлагаемая нами система не способствует распространению незаконных проявлений.

4.6. Сравнение с альтернативным и подходами

В табл. 1 представлено сравнение основных свойств предлагаемого нами дизайна с несколькими популярными системами ЦВЦБ. Среди таких свойств отметим следующие:

1. *Различные пользователи могут хранить цифровые активы вне своих счетов.* В большинстве систем предполагается, что цифровые активы всегда находятся у посредников. Напротив, наша система

Таблица 1

Сравнение свойств некоторых предлагаемых систем розничных цифровых валют

Table 1. Comparison of features among proposed retail digital currency architectures

	Goodell, Al-Nakib, Tasca R3 [22]	R3 [22]	Sveriges Riksbank [61]	Bank of England [16]	Adrian and Mancini-Griffoli (MBF) [62]	Bordo and Levin [45]	ConsenSys [63]	Zhang «Синтетическая ЦВЦБ» (МВФ) [14]	Auer and Bohme (BMP) [64]
Ценности можно хранить без счетов / One Can hold value outside an account	●	○	○	○	○	○	○	○	○
Система распределенного реестра / DLT system	●	●	○	●	○	○	●	○	○
Нет центрального контроллера транзакций / No central gatekeeper for transactions	●	●	○	●	●	○	●	●	○
Может управляться исключительно частными, независимыми игроками / Can be operated exclusively by private, independent actors	●	●	○	●	●	○	●	●	○
Государство осуществляет выпуск и уничтожение цифровой валюты / State manages issuance and destruction	●	●	●	●	●	○	●	○	●
Розничные пользователи не имеют счетов в центральном банке / Retail users do not hold accounts with the central bank	●	●	●	○	●	○	○	●	●
Истинная приватность (в отличие от защиты данных) / True privacy (in contrast to data protection)	●	○	○	○	○	○	○	○	○
Все транзакции записываются в реестр / All transactions are on-ledger	●	●	●	●	○	●	○	○	●
Все транзакции требуют наличия регулируемого посредника / All transactions require a regulated intermediary	●	●	●	○	●	●	○	●	●
В числе посредников могут быть нефинансовые институты / Intermediaries can include non-financial institutions	●	○	○	○	○	○	●	○	○

наделяет отдельных пользователей возможностью реально контролировать активы, которыми они владеют, и выбирать распорядителя на своих условиях, если это необходимо.

2. *Отсутствие у частных лиц и нефинансовых организаций счетов в центральном банке.* По нашему мнению, требование иметь счет в центральном банке приводит к увеличению затрат и рисков безопасности. Такая структура может привести к тому, что центральный банк будет брать на себя сделки, во многих странах обычно проводимые частными банка-

ми, что сведет на нет преимущества от использования цифровых токенов по сравнению со счетами. Группа исследователей под управлением Jesus Fernandez-Villaverde отмечает, что многие разработчики ЦВЦБ, например Bordo и Levin [45], предусматривают передачу посреднических функций от коммерческих банков центральным банкам, позиционируя эту возможность как преимущество ЦВЦБ [60]. Однако в их анализе описывается компромисс между возможностью избежать массовых изъятий средств из банков и оптимальным размещением капитала [60]; при этом

недооценивается ключевая роль коммерческих банков по несению рисков. На наш взгляд, эту роль нельзя недооценивать.

3. *Специализированная внутренняя система розничных платежей.* Мы преднамеренно не включили в нашу систему требование поддерживать международные или оптовые платежи. Наша система разработана целенаправленно по требованиям розничных платежей внутри страны, которые, как мы считаем, кардинально отличаются от требований к международным или оптовым платежным системам.

4. *Истинная, проверяемая приватность для розничных пользователей.* Защита данных – не то же самое, что приватность, поэтому наша структура не опирается на доверие к третьим сторонам или на защиту метаданных в их транзакциях. В некоторых системах цифровых валют на основе счетов предлагается использовать «ваучеры анонимности», действующие в течение ограниченного времени [22, 23]. Мы не думаем, что такие подходы будут эффективными – не только из-за рисков, связанных с обеспечением анонимности в течение конкретных временных промежутков, но и из-за атак, которые всегда возможны при передаче средств напрямую с одного регулируемого счета на другой.

5. *Отсутствие новых систем цифровой идентификации.* Наша система не требует никаких специальных систем идентификации, кроме тех, которыми уже пользуются ОДО и частные банки. В частности, она не требует какой-либо инфраструктуры идентификации в масштабах всей системы, а также позволяет отдельным пользователям совершать платежи со своих электронных кошельков, не раскрывая своей личности.

6. *Отсутствие новой операционной инфраструктуры режима реального времени, управляемой центральными уполномоченными органами.* В нашей системе управление может осуществляться исключительно частными, независимыми игроками; никакая отдельная часть инфраструктуры не нуждается в опоре на центрального игрока для своего функционирования. Распределенный реестр позволяет передать ответственность за большинство транзакций в ОДО без участия центрального банка. ОДО несет ответственность за каждую транзакцию, которую записывает в реестр, а технологию распределенного реестра (DLT) можно использовать для создания (по-

тенциально) неизменяемой записи, связывающей каждую транзакцию с соответствующим ОДО, которое ее провело. Центральный банк в данном случае не несет ответственность за проведение отдельной транзакции.

5. Рекомендации

Мы считаем, что все ранее предложенные модели ЦВЦБ не отвечают важным критериям, указанным в табл. 1. В частности, мы показали, что у них отсутствует ряд свойств, влияющих на критические характеристики в области создания ценности, а также в управленческой и финансовой сферах. Наше предложение полностью отвечает всем важнейшим требованиям.

Уникальность нашей модели обусловлена следующими свойствами. Во-первых, в ней использована система взаиморасчетов на основе технологии распределенного реестра, которая контролируется государственными органами, но управляется исключительно частными, независимыми игроками. Во-вторых, она направлена на повышение благосостояния и безопасности пользователей через использование *приватности по умолчанию*, при этом не исключая возможности анализа основных рисков, что ценно для государственных органов.

В любом случае очень важно отделять требования регулирования для идентификации («политика») от внутренних протоколов и технологий, обеспечивающих проведение платежей («механизм»). Такое разделение должно быть обязательным требованием для не связанных с депозитарием кошельков. Механизм осуществления розничных электронных платежей через банк-кастодиан делает возможным отслеживание как побочный результат отношений ответственного хранения. Чтобы владельцы денег могли по-настоящему свободно пользоваться ими, они должны иметь средства для использования денег вне отношений ответственного хранения и без риска отслеживания. Если на не связанные с депозитарием кошельки будут наложены требования, существенно ограничивающие такие операции, то это будет означать, что нельзя в полной мере владеть цифровыми деньгами, так как их пользователи будут вынуждены принять ограниченный набор прав. (Данный абзац является также ответом на недавнюю консультацию Агентства по борьбе с финансовыми преступлениями США [3].)

6. Выводы

При создании нашей системы мы руководствовались основополагающим принципом: нельзя доверять тому, что нельзя проверить. Мы показали, что возможно создать цифровую платежную систему, сочетающую наиболее характерные свойства наличных денег и контроля регулятивных органов. Мы также показали, как обеспечивающая приватность технология может защитить пользователей от слежения, позволяя сторонам транзакции сохранять анонимность, даже если транзакции не являются пиринговыми и регулирующие органы могут видеть каждую из них. Мы утверждаем, что технология распределенного реестра помогает избежать затрат и рисков, присущих централизованной инфраструктуре под управлением правительства или его контрагентов, при этом позволяя государству удостоверяться, что система функционирует так, как заявлено. Мы пришли к выводу, что возможно и необходимо позволить пользователям хранить свои средства вне системы ответственным

хранением («на стороне»), и показали, как внедрить эффективную систему ЦВЦБ, не разрушая существующие отношения пользователей ЦВЦБ с банками и не вводя обязательных централизованных счетов или систем управления идентификацией.

Мы надеемся, что государственные служащие и руководители бизнеса согласятся с нами в том, что обеспечение прав отдельных граждан в контексте электронной коммерции и электронных розничных платежей является чрезвычайно важным, особенно учитывая постоянный рост доли таких систем в розничном секторе экономики. Существующая инфраструктура электронных розничных платежей подвергает пользователей рискам, среди которых можно назвать слежение, дискриминацию и недостаточную автономию. Наше исследование показывает, что можно обеспечить эффективное функционирование специализированной децентрализованной системы розничных платежей внутри страны, что отвечает также и государственным интересам.

Список литературы / References

1. Mancini-Griffoli, T., Peria, M., Agur, I., Ari, A., Kiff, J., Popescu, A., Rochon, C. (November 2018). Casting Light on Central Bank Digital Currency. *IMF Staff Discussion, Note SDN/18/08*. <https://www.imf.org/~7media/Files/Publications/SDN/2018/SDN1808.ashx> (access date: 10.05.2020).
2. Auer, R., Cornelli, G., Frost, J. (3 April 2020). Covid-19, cash, and the future of payments. *BIS Bulletin*, 3. <https://www.bis.org/publ/bisbull03.pdf> (access date: 04.04.2020).
3. Goodell, G. (7 January 2020). Comment on FR Doc #2020-28437. *Public Submission to the US Financial Crimes Enforcement Network*. https://downloads.regulations.gov/FINCEN-2020-0020-4720/attachment_1.pdf (access date: 08.01.2021).
4. *Access to Cash Review (UK)* (March 2019). Final Report. <https://www.accesstocash.org.uk/media/1087/final-report-final-web.pdf> (access date: 07.01.2021).
5. Sadeghi, M. Fact Check: No US Law Requires Businesses to Take Cash, But Local Laws May Mandate It (16 September 2020). *USA Today*. <https://eu.usatoday.com/story/news/factcheck/2020/09/16/fact-check-cashless-businesses-banned-only-some-local-state-laws/3330804001/> (access date: 07.01.2021).
6. Tisher, D., Evans J., Cross K., Scott R., Oxley I. (2020). *Where to Withdraw? Mapping Access to Cash across the UK*, University of Bristol, Bristol, UK. <http://www.bristol.ac.uk/media-library/sites/geography/pfrc/Where%20to%20withdraw%20-%20mapping%20access%20to%20cash%20across%20the%20UK.pdf> (access date: 07.01.2021).
7. Armer, P. (1968). Privacy Aspects of the Cashless and Checkless Society. In *Testimony before the US Senate Subcommittee on Administrative Practice and Procedure*, RAND Corporation: Santa Monica, CA, USA. <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/papers/2013/P3822.pdf> (access date: 07.01.2021).
8. Armer, P. (1975). Computer Technology and Surveillance. *Comput. People*, 24, 8–11, https://archive.org/stream/bitsavers_computersA_3986915/197509#page/n7/mode/2up (access date: 07.01.2021).
9. Nissenbaum, H. (May 2017). *Deregulating Collection: Must Privacy Give Way to Use Regulation?*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3092282> (access date: 29.09.2020).
10. Rychwalska, A., Goodell, G., Roszczynska-Kurasinska, M. (2021). Data management for platform-mediated public services: Challenges and best practices. *Surveill. Soc.*, 19, 22–36. <https://doi.org/10.24908/ss.v19i1.13986>
11. Goodell, G. (2020). Privacy by Design in Value-Exchange Systems. *Discussion Paper*. <https://arxiv.org/abs/2006.05892> (access date: 10.06.2020).

12. Goodell, G., Aste, T. (2019). Can Cryptocurrencies Preserve Privacy and Comply with Regulations?. *Front. Blockchain*. <https://doi.org/10.3389/fbloc.2019.00004>
13. Mersch, Y. (11 May 2020). *Speech at the Consensus 2020 Virtual Conference*. <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2020/html/ecb.sp200511~01209cb324.en.html> (access date: 11.05.2020).
14. Zhang, T. (2020). *Keynote Address on Central Bank Digital Currency*. London School of Economics. London. UK. <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/03/19/sp031920-deputy-managing-director-tao-zhangs-keynote-address-on-central-bank-digital-currency> (access date: 22.04.2020).
15. Monetary Authority of Singapore, Bank of Canada, and Bank of England. *Cross-Border Interbank Payments and Settlements: Emerging Opportunities for Digital Transformation* (November 2018). <https://www.mas.gov.sg/-/media/MAS/ProjectUbin/Cross-Border-Interbank-Payments-and-Settlements.pdf> (access date: 30.04.2020).
16. Bank of England. Central Bank Digital Currency: Opportunities, Challenges and Design (12 March 2020). *Discussion Paper*. <https://www.bankofengland.co.uk/paper/2020/central-bank-digital-currency-opportunities-challenges-and-design-discussion-paper> (access date: 16.03.2020).
17. Nakamoto, S. (3 January 2009). *Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System*. <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (access date: 04.10.2018).
18. Buterin, V. (2013). *Ethereum Whitepaper*. <https://ethereum.org/en/whitepaper/> (access date: 08.01.2021).
19. Keister, T., Sanches, D. (2019). Should Central Banks Issue Digital Currency?. *Federal Reserve Bank of Philadelphia Working Papers WP*, 19–26. Philadelphia, PA, USA, pp. 26–28. <https://ideas.repec.org/p/fip/fedpwp/19-26.html> (access date: 08.01.2021).
20. International Organization for Standardization (ISO) (2020). *Blockchain and Distributed Ledger Technologies – Vocabulary*, 1st ed.; ISO/22739:2020; ISO: Geneva, Switzerland. <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:22739:ed-1:v1:en> (access date: 01.12.2020).
21. Chaum, D., Grothoff, C., Moser, T. (January 2021). How to Issue a Central Bank Digital Currency. *Swiss National Bank Working Paper*. https://www.snb.ch/n/mmr/reference/working_paper_2021_03/source/working_paper_2021_03.n.pdf (access date: 25.02.2021).
22. Calle, G., Eidan, D. (April 2020). Central Bank Digital Currency: An Innovation in Payments. *R3 White Paper*. <https://www.r3.com/reports/central-bank-digital-currency-an-innovation-in-payments/> (access date: 05.05.2020).
23. dGen. *CBDC: Considerations for the Digital Euro*. <https://www.dgen.org/cbdc> (access date: 05.05.2020).
24. Agur, I., Ari, A., Dell'Ariccia, G. (2019). How Could Central Bank Digital Currencies be Designed?. *SUERF Policy Note*, 129. <https://www.suerf.org/policynotes/9763/how-could-central-bank-digital-currencies-be-designed> (access date: 05.05.2020).
25. Lagarde, C. (14 November 2018). *Winds of Change: The Case for New Digital Currency*. Speech to Singapore Fintech Festival as Prepared for Delivery. <https://www.imf.org/en/News/Articles/2018/11/13/sp111418-winds-of-change-the-case-for-new-digital-currency> (access date: 26.02.2020).
26. Agur, I., Ari, A., Dell'Ariccia, G. (2018). Designing Central Bank Digital Currencies. *IMF Working Paper*. <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WP/2019/wp19252-print-pdf.ashx> (access date: 27.04.2020).
27. Benaloh, J. (29 November 2018). What if Responsible Encryption Back-Doors Were Possible?. *Lawfare Blog*. <https://www.lawfareblog.com/what-if-responsible-encryption-back-doors-were-possible> (access date: 11.12.2020).
28. Courtois, N., Mercer, R. Stealth Address and Key Management Techniques in Blockchain Systems. In *Proceedings of the 3rd International Conference on Information Systems Security and Privacy (ICISSP 2017)*, Porto, Portugal, 19–21 February 2017, pp. 559–566. <http://www.scitepress.org/Papers/2017/62700/62700.pdf> (access date: 10.10.2018).
29. International Organization for Standardization (ISO) (2020). *Blockchain and Distributed Ledger Technologies – Privacy and Personally Identifiable Information Protection Considerations* (1st ed.; ISO/TR 23244:2020; ISO). Geneva, Switzerland.
30. Pedersen, T. Non-Interactive and Information-Theoretic Secure Verifiable Secret Sharing. In *Proceedings of the Advances in Cryptology (CRYPTO '91)*, Santa Barbara, CA, USA, 11–15 August 1991 (pp. 129–140). https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F3-540-46766-1_9.pdf (access date: 10.10.2018).
31. van Wierdum, A. (2 June 2016). Confidential Transactions: How Hiding Transaction Amounts Increases Bitcoin Privacy. *Bitcoin Magazine*. <https://bitcoinmagazine.com/articles/confidential-transactions-how-hiding-transaction-amounts-increases-bitcoin-privacy-1464892525/> (access date: 10.10.2018).
32. Rivest, R., Shamir, A., Tauman, Y. (2018). *How to Leak a Secret*. Lecture Notes in Computer Science 2248. Springer, Berlin/Heidelberg, Germany (pp. 552–565). https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F3-540-45682-1_32.pdf (access date: 10.10.2018).
33. Ben-Sasson, E., Bentov, I., Horesh, Y., Riabzev, M. (2018). *Scalable, Transparent, and Post-Quantum Secure Computational Integrity*, International Association for Cryptologic Research (IACR), Lyon, France. <https://eprint.iacr.org/2018/046.pdf> (access date: 03.03.2020).

34. Guan, Z., Wan, Z., Yang, Y., Zhou, Y., Huang, B. (2019). *BlockMaze: An Efficient Privacy-Preserving Account-Model Blockchain Based on zk-SNARKs*. Report 2019/1354; International Association for Cryptologic Research (IACR): Lyon, France. <https://eprint.iacr.org/2019/1354> (access date: 30.03.2020).
35. Sapling. *Zcash*. <https://z.cash/upgrade/sapling/> (access date: 15.04.2020).
36. Ghadafi, E. (2013). Sub-linear Blind Ring Signatures without Random Oracles. In M. Stam (ed.), *Cryptography and Coding*, 8308. IMACC 2013. Lecture Notes in Computer Science. Springer. Berlin/Heidelberg. Germany. https://doi.org/10.1007/978-3-642-45239-0_18 (access date: 25.02.2021).
37. Zimmermann, P. (1991). Why I Wrote PGP. In *PGP User's Guide*. Massachusetts Institute of Technology: Cambridge, MA. USA. <https://www.philzimmermann.com/EN/essays/WhyIWrotePGP.html> (access date: 11.10.2018).
38. Wong, J., Kar, I. (18 July 2016). Everything You Need to Know about the Ethereum 'Hard Fork', *Quartz*. <https://qz.com/730004/everything-you-need-to-know-about-the-ethereum-hard-fork/> (access date: 16.07.2020).
39. *Software in the Public Interest*, Inc. Debian Security FAQ. <https://www.debian.org/security/faq> (access date: 16.07.2020).
40. U. S. Securities and Exchange Commission. *SEC Proposes Improvements to Governance of Market Data Plans*, Press Release (8 January 2020). <https://www.sec.gov/news/press-release/2020-5> (access date: 16.07.2020).
41. United States Securities and Exchange Commission Division of Trading and Markets. Memorandum to SEC Market Structure Advisory Committee (30 April 2015). <http://sec.gov/spotlight/emsac/memo-rule-611-regulation-nms.pdf> (access date: 03.11.2020).
42. Bank for International Settlements. *Payment, Clearing and Settlement Systems in the CPSS Countries*, 2 (November 2012). Committee on Payment and Settlement Systems "Red Book". <https://www.bis.org/cpmi/publ/d105.pdf> (access date: 31.05.2020).
43. Bank for International Settlements. *Payment, Clearing and Settlement Systems in the United Kingdom*, 2 (November 2012), Committee on Payment and Settlement Systems "Red Book" (pp. 445–446). https://www.bis.org/cpmi/publ/d105_uk.pdf (access date: 16.04.2020).
44. Abelson, H., Anderson, R., Bellovin, S., Benaloh, J., Blaze, M., Diffie, W., Gilmore, J., Green, M., Landau, S., Neumann, P. et al. (2015). Keys under doormats: Mandating insecurity by requiring government access to all data and communications. *J. Cybersecur*, 1, 69–79. <https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.7916/D82N5D59/download> (access date: 11.03.2019).
45. Bordo, M. D., Levin, A. T. (2017). *Central Bank Digital Currency and the Future of Monetary Policy*. National Bureau of Economic Research. Cambridge. MA. USA.
46. Castro, M., Liskov, B. (1999). Practical Byzantine Fault Tolerance. In *Proceedings of the Third Symposium on Operating Systems Design and Implementation*, New Orleans, LA, USA, 22–25 February 1999. <http://pmg.csail.mit.edu/papers/osdi99.pdf> (access date: 12.10.2018).
47. Ripple. *XRP*. <https://ripple.com/xrp/> (access date: 03.03.2020).
48. Visa. *Fact Sheet*. <https://usa.visa.com/dam/VCOM/download/corporate/media/visanet-technology/aboutvisafactsheet.pdf> (access date: 03.03.2020).
49. Visa. *Visa Acceptance for Retailers*. <https://web.archive.org/web/20200103093557/https://usa.visa.com/run-your-business/small-business-tools/retail.html> (access date: 03.03.2020).
50. Bindseil, U. (January 2020). Tiered CBDC and the Financial System, *European Central Bank Working Paper Series 2351*. <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2351~c8c18bbd60.en.pdf> (access date: 21.05.2020).
51. Li, Y., Yang, G., Susilo, W., Yu, Y., Au, M. H., Liu, D. (2021). Traceable Monero: Anonymous Cryptocurrency with Enhanced Accountability, *IEEE Trans. Dependable Secur. Comput*, 18, 679–691.
52. Abelson, H., Anderson, R., Bellovin, S., Benaloh, J., Blaze, M., Diffie, W., Gilmore, J., Neumann, P., Rivest, R., Schiller, J. et al. (27 May 1997). *The Risks of Key Recovery, Key Escrow, and Trusted Third-Party Encryption*. <https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.7916/D8R2176H/download> (access date: 11.03.2019).
53. 115th Congress of the United States. H.R. 5823, "Secure Data Act of 2018". (15 May 2018). Introduced by Representative Zoe Lofgren [D-CA-19]. <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/5823> (access date: 11.03.2019).
54. Thomson, I. (15 January 2016). French say 'Non, merci' to Encryption Backdoors. *The Register*. https://www.theregister.co.uk/2016/01/15/france_backdoor_law/ (access date: 11.03.2019).
55. Financial Action Task Force (FATF) (2018). *The FATF Recommendations*. Updated February. <http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/pdfs/FATF%20Recommendations%202012.pdf> (access date: 16.09.2018).
56. Goodell, G., Aste, T. (2019). A Decentralised Digital Identity Architecture. *Front. Blockchain*, 2. <https://doi.org/10.3389/fbloc.2019.00017>
57. Pilkington, M. (2016). *Blockchain Technology: Principles and Applications. Working Paper*. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2662660 (access date: 11.05.2020).

58. Siliski, M., Pott, A. (10 April 2018). Blockchain Alternatives: The Right Tool for the Job. Medium. <https://medium.com/swlh/blockchain-alternatives-b21184ccc345> (access date: 24.10.2019).
59. Tasca, P., Morini, M. (24–27 February 2017). Managing Risk Under the Blockchain Paradigm, Harvard Business Review China.
60. Fernandez-Villaverde, J., Sanches, D., Schilling, L., Uhlig, H. (June 2020). Central Bank Digital Currency: Central Banking for All?. *Working Paper WP 20–19*. Federal Reserve Bank of Philadelphia. Philadelphia, PA, USA. <https://doi.org/10.21799/frbp.wp.2020.19>
61. *Technical Solution for the e-Krona Pilot*. (20 February 2020). Sveriges Riksbank. <https://www.riksbank.se/en-gb/payments-cash/e-krona/technical-solution-for-the-e-krona-pilot/> (access date: 25.05.2020).
62. Adrian, T., Mancini-Griffoli, T. (July 2019). The Rise of Digital Money. *International Monetary Fund FinTech Note 19/01*. <https://www.imf.org/~media/Files/Publications/FTN063/2019/English/FTNEA2019001.ashx> (access date: 21.05.2020).
63. Bouchaud, M., Lyons, T., Olive, M. S., Timsit, K. *Central Banks and the Future of Digital Money*. <https://pages.consensus.net/central-banks-and-the-future-of-digital-money> (access date: 26.07.2020).
64. Auer, R., Bohme, R. (2020). The technology of retail central bank digital currency. *BIS Q. Rev.*, 85–100. https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt2003j.pdf (access date: 19.05.2020).
65. Goodell, G., Al-Nakib, H. D., Tasca, P. (2021). A Digital Currency Architecture for Privacy and Owner-Custodianship. *Future Internet*, 13, 130. <https://doi.org/10.3390/fi13050130>

Краткие биографии авторов

Джеффри Гуделл работает исследователем в Университетском колледже Лондона, специализируясь на социально-технических системах, в частности, цифровых валютах, децентрализованных финансах, электронных рынках. Он является руководителем двух рабочих групп технического комитета ISO в области технологий распределенного реестра и блокчейн, а также консультирует финансовые регулирующие органы, центральные банки и международные промышленные группы. Ранее был партнером и главным специалистом по инвестициям в специализированной компании по управлению активами в Бостоне и партнером в компании Голдман Сакс в Нью-Йорке.

Хазем Денни Аль-Накиб является специалистом по финансовым технологиям и регулированию, генеральный партнер венчурной компании 7BC Venture Capital, старший советник юридической фирмы Farrer & Co, отраслевой партнер Центра блокчейн-технологий Университетского колледжа Лондона. Ранее занимал различные должности в Королевском банке Канады и Бостонской консалтинговой группе.

Паоло Таска – специалист в сфере цифровой экономики, в частности, одноранговых (пиринговых) финансовых систем. Выступал консультантом в области блокчейн-технологий для различных международных организаций, в том числе для Европейского парламента и ООН. Является основателем и исполнительным директором Центра блокчейн-технологий Университетского колледжа Лондона. Ранее работал ведущим экономистом по цифровым валютам и пиринговым финансовым системам в центральном банке Германии во Франкфурте. Является главой нескольких компаний и обладателем патента в области взаимодействия с использованием блокчейн.

Short Biography of Authors

Geoffrey Goodell Geoff Goodell is a researcher at University College London specializing in sociotechnical systems, with a focus on digital currency, decentralised finance, and electronic marketplaces. He is the convenor of two ISO working groups on blockchain and distributed ledger technology, and he advises financial regulators, central banks, and international industry groups. Previously, he was Partner and Chief Investment Officer of a boutique asset management firm in Boston and an associate at Goldman Sachs in New York.

Hazem Danny Al-Nakib Hazem Nakib is a fintech and regulatory technology expert, General Partner at the venture capital firm 7BC Venture Capital, senior advisor at the law firm Farrer & Co and industry associate at the UCL Center for Blockchain Technologies. Previously, Hazem had various roles at the Royal Bank of Canada and Boston Consulting Group.

Paolo Tasca is a Digital Economist specialised in P2P financial systems. He has advised different international organizations on blockchain technologies including the EU Parliament and the United Nations. He is the founder and Executive Director of the Center for Blockchain Technologies at University College London (UCL CBT). Previously, he was Lead Economist on digital currencies and P2P financial systems at the German Central Bank, Deutsche Bundesbank in Frankfurt. Paolo Tasca is also a serial entrepreneur and a patent holder on blockchain interoperability.

Вклад авторов

Дж. Гуделл – концепция, методология, написание текста – первоначальный вариант, написание текста – исправление и редакция.

Х. Д. Аль-Накиб – методология, написание текста – первоначальный вариант, написание текста – исправление и редакция.

П. Таска – методология, написание текста – исправление и редакция.

Все авторы прочли и согласились с публикуемым вариантом статьи.

The author's contribution

G. Goodell – conceptualization, methodology, writing – original draft, writing – review & editing.

H. D. Al-Nakib – methodology, writing – original draft, writing – review & editing.

P. Tasca – methodology, writing – review & editing.

All authors have read and agreed to the published version of the manuscript.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 09.06.2021

Дата принятия в печать / Accepted 12.07.2021

Бегишев, И. Р.

Преступления в сфере обращения цифровой информации / И. Р. Бегишев, И. И. Бикеев. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. – 300 с. (Серия: Цифровая безопасность).

Монография представляет собой первое в России комплексное исследование феномена преступлений в сфере обращения цифровой информации. В ней рассмотрены вопросы уголовно-правовой природы преступлений в сфере компьютерной информации, предложены решения выявленных проблем ответственности за их совершение, внесены рекомендации по противодействию исследуемой категории преступлений, а также варианты устранения пробелов нормативного регулирования.

Будет полезна научным и педагогическим работникам, обучающимся разных уровней профессионального и дополнительного образования, слушателям специализированных учебных заведений, сотрудникам правоохранительных и судебных органов, разным категориям пользователей цифровой информации, а также всем интересующимся вопросами обеспечения цифровой безопасности.

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.822-850>

УДК 343.3:343.9:347.96:351.74/76(73)

У. С. ПАРКИН¹,

К. Е. МИЛЛС²,

Д. ГРЮНЕВАЛЬД³

¹ Сиэтлский университет, г. Сиэтл, США

² Университет штата Пенсильвания, г. Абингтон, США

³ Университет Арканзаса, г. Фейетвилл, США

УГРОЗА СО СТОРОНЫ УЛЬТРАПРАВОВОГО ЭКСТРЕМИЗМА ПО ОТНОШЕНИЮ К БЕЗОПАСНОСТИ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В США

Уильям С. Паркин, доктор философии, кафедра уголовной юстиции, криминологии и судебной экспертизы, Сиэтлский университет
E-mail: parkinw@seattleu.edu

Колин Е. Миллс, ассистент преподавателя в области уголовного правосудия, Университет штата Пенсильвания, Абингтон, США

Джефф Грюневальд, доктор философии, доцент кафедры социологии и криминологии, директор Центра изучения терроризма в колледже Фулбрайт, Университет Арканзаса, США

Аннотация

Цель: анализ антиправительственной идеологии ультраправого экстремизма как внешней угрозы по отношению к сотрудникам охраны правопорядка.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений с использованием основанных на нем общенаучных и частнонаучных методов познания.

Результаты: взаимоотношения между ультраправыми экстремистами и правоохранительными органами в Соединенных Штатах Америки имеют длинную и сложную историю. В 2020 г. эти отношения оказались предметом широкого обсуждения, так как обе их стороны стали участниками ряда беспрецедентных событий общенационального уровня. В данной работе рассматривается антиправительственная идеология ультраправого экстремизма как внешняя угроза по отношению к сотрудникам охраны правопорядка. Представлена информация из базы данных по экстремистским преступлениям о сотрудниках правоохранительных органов, убитых при исполнении своих служебных обязанностей представителями ультраправых организаций за последние 30 лет. Кроме того, рассмотрен феномен явной или скрытой поддержки ультраправого экстремизма со стороны правоохранительных органов, который создает внутреннюю угрозу законности деятельности этих органов. Наконец, обсуждаются инициативы полиции, основанные на ранее проведенных исследованиях и направленные на снижение указанных угроз.

© Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д., 2021. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (<http://rusjel.ru>) 25.12.2021

© Перевод Беляева Е. Н., 2021

© Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J., 2021

© Translation Belyaeva E., 2021

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society* and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society* (CCJLS) и The Western Society of Criminology: CCJLS@WesternCriminology.org.

Цитирование оригинала статьи на английском: Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J., Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement in the United States *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 2018, Vol. 19, No. 1, pp. 1–14.

URL публикации: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/26321-far-right-extremism-s-threat-to-police-safety-and-the-organizational-legitimacy-of-law-enforcement-in-the-united-states>

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

Научная новизна: в работе впервые обосновывается, что ультраправые экстремисты представляют угрозу для сотрудников правоохранительных органов США. Антиправительственные экстремисты, считающие себя неподсудными законам юрисдикций, в которых они живут, могут дойти до насильственных действий в случае столкновения с органами правопорядка из-за своей идеологически мотивированной или обычной преступной деятельности. Кроме того, правоохранительные органы, принимающие на работу ультраправых экстремистов, сталкиваются с реальной перспективой потерять свою легитимность в глазах граждан, которым они клялись служить и защищать. В течение нескольких десятилетий криминологические исследования показывают, что недостаток доверия к полиции делает ее работу более сложной и опасной. Научные исследования и эмпирические представления указывают на множество путей к достижению цели, однако только решительные действия со стороны правоохранительных органов и законодателей могут снизить риск внешней виктимизации полиции и защитить органы правопорядка от делегитимизации по причине присутствия в их рядах ультраправых экстремистов.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с предупреждением, пресечением и расследованием экстремистских преступлений.

Ключевые слова: ультраправый экстремизм, убитые при исполнении служебных обязанностей сотрудники правоохранительных органов, правомерность действий полиции

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Паркин У.С., Миллс К.Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности и организационной законности правоохранительных органов в США // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Т. 15, № 4. С. 822–850. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.822-850>

The scientific article

W. S. PARKIN¹,
C. E. MILLS²,
J. GRUENEWALD³

¹ Seattle University, Seattle, USA

² Pennsylvania State University, Abington, USA

³ University of Arkansas, Fayetteville, USA

FAR-RIGHT EXTREMISM'S THREAT TO POLICE SAFETY AND THE ORGANIZATIONAL LEGITIMACY OF LAW ENFORCEMENT IN THE UNITED STATES

William S. Parkin, PhD, Associate Professor in the Department of Criminal Justice, Criminology, and Forensics at Seattle University Department of Criminal Justice, Criminology & Forensics, Seattle University
E-mail: parkinw@seattleu.edu

The article was first published in English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org.

For original publication: Parkin, W. S., Mills, C. E., Gruenewald, J. (2021). Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement in the United States, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 2021, Vol. 22, No. 2, pp. 1–24.

Publication URL: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/26321-far-right-extremism-s-threat-to-police-safety-and-the-organizational-legitimacy-of-law-enforcement-in-the-united-states>

Colleen E. Mills, Assistant Professor of Criminal Justice at Pennsylvania State University, Abington and she is a co-principal investigator on the U.S. Extremist Crime Database (ECDB)

Jeff Gruenewald, PhD, Associate Professor in the Department of Sociology and Criminology and Director of the Terrorism Research Center (TRC) in the Fulbright College at University of Arkansas

Abstract

Цель: to analyze the far-right extremism's anti- government ideology as an external threat to law enforcement officers.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, using the general and specific research methods based on it.

Results: The relationship between far-right extremism and law enforcement in the United States has a long and complicated history. In 2020, this relationship was on display as both far-right extremists and law enforcement agencies were brought into the national spotlight for their roles in multiple unprecedented events. This research discusses how far-right extremism's anti-government ideology represents an external threat to law enforcement officers. This threat is discussed through the presentation of 30-years of data on law enforcement officers killed in the line-of-duty by far-right extremists from the Extremist Crime Database. In addition, the research also examines law enforcement's implicit and explicit support for far-right extremism, which creates an internal threat against the legitimacy of the profession. Finally, policy initiatives that come from, and build upon, prior research are discussed to reduce these threats.

Scientific novelty: for the first time, the work substantiates that far-right extremists threaten the safety of law enforcement officers in the United States. Antigovernment extremists, who do not believe that they are subject to the laws of the jurisdiction where they live, pose the risk of escalating to violent acts when encountering law enforcement when they engage in both ideologically motivated and routine criminal activity. In addition, law enforcement agencies who hire far-right extremists face the very real prospect of becoming illegitimate in the eyes of the communities to whom they are sworn to serve and protect. Decades of criminological research has shown that lack of trust in law enforcement makes the job of policing a community more difficult and more dangerous. Although multiple paths forward were outlined that build on prior research and empirical knowledge, only decisive action by law enforcement and policymakers will result in outcomes that reduce the risk of external violent victimization to police and protect law enforcement agencies from being delegitimized by the presence of far-right extremists within their ranks.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering issues related to the prevention, suppression and investigation of extremist crimes.

Keywords: far-right extremism, law enforcement officers killed in the line-of-duty, police

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Parkin, W. S., Mills, C. E., Gruenewald, J. (2021). Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement in the United States. *Russian Journal of Economics and Law*, 15 (4), 822-850. <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.822-850>

В 2020 г. в США произошли три экстраординарных события, пагубно повлиявших на общество, последствия которых продолжают сказываться до сих пор. В первую очередь это распространение вируса SARS-CoV-2 (COVID-19), которое заставило федеральные и местные органы власти принять беспрецедентные меры по снижению смертности во время пандемии, пока ученые не разработали безопасную и эффективную вакцину. Эти меры по обеспечению общественного здоровья часто подразумевали противоречивые требования относительно ношения масок

в общественных местах, ограничений на скопления людей и правил проведения мероприятий. Хотя федеральное правительство дало общие рекомендации и попыталось снизить последствия пандемии путем ограничения международных поездок и предоставления дополнительных льгот для безработных и ресурсов для предприятий, однако именно на государственные органы штатов и местные правительства легла основная нагрузка по выработке курса действий в школах, на предприятиях и в обществе в целом. Это привело к широкому разнообразию вариантов исполнения

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюеневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

требований к сохранению общественного здоровья, включая длительность наложения этих требований и степень их строгости. В ряде случаев местные правоохранительные органы отказывались требовать выполнения установленных ограничений [1]. В столицах многих штатов собирались протестующие, выражая свое недовольство введенными обязанностями и ограничениями. Часто эти протестующие были вооружены, а в некоторых случаях выступали под ультраправыми лозунгами [2]. Два члена антиправительственного движения бугалу убили силовика федерального уровня, а позднее при попытке задержать одного из подозреваемых был убит заместитель шерифа. Подозреваемые действовали под влиянием ярости из-за закрытия предприятий во время пандемии и в целом антиправительственных настроений, пропагандируемых в Интернете [3] (Leahy et al., 2020). В другом инциденте были задержаны шесть членов антиправительственной экстремистской организации *Wolverine Watchmen* из штата Мичиган, которые собирались похитить губернатора штата из-за ее указа о закрытии ряда предприятий штата вследствие пандемии [4].

Вторым заметным общественным событием в указанный период стало постоянное общенациональное движение против использования полицией смертельного оружия в отношении безоружных черных граждан. Протесты вспыхнули после того, как полицейские убили чернокожего Джорджа Флойда, которого задержали по подозрению в использовании фальшивой двадцатидолларовой купюры в одном из магазинов Миннеаполиса в штате Миннесота. Как и во многих других резонансных событиях с использованием полицией смертельного оружия, вся ситуация была записана прохожим, который выложил запись в Интернет. На видео полицейские задерживают Флойда, кладут его на бок, и один из них надавливает коленом ему на шею, что привело к смерти [5]. В течение нескольких дней эти страшные кадры распространились по социальным сетям и средствам массовой информации, вызвав волну протестов против жестокости полиции по отношению к гражданам. Во многих городах сотрудники правоохранительных органов подверглись насилию со стороны протестующих. Различные общественные движения и леволиберальные политики стали призывать «приструнить полицию», при этом предполагалось, что более консервативно настроенные лица в целом в большей степени поддерживают

полицию, чем либералы [6, 7]. Главными новостями в СМИ стали жестокие стычки между полицией и демонстрантами, включая выступления против полиции со стороны ультралевого экстремистского движения Антифа и применение силы полицией против граждан [8, 9]. В ряде случаев самоорганизованные группы ультраправых оказывали поддержку полиции во время протестных выступлений [10, 11]. Возникали также случаи насилия между протестующими; например, в городе Кеноша, штат Висконсин, подросток застрелил протестующего, который призывал ограничить права полицейских. Позднее было опубликовано видео, на котором полицейские беспрепятственно отпускают подростка с места преступления. Он помогал местным отрядам ополчения защищать предпринимателей [12]. Во время другой акции протеста в городе Портланд, штат Орегон, сторонник движения Антифа застрелил члена ультраправой группы «Молитва патриота» [*Patriot Prayer*]. Сначала подозреваемый скрылся, но затем был убит при задержании, когда отстреливался от группы захвата [8].

Третьим экстраординарным событием стал отказ президента Дональда Трампа признавать свое поражение на выборах 2020 г. и начинать символический и практический процесс мирной передачи исполнительной власти новой администрации. Эксперты по национальной безопасности опасались появления беспорядков на избирательных участках из-за присутствия вооруженных «наблюдателей» [13], однако ультраправые группы и связанные с ними частные лица были мобилизованы посредством Интернета в период между днем выборов и днем инаугурации. Известные политики распространяли необоснованные сообщения о мошенничестве на выборах и о теориях заговора через средства массовой информации правого толка и социальные сети. Затем 6 января 2021 г. президент Трамп и несколько его сторонников призвали участников митинга перед Белым домом отправиться в здание Капитолия и предотвратить сертификацию Конгрессом результатов президентских выборов 2020 г. В итоге митинг превратился в ожесточенный мятеж и штурм Капитолия; погибли пять человек, включая одного полицейского, работавшего в Капитолии [14, 15]. Среди участников были ультраправые экстремисты, связанные с латиноамериканским движением Кванон [*QAnon*], а также группами «Гордые парни» [*Proud Boys*] и «Хранители клятвы» [*Oath*

Keepers] [16, 17]. Среди защитников Конгресса были также действующие и бывшие сотрудники правоохранительных органов [18].

Действия правоохранительных органов в целом и конкретных сотрудников полиции в частности играли огромную роль в каждом из указанных событий. Может показаться парадоксальным, но некоторые сотрудники правоохранительных органов стали жертвами ультраправого экстремизма, в то время как другие участвовали в действиях, которые, на первый взгляд, говорят о поддержке идеологии ультраправого экстремизма. Таким образом, события 2020 г. определили ключевой вопрос данного исследования: в чем состоит угроза ультраправого экстремизма по отношению к правоохранительным органам и их сотрудникам? В результате проведенного исследования мы приходим к выводу, что ответ на этот вопрос неоднозначен и что данная угроза состоит в рисках двух типов – это риск внешний (риск для сотрудника полиции стать жертвой ультраправых экстремистов) и внутренний (риск для правоохранительных органов допустить халатность или даже участие в действиях ультраправых экстремистов, тем самым подрывая доверие общества и законность органов правопорядка).

Настоящая работа включает три раздела. В первом разделе рассматривается внешний риск, который состоит в угрозе безопасности сотрудников полиции со стороны идеологии ультраправого экстремизма, в частности антиправительственных настроений. Чтобы раскрыть наиболее серьезные проявления этой угрозы для сотрудников правоохранительных органов – угрозы гибели при исполнении служебных обязанностей, мы используем информацию из базы данных по экстремистским преступлениям [*Extremist Crime Database, ECDB*]. Во втором разделе обсуждается внутренний риск со стороны ультраправого экстремизма по отношению к организационной легитимности органов правопорядка и общественному доверию к ним. Для этого мы показываем, как, когда, где и по возможности почему сотрудники полиции участвуют в действиях, которые неявно, а порой и явно свидетельствуют о поддержке идеологии ультраправого экстремизма. Наконец, в заключительном разделе представлены обобщенные выводы и показаны пути снижения рисков для правоохранительных органов со стороны ультраправого экстремизма и повышения доверия общества к органам охраны правопорядка,

которые связаны с ограничением вероятности сотрудничества и поддержки ультраправых экстремистов и их сторонников правоохранительными органами.

Недавняя история антиправительственной идеологии и ультраправого экстремизма

Ученые, практики и общественность используют различные определения ультраправого экстремизма. В настоящем исследовании мы пользуемся определением базы данных по экстремистским преступлениям. Важно отметить, что члены основных политических групп консервативного направления и сторонники фундаменталистских течений основных религий не считаются ультраправыми экстремистами. В определении базы данных по экстремистским преступлениям установлено, что ультраправыми экстремистами являются группы и/или отдельные лица, явно или неявно поддерживающие насилие и/или преступную деятельность по аспектам одного или более из следующих убеждений: категоричный национализм, антиглобализм, ксенофобия, неприятие иммигрантов (в отличие от универсалистской и интернационалистской ориентации); недоверие к федеральным властям и властям штата; превознесение личной свободы (особенно права владеть оружием, не платить налоги); вера в теории заговора, включающие серьезную угрозу национальному суверенитету и/или личной свободе; убежденность в том, что личный и/или общенациональный «образ жизни» находится под угрозой и либо уже утрачен, либо эта угроза близка (такая угроза может представляться аморфной и неопределенной, либо якобы исходить от конкретной этнической, расовой, социальной, религиозной группы); убежденность в том, что необходимо быть готовыми к нападению, а для этого участвовать в подготовке военных действий или поддерживать такую подготовку, и/или тренировать навыки выживания; принадлежность к женоненавистническим субкультурам и/или участие в них; неприятие решений женщин в отношении их репродуктивного здоровья, а именно абортов [19]. Ультраправые экстремисты не всегда поддерживают все эти взгляды, но сторонники одного или более из этих убеждений в прошлом участвовали в действиях, угрожавших правоохранительным органам. Кроме того, экстремистские взгляды, близкие к ультраправой антиправительственной идеологии,

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

являются наиболее опасными для сотрудников правоохранительных органов, которые представляют собой самый наглядный символ государственной власти.

Антиправительственная идеология свойственна многим ультраправым экстремистским группам, от группы «Ополчение» [*Posse Comitatus*], образованной в 1960-х гг., до самых недавних вариаций, связанных с отрядами милиции, патриотическим движением, движением суверенных граждан, движением бугалу. Примечательно, что в течение нескольких последних десятилетий члены всех этих групп угрожали, нападали, а в некоторых случаях убивали сотрудников правоохранительных органов. Отряды милиции появились в 1990-е гг. во многом как реакция на многочисленные события, связанные с федеральным правительством, включая принятие законодательства о контроле над оружием, подписание Североамериканского соглашения о свободной торговле [*North American Free Trade Agreement, NAFTA*], беспорядки в Лос-Анджелесе в 1992 г. после оправдания полицейских, избивших Родни Кинга, противостояние между федеральными правоохранительными органами и гражданами в 1993 г. в Руби-Ридж, штат Айдахо, и в том же году в Уэйко, штат Техас [20–24]. Эти широко прогремевшие события произошли на фоне резкого спада уровня сельского хозяйства, в частности семейного фермерства, и занятости в промышленности в сельских районах и малых городах Америки. Выдвигалось предположение, что антиправительственная идеологическая риторика вкупе с экономическим кризисом и снижением занятости в ряде отраслей усилили позиции ополченцев и послужили катализатором для их действий [25].

Члены движения народного ополчения критикуют федеральное правительство и власти штатов, при этом в определенной степени поддерживая местные власти и полицию, особенно выборные отделы шерифов округов [26]. Основываясь на более ранних исследованиях [27], Freilich и Pridemore показали, что в 1990-е гг. ополчение развивало военизированные ритуалы, использовало неформальные социальные связи, харизматических лидеров и различные формы воздействия на сознание; их целью было настроить граждан против федерального правительства, многонациональных корпораций и организаций (например, ООН), а также международных договоренностей (например, GATT). Они стремились защитить основные американские права, такие как личная свобода и право

на владение оружием. Большинство групп ополченцев выступали против централизованной власти, федеральной бюрократии, вмешательства правительства, регулирования землепользования, налогов, международных институтов и договоров, многонациональных корпораций. Близок к этому также лозунг о защите суверенитета Соединенных Штатов (р. 259). В рамках такого подхода, защита суверенитета Соединенных Штатов проявляется в теории заговора, гласящей, что деспотическое федеральное правительство вместе с Организацией Объединенных Наций и другими международными группами стремится создать единое мировое правительство, в результате чего Соединенные Штаты потеряют свое влияние и независимость в угоду глобализации [26]. Такая приверженность конспирологическим теориям была выделена как одно из двух основных убеждений, свойственных антиправительственной идеологии народного ополчения. Вторым является неизменная поддержка права на ношение оружия без какого-либо регулирования и вмешательства со стороны властей; считается, что такое вмешательство заметно усилилось и все больше проникается в повседневную жизнь простых американцев и его следует контролировать с помощью бдительных вооруженных граждан [24].

Однако идеологическая подоплека движения народного ополчения не была чем-то новым для ультраправых экстремистов в США. К примеру, она свойственна ультраправой экстремистской группе *Posse Comitatus*, ставшей известной в начале 1970-х гг. По убеждениям ее членов, административные округа являются единственной законной политической юрисдикцией в США, а окружные шерифы – единственными представителями закона, которые могут и должны обеспечить его применение. Члены *Posse Comitatus* также считали, что шериф имеет право формировать отряды местных мужчин для помощи в охране правопорядка. Взгляды этой группы определялись религиозно-исторической теорией заговора, известной как теория христианской идентичности, согласно которой федеральное правительство является коррумпированным и незаконным [28, 24]. Как и члены группы *Posse Comitatus*, приверженцы патриотических движений и народного ополчения продвигают свои антиправительственные, конспирологические убеждения и предпочитают действовать вне традиционных юридических и политических про-

цедур [20]. Когда интересы ультраправых в Америке были более центристскими, они поддерживали правительство, однако ситуация изменилась во время социокультурной трансформации, произошедшей в стране в 1960-е гг. под влиянием движения за гражданские права. Действия федерального правительства по защите гражданских прав чернокожего населения явились свидетельством его коррумпированности [24].

Важно также и то, что антиправительственные ультраправые экстремистские группы, такие как «Движение суверенных граждан» (будет описано ниже), не являются обособленными; их идеология во многом перекликается с движением белых шовинистов [29]. Например, члены *Posse Comitatus* участвовали в движении христианской идентичности, «основными установками которого являются расизм и антисемитизм, а также убежденность в необходимости следовать законам Божьим, а не человеческим, и в том, что правительство, очевидно не следующее Божьим законам, является, таким образом, нелегитимным» [24. Р. 960]. Важно отметить, что даже при отсутствии формальных связей между антиправительственными группами и движением белых шовинистов они разделяют во многом одни и те же убеждения [23]. Сходные результаты были получены в исследовании Katz и Bailey [30], которые показали, что даже в рамках движения существует два типа народного ополчения: одни концентрируются в основном на конституционных вопросах, таких как право на ношение оружия, а другие придерживаются идеологии белых шовинистов (см. также [31]).

После подъема во время правления президента Обамы [32] движение народного ополчения получило новый импульс в 2020 г., когда ультраправые экстремисты протестовали против законов о контроле над оружием и против решений в области здравоохранения, таких как локдаун в связи с пандемией. Активизировались существовавшие и до 2020 г. различные группировки, часто принадлежащие к слабо организованным движениям, таким как бугалу и *QAnon*, а также группы с более традиционной структурой, такие как *the Oath Keepers* («Гордые парни»), *Proud Boys* («Хранители клятвы»), *the Three Percenters* («Трехпроцентные»). Отслеживая активность этих и других групп в социальных сетях, ученые установили, что ряд экстремистских группировок недвусмысленно объединились под лозунгами так называемого опол-

чения; при этом отвергается существование пандемии как политический повод или предлог, позволяющий правительствам ограничивать личные свободы, а сотрудники правоохранительных органов и другие официальные лица представлены как сознательные проводники принудительных мер. По мере развития пандемии такие лозунги становились все более экстремистскими, вплоть до угроз и осуществления нападений с применением насилия [33. Р. 2]. В нашей работе мы показываем, что именно социальные сети способствовали беспрецедентному объединению экстремистских движений и позволили им обсуждать, пропагандировать и оттачивать свою идеологию и лозунги. Кроме того, показано, как происходит эскалация призывов и тональности выступлений в поддержку насильственных высказываний и действий.

Еще одна группа внутри антиправительственного крыла ультраправых – это движение суверенных граждан. Его истоки связаны с группами *Posse Comitatus*, движениями против налогов и ополченцев-патриотов начиная с 1970-х гг. [34]. Одно из ключевых убеждений этой группы, как и других экстремистских ультраправых антиправительственных движений, – нелегитимность правительств штатов и федерального правительства, однако они также не доверяют и местным властям [35, 23, 36, 29]. А именно суверенные граждане считают, что путем ритуализированных законных действий они могут вывести себя из-под влияния правительства. Основываясь на конспирологических теориях, суверенные граждане восприняли убеждения многих других ультраправых экстремистов и построили на них свои теории, например, о существовании нового мирового порядка и общемирового правительства, о международной банковской системе, контролирующей финансовый сектор США, а также антисемитские теории [23]. Предметом особого внимания суверенных граждан является право властей устанавливать налоги и контролировать землевладение. Это движение получило новый импульс после кризиса 2008 г., вызвавшего беспрецедентные потери жилья, накоплений и рабочих мест [23]. Суверенные граждане отказываются получать страховые номера и другие формы государственной идентификации, платить налоги [37]. Также известно, что они участвуют в так называемом бумажном терроризме, то есть заявляют о несуществующих залоговых правах или подают нереальные иски, чтобы заблокировать

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

работу судов и конкретных чиновников, включая сотрудников правоохранительных органов, которые, как они считали, их притесняли [38, 39].

Хотя движение суверенных граждан зародилось в среде белых ультраправых экстремистов, их антиправительственные убеждения и тактика действий были частично восприняты другими сообществами – городскими, тюремными, черными, не ультраправыми. Так, одна из группировок суверенных граждан, объединяющая лиц арабского происхождения, пытается доказать нелегитимность правительства путем запутанных юридических рассуждений, не имеющих реальной основы [40]. Другой пример – молодая чернокожая женщина Коррин Гейнс, участвовавшая в движении суверенных граждан, была убита в перестрелке с полицейскими, которые пытались вручить судебный ордер [41]. Распространение идеологии движения суверенных граждан показывает, насколько идеи ультраправого экстремизма, проникая в другие экстремистские группы и движения, могут увеличить риск насильственного противостояния между гражданами и правоохранительными органами.

Среди других групп и движений, которые восприняли ультраправые экстремистские идеологии и проявились в последнее десятилетие, можно назвать такие, как *the Boogaloo Bois*, *Three Percenters*, *Patriot Prayer*, *Oath Keepers*, *the Alt-Right*, *Proud Boys*, *QAnon*. Члены и сторонники этих групп и движений принимали участие в протестах, бунтах и актах насилия на всей территории США в 2020 г., а многие и в штурме Капитолия в январе 2021 г. Движение бугалу стало широко известно благодаря интернет-мемам, гавайским рубашкам и своей идее о неизбежности второй гражданской войны против федерального правительства и его сторонников. Хотя это движение идеологически неоднородно, оно объединяет многих ультраправых экстремистов своими лозунгами, иконографией и символикой [42]. Сторонники движения *QAnon*, которое возникло в сети Интернет в 2017 г., верят в целый комплекс антиправительственных теорий заговора, нацеленных против демократов и других потенциальных политических противников. Начавшись в Сети, движение перекинулось в реальный мир, угрожая актами политического насилия [43]. Однако в работе Moskalkenko и McCauley [44] показано, что угроза экстремистских действий со стороны *QAnon*, скорее всего, преувеличена и что попытки дерадикализировать это

движение могут на самом деле подпитывать существование антиправительственных теорий заговора. Хотя у группы идеология экстремистская, их деятельность по большей части до сих пор таковой не являлась.

Опасность ультраправого экстремизма для правоохранительной деятельности

Антиправительственные взгляды ультраправых экстремистов, построенные на конспирологических теориях, не имеющих почти или совершенно никаких фактических подтверждений, а также на избирательном (или просто ошибочном) прочтении американской истории права, бросают непосредственный вызов законности правительства. Правоохранительным органам хорошо известно, какую угрозу представляют ультраправые экстремисты, и они уже выражали тревогу по поводу высказываний некоторых группировок, направленных против правительства и органов правопорядка; среди таких группировок – движение ополчения и суверенных граждан. Часто такие высказывания используются для того, чтобы показать, что экстремистов следует воспринимать всерьез [45]. Исходная антиправительственная идеология может создать «чрезвычайно враждебные» отношения между правоохранительными органами и группами ультраправых экстремистов [24. Р. 965]. От того, какую оценку получают насильственные действия против сотрудников правоохранительных органов, будь то обычная преступная деятельность, преступление на почве ненависти или терроризм, зависит ответ системы уголовной юстиции на эти действия. Кроме того, при этом возникает множество юридических тонкостей, касающихся подсудности по местным, федеральным законам или законодательству штата, что еще более усложняет вопрос выбора правовых инструментов, доступных правоохранителям и обвинителям, тем самым создавая атмосферу неопределенности и непредсказуемости исхода дела [46].

Жертвы среди сотрудников охраны правопорядка

Сотрудники правоохранительных органов могут подвергнуться риску насильственных действий со стороны ультраправых экстремистов по многим причинам. Во-первых, присущая ультраправым экстремистам идеология, направленная против государства и правоохранительных органов, изначально ставит их

в ситуацию противостояния, поскольку правоохранительные органы являются частью исполнительного аппарата на всех уровнях власти. Это противостояние предполагает, что сотрудники органов правопорядка могут подвергаться целенаправленной агрессии по идеологическим мотивам, а также риск насилия против них повышается, когда у ультраправых экстремистов появляется возможность совершать насильственные действия во время повседневной профессиональной деятельности правоохранителей. Примером целенаправленной агрессии является случай с гражданином по имени Аарон Свенсон, связанным с движением бугалу, который в апреле 2020 г. выкладывал в социальных сетях видео своего преследования полицейских в Техасе; целью преследования было причинение телесных повреждений и смерти [33, 47]. Во-вторых, даже если гражданин внешне поддерживает полицию и фокусируется на других идеях ультраправых экстремистов, таких как превосходство белых, тем не менее любое участие в противоправных действиях поставит его в ситуацию прямого конфликта с правоохранителями, если о таковых действиях станет известно.

Движение суверенных граждан особо выделяется в отношении угроз правоохранительным органам и другим официальным лицам. В исследовании Sateschi [40] было показано, что в период между 1983 и 2020 гг. членами этого движения были убиты 27 и ранены 65 сотрудников правоохранительных органов. Среди убитых 30 % погибли во время проверок на дорогах, 30 % – в результате засад, 22 % – при противостояниях. Одна из причин такой угрозы правоохранительным органам состоит в том, что члены движения суверенных граждан уверены в эффективности методов и ритуалов, освоенных ими для выхода из судебной системы Соединенных Штатов. Когда эта уверенность неизбежно оказывается ложной, они начинают угрожать насилием против участников системы уголовного правосудия [23]. Помимо насильственных действий, суверенные граждане прибегают также к бумажному терроризму. К сожалению, риски, связанные с этим движением, только растут по мере того, как его идеология и тактика распространяются за пределы ультраправых в направлении других экстремистских сообществ [37, 48].

Таким образом, суверенные граждане считают федеральное правительство нелегитимным, а окружных шерифов – истинной властью; при этом, как и большин-

ство американцев, представители этого движения крайне редко лично общаются с сотрудниками федеральных правоохранительных органов. Однако в повседневной жизни они часто сталкиваются с местными правоохранителями, выполняющими свою работу, например, досмотр автотранспорта. Наиболее вероятные правонарушения со стороны ультраправых экстремистов – это нарушения законов штата и местных постановлений, которые не входят в юрисдикцию федерального правительства и находятся в ведении городской полиции и окружных шерифов. Поэтому уверенность ультраправых экстремистов в том, что местные правоохранители защитят их от гипотетических нападков нелегитимных федеральных агентов, вступает в противоречие с более вероятным сценарием – ультраправые экстремисты нападают на местных полицейских, потому что те обеспечивают исполнение законов нефедерального уровня. На тех территориях, где законы штата или местные законы не соответствуют убеждениям ультраправых экстремистов (например, потому, что они рассматриваются как ущемление личных свобод), риск насильственных действий против сотрудников правоохранительных органов еще более возрастает.

В работе Suttmoeller и соавт. [49] изучались насильственные действия ультраправых экстремистов против сотрудников правоохранительных органов, приведшие к смертельным исходам. Было установлено, что, если исключить эпизод со взрывом бомбы в Оклахоме, когда погибли семеро сотрудников федеральных правоохранительных органов и один местный помощник шерифа, подавляющее большинство сотрудников правоохранительных органов, убитых между 1991 и 2009 гг. ультраправыми экстремистами, были сотрудниками местных отделений (86,1 %) или отделений уровня штата (11,1 %). Эти цифры соответствуют статистическим данным по всем Соединенным Штатам, собираемым Департаментом юстиции (*Law Enforcement Officers Killed and Assaulted, LEOKA*). Кроме того, было установлено, что более половины убийств были совершены группой преступников и жертв также было несколько, а более трех четвертей жертв были убиты экстремистами с помощью огнестрельного оружия. Почти половина жертв пришлась на южные штаты, чуть более трети – на западные. Только в 20 % случаев сотрудники правоохранительных органов знали об ультраправых убеждениях преступников до совершения ими убийства.

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

В другом исследовании, выполненном Gruenewald и соавт. [50], предпринята попытка определить мотивационные обстоятельства гибели сотрудников правоохранительных органов от рук ультраправых экстремистов. Все нападения со смертельным исходом были разделены на четыре категории: попытка избежать ареста, целенаправленное нападение, защита собственности, защита семьи. Были выявлены различия при совершении преступлений. Так, при целенаправленных нападениях, когда преступники по идеологическим мотивам намеренно нападали на полицейских, почти две трети убийств произошли во время обычной деятельности полиции, без связи со срочными вызовами. Кроме того, для этой категории было характерно отсутствие предупреждающих признаков того, что преступники пойдут на убийство, т. е. полицейские были застигнуты врасплох в 75 % случаев. Наконец, две трети преступников этой категории погибали во время нападения, от рук полицейских или совершая самоубийство.

Результаты современных исследований убийств полицейских ультраправыми экстремистами

В данном разделе мы, опираясь на работы [49, 50], представляем последние данные об убийствах полицейских ультраправыми экстремистами из базы данных США по преступлениям экстремистской направленности (*United States Extremist Crime Database, ECDB*). В этой базе данных собрана информация обо всех уголовных преступлениях, как идеологически мотивированных, так и бытовых, совершенных идеологическими экстремистами [19]. *ECDB* является полным, общедоступным источником достоверной информации о насильственных действиях со смертельным исходом, совершенных экстремистами, в том числе ультраправыми [51]. В наше исследование были включены только убийства при исполнении служебных обязанностей сотрудников государственных правоохранительных органов, а именно полицейского, окружного шерифа, полицейского штата или федерального агента, совершенные между 1991 и 2020 гг. Мы исключили убийства сотрудников правоохранительных органов не при исполнении ими служебных обязанностей, а также работавших в частных охранных организациях. Кроме того, в данной работе не рассматриваются убийства судей и других участников системы уголовного

правосудия. Такие убийства могли быть мотивированы идеологическими и неидеологическими обстоятельствами. В первую категорию входят случаи, когда преступник напал на сотрудника правоохранительных органов по идеологическим мотивам, или сотрудник был убит при реагировании на иное идеологически мотивированное преступное деяние. Вторая категория включает ситуации, когда полицейский был убит при исполнении служебных обязанностей во время рутинного взаимодействия с гражданами, которые оказались ультраправыми экстремистами, например, при досмотре автотранспорта или вручении повесток. Чтобы представить контекст виктимизации, были собраны данные для анализа на уровне преступления, жертвы и преступника. Переменные для дескриптивного анализа на уровне преступления включали наличие идеологической мотивированности преступления, территориально-статистический регион, уровень урбанизации округа, время года, год совершения преступления, использование огнестрельного оружия, количество преступников, количество жертв среди сотрудников правоохранительных органов, совершение убийства при досмотре автотранспорта, возникновение ситуации осады при совершении убийства. На уровне жертвы отмечались пол, расовая или этническая принадлежность, возраст, тип правоохранительной организации. Данные на уровне преступника включали пол, расовую или этническую принадлежность, возраст, разновидность идеологии.

В табл. 1 представлены данные по 48 убийствам, в которых погиб хотя бы один сотрудник правоохранительных органов при исполнении служебных обязанностей и убийство было совершено хотя бы одним ультраправым экстремистом. Из этих убийств 58,3 % были идеологически мотивированы, а 41,7 % не были идеологически мотивированы, т. е. произошли во время рутинного взаимодействия с гражданами или в процессе криминальной деятельности, но нападение на жертв не было связано с идеологией экстремизма. По географическому положению почти половина убийств произошла в Западном, а более трети – в Южном территориально-статистическом регионе США. Менее 15 % убийств произошли на Среднем Западе и в Северо-восточном регионе. При этом, по усредненным оценкам 2000 и 2010 гг., на Западе проживало 22,9 % населения США, на Юге – 36,5 %, на Среднем Западе – 22,3 % и в Северо-восточном регионе –

Таблица 1

Характеристики убийств полицейских ультраправыми экстремистами в США на уровне преступления, 1991–2020 гг.

Table 1. Incident level characteristics of far-right homicides of law enforcement officers in the United States, 1991–2020

Данные по убийствам / Data on homicide		%	Количество / Amount
Мотивация / Motivation	Идеологическая / Ideological	58,3	28
	Неидеологическая / Non-Ideological	41,7	20
Регион / Region	Средний Запад / Midwest	8,3	4
	Северо-восток / Northeast	6,3	3
	Юг / South	37,5	18
	Запад / West	47,9	23
Урбанизация / Urbanicity	Город / Urban	62,5	30
	Пригород / Suburban	37,5	18
Время года / Season	Весна / Spring	31,3	15
	Лето / Summer	29,2	14
	Осень / Fall	22,9	11
	Зима / Winter	16,7	8
Президент / Presidential Terms	Джордж Буш, 1-й срок / George H. W. Bush, Term 1	2,1	1
	Уильям Клинтон, 1-й срок / William J. Clinton, Term 1	8,3	4
	Уильям Клинтон, 2-й срок / William J. Clinton, Term 2	14,6	7
	Джордж Буш, 1-й срок / George W. Bush, Term 1	14,6	7
	Джордж Буш, 2-й срок / George W. Bush, Term 2	16,7	8
	Барак Обама, 1-й срок / Barack H. Obama, Term 1	14,6	7
	Барак Обама, 2-й срок / Barack H. Obama, Term 2	16,7	8
	Дональд Трамп, 1-й срок / Donald J. Trump, Term 1	12,5	6
Оружие / Weapon	Огнестрельное / Firearm	93,8	45
	Другое / Other	6,3	3
Преступник / Offenders	Один / Single	58,3	28
	Несколько / Multiple	41,7	20
Жертвы-полицейские / LE Victims	Один / Single	79,2	38
	Несколько / Multiple	20,8	10
Досмотр автотранспорта / Traffic Stop	Да / Yes	25,0	12
	Нет / No	75,0	36
Ситуация осады / Siege Situation	Да / Yes	29,2	14
	Нет / No	70,8	34
Всего / Total		100,0	48

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

18,3 % [52]. Что касается уровня урбанизации, чуть менее двух третей убийств произошли в городских районах, чуть менее одной трети – в пригородных. В сельских районах, согласно классификации Департамента США по вопросам сельского хозяйства, таких эпизодов не зарегистрировано [53].

Мы рассмотрели различия в уровне убийств полицейских при исполнении служебных обязанностей в зависимости от времени года и года совершения убийства. Большинство таких преступлений были совершены весной (31,3 %), почти столько же летом (29,2 %), гораздо меньше осенью (22,9 %) и зимой (16,7 %). При распределении данных по срокам правления президентов можно заметить, что в первый период правления президента Клинтона произошло наименьшее количество убийств полицейских при исполнении служебных обязанностей и что доля таких преступлений во все остальные периоды оставалась на удивление стабильной – по семь или восемь эпизодов. Во время первого срока президента Трампа произошло лишь шесть убийств, однако сюда не включены события января 2021 г. – последнего месяца

правления его администрации, когда полицейский погиб от сердечного приступа в ходе защиты Капитолия. Если по данному факту вина подозреваемых будет доказана, то количество полицейских, погибших во время правления Дональда Трампа, будет тем же, что и при трех его предшественниках. Что касается других переменных на уровне преступления, то в подавляющем большинстве случаев использовалось огнестрельное оружие (93,8 %), большинство убийств были совершены одним преступником (58,3 %), и примерно в 80 % случаев был убит один полицейский. Наконец, 25 % эпизодов произошли во время досмотра автотранспорта, а почти 30 % включали ситуацию осады.

Были также проанализированы характеристики жертв (табл. 2) и подозреваемых (табл. 3). Среди 67 пострадавших полицейских почти все были мужчинами, лишь одна женщина. Белых нелатиноамериканцев было 86,6 %, черных нелатиноамериканцев – 10,4 % и белых латиноамериканцев – всего 3 %. Около одной трети пострадавших были в возрасте от 30 до 39 лет, также одна треть – от 40 до 49 лет.

Таблица 2

Характеристики убийств полицейских ультраправыми экстремистами в США на уровне жертвы, 1991–2020 гг.

Table 2. Victim level characteristics of far-right homicides of law enforcement officers in the United States, 1991–2020

Данные по убийствам / Data on homicide		%	Количество / Amount
Пол / Gender	Мужской / Male	98,5	66
	Женский / Female	1,5	1
Раса / Этническая принадлежность	Черные нелатиноамериканцы / Black Non-Hispanic	10,4	7
	Белые латиноамериканцы / White Hispanic	3,0	2
	Белые нелатиноамериканцы / White Non-Hispanic	86,6	58
Возраст / Age	20–29	10,4	7
	30–39	37,3	25
	40–49	32,8	22
	50–59	14,9	10
	60+	4,5	3
Место работы / Agency Type	Федеральное отделение полиции / Federal Law Enforcement	16,4	11
	Местное отделение полиции / Local Police	38,8	26
	Офис шерифа / Sheriff's Office	31,3	21
	Полиция штата/патрульный / State Police / Patrol	13,4	9
Всего / Total		100,0	67

Таблица 3

Характеристики убийств полицейских ультраправыми экстремистами в США на уровне преступника, 1991–2020 гг.

Table 3. Suspect level characteristics of far-right homicides of law enforcement officers in the United States, 1991–2020

Данные по убийствам / Data on homicide		%	Количество / Amount
Пол / Gender	Мужской / Male	86,7	72
	Женский / Female	13,3	11
Белые нелатиноамериканцы / White Non-Hispanic	Да / Yes	96,4	80
	Нет / No	3,6	3
Возраст / Age	<20	2,4	2
	20–29	32,5	27
	30–39	34,9	29
	40–49	14,5	12
	50–59	8,4	7
	60+	7,2	6
Особенности ультраправой идеологии / Far-Right Sub-Ideology	Антиправительственная идеология / Anti-Government	51,8	43
	Идеология белого превосходства / White Supremacist	30,1	25
	Неэкстремистская идеология / Non-Extremist	18,1	15
Всего / Total		100,0	83

Всего 10,4 % были в возрасте от 20 до 29 лет, 14,9 % – от 50 до 59 лет и всего 4,5 % – старше 60 лет. Сотрудниками местных отделений полиции и офисов окружного шерифа были 70,1 % пострадавших, сотрудниками федеральных отделений правоохранительных органов были 16,4 %, а сотрудниками полиции штата или патрульными – 13,4 % пострадавших.

Анализ характеристик преступника показывает, что они были преимущественно мужчинами (86,7 %), белыми нелатиноамериканцами (96,4 %). Кроме того, около трети из них были в возрасте от 20 до 29 лет и еще около трети – от 30 до 39 лет. Наконец, взгляды преступников, совершивших данные убийства, соответствовали преимущественно антиправительственной идеологии (51,8 % преступников) и идеологии белого превосходства (30,1 % преступников); 18,1 % преступников не придерживались экстремистских взглядов. Последние выступали сообщниками экстремистов, однако явных свидетельств их принадлежности к ультраправым экстремистским группам не имелось. Следует отметить, что данная классификация основывалась на основных убеждениях преступников, однако многие из них разделяют весь спектр

убеждений – как антиправительственные идеи, так и идеологию белого превосходства. Фактически ряд ультраправых экстремистов с антиправительственной идеологией, например такие группы, как суверенные граждане, придерживаются расистских доктрин, хотя и заявляют о своем неприятии расизма [20].

Хотя в риторике ультраправого экстремизма подчеркивается неприятие федеральных и поддержка местных органов правопорядка, данные свидетельствуют о том, что в наиболее тяжких преступлениях против правоохранительных органов жертвами становились сотрудники местных отделений полиции (70 %). Федеральные агенты составляют всего 16,4 % жертв ультраправых экстремистов, причем восемь из них были убиты во время взрыва в Оклахоме. В статистическом и практическом отношении этот взрыв отличается от обычных насильственных действий ультраправых экстремистов, поэтому эти жертвы, так же как погибший помощник шерифа, должны быть исключены из данной статистики. В этом случае сотрудниками местных отделений полиции оказываются 79,3 % жертв, 15,5 % были патрульными или полицейскими уровня штата, а федеральные агенты состав-

ляют 5,2 %. Данные об уровнях подчиненности колеблются в течение 30-летнего периода исследования, однако, согласно работе [54], в 2016 г. около 12,5 % штатных сотрудников правоохранительных органов в США подчинялись федеральным органам власти. Следовательно, в зависимости от того, как оценивать эпизод в Оклахоме, от рук ультраправых экстремистов погибли либо чуть больше, либо намного меньше сотрудников федеральных органов правопорядка, чем их доля в общем составе всех сотрудников правоохранительных органов. Если придерживаться консервативной интерпретации данных, то можно сделать вывод, что сотрудники правоохранительных органов в США имеют относительно невысокие, но примерно равные шансы погибнуть от рук ультраправых экстремистов, несмотря на антиправительственную риторику, направленную против федеральных властей. Если же рассмотреть данные на более глубоком уровне, то оказывается, что федеральные агенты с гораздо большей вероятностью могут подвергнуться нападению и погибнуть в ходе идеологически мотивированных преступлений, совершаемых ультраправыми экстремистами, тогда как для местных полицейских выше вероятность погибнуть при рутинном взаимодействии с ультраправыми экстремистами при исполнении своих профессиональных обязанностей.

Ультраправый экстремизм представляет реальную постоянную угрозу жизни и благополучию сотрудников правоохранительных органов через насильственные криминальные действия и бумажный терроризм. Кроме того, антиправительственная идеология ультраправых экстремистов бросает прямой и недвусмысленный вызов легитимности органов правопорядка и властей, которым они подчиняются. Как было показано, движения ополчения, суверенных граждан, бугалу не проявляют большого уважения к федеральным законам и законам штатов и лишь частично подчиняются местным органам правопорядка, если только сторонники этих движений считают, что законы не ущемляют их личных свобод. При этом ультраправые экстремисты с неменьшей, а то и с большей вероятностью нападают на местные отделения полиции и на окружных шерифов, чем на полицейских уровня штата или федерального уровня, если учесть процентное соотношение сотрудников указанных уровней юрисдикций. И хотя гибель полицейских при исполнении служебных обязанностей от рук ультраправых экстремистов остается

нечастым явлением, даже в контексте всех случаев гибели полицейских при исполнении служебных обязанностей, однако сотрудники правоохранительных органов в некоторых областях страны и при исполнении ряда специфических обязанностей подвергаются большему риску, чем другие.

Угрозы легитимности правоохранительных органов

Второй вид угрозы, которую ультраправый экстремизм представляет для правоохранительных органов, состоит в принятии на работу сотрудников, открыто или неявно продвигающих незаконную экстремистскую деятельность ультраправого толка. Это создает риск подрыва легитимности правоохранительных органов в некоторых сообществах, где существуют такие проблемы, а также за их пределами. Кроме того, если органы правопорядка неявно поддерживают ультраправый экстремизм, например, относясь к лицам, связанным с этой идеологией или движениями, иначе, чем к другим членам сообщества, либо производя такое впечатление, то такие организации рискуют потерять организационную легитимность и доверие общества, особенно там, где обычно происходят нападения ультраправых экстремистов. Об этом говорят и свидетельские показания в Конгрессе, которые приводит в своей работе Dr. Pete Simi; в ходе исследования он установил, что ультраправые экстремисты были убеждены в поддержке со стороны сотрудников правоохранительных органов [55]. В данном разделе мы рассмотрим внутренние риски, которым подвергаются правоохранительные органы со стороны ультраправых экстремистов, через обсуждение исторических и современных взаимоотношений между ними, а также ситуации недооценки правоохранительными органами тех угроз, которые ультраправые экстремисты представляют для них и сообщества в целом.

Ультраправые экстремисты среди сотрудников правоохранительных органов

Политическая история США показывает, что некоторые догматы ультраправой экстремистской идеологии существовали в ней столетиями; среди них можно назвать догматы расизма и нативизма. Некоторые из самых ранних форм охраны правопорядка включали колониальное ополчение, члены которого репрессировали коренное население и превращали африканцев

в рабов в ходе «рабовладельческих патрулей»; это ополчение состояло из белых мужчин, которым закон позволял поработать африканцев, часто с применением насилия [56–59]. Таким образом, формирование и функции современных правоохранительных органов исторически связаны с идеями белого превосходства, причем не только в противостоянии Севера и Юга, но и в процессе расширения США на запад [60–64, 59].

После Гражданской войны появилась организация ку-клукс-клан, проводившая на юге кампании террора против освобожденных рабов. Самые первые анти-террористические законы федерального правительства были направлены против насилия, проводимого ку-клукс-кланом [65], однако известно, что некоторые сотрудники правоохранительных органов были членами этой организации или сотрудничали с ней в последующие десятилетия [56, 66, 67]. Это позволило ку-клукс-клану действовать в ряде местностей в качестве своего рода «теневого правительства» [68. Р. 143]. Более того, исследования показали, что сотрудники правоохранительных органов, особенно шерифы и их заместители, участвовали примерно в половине всех случаев линчевания в период между 1930 и 1933 гг. [64]. Таким образом, некоторые сотрудники правоохранительных органов были связаны с ку-клукс-кланом и совершали насильственные действия против чернокожих в 1960-е гг., во время движения за гражданские права. Кроме того, полицейские по всей стране поддерживали и другую ультраправую экстремистскую группировку – Общество Джона Бёрча. В исследованиях было установлено, что до 3 % членов Общества Джона Бёрча были сотрудниками правоохранительных органов [69. Para. 19], при этом «доля полицейских [в этой организации] в четыре раза превышала их долю среди трудоспособного населения США» [70. Р. 79]. Проблема ультраправого экстремизма в рядах органов правопорядка давно вызывает озабоченность. В недавно опубликованной нередактированной версии отчета Контртеррористического подразделения ФБР за 2006 г., посвященного проникновению идеологии белого превосходства в правоохранительные органы, отмечается, что группировки белого превосходства и раньше придерживались стратегии привлечения поддержки органов правопорядка, однако теперь сотрудники правоохранительных органов, особенно уже достигшие высокого положения, нередко добровольно и по собственной инициативе направляют про-

фессиональные ресурсы на решение дел сторонников идеологии белого превосходства, которым они симпатизируют (р. 3). По мнению German [71], внутренние инструкции ФБР показывают, что «расследования терроризма внутри страны фокусировались на движении ополчения, тогда как экстремистские группировки белого превосходства и суверенных граждан часто демонстрируют активные связи с сотрудниками правоохранительных органов и высокопоставленными лицами, способными контролировать деятельность Национального информационного центра по изучению преступности (NCIC)» [72. Р. 89]. Недавний отчет ФБР за 2021 г. предостерегает, что «сторонники белого превосходства и другие правые экстремисты “с большой вероятностью будут стремиться к объединению с подразделениями вооруженных сил и правоохранительных органов для продвижения своих взглядов”» [73. Para. 3].

Согласно докладу Центра журналистских расследований (*The Center for Investigative Reporting*), журналисты выявили экстремистские группы в сети «Фейсбук» и установили имена как минимум 400 действующих и бывших сотрудников правоохранительных органов, участвующих в них; среди них почти 150 полицейских были членами антиправительственных группировок, таких как *the Oath Keepers* и *Three Percenters* [74. Para. 3]. Было также обнаружено, что ряд полицейских участвовали в расистских действиях или иных незаконных действиях при исполнении своих служебных обязанностей. Пользуясь ограниченным объемом доступных данных и точными критериями отбора, Антидиффамационная лига [75] выявила 76 случаев, в которых [бывшие или действующие] сотрудники правоохранительных органов становились членами или демонстрировали поддержку заведомо экстремистской группировке или движению [в период с 2010 по 2021 г.]. Эти случаи охватывают 73 персоналии – 73 случая, в которых участвовало по одному человеку, и три случая, когда один человек поступал на работу в другое отделение после выявления его связей с экстремистскими организациями. Приблизительно 80 % из этих людей были сотрудниками местных правоохранительных органов (para. 14). По сообщению ADL, 40 % из них были связаны с антиправительственными группировками, еще 33 % – с движением белого превосходства, а остальные – с различными группировками, включая *QAnon*, *the Proud Boys*, участниками

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

захвата Капитолия. Кроме того, было показано, что 40 % выявленных полицейских сохранили свои должности, а некоторые из уволенных были приняты в другие отделения, что отражает традиционную схему «циркуляция полицейских-расистов» [67. Р. 175].

Некоторые отделы полиции предпринимали меры по очищению своих рядов от экстремистов, инициируя расследования и увольняя таких полицейских. Однако их усилия часто были неэффективными, поскольку полицейским-экстремистам удавалось избежать или оспорить налагаемые дисциплинарные взыскания, в том числе увольнение. Некоторые полицейские даже получали повышение после обнаружения их связей с экстремистами [71]. Известно также множество примеров, когда руководители органов правопорядка игнорировали, сглаживали такие сигналы или открыто защищали полицейских, связанных с правым экстремизмом [74, 76, 77, 71]. Согласно одному из исследований [56, 71], даже в отчете ФБР за 2006 г. нет прямого указания на непосредственную и серьезную опасность, которую полицейские-экстремисты представляют для уязвимых групп населения, кроме расплывчатых ссылок на «злоупотребления властью и пассивное бездействие по отношению к проявлениям расизма в сообществах, где они служат» (р. 3).

В течение нескольких лет перед событиями 6 января 2021 г. произошел целый ряд эпизодов, связанных с ультраправыми экстремистами – сотрудниками правоохранительных органов. В докладе German [71] об ультраправом экстремизме в рядах органов правопорядка упоминается о нескольких таких случаях. Так, в 2015 г. отдел полиции Алабамы уволил офицера из-за его давно известного – и игнорируемого – членства в организации «Лига Юга» (*the League of the South*); при этом он активно рекрутировал полицейских в эту организацию. Другому офицеру, связанному с этим движением, позволили выйти в отставку. В 2016 г. офицер полиции из Филадельфии, связанный с неонацистской группировкой, показывал свою татуировку в виде орла в нацистском стиле при патрулировании протестов во время Национального демократического съезда; местный профсоюз полицейских открыто защищал этого офицера, и после проведенного расследования он не понес никакого наказания [78]. В 2017 г. журналистское расследование показало, что глава отдела полиции в Оклахоме вел несколько неонацистских сайтов и участвовал в неонацистских

группировках. Он подал в отставку и был принят на работу в другой отдел. В 2018 г. в Вашингтоне и Луизиане были уволены заместители шерифов за их участие в группе *Proud Boys*, а в отделе полиции Коннектикута в 2019 г. полицейского не смогли наказать за то же самое. В 2020 г. в отделах полиции Калифорнии и Иллинойса расследовали дело сотрудников, которых видели в одежде с символикой групп *Three Percenters* и *the Oath Keepers* во время работы на протестных акциях после убийства Джорджа Флойда [71]. Наконец, 6 января по обе стороны баррикад у Капитолия среди толпы находились сотрудники правоохранительных органов. В течение нескольких дней ФБР арестовало действующих и бывших полицейских за преступления, совершенные во время протестных акций у Капитолия [79]. К июлю 2021 г. было арестовано 20 таких полицейских, включая бывшего шефа полиции [18, 80]. За период с 6 января органы правопорядка и другие государственные учреждения начали пересматривать процедуры по выявлению экстремистов и удалению их с постов (см., например, [81, 82]).

Недооценка угрозы. Недавние события, вплоть до угрозы безопасности во время захвата Капитолия, выдвинули на первый план проблему реакции правоохранительных органов на усиление ультраправого экстремизма. Правоохранительная система США уже достаточно давно подвергается критике из-за сглаживания и игнорирования угрозы ультраправого экстремизма, нежелания признать ультраправых экстремистов в качестве террористов и фокусировать большую часть, если не сказать все ресурсы на других угрозах, не представляющих, возможно, такого серьезного риска, как ультраправый экстремизм [56, 83–86]. Анализируя обучающие материалы сотрудников правоохранительных органов по противодействию терроризму, Chermak и соавт. [87] писали об относительной недостаточности ресурсов, выделяемых на борьбу с терроризмом внутри страны, поскольку большая часть ресурсов уходит на борьбу с международным и исламским терроризмом. В своем обзоре отделов полиции уровня штатов Freilich и соавт. [84] показали, что правоохранительные органы штатов считают самыми серьезными угрозами для национальной безопасности исламистов, защитников окружающей среды и прав животных, но не ультраправых экстремистов. В той же работе было показано, что, хотя некоторые группы защитников окружающей

среды и прав животных также классифицируются как экстремистские, их деятельность практически никогда не была связана с ранениями или убийствами; при этом полицейские оценивают их по уровню угрозы безопасности на уровне штата выше, чем ультраправых экстремистов, включая ополченцев, патриотическое движение, суверенных граждан, движение христианской идентичности, ку-клукс-клан, движение против аборт и против иммигрантов – хотя сторонники всех этих групп были замешаны в убийстве гражданских лиц и/или сотрудников правоохранительных органов. Наконец, в работе Freilich и соавт. было выявлено противоречие между восприятием угрозы терроризма сотрудниками правоохранительных органов уровня штата и реальностью: они оценивали исламских экстремистов как главную угрозу безопасности штата и страны в целом, при этом исламские экстремисты «не входят в первую пятерку по числу преступных деяний и арестов» [84. Р. 463]. Ситуация с движением суверенных граждан обратная: их не оценивали как серьезную угрозу, однако они занимают одно из первых мест по уровню преступной активности, арестам и числу сторонников. В работе, посвященной изучению сотрудников правоохранительных органов, принимавших участие в тренингах по предотвращению терроризма и навыкам разведки, Carter и соавт. [88] установили, что полицейские считали потенциально наиболее опасными суверенных граждан, затем исламских экстремистов, участников ополчения/патриотического движения, расистов-скинхедов, неонацистов; таким образом, была показана динамика в восприятии угрозы по сравнению с результатами Freilich и соавт. [84]. Было также проведено сравнение с результатами исследования Freilich и соавт. 2006–2007 гг. и обнаружено уменьшение «озабоченности сотрудников правоохранительных органов по поводу серьезной террористической угрозы со стороны большинства группировок», включая большинство ультраправых экстремистских групп, хотя активность последних значительно повысилась после избрания президента Барака Обамы.

Рассматривая усиление активности ультраправых экстремистов в Канаде, Perry и Scrivens [89] на основе опросного метода установили, что это усиление произошло вследствие слабой реакции части правоохранительных органов. В исследовании было отмечено апатичное отношение некоторых участников интервью

к проблеме ультраправого экстремизма. Как писали авторы, некоторые полицейские вообще не признавали наличия ультраправого экстремизма, другие отрицали – по крайней мере публично – существование какого-либо риска, связанного с ультраправыми. Они утверждали, что потенциал усиления их группировок и совершения ими насильственных действий невелик. Даже в тех городах, где полицейские признавали существование сотен ультраправых экстремистов, они говорили о низком уровне угрозы. Вместо этого они гораздо чаще указывали на опасность левого экстремизма или, еще чаще, исламского экстремизма. Военизированные группы типа al-Shabaab воспринимались как террористические объединения, а такие ультраправые экстремистские группировки, как Aryan Nations или Blood and Honour, – нет. В лучшем случае группы ультраправых экстремистов называли «бригадами из двух с половиной человек» или «неудачниками без цели в жизни», подчеркивая, что потенциальная угроза от них минимальна (р. 181). Эти результаты совпадают с выводами работы [84], как было показано выше. На основе исследования Perry и Scrivens, посвященного Канаде, Castle провел аналогичную работу в США [56], придя к схожим выводам о «дезаурировании рисков» и «принижении угрозы» при реакции правоохранительных органов США на усиление ультраправого экстремистского движения в течение двух лет перед «Маршем Объединенных правых» в 2017 г. в Шарлоттсвилле, когда один из сторонников движения белого превосходства намеренно въехал в автомобиле в толпу контрпротестующих, убив Хизер Хейер и ранив 35 человек [90]. Анализируя реакцию полицейских разного уровня на события в Шарлоттсвилле, Castle утверждает, что «правоохранительные органы игнорировали историю расового террора, развязанного в городе сторонниками движения белого превосходства и чиновниками штата, не обращали внимания на присутствие в городе огромного числа белых группировок, называли несерьезным уровень насилия против протестующих в университете Вирджинии 11 августа и, напротив, преподносили в усиленном виде угрозу со стороны контрпротестующих и активистов, которые и стали главной мишенью разведывательных служб» (р. 222).

Рассматривая другие примеры реакции правоохранительных органов, Castle показывает, что они неоднократно принижали значение действий сторонников движения белого превосходства, включая

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

участие представителей правоохранительных органов в этом движении, совершение террористических актов внутри страны, отрицание угрозы их деятельности для сообщества и страны в целом. В то же время органы правопорядка придавали особое значение пресечению деятельности контрпротестующих, антирасистов и жертв насилия со стороны движения белого превосходства, сосредоточивая «разведывательные усилия на двух вымышленных угрозах – “черных сепаратистах” (*Black separatists*) и “экстремистах черной идентичности” (*Black identity extremists, BIE*)... Юристы показали, что появление *BIE* совпало по времени с политическим давлением на ФБР, когда его вынуждали назвать угрозу, эквивалентную реально существующей организации белого превосходства» [56. Рр. 228–229]. Этот вывод совпадает с результатами работы Perry и Scrivens [89], которые считают, что правоохранительные органы предпочитают фокусироваться на преследовании левых и других групп, чем бороться с ультраправым экстремизмом. Действительно, такая реакция повторяется неоднократно. Пока ку-клукс-клан возрождался и устраивал массовые линчевания, федеральные правоохранительные органы охотились за красными, преследуя активистов левых и лейбористских движений, борцов за расовое равноправие. Пока члены ку-клукс-клана и движения белого превосходства нападали и убивали чернокожих и активистов борьбы за гражданские права, ФБР и его контрразведывательная программа (*COINTELPRO*) сосредоточились на разрушении движений за гражданские права, за независимость и антивоенных движений, а также организаций новых левых [68, 59].

Нежелание признавать угрозу ультраправого экстремизма может являться результатом недостаточной подготовки, однако есть и другое объяснение – возможно, правоохранительные органы не рассматривают ультраправых экстремистов как угрозу себе. Perry и Scrivens отмечают: «Считается, что левые и исламисты... представляют угрозу для таких символических понятий, как государство и государственное (или иное) руководство. Напротив, ультраправые экстремисты нападают на тех, кто “на периферии”... Одни угрожают “нам”, другие – “им”» [89. Р. 182]. Невзирая на множество нападений со смертельным исходом, совершенных ультраправыми экстремистами по отношению к сотрудникам правоохранительных органов, полицейские не только продолжают преуменьшать угрозу от

них, но в ряде случаев даже защищали, поддерживали и сотрудничали с такими группировками [56]. Примером такого рода являются протесты летом 2020 г., вызванные убийством Джорджа Флойда. В средствах массовой информации сообщалось о том, что полиция в разных регионах ничего не предпринимает для ограничения активности членов антиправительственного движения ополчения, которые приходили на протестные акции под предлогом поддержки полиции и защиты объектов собственности. На записях с этих акций видно, как полицейские фотографируются с вооруженными ополченцами, дают им воду, призывают их мобилизоваться, называют их «дружественными силами» [91, 92].

Внутренняя угроза легитимности правоохранительных органов возникает по многим причинам: исторические связи и сотрудничество с движением белого превосходства при злоупотреблении властью и активном подавлении расовых и социальных меньшинств, часто с применением насилия; неспособность открыто признать риск, которому идеология ультраправого экстремизма подвергает не только членов сообщества, но и сотрудников правоохранительных органов; нежелание выявлять и удалять ультраправых экстремистов и их сторонников из своих рядов. Все это может привести к делегитимизации органов правопорядка. Степень этого риска неодинакова для разных отделений полиции в масштабах страны. В тех областях, где сообщество разнородно, с меньшей вероятностью будут поддержаны те отделы полиции и их руководители, которые, осознанно или нет, нанимали на работу лиц, связанных с ультраправым экстремизмом. С развитием цифровых технологий увеличение потока сообщений о злоупотреблении властью со стороны полиции при взаимоотношениях с расовыми и этническими группами, о членах движения белого превосходства и антиправительственных экстремистах в рядах полиции приведет к тому, что восприятие легитимности правоохранительных органов будет продолжать снижаться.

Обсуждение

События 6 января явились катализатором, заставившим политиков, специалистов и других заинтересованных лиц рассмотреть возникшие социальные проблемы, определить их причины и попытаться найти ресурсы для их решения [93]. Эти процессы продол-

жаются и сегодня. Несмотря на наличие видеозаписей произошедшего, средства массовой информации и политики по-разному объясняют события у Капитолия, называя их восстанием, мятежом или законной протестной акцией. На слушаниях в Конгрессе на тему «Анализ атаки на Капитолий США 6 января» [94] были представлены свидетельские показания полицейских, работавших в Капитолии; был образован выборный комитет для проведения официального расследования [95]. Формирование полной картины предшествовавших событий потребует времени, однако уже сейчас ясно, что среди причин нападения были неподготовленность и срыв коммуникаций.

Кроме обвинений в насильственных действиях против представителей правоохранительных органов, на сегодняшний день предъявлено более 20 исков полицейским не при исполнении служебных обязанностей за преступные действия, совершенные во время нападения на Капитолий [18]. Это яркий пример того, что, хотя ультраправые экстремисты могут заявлять о своей поддержке органов правопорядка, они представляют реальную угрозу для правоохранительной деятельности. Более того, мнение о поддержке ультраправого экстремизма со стороны полицейских может привести к делегитимизации правоохранительных органов. Чтобы противостоять этим рискам, выделим несколько политических инициатив, которые могут помочь снизить как риск виктимизации полицейских, так и риск утраты доверия общества и веры в легитимность органов охраны правопорядка.

Снижение риска насильственных экстремистских действий против сотрудников правоохранительных органов

Мы предлагаем четыре стратегии для защиты сотрудников правоохранительных органов от насильственных действий со стороны ультраправых экстремистов. Во-первых, необходимо давать полицейским информацию об угрозе их виктимизации со стороны ультраправых экстремистов и в целом о ситуации с экстремизмом в стране. Исследователи уже много лет говорят о необходимости усиленной подготовки сотрудников правоохранительных органов с использованием лучших разработок и практических примеров, свидетельствующих об угрозе; такая подготовка должна вестись на местном, федеральном уровне и на уровне отдельных штатов [87]. Фактически в ходе уже

упоминавшихся слушаний в Конгрессе Dr. Pete Simi заявил, что необходимо проводить обучение сил правопорядка в отношении ультраправого экстремизма и обеспечить выработку правоохранительными органами четкой позиции по этим проблемам [55]. Кроме общих вопросов противодействия ультраправому экстремизму, подготовка должна затрагивать также конкретные виды рисков, которым подвергаются сотрудники правоохранительных органов. Как отмечалось, особую угрозу для местной полиции представляют те экстремисты, которые выступают против правительства или считают правительство нелегитимным. Не следует забывать и о других формах внутреннего экстремизма и терроризма. Например, обсуждение проблем ультраправого, ультралевого и исламского экстремизма в рамках одного занятия позволит избежать ассоциирования первого из этих явлений с общепринятой консервативной политической идеологией. Преимущество такой подготовки в том, что она может дать сотрудникам правоохранительных органов инструментарий для защиты жизней людей и своих собственных.

Во-вторых, органы правопорядка должны использовать уже существующие общенациональные базы данных для отслеживания истории преступной деятельности и другой информации для выявления членов формальных ультраправых экстремистских группировок и приверженцев определенных ультраправых экстремистских идеологий, таких как движение суверенных граждан. Это позволит полицейским в ходе их повседневной деятельности, например при проверках автотранспорта или вручении повесток, определять, как конкретное лицо относится к полиции или к государственным органам в целом. Ряд ультраправых экстремистов могут уже находиться в базах данных правоохранительных органов, особенно если они связаны с уличной преступностью, однако в целом полнота такой информации вызывает сомнения. Изучая общие проблемы, касающиеся надежности баз данных по преступности, Reid и Valasik [96] отметили существенный недостаток информации о членах белых банд, а также серьезные несоответствия в оценках распространенности движения белого превосходства между отделами полиции в одних и тех же регионах. Они также показали, что недооценка движения белого превосходства характерна для тех городов, где присутствуют крупные группировки этого движения, например, Портленд, штат Орегон. По их словам, «в на-

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

стоящее время члены этого движения попадают в базу данных, только если уже оказались в исправительном учреждении» (р. 32). Таким образом, подобные базы данных должны совершенствоваться и расширяться. В этой работе отделам полиции могут помочь организации, о которых будет сказано ниже, а именно Объединенные силы по борьбе с терроризмом и центры обработки информации на уровне штатов.

В-третьих, необходимо усилить реакцию юридической системы и уголовного правосудия на проявления ультраправого экстремизма. Органы правопорядка смогут лучше защитить себя и граждан, если сфокусируют ресурсы на немедленном расследовании и пресечении всех преступных деяний, совершаемых экстремистами. Во многих штатах насильственные действия против сотрудников правоохранительных органов приводят к более серьезному наказанию, и такой же принцип должен действовать, если преступники являются ультраправыми экстремистами. Кроме того, в ряде случаев, когда недостаточно оснований для ареста потенциальных экстремистов за планируемые насильственные действия по идеологическим мотивам, органы правопорядка должны пресекать возможные беспорядки другими методами, как это произошло, например, с событиями 6 января [97]. По мнению Pitcavage [24], это было обычной практикой уголовного правосудия, которая привела к арестам нарушавших закон членов ополчения, что значительно снизило активность этого движения, а значит, и общественный интерес к нему. Векторный авторегрессионный анализ данных временного ряда также показал, что уровень убийств ультраправыми экстремистами значительно снизился после принятия Закона о борьбе с терроризмом в 2001 г. и Закона Мэтью Шепарда и Джеймса Берда-младшего о предотвращении преступлений на почве ненависти в 2009 г.; оба эти закона создали новые инструменты для расследования и пресечения идеологически мотивированных насильственных действий [19]. В настоящее время в Конгрессе рассматривается федеральный закон о предотвращении внутреннего терроризма 2021 г., который предусматривает «создание отделов в трех ведомствах: Министерстве национальной безопасности, Министерстве юстиции и ФБР – для выявления, расследования и пресечения случаев внутреннего терроризма», с особым вниманием к движению белого превосходства [98]. Однако идея принятия нового

контртеррористического законодательства встречает значительное сопротивление, даже если эти законы концентрируются на ультраправом экстремизме; высказываются опасения, что они затронут гражданские свободы [99], или будут применяться против меньшинств и ультраправых [100], или что будут повторены ошибки, связанные с поспешным принятием закона о борьбе с терроризмом после атаки 11 сентября [101].

В-четвертых, за последние двадцать лет уже сложилась инфраструктура криминальной юстиции, позволяющая выявлять экстремистскую и террористическую деятельность внутри страны, реагировать и бороться с ней. Соответствующие организации могут сосредоточить значительную часть ресурсов на ультраправых экстремистах, если для расследований и борьбы в этой сфере появится политическая воля. После террористических атак 11 сентября созданное с нуля Министерство внутренней безопасности основало центры обработки информации, которые фокусировались на разведывательной деятельности с целью выявления и блокирования террористических угроз. Эти центры использовали ресурсы, знания и информацию на всех уровнях управления для расследования потенциальных уголовных и террористических действий [102]. Еще одним механизмом в распоряжении правоохранительных органов стали федеральные Объединенные силы по борьбе с терроризмом (*Joint Terrorism Task Force, JTTF*), которые объединяли орган правопорядка федерального и местного уровней [103]. В 2008 г. *JTTF* входили во все подразделения ФБР на местах и работали в 100 городах США [104], в настоящее время они есть уже в 200 городах [105]. Однако и эти органы подвергаются критике, так как те, кто выступает против сил особого назначения, считают, что они представляли в прошлом и будут представлять в будущем угрозу гражданским свободам населения [106]; те же аргументы высказывались в адрес центров обработки информации [102, 107]. Все *JTTF* имеют полномочия расследовать угрозы правоохранительным органам и обществу в целом со стороны ультраправых экстремистов и обязаны делать это. Несмотря на то, что ультраправых экстремистов почти никогда не обвиняют в терроризме, поскольку американское антитеррористическое законодательство направлено в первую очередь против международных террористических организаций и деяний, власти должны последовательно и открыто называть идеологически мотивированные

действия ультраправых экстремистов терроризмом [108]. *JTTF* и центры обработки информации могут играть интегрирующую роль в этом процессе, задавая приоритетность расследований против антиправительственных экстремистов и членов движения белого превосходства, участвующих в преступной деятельности. Кроме того, эти организации могут способствовать обмену информацией об экстремистских угрозах, используя технологические инструменты, например, такие как *eGuardian*, позволяющие отделам полиции предоставлять информацию *JTTF* и наоборот [109]. Эти и другие технологии, например Национальный центр информации о преступности (*the National Crime Information Center*) [110], позволяют системно собирать информацию о лицах, представляющих угрозу для правоохранительных органов и общества в целом из-за своих экстремистских взглядов, поддерживающих и оправдывающих насилие, дестабилизацию государства и другие преступные деяния.

Снижение угрозы легитимности правоохранительных органов

Достоверных оценок рисков для легитимности правоохранительных органов со стороны ультраправых экстремистов, работающих в их рядах, не существует. Количество полицейских, связанных с ультраправым экстремизмом, сложно, если вообще возможно, оценить по двум причинам: во-первых, некоторые ультраправые экстремисты открыто заявляют о своей принадлежности к экстремистским группам и идеологиям, но многие не обнародуют свои убеждения. Во-вторых, на общенациональном уровне не ведется никакой работы по выявлению и отслеживанию ультраправых экстремистов в рядах органов правопорядка [55]. Эти выводы очень важны; из первого следует необходимость совершенствования процедур найма, сохранения и увольнения сотрудников правоохранительных органов в случае их связи с ультраправым экстремизмом. Второй вывод говорит о необходимости общей базы данных полицейских, связанных с ультраправым экстремизмом, что не позволит таким полицейским перемещаться из одного отделения в другое.

Согласно первому выводу, чтобы снизить риски для легитимности правоохранительных органов, еще на этапе отбора кандидатов для найма следует отсекаать ультраправых экстремистов с помощью специальных процедур. Отделения полиции ис-

пользуют большое количество различных методик для определения пригодности кандидатов на работу. Согласно исследованию Wood [111] по данным Управленческой и административной статистики правоохранительных органов (*Law Enforcement Management and Administrative Statistics, LEMAS*), большинство отделов полиции проводили проверки анкетных данных (этот метод используется в 97,4 % отделений полиции); далее по частотности следуют проверки на наркотики (96,0 % отделений), проверки кредитной истории (94,7 % отделений), проверки нарушений ПДД (77,0 % отделений), проверки на наличие судимости (74,7 % отделений), проверки физической формы (70,8 % отделений), личные собеседования (55,8 % отделений), голосовые анализаторы уровня стресса (55,3 % отделений). Еще реже кандидатов просят пройти серии тестов для характеристики личности или психологические проверки. Используя все эти методы, правоохранительные органы должны выявлять у своих сотрудников симпатии к экстремистским идеологиям и связи с соответствующими группировками. Важно, чтобы такие кандидатуры категорически отвергались. Чтобы сохранить легитимность, органы правопорядка должны разработать протоколы приема на работу и кодексы поведения, в которых бы недвусмысленно и публично заявлялось о недопустимости работы идеологических экстремистов в данной организации. Кроме того, выборные чиновники, такие как мэры, члены городских советов, мировые судьи округов, члены комитетов общественного контроля, лидеры профсоюзов, должны четко заявить, что идеологические экстремисты не могут работать в этих органах.

Прием на работу ультраправых экстремистов создает, в частности, две угрозы организационной легитимности отдела полиции. Первая возникает, когда экстремистские убеждения ослабляют или частично замещают принципы, присущие данной организации. К счастью, как показывают исследования, отношение офицера полиции к его работе зависит не столько от его индивидуальных характеристик, сколько от обстановки в отделении, где он работает [112]. Таким образом, если руководство хочет повысить легитимность своего отделения и ликвидировать или не допустить появления в нем идеологии белого превосходства, то можно с уверенностью сказать, что данные аспекты профессиональной культуры не жестко предопределены, но

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

могут быть изменены изнутри. Вторая угроза легитимности возникает, когда сообщество узнает или начинает подозревать, что в отделении работают ультраправые экстремисты. Чтобы отделение полиции могло влиять на общественную безопасность, оно должно пользоваться поддержкой граждан и восприниматься ими как легитимный орган, стоящий на защите справедливости. Кроме того, полицию часто критикуют за неспособность навести порядок в собственных рядах и за то, что она защищает не то, что нужно. Поэтому органы правопорядка должны особенно четко дать понять, что экстремистские убеждения недопустимы и противоречат роли полицейского по обеспечению законности в сообществе и в стране в целом на основе равноправия. Согласно базовым принципам организационного менеджмента, нельзя нанимать на работу людей, не разделяющих целей данной организации. Идеология ультраправого экстремизма противоположна всему, что представляют органы правопорядка, – верховенству закона, легитимности правительства, равноценной защите каждого члена сообщества.

Как было показано, прием ультраправых экстремистов на работу в правоохранительные органы с большой вероятностью повлияет на восприятие легитимности отделения полиции сообществом, особенно если данное сообщество уже подвергалось насилию со стороны ультраправых экстремистов. В этой связи представляют интерес результаты фундаментальной работы Tyler и Wasklak, посвященной легитимности полиции [113]. Авторы показали, что мнение сообщества об органах правопорядка зависело от того, считали ли граждане, что полицейские относятся к ним справедливо и с уважением. А именно легитимность полиции оценивалась выше, а степень расовой предубежденности ниже, если члены сообщества определяли свое взаимодействие с полицией как справедливое в процедурном отношении. Если репутация отделения уже пострадала из-за сотрудников, оказавшихся ультраправыми экстремистами, то справедливое и уважительное отношение к членам сообщества может помочь восстановить доверие населения. Легитимность и доверие способствуют сотрудничеству граждан с полицией, которое является необходимым условием ее эффективной и безопасной деятельности [114].

Что касается антиправительственных экстремистов, будь то члены формальных или неформальных организаций (например, ополчения) или просто

симпатизирующие им, то при приеме на работу в полицию они оказываются сотрудниками тех самых государственных органов, которые они считают незаконными. Таким образом, начинается подрыв данной организации изнутри, тем более если сотрудник проводит агитацию среди коллег. Кроме того, полицейские приносят присягу на верность Конституции США и штата. Хотя некоторые антиправительственные экстремисты могут искренне верить, что защищают эти конституции, на самом деле они защищают искаженные и неверные интерпретации этих правовых документов, и такое их понимание не разделяет большинство граждан, которым они клялись служить и защищать. Их убежденность в нелегитимности федеральных законов и законов штата уже сама по себе подрывает их способность исполнять эти законы. Прием антиправительственных экстремистов на работу в правоохранительные органы может привести как минимум к неэффективной и не отвечающей принципам равноправия работе полиции в данном сообществе, а как максимум – к целенаправленному нарушению основных функций отдела полиции изнутри.

Прием на работу сторонников движения белого превосходства также представляет опасность для легитимности организации, не говоря уже о том, что их идеология содержит антиправительственные взгляды. Полицейские призваны служить и защищать всех членов сообщества на основе равноправия. Если сотрудник правоохранительных органов убежден в превосходстве одной расы или национальности над другими, то он будет считать, что какая-то часть общества имеет право на более высокий уровень обслуживания. Это может проявиться различным образом: сотрудник может реагировать на одни заявления и игнорировать другие, верить показаниям одних подозреваемых или жертв и не верить другим, чаще задерживать представителей одних групп населения по сравнению с другими, отдавать предпочтение одним гражданам перед другими, нарушать конституционные права определенных категорий граждан, жестоко притеснять представителей социальных и расовых групп в соответствии со своей идеологией. Хотя на протяжении десятилетий исследования показывают, что в силу тысяч причин неравноправное отношение правоохранительных органов продолжает существовать [115], это все же тот идеал, к которому должна стремиться система правосудия, чтобы быть легитимной, и достигается он

путем реформирования, прозрачности и подотчетности. Если органы правопорядка не заявляют открыто о своей политике полного запрета на работу в них сторонников движения белого превосходства и антиправительственных экстремистов, то тем самым они создают условия для обвинения их в поддержке таких групп, которые активно пытаются делегитимизировать правительство и притеснять членов сообщества. Четкое заявление такого рода сигнализирует общественности и всем возможным заинтересованным лицам о том, что данное отделение полиции старается проводить демократическую и непредвзятую политику и отвергает проявления ненависти и экстремизма. Кроме приема на работу, правоохранительные органы должны иметь в своем распоряжении методы отстранения полицейских, чьи связи с экстремистами были выявлены после их трудоустройства. В работе [67] было предложено несколько мер по противодействию движению белого превосходства в полиции, среди которых «гипернадзор и абсолютная нетерпимость к расистским идеям, выражаемым в социальных сетях, через одежду, татуировки или иными способами» (р. 180). Далее автор подчеркивает, что тенденциозные комментарии также нельзя считать безобидными, но следует рассматривать в широком контексте, учитывая, как они могут угрожать гражданским свободам тех, кого полиция призвана защищать.

Невозможно переоценить негативное влияние ситуации, когда отделения полиции не могут должным образом проверить новых сотрудников на наличие экстремистских убеждений или связей, или уволить тех, у кого подобные связи были обнаружены. Система децентрализованного управления приводит к большой вариативности в уровне подготовки, стандартах и организационной культуре отделов полиции в масштабах страны, при этом все отделения и сотрудники могут подвергнуться осуждению за недобросовестный поступок или серьезную ошибку одного-единственного полицейского. В Соединенных Штатах неспособность отделов полиции поддерживать высокие профессиональные стандарты деятельности сотрудников многократно усугубляется тем, что на территории страны действует около 18 000 отделений полиции, в которых работают более 750 тысяч штатных офицеров [116]. Как уже неоднократно случалось, одна серьезная ошибка или одно преднамеренное насильственное действие, получившее освещение в прессе, негативно

отражается не только на том отделении, где работает совершивший его полицейский, но и на остальных 17 999 отделениях. Поэтому очень важно, чтобы правоохранительные органы выражали осуждение незаконных действий и случаев предвзятого отношения, имевших место в других юрисдикциях, но в то же время поддерживали и поощряли внедрение процедур найма и кодексов поведения, снижающих вероятность приема на работу идеологического экстремиста.

Жизненно необходимо понимать то влияние, которое предвзятость, насилие со стороны правоохранительных органов и их связи с экстремистами могут оказать на легитимность отделения полиции в глазах граждан. Важно также понимать, что в условиях 24-часового освещения средствами массовой информации правоохранительные органы почти или совершенно не могут контролировать, как они будут представлены в СМИ. Следует пользоваться любой возможностью донести свою точку зрения, рассказать о своих принципах и ценностях. К сожалению, есть данные о том, что просмотр новостей в Сети негативно влияет на отношение к легитимности правоохранительных органов, особенно среди белого населения. Можно предположить, что белые респонденты меньше взаимодействуют с полицией в реальной жизни, поэтому их отношение в большей степени зависит от средств массовой информации [117]. Это еще раз подтверждает нашу мысль, что если отдел полиции берет на работу или даже открыто поддерживает ультраправых экстремистов, то это может отрицательно повлиять на восприятие легитимности не только данного, но и других отделов. Прием на работу и/или нежелание уволить полицейского – ультраправого экстремиста, особенно если эта ситуация попала в традиционные СМИ и была подхвачена социальными сетями, также с большой вероятностью негативно скажется на других отделах полиции. Аргумент о том, что среди полицейских совершают правонарушения лишь отдельные недобросовестные сотрудники, все чаще оспаривается активистами. Поэтому в настоящее время более чем когда-либо актуальна проблема взаимодействия органов правопорядка с общественностью. Эти проблемы во многом усугубляются закрытым характером этих организаций, которые десятилетиями отказывались предоставлять четкие и убедительные отчеты о своей деятельности не только общественности, но даже выборным официальным лицам. Есть и такие отделы по-

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

лиции, которые проявляют открытость и отчитываются перед сообществами, которым они призваны служить и защищать. Однако все без исключения страдают от коллективных и индивидуальных недостатков органов правопорядка в различных регионах страны.

Ограничения и перспективы исследования

Самым важным ограничением данного исследования является доступность данных. Хотя информация о полицейских, убитых ультраправыми экстремистами, валидна и достоверна, она относится лишь к наиболее жестокой форме идеологически мотивированного насилия. Если мы хотим полностью понять угрозу, которую ультраправый экстремизм несет органам правопорядка, необходимо рассмотреть также попытки убийства, нападения при отягчающих обстоятельствах, раскрытые и неосуществленные преступные замыслы и даже такие ненасильственные преступные действия, как бумажный терроризм. Кроме того, имеющаяся информация является в данный момент разрозненной, так как на общенациональном уровне не ведется сбора данных об ультраправых экстремистах, работающих в рядах правоохранительных органов. Как было показано ранее, даже единичные антиправительственные экстремисты или сторонники движения белого превосходства не должны работать штатными офицерами ни в одном отделении полиции, а масштаб проблемы должен определять соответствующую реакцию властей. Таким образом, будущие исследования должны показать последствия ситуации, когда ультраправые экстремисты являются сотрудниками отделов полиции, офисов шерифов, органов правопорядка федерального уровня и уровня штата.

Заключение

Начиная с 2020 г. и по 6 января 2021 г. на всей территории Соединенных Штатов проявились внешние и внутренние угрозы насильственных действий против сотрудников и отделов органов правопорядка со стороны ультраправых экстремистов; эти угрозы были спровоцированы пандемией, протестами по делу Джорджа Флойда и президентской предвыборной кампанией вплоть до конца 2020 г. Во многом 2020 г. отразил все нюансы взаимоотношений между правоохранителями и ультраправыми экстремистами. Основываясь на оригинальных данных и более ранних исследованиях, мы показали, что ультраправые экстремисты представляют угрозу для сотрудников правоохранительных органов США. Антиправительственные экстремисты, считающие себя неподсудными законам юрисдикций, в которых они живут, могут дойти до насильственных действий в случае столкновения с органами правопорядка из-за своей идеологически мотивированной или обычной преступной деятельности. Кроме того, правоохранительные органы, принимающие на работу ультраправых экстремистов, сталкиваются с реальной перспективой потерять свою легитимность в глазах граждан, которым они клялись служить и защищать. В течение нескольких десятилетий криминологические исследования показывают, что недостаток доверия к полиции делает ее работу более сложной и опасной. Научные исследования и эмпирические представления указывают на множество путей к достижению цели, однако только решительные действия со стороны правоохранительных органов и законодателей могут снизить риск внешней виктимизации полиции и защитить органы правопорядка от делегитимизации по причине присутствия в их рядах ультраправых экстремистов.

Список литературы / References

1. Hubbard, K. (2021, June 28). These states have COVID-19 mask mandates. *U.S. News & World Report*. <https://www.usnews.com/news/best-states/articles/these-are-the-states-with-mask-mandates>
2. Kirkpatrick, D. D., McIntire, M. (2021, February 8). 'It's own domestic army': How the G.O.P. allied itself with militants. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2021/02/08/us/militias-republicans-michigan.html>
3. Leahy, R., Velasquez Hernandez, N., Lupu, Y. (2020, June 17). Prosecutors claim that a 'boogaloo' killed two cops. What's a boogaloo? *The Washington Post*. <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/06/17/prosecutors-claim-that-boogaloo-killed-two-cops-whats-boogaloo/>
4. *United States of America v. Fox, Croft, Jr., Garbin, Franks, Harris & Caserta. Indictment. United States District Court. Western District of Michigan Southern Division*. (December 16, 2020).
5. Bailey, H., Shammass, B., Bellware, K. (2020, May). Chaotic scene in Minneapolis after second night of protests over death of George Floyd. *The Washington Post*. <https://www.washingtonpost.com/nation/2020/05/27/george-floyd-minneapolis-reaction/>

6. Scott, E. (2020, June 11). Democrats are avoiding “Defund the Police”, while Republicans harp on it. *The Washington Post*. <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/06/11/democrats-are-avoiding-defund-police-while-republicans-harp-it/>
7. Searcey, D., Eligon, J., Stockman, F. (2020, June 8). After protests, politicians reconsider police budgets and discipline. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2020/06/08/us/unrest-defund-police.html>
8. Golden, H., Baker, M., Goldman, A. (2020, September 3). Suspect in fatal Portland shooting is killed by officers during arrest. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2020/09/03/us/michael-reinoehl-arrest-portland-shooting.html>
9. MacFarquhar, N. (2020, June 22). Many claim extremists are sparking protest violence. But which extremists? *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2020/05/31/us/george-floyd-protests-white-supremacists-antifa.html>
10. Ali, S.S. (2020, September 1). Where protestors go, armed militias, vigilantes likely to follow with little to stop them. *NBCnews.com*. <https://www.nbcnews.com/news/us-news/where-protesters-go-armed-militias-vigilantes-likely-follow-little-stop-n1238769>
11. Partlow, J., Stanley-Becker, I. (2020, August 30). As clashes between armed groups and leftist protestors turn deadly, police face complaints of tolerating vigilantes. *The Washington Post*. https://www.washingtonpost.com/politics/as-clashes-between-armed-groups-and-leftist-protesters-turn-deadly-police-face-complaints-of-tolerating-vigilantes/2020/08/30/d2c36c20-e952-11ea-a414-8422fa3e4116_story.html
12. Armus, T., Berman, M., & Witte, G. (2020, August). Before a fatal shooting, teenage Kenosha suspect idolized the police. *The Washington Post*. <https://www.washingtonpost.com/nation/2020/08/27/kyle-rittenhouse-kenosha-shooting-protests/>
13. Fisher, M. (2020). With election day looming, an anxious nation hears rumblings of violence. *The Washington Post*. https://www.washingtonpost.com/politics/fear-of-election-violence/2020/10/30/5b4f5314-17a3-11eb-befb-8864259bd2d8_story.html
14. Leatherby, L., Ray, A., Singhvi, A., Triebert, C., Watkins, D., Willis, H. (2021, January 12). How a presidential rally turned into a Capitol rampage. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/interactive/2021/01/12/us/capitol-mob-timeline.html>
15. Safdar, K., Ailworth, E., Seetharaman, D. (2021, January 8). Police identify five dead after Capitol riot. *The Wall Street Journal*. <https://www.wsj.com/articles/police-identify-those-killed-in-capitol-riot-11610133560>
16. Thompson, A. C., Fischer, F. (2021, January 9). Members of several well-known hate groups identified at Capitol riot. *PBS.org*. <https://www.pbs.org/wgbh/frontline/article/several-well-known-hate-groups-identified-at-capitol-riot/>
17. Yaffe-Bellany, D. (2021, January 29). “Qanon shaman” pleads not guilty to Capitol riot charges. *Bloomberg.com*. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-01-29-qanon-shaman-pleads-not-guilty-to-capitol-riot-charges>
18. Hsu, S. S. (2021, July 16). Current, former police officers charged in new Proud Boys indictment in Capitol riot. *The Washington Post*. https://www.washingtonpost.com/local/legal-issues/proud-boys-police-indictment-florida/2021/07/16/1fdb642-e5a4-11eb-8aa5-5662858b696e_story.html
19. Freilich, J. D., Chermak, S. M., Belli, R., Gruenewald, J., Parkin, W. S. (2014). Introducing the United States Extremist Crime Database (ECDB). *Terrorism and Political Violence*, 26, 372–384. <https://doi.org/10.1080/09546553.2012.713229>
20. Crothers, L. (2002). The cultural foundations of the modern militia movement. *New Political Science*, 24 (2), 221–234. <https://doi.org/10.1080/07393140220145225>
21. Dougherty, C. (1995). The minutemen, the national guard and the private militia movement: Will the real militia please stand up? *Marshall Law Review*, 28 (4), 959–985. <https://repository.law.uic.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1773&context=lawreview>
22. Dyer, J. (1997). *Harvest of rage: Why Oklahoma City is only the beginning*. Westview Press.
23. Hodge, E. (2019). The sovereign ascendent: Financial collapse, status anxiety, and the rebirth of the sovereign citizen movement. *Frontiers in Sociology*, 4 (76), 1–10. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2019.00076>
24. Pitcavage, M. (2001). Camouflage and conspiracy: The militia movement from Ruby Ridge to Y2K. *American Behavioral Scientists*, 44 (6), 957–981. <https://doi.org/10.1177/00027640121956610>
25. Van Dyke, N., Soule, S. A. (2002). Structural social change and the mobilizing effect of threat: Explaining levels of patriot and militia organizing in the United States. *Social Problems*, 49 (4), 497–520. <https://doi.org/10.1525/sp.2002.49.4.497>
26. Freilich, J. D., PichardoAlmanzar, N. A., Rivera, C. J. (1999). How social movement organizations explicitly and implicitly promote deviant behavior: The case of the militia movement. *Justice Quarterly*, 16 (3), 655–683. <https://doi.org/10.1080/07418829900094301>
27. Freilich, J. D., Pridemore, W. A. (2005). A reassessment of state-level covariates of militia groups. *Behavioral Sciences and the Law*, 23, 527–546. <https://doi.org/10.1002/bsl.654>
28. Barkun, M. (1997). *Religion and the racist right: The origins of the Christian Identity movement*. UNC Press Books.
29. Sarteschi, C. M. (2020). Sovereign citizens: A narrative with implications of violence towards law enforcement. *Aggression and Violent Behavior*. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2020.101509>
30. Katz, R. S., Bailey, J. (2000). The militia, a legal and social movement analysis: Will the real militia please stand up? Militia hate group or the constitutional militia. *Sociological Focus*, 33 (2), 133–151. <https://doi.org/10.1080/00380237.2000.10571162>

31. Jackson, S. (2019). *A schema of right-wing extremism in the United States*. International Centre for Counter-Terrorism, The Hague. <https://icct.nl/publication/a-schema-of-right-wing-extremism-in-the-united-states/>
32. Ross, J. (2016, January 5). It's not just Obama: Militia groups thrived under the last Democratic president too. *The Washington Post*. <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/01/05/its-not-just-obama-militia-groups-thrived-under-the-last-democratic-president-too/>
33. Finkelstein, J., Donohue, J. K., Goldenberg, A., Baumgartner, J., Farmer, J., Zannettou, S., Blackburn, J. (2020). *COVID-19, conspiracy and contagious sedition: A case study on the militia sphere*. Miller Center for Community Protection and Resilience, Rutgers, the State University of New Jersey. <https://networkcontagion.us/reports/covid-19-conspiracy-and-contagious-sedition-a-case-study-on-the-militia-sphere/>
34. Neiwert, D. A. (1999). *In God's country: The patriot movement and the Pacific Northwest*. Washington State University Press.
35. Berger, J. M. (2016). *Without prejudice: What sovereign citizens believe*. George Washington University Program on Extremism. <https://extremism.gwu.edu/sites/extremism.gwu.edu/files/downloads/JMB%20Sovereign%20Citizens.pdf>
36. Loeser, C. (2015). From paper terrorists to cop killers: The sovereign citizen threat. *North Carolina Law Review*, 93 (4), 1106–1139. <https://scholarship.law.unc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4744&context=nclr>
37. Federal Bureau of Investigation, Counterterrorism Analysis Section. (2011). *Sovereign citizens: A growing domestic threat to law enforcement*. <https://leb.fbi.gov/articles/featured-articles/sovereign-citizens-a-growing-domestic-threat-to-law-enforcement>
38. Stafford, D. (2013, January 29). Sovereign citizens disavow legal system, make bogus filings aimed at police, judges. *The Indiana Lawyer*. <https://www.theindianalawyer.com/articles/30599-sovereign-citizens-disavow-legal-system-make-bogus-filings-aimed-at-police-judges>
39. Sweeney, M. (2018). What is the sovereign citizen movement, what do they believe and how are they spreading? *Radicalisation Research*. <https://www.radicalisationresearch.org/guides/sweeney-sovereign-citizen-movement/>
40. Sarteschi, C. M. (2020). *Sovereign citizens: A psychological and criminological analysis*. Springer.
41. Anderson, J., Mbakwe, C. A. (2016, August 5). Korryn Gaines was passionate about beliefs, anticipated violent confrontation with police. *The Baltimore Sun*. <https://www.baltimoresun.com/news/crime/bs-md-co-korryn-gaines-profile-20160804-story.html>
42. Evans, R., Wilson, J. (2020, May 27). The boogaloo movement is not what you think. *Bellingcat*. <https://www.bellingcat.com/news/2020/05/27/the-boogaloo-movement-is-not-what-you-think/>
43. Garry, A., Walther, S., Mohamed, R., Mohammed, A. (2021). QANON conspiracy theory: Examining its evolution and mechanisms of radicalization. *Journal for Deradicalization*, 26, 165–216. <https://doaj.org/article/a7d834d1de174eaabb06a688f2d9755d>
44. Moskalenko, S., McCauley, C. (2021). *QAnon. Perspectives on Terrorism*, 15 (2), 142–146.
45. Mulloy, D. J. (2008). “Liberty or death”: Violence and the rhetoric of revolution in the American militia movement. *Canadian Review of American Studies*, 38 (1), 119–145. <https://doi.org/10.3138/cras.38.1.119>
46. Ong, K. (2020). Ideological convergence in the extreme right. *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 12 (5), 1–7. <https://www.jstor.org/stable/26954256>
47. LaRowe, L. (2021, May 5). Area man accused of attempted murders to face trial in June: Swenson allegedly said he was looking for police to kill during livestream rant. *Texarkana News*. <https://www.texarkanagazette.com/news/texarkana/story/2021/may/06/area-man-accused-attempted-murder-face-trial-june-swenson-allegedly-said-he-was-looking-police-kill-during-livestream-rant/870024/>
48. Greenberg, Z., Arnett, D. (2021, July 7). Rise of the Morris group arose from a growing, national sovereign citizen movement, experts say. *The Boston Globe*. <https://www.bostonglobe.com/2021/07/07/metro/rhode-island-militia-group-arose-growing-national-sovereign-citizen-movement-experts-say/>
49. Suttmoeller, M. J., Gruenewald, J., Chermak, S. M., Freilich, J. D. (2013). Killed in the line of duty: Comparing police homicides committed by far-right extremists to all police homicides. *Law Enforcement Executive Forum*, 13 (1), 45–64.
50. Gruenewald, J., Dooley, K. M. G., Suttmoeller, M. J., Chermak, S. M., Freilich, J. D. (2015). A mixed-methods analysis of fatal attacks on police by far-right extremists. *Police Quarterly*, 19 (2), 216–245. <https://doi.org/10.1177/1098611115623061>
51. Chermak, S. M., Freilich, J. D., Parkin, W. S., Lynch, J. P. (2012). American terrorism and extremist crime data sources and selectivity bias: An investigation focusing on homicide events committed by far-right extremists. *Journal of Quantitative Criminology*, 28, 191–218.
52. Mackum, P., Wilson, S. (2011). Population distribution and change: 2000 to 2010. U.S. Department of Commerce, Economics and Statistics Administration. *U.S. Census Bureau*. <https://www.census.gov/prod/cen2010/briefs/c2010br-01.pdf>
53. Economic Research Service. (2020, December 10). Rural-urban continuum codes. *U.S. Department of Agriculture*. <https://www.ers.usda.gov/data-products/rural-urban-continuum-codes/>
54. Brooks, C. (2019). Federal law enforcement officers, 2016 – Statistical table. Office of Justice Programs. Bureau of Justice Statistics. *U.S. Department of Justice*. <https://bjs.ojp.gov/content/pub/pdf/fleo16st.pdf>

55. *The Rise of Militia Violent Extremism: Hearings before the Subcommittee on Civil Rights and Civil Liberties*, 117th Cong. (2021). <https://oversight.house.gov/sites/democrats.oversight.house.gov/files/Simi%20Testimony.pdf>
56. Castle, T. (2020). "Cops and the Klan": Police disavowal of risk and minimization of threat from the far-right. *Critical Criminology*, 29 (2), 215–235. <https://doi.org/10.1080/13632539.2020.1815246>
57. Kienscherf, M. (2019). Race, class and persistent coloniality: US policing as liberal pacification. *Capital & Class*, 43 (3), 417–436. <https://doi.org/10.1177/0309816818815246>
58. Ritchie, A. J. (2017). *Invisible no more: Police violence against Black women and women of color*. Beacon Press.
59. Vitale, A. S. (2017). *The end of policing*. Verso Books.
60. Hernandez, K. L. (2017). *City of inmates: Conquest, rebellion, and the rise of human caging in Los Angeles, 1771–1965*. UNC Press Books.
61. Kuzmarov, J. (2012). *Modernizing repression: Police training and nation building in the American century*. University of Massachusetts Press.
62. LeBron, M. (2019). *Policing life and death: Race, violence, and resistance in Puerto Rico*. University of California Press.
63. Muhammad, K. G. (2010). *The condemnation of Blackness: Race, crime, and the making of modern urban America*. Harvard University Press.
64. Murakawa, N. (2014). *The first civil right: How liberals built prison America*. Oxford University Press.
65. Shimamoto, E. (2003). Rethinking hate crime in the age of terror. *University of Missouri-Kansas City Law Review*, 72, 829–843. <https://doi.org/10.1177/0011128715620626>
66. Equal Justice Initiative. (2017). *Lynching in America: Confronting the legacy of racial terror*. <https://ejl.org/wp-content/uploads/2005/11/lynching-in-america-3d-ed-052421.pdf>
67. Ward, G. (2018). Living histories of white supremacist policing: Towards transformative justice. *Du Bois Review: Social Science Research on Race*, 0/5 (1), 167–184. <https://doi.org/10.1017/S1742058X18000139>
68. German, M. (2007). *Thinking like a terrorist: Insights of a former FBI undercover agent*. Potomac Books.
69. Breland, A. (2020, September). QAnon is attracting cops. *Mother Jones*. <https://www.motherjones.com/politics/2020/09/police-officers-qanon/>
70. Shanahan, J., Wall, T. (2021). 'Fight the reds, support the blue': Blue Lives Matter and the US counter-subversive tradition. *Race & Class*, 63 (1), 70–90. <https://doi.org/10.1177/03063968211010998>
71. German, M. (2020). Hidden in plain sight: Racism, white supremacy, and far-right militancy in law enforcement. *Brennan Center for Justice*. <https://www.brennancenter.org/our-work/research-reports/hidden-plain-sight-racism-white-supremacy-and-far-right-militancy-law>
72. Federal Bureau of Investigation, Counterterrorism Division. (2015). *Counterterrorism policy directive and police guide*. <https://s3.documentcloud.org/documents/3423189/CT-Excerpt.pdf>
73. Margolin, J. (2021, March). White supremacists 'seek affiliation' with law enforcement to further their goals, internal FBI report warns. *ABC News*. <https://abcnews.go.com/US/white-supremacists-seek-affiliation-law-enforcement-goals-internal/story?id=76309051>
74. Carless, W., Corey, M. (2019, June). *To protect and slur: The American militia movement, a breeding ground for hate, is pulling in cops on Facebook*. Reveal from The Center for Investigative Reporting. <https://revealnews.org/article/the-american-militia-movement-a-breeding-ground-for-hate-is-pulling-in-cops-on-facebook/>
75. Anti-Defamation League. (2021). *Extremism in American law enforcement: Far greater transparency, accountability needed*. <https://www.adl.org/resources/reports/extremism-in-american-law-enforcement-far-greater-transparency-accountability>
76. Carless, W., Corey, M. (2019, June). *To protect and slur: Inside hate groups on Facebook, police officers trade racist memes, conspiracy theories and Islamophobia*. Reveal from The Center for Investigative Reporting. <https://revealnews.org/article/inside-hate-groups-on-facebook-police-officers-trade-racist-memes-conspiracy-theories-and-islamophobia/>
77. Crowell, M., O'Regan, S. (2019, December). Extremist cops: How US law enforcement is failing to police itself. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/us-news/2019/dec/13/how-us-law-enforcement-is-failing-to-police-itself>
78. Samaha, A. (2017, September). A cop with a tattoo he swears isn't a "Nazi tattoo" says a lot about police free speech. *BuzzFeed News*. <https://www.buzzfeednews.com/article/albertsamaha/they-cant-fire-you-for-whats-in-your-head>
79. Pulver, D., Axon, R., Salman, J., Wedell, K., Manfield, E. (2021, July). Capitol riot arrests: See who's been charged across the U.S. *USA Today*. <https://www.usatoday.com/storytelling/capitol-riot-mob-arrests/>
80. Hymes, C., McDonald, C., Watson, E. (2021, July). More than 535 arrested so far in Capitol riot case, while more than 300 suspects remain unidentified. *CBS News*. <https://www.cbsnews.com/news/capitol-riot-arrests-latest-2021-07-07/>
81. Fox, B. (2021, May 12). *US looking at how to weed out extremists in law enforcement*. The Associated Press. <https://apnews.com/article/donald-trump-government-and-politics-b37d7737a8b445f4994c7f4c4b0b80c4>

82. Kindy, K., Berman, M., Bellware, K. (2021, January 24). After Capitol riot, police chiefs work to root out officers with ties to extremist groups. *The Washington Post*. https://www.washingtonpost.com/politics/police-capitol-riot-extremists/2021/01/24/16fdb2bc-5a7b-11eb-b8bd-ee36b1cd18bf_story.html
83. Chermak, S. M., Freilich, J. D. Simone, Jr., J. (2010). Surveying American state police agencies about lone wolves, far-right criminality, and far-right and Islamic jihadist criminal collaboration. *Studies in Conflict & Terrorism*, 33, 1019–1041. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2010.514698>
84. Freilich, J. D., Chermak, S. M., Simone Jr, J. (2009). Surveying American state police agencies about terrorism threats, terrorism sources, and terrorism definitions. *Terrorism and Political Violence*, 21 (3), 450–475. <https://doi.org/10.1080/09546550902950324>
85. Scrivens, R., Perry, B. (2017). Resisting the right: Countering right-wing extremism in Canada. *Canadian Journal of Criminology and Criminal Justice*, 59 (4), 534–558. <https://doi.org/10.3138/cjccj.2016.0029>
86. Simi, P. (2010). Why study white supremacist terror? A research note. *Deviant Behavior*, 31 (3), 251–273. <https://doi.org/10.1080/01639620903004572>
87. Chermak, S. M., Freilich, J. D. Shemtob, Z. (2009). Law enforcement training and the domestic far- right. *Criminal Justice and Behavior*, 36 (12), 1305–1322. <https://doi.org/10.1177/0093854809345630>
88. Carter, D., Chermak, S., Carter, J., Drew, J. (2014). *Understanding law enforcement intelligence processes: Report to the Office of University Programs, Science and Technology Directorate, U.S. Department of Homeland Security*. National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START). https://www.start.umd.edu/pubs/START_UnderstandingLawEnforcementIntelligenceProcesses_July2014.pdf
89. Perry, B., Scrivens, R. (2018). A climate for hate? An exploration of the right-wing extremist landscape in Canada. *Critical Criminology*, 26 (2), 169–187. <https://doi.org/10.1007/s10612-018-9394-y>
90. Duggan, P. (2018, December). James A. Fields Jr. sentenced to life in prison in Charlottesville car attack. *The Washington Post*. https://www.washingtonpost.com/local/public-safety/james-a-fields-jr-sentenced-to-life-in-prison-in-charlottesville-car-attack/2018/12/11/8b205a90-fcc8-11e8-ad40-cdfd0e0dd65a_story.html
91. Hvistendahl, A., Brown, A. (2020, June). Armed vigilantes antagonizing protesters have received a warm reception from police. *The Intercept*. <https://theintercept.com/2020/06/19/militia-vigilantes-police-brutality-protests/>
92. Mathias, C. (2020, August). White vigilantes have always had a friend in police. *HuffPost*. https://www.huffpost.com/entry/white-vigilantes-kenosha_n_5f4822bcc5b6cf66b2b5103e
93. Birkland, T. A. (1998). Focusing events, mobilization, and agenda setting. *Journal of Public Policy*, 18 (1), 53–74. <https://doi.org/10.1017/S0143814X98000038>
94. *Examining the January 6th attack on the U.S. Capitol*, 117th Cong. (2021). <https://www.rules.senate.gov/hearings/examinin-g-the-january-6th-attack-on-the-us-capitol>
95. Wolfe, J. (2021, July 14). U.S. House select committee announces first hearing to probe Jan. 6 attack. *Reuters*. <https://www.reuters.com/world/us/us-house-select-committee-announces-first-hearing-probe-jan-6-attack-2021-07-14/>
96. Reid, S. E., Valasik, M. (2020). *Alt-right gangs: A hazy shade of white*. University of California Press.
97. Rotella, S. (2021, January 7). Domestic terrorism: A more urgent threat, but weaker laws. *ProPublica*. <https://www.propublica.org/article/domestic-terrorism-a-more-urgent-threat-but-weaker-laws>
98. The Editors. (2021, February 17). Stop domestic terrorism: Our national leaders must take on racist-drive violence in the U.S. *Scientific American*. <https://www.scientificamerican.com/article/stop-domestic-terrorism/>
99. Baker, T. J. (2021, March 10). Today's laws can handle homegrown terror. *Wall Street Journal*. <https://www.wsj.com/articles/todays-laws-can-handle-homegrown-terror-11615418012>
100. Yachot, N. (2021, Tuesday 26). Fears grow that efforts to combat US domestic terrorism can hurt minorities. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/us-news/2021/jan/26/push-combat-us-domestic-terrorism-far-right-extremism>
101. Ibsen, D., Pham, L. (2021, March 7). We cannot let fear create a new PATRIOT Act for Americans. *The Hill*. <https://thehill.com/opinion/national-security/541601-we-cannot-let-fear-create-a-new-patriot-act-for-americans>
102. Lambert, D. (2010, December). Intelligence-led policing in a fusion center. *FBI Law Enforcement Bulletin*, 1–6.
103. Martin, R. A. (1999, March). The joint terrorism task force: A concept that works. *FBI Law Enforcement Bulletin*, 23–27.
104. Barker, B., Fowler, S. (2008). The FBI Joint Terrorism Task Force officer. *FBI Law Enforcement Bulletin*, 77 (11), 12–16. <https://leb.fbi.gov/file-repository/archives/november08leb.pdf/view>
105. *Federal Bureau of Investigation*. (2021, June 1). Joint terrorism task forces. <https://www.fbi.gov/investigate/terrorism/joint-terrorism-task-forces>
106. Yin, T. (2011). Joint terrorism task forces as window into the security vs. civil liberties debate. *Florida Coastal Law Review*, 3 (1), 1–32. <https://ssrn.com/abstract=2046888>
107. Regan, P. M., Monahan, T. (2014). Fusion center accountability and intergovernmental information sharing. *Publius*, 44 (3), 475–498. <https://doi.org/10.1093/publius/pju016>

108. Norris, J. J. (2020). When (and where) can right-wing terrorists be charged with terrorism? *Critical Studies on Terrorism*, 13 (4), 519–544. <https://doi.org/10.1080/17539153.2020.1810991>
109. Durner, C. (2012, January). Technology update: eGuardian gains momentum. *FBI Law Enforcement Bulletin*, 12–15.
110. Federal Bureau of Investigation. (2021, June 1). *National Crime Information Center (NCIC)*. <https://www.fbi.gov/services/cjis/ncic>
111. Wood, M. (2017). Making and breaking careers: Reviewing law enforcement hiring requirements and disqualifiers. *Journal of Criminal Justice Education*, 28(4), 580–597. <https://doi.org/10.1080/10511253.2017.1283429>
112. Cordner, G. (2017). Police culture: Individual and organizational differences in police officer perspectives. *Policing: An International Journal*, 40 (1), 11–25. <https://doi.org/10.1108/PIJPSM-07-2016-0116>
113. Tyler, T. R., Wakslak, C. J. (2004). Profiling and police legitimacy: Procedural justice, attributions of motive, and acceptance of police authority. *Criminology*, 42 (2), 253–281. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2004.tb00520.x>
114. Bolger, P. C., Walters, G. D. (2019). The relationship between police procedural justice, police legitimacy, and people's willingness to cooperate with law enforcement: A meta-analysis. *Journal of Criminal Justice*, 60, 93–99. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2019.01.001>
115. Balko, R. (2020, June 10). There's overwhelming evidence that the criminal justice system is racist. Here's the proof. *The Washington Post*. <https://www.washingtonpost.com/graphics/2020/opinions/systemic-racism-police-evidence-criminal-justice-system/>
116. Banks, D., Hendrix, J., Hickman, M., Kyckelhahn, T. (2016). *National sources of law enforcement employment data*. U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Bureau of Justice Statistics. <https://bjs.ojp.gov/content/pub/pdf/nsleed.pdf>
117. Intravia, J., Wolff, K. T., Piquero, A. R. (2018). Investigating the effects of media consumption on attitudes toward police legitimacy. *Deviant Behavior*, 39 (8), 963–980. <https://doi.org/10.1080/01639625.2017.1343038>
118. Federal Bureau of Investigation, Counterterrorism Division. (2006). *White supremacist infiltration of law enforcement*. https://oversight.house.gov/sites/democrats.oversight.house.gov/files/White_Supremacist_Infiltration_of_Law_Enforcement.pdf
119. Parkin, W. S., Mills, C. E., Gruenewald, J. (2018). Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement in the United States. *Criminology. Criminal Justice, Law & Society*, 19 (1), 1–14.

Об авторах

Уильям С. Паркин является доцентом кафедры уголовного правосудия, криминологии и судебной экспертизы Сиэтлского университета. Он проводит исследования в области преступности по идеологическим мотивам, виктимизации при насильственных преступлениях, общественной безопасности, взаимоотношений между СМИ и системой уголовного правосудия.

Колин Е. Миллс является ассистентом преподавателя в области уголовного правосудия Университета штата Пенсильвания (Абингтон), а также одним из ведущих научных сотрудников базы данных США по экстремистским преступлениям (ECDB). Ее работы посвящены проблемам преступлений по причине ненависти, ультраправого экстремизма и терроризма, расизма, межгрупповых конфликтов.

Джефф Грюневальд, доктор философии, является доцентом кафедры социологии и криминологии, директором Центра изучения терроризма в колледже Фулбрайт Университета Арканзаса. Его научные интересы включают терроризм, насильственные проявления экстремизма, отражение проблем преступности и правосудия в средствах массовой информации.

About the authors

William S. Parkin is an Associate Professor in the Department of Criminal Justice, Criminology, and Forensics at Seattle University. He conducts research on ideologically motivated violence, violent victimization, community public safety, and the relationship between the media and the criminal justice system.

Colleen E. Mills is an Assistant Professor of Criminal Justice at Pennsylvania State University, Abington and she is a co-principal investigator on the U.S. Extremist Crime Database (ECDB). Her research focuses on hate crime, far-right extremism and terrorism, racism, and group conflict.

Jeff Gruenewald, PhD, is an Associate Professor in the Department of Sociology and Criminology and Director of the Terrorism Research Center (TRC) in the Fulbright College at University of Arkansas. His research interests include terrorism, violent extremism, and news media coverage of crime and justice issues.

Дата поступления / Received 22.09.2021

Дата принятия в печать / Accepted 30.10.2021

Паркин У. С., Миллс К. Е., Грюневальд Д. Угроза со стороны ультраправого экстремизма по отношению к безопасности...

Parkin W. S., Mills C. E., Gruenewald J. Far-Right Extremism's Threat to Police Safety and the Organizational Legitimacy of Law Enforcement...

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ / RATINGS AND REVIEWS

Редактор рубрики *Н. С. Селиверстова* / Rubric editor *N. S. Seliverstova*

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.851-858>

УДК 338.2:338.124.4:658.1(049.32)

JEL: G33, H12

Д. В. МАНУШИН¹,

Т. В. КРАМИН¹

¹ Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, Казань, Россия

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию «Дягель О. Ю. Аналитические процедуры антикризисного управления: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. 268 с.»

Контактное лицо:

Манушин Дмитрий Викторович, кандидат экономических наук, доцент, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

E-mail: predmet22@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2799-9235>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/L-9620-2016>

Крамин Тимур Владимирович, доктор экономических наук, профессор, проректор по корпоративному управлению, директор НИИ проблем социально-экономического развития, заведующий кафедрой финансового менеджмента, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова;

E-mail: kramint@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6020-6161>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/J-9126-2013>

Аннотация

Цель: проведение развернутого и полного анализа монографии О. Ю. Дягель¹, которая посвящена исследованию широкого спектра вопросов, связанных с аналитическими процедурами антикризисного управления.

Методы: использовались основные приемы абстрактно-логического метода (анализ и синтез, аналогия, обобщение, сопоставление, переход от абстрактному к конкретному и др.).

© Манушин Д. В., Крамин Т. В., 2021

© Manushin D. V., Kramin T. V., 2021

¹ Рецензия подготовлена в рамках обсуждения монографии О. Ю. Дягель на семинаре «О современных подходах и диагностике банкротства» кафедры финансового менеджмента Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова, прошедшего 6 сентября 2021 г.

Результаты: ведущая линия данной работы – это дифференциация аналитических процедур антикризисного управления, которая позволяет предположить возможность последующего перехода к стандартизации индивидуальной диагностики финансового состояния предприятий. Рецензентами подчеркивается важность систематизированных в монографии подходов к диагностике финансовой несостоятельности предприятий.

Дана оценка группировки авторских подходов в области реализации аналитических процедур антикризисного управления, начиная с превентивного антикризисного управления и заканчивая арбитражным управлением.

Научная новизна: определено новое перспективное направление финансового анализа: стандартизация индивидуального финансового анализа, основанного на конкретных группах финансовых показателей, подходящих под конкретное предприятие и ситуацию, в которой оно находится.

Практическая значимость: рецензентами сделан вывод о том, что монографическое исследование О. Ю. Дягель содержит образцы практического применения изученных автором теоретических, методических и нормативно-правовых подходов, что существенно повышает возможность их применения на практике.

Ключевые слова: рецензия, финансовый анализ, кризис на микроуровне, микроэкономический кризис, антикризисное управление предприятием, аналитические процедуры банкротства, диагностика несостоятельности организации

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

.....
Как цитировать статью: Манушин Д. В., Крамин Т. В. Рецензия на монографию «Дягель О. Ю. Аналитические процедуры антикризисного управления: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. 268 с.» // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Т. 15, № 4. С. 851–858. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.851-858>
.....

The scientific article

D. V. MANUSHIN¹,

T. V. KRAMIN¹

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

REVIEW

of the monograph “O. Yu. Dyagel. Analytical procedures of anticrisis management: monograph. Krasnoyarsk: Sibirial Federal University, 2020. 268 p.”

Contact:

Dmitriy V. Manushin, PhD (Economics), Associate Professor, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: predmet22@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2799-9235>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/L-9620-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 8588-3619, AuthorID: 673843

Timur V. Kramin, Doctor of Science in Economics, Professor, Vice-rector for corporate governance, Head of the Chair of Financial Management, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: kramint@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6020-6161>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/J-9126-2013>

Abstract

Objective: to conduct a detailed and complete analysis of a monograph by O. Yu. Dyagel², which is devoted to the study of a wide range of issues related to analytical procedures of crisis management.

Methods: the basic techniques of the abstract-logical method were used (analysis and synthesis, analogy, generalization, comparison, transition from abstract to concrete, etc.).

Results: the leading line of this work is the differentiation of analytical procedures for crisis management, which implies a further standardization of individual diagnostics of enterprises' financial condition. The reviewers emphasize the importance of the approaches to diagnosing the enterprises' financial insolvency, systematized in the monograph.

The reviewers assess the grouping of the author's approaches in the implementation of analytical procedures for crisis management, starting with preventive crisis management and ending with arbitration management.

Scientific novelty: a new promising direction of financial analysis has been identified: standardization of an individual financial analysis based on specific groups of financial indicators suitable for a specific enterprise and its situation.

Practical significance: the reviewers concluded that O. Yu. Dyagel's monographic study contains examples of the practical application of the theoretical, methodological and regulatory approaches studied by the author, which significantly increases the possibility of their application in practice.

Keywords: Review, Financial analysis, Crisis at the microlevel, Microeconomic crisis, Anti-crisis management of the enterprise, Analytical bankruptcy procedures, Diagnostics of the organization insolvency

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Manushin, D. V., Kramin, T. V. (2021). Review of the monograph "O. Yu. Dyagel. Analytical procedures of anticrisis management: monograph. Krasnoyarsk: Sibirial Federal University, 2020. 268 p.". *Russian Journal of Economics and Law*, 15 (4), 851–858 (in Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.851-858>

Монография «Аналитические процедуры антикризисного управления», подготовленная О. Ю. Дягель, посвящена наиболее востребованным операциям в рамках антикризисного управления, – аналитическим процедурам. В настоящее время финансовый анализ преимущественно проводится в сложных для предприятий условиях. Дело в том, что большинство руководителей предприятия проводят его диагностику в предкризисных или кризисных ситуациях, а не когда оно стабильно функционирует. В то же время подавляющее большинство подходов в области финансовой диагностики направлено на изучение либо стабильного финансового состояния предприятия, либо на комплексную оценку его финансового состояния. В этой связи детальное изучение аналитических процедур в рамках антикризисного управления является важнейшим направлением исследования в области финансового анализа.

Теоретическая значимость монографии обусловлена детальным изучением в ней вопросов терминологии банкротства, антикризисного управления и диагностики финансовой несостоятельности предприятия. Сделанные автором монографии выводы базируются на обобщении основных позиций в исследуемой области, собственное мнение автора монографии хорошо аргументировано, дается собственный взгляд на все изучаемые процессы, начиная с терминологии и заканчивая диагностикой финансовой несостоятельности предприятия. Все положения работы взаимосвязаны, что указывает на целостность и хорошую логическую структуру монографии.

Практическая значимость исследования заключается в насыщенности монографии примерами и пояснениями, что выгодно отличает ее от многих других работ в этой области и повышает вероятность практического применения ее основных положений.

² The review was prepared as part of the discussion of O. Yu. Dyagel's monograph at the seminar "On modern approaches and diagnostics of bankruptcy" at the Department of Financial Management of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, held on September 6, 2021.

Важно отметить наличие в приложениях монографии образцов отчетов финансовых аналитиков, что является весьма редкой ситуацией не только в монографиях, но и учебных пособиях по финансовому анализу.

При изучении структуры данной монографии о ней складывается весьма позитивное впечатление. Очевидным преимуществом ее является четкое разделение диагностики финансовой несостоятельности предприятия, применяемой в рамках:

- превентивного антикризисного управления;
- реактивного досудебного антикризисного управления;
- арбитражного управления.

Особенно полезным является раскрытие процесса диагностики финансовой несостоятельности предприятия в рамках арбитражного управления, основанного на постановлениях № 367³ и 855⁴. Данная диагностика имеет наибольшее практическое применение, так как реализуется для каждого предприятия, вошедшего в состояние банкротства. В то же время в других научных или учебных работах достаточно часто либо вместо нее дается дословное изложение нормативных правовых актов или их элементов без каких-либо пояснений [1], либо процесс ее реализации вообще не раскрывается. В подавляющем большинстве случаев другие авторы монографий или учебных пособий в области антикризисного управления дают собственную систему финансовых показателей, слабо связанную с требованиями российского законодательства. Кроме того, многие авторы предлагают единую схему диагностики без разделения ее на действия, реализуемые в рамках превентивного и реактивного антикризисного управления. Иногда в содержании работы некоторые авторы предлагают проводить диагностику банкротства в рамках превентивных методов антикризисного управления [2], но при изучении текста их работы выясняется, что они фактически раскрывают диагностику, реализуемую в рамках реактивного антикризисного управления.

³ Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа: Постановление Правительства РФ от 25 июня 2003 г. № 367.

⁴ Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства: Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855.

Во введении обосновывается актуальность исследования, дается связь с предыдущими трудами автора в изучаемой области, раскрывается степень изученности проблемы с указанием на основные труды в данной области, ставится цель исследования.

В первой главе монографии даются теоретико-методические основы и законодательные основы аналитического обеспечения антикризисного управления. Несмотря на то, что в названии автор использует формулировку «теоретико-методологические и законодательные основы аналитического обеспечения антикризисного управления», в реальности в тексте первой главы раскрывается методика, а не методология аналитического обеспечения антикризисного управления (различия между методикой и методологией хорошо раскрыты в другой научной работе [3]).

В п. 1.1 «Антикризисное управление в контексте теории динамического развития предприятия» автор рассматривает классическое понимание антикризисного управления («система преодоления уже сложившегося кризиса») и динамическое его понимание («предотвращение еще не наступившего кризиса и преодоление уже наступившего») (стр. 6–9). С одной стороны, динамическое понимание антикризисного управления является достаточно хорошо известной позицией, а с другой – это понимание ранее не находило столь подробного отражения в рамках конкретных схем реализации данного подхода.

При этом автором продвигается достаточно оригинальная идея о непрерывности антикризисного управления на предприятии (стр. 8). Вопросы непрерывного антикризисного управления на макроуровне обсуждаются некоторыми учеными [4–5]. Предпосылки признания наличия непрерывного антикризисного управления на микроуровне тоже существуют [6]. В то же время этот вопрос еще детально не изучен и любое исследование в этой области весьма интересно. Тем не менее автор лишь утверждает о возможности подобного управления на микроуровне, но аргументацию такой возможности не приводит. Представляется, что необходимость непрерывного антикризисного управления в организациях во многом будет зависеть от размера организации и рынков, на которых она работает. Также весьма актуальными для изучения были бы не раскрытые в монографии критерии, позволяющие разграничить непрерывное антикризисное и неантикризисное управление на

предприятиях. В то же время, несмотря на явные пробелы в изучении данного вопроса, автор раскрывает оригинальные характеристики, являющиеся ключевыми элементами непрерывного антикризисного управления: «перманентность и диверсифицированность процесса управления; наделение факторов кризиса свойствами движущей силы, придающей динамическую составляющую процессу развития» (стр. 8).

К сожалению, автор не останавливается на рассмотрении вопросов реабилитационного антикризисного управления (стр. 10). Учитывая, что непрерывность антикризисного управления реализуется путем последовательного прохождения этапов превентивного, реактивного и реабилитационного антикризисного управления, подобная поверхностность изучения реабилитационного антикризисного управления непонятна (особенно при наличии научных работ по данной тематике [6–8]).

В завершение п. 1.1 автор более подробно рассматривает реактивное антикризисное управление, реализующееся в рамках процедур банкротства, что действительно необходимо и достаточно логично. Преимуществом данного материала является его наглядность и доступность для широкого круга читателей.

В п. 1.2 «Концепция аналитических процедур при решении задач антикризисного управления» автор продолжает детально рассматривать вопросы превентивного и реактивного антикризисного управления, увязывая их с процедурами банкротства. Он подробно изучает понятия «несостоятельность», «банкротство», «платежеспособность», «ликвидность» и «неплатежеспособность», «диагностика финансовой несостоятельности предприятия». В процессе исследования автор указывает на несовершенство ряда определений и преимущества позиций некоторых авторов. В результате он делает справедливый вывод о наличии пробела в области диагностики финансовой несостоятельности предприятия, что обуславливает необходимость предоставления авторского видения данного понятия. Преимуществом работы автора является уточнение термина «диагностика финансовой несостоятельности предприятия», раскрытие взаимосвязей всех изученных автором понятий и четкое определение области исследования данной монографии.

В п. 1.3 «Эволюция методического обеспечения диагностики финансовой несостоятельности» раскры-

вается процесс зарождения, активизации и современный этап развития данного вопроса. Предложенные процессы тесно увязываются автором с зарубежными и отечественными моделями диагностики банкротства предприятий и российскими нормативными актами, содержащими методики диагностики финансовой несостоятельности. Все методики и модели диагностики финансовой несостоятельности объединены в группы: универсальные и применяемые только для отдельных категорий предприятий; применяемые до возбуждения дела о банкротстве и применяемые в арбитражной практике. Подобная группировка развивает авторский подход об отдельной реализации диагностики финансовой несостоятельности для различных предприятий и является логичной и необходимой для изучения.

В то же время с позицией автора о некорректности термина «диагностика вероятности банкротства» (стр. 57) нельзя согласиться, так как существуют модели, позволяющие оценить будущую вероятность банкротства по текущим данным. Например, модель Д. В. Манушина и Т. В. Крамина позволяет спрогнозировать вероятность банкротства через два года [9], модель Г. В. Давыдовой и А. Ю. Беликова предназначена для аналогичной процедуры для торгового предприятия через три квартала от изучаемого момента времени [10].

Наличие ссылок по тексту п. 1.3 на схемы расчета моделей диагностики финансовой несостоятельности, представленных в п. 2.2 и приложениях 3–10 монографии, могло бы сделать изложение более информативным. Учет отраслевой специфики и выделение группы методик, которые могут быть применены в коммерческих банках [11] и страховых организациях [12], сделало бы работу более практико-ориентированной. Преимуществом данного параграфа является весьма большое число перечисленных методик и моделей диагностики финансовой несостоятельности предприятия.

Во второй главе автор раскрывает аналитические процедуры досудебного антикризисного управления и логично объединяет диагностику в рамках превентивного антикризисного управления и реактивного досудебного антикризисного управления.

В п. 2.1 «Диагностика платежеспособности в рамках превентивного антикризисного управления» перечисляются факторы, влияющие на симптомы кризиса платежеспособности предприятия, предлагается анали-

зировать финансовые обязательства и денежные потоки предприятия. Представление этих факторов в текущем виде (стр. 60) является преимуществом данной монографии, так как многие другие ученые либо вообще не раскрывают воздействие факторов на результаты финансового анализа, либо делают это излишне детально и без взаимосвязи с их воздействием на предприятие, что запутывает читателей. Еще одним преимуществом данного параграфа является редко встречаемое подробное описание процесса применения прямого метода анализа денежных потоков предприятия.

В то же время автором не представлен процесс косвенного анализа денежного потока, который в некоторых случаях используется для проверки результатов, полученных прямым методом.

В п. 2.2 «Диагностика вероятности финансовой несостоятельности в рамках реактивного досудебного антикризисного управления» раскрыты методики, основанные на стохастических моделях; методики, основанные на построении комплексных показателей; методики рейтинговой оценки; методики, регламентированные нормативными актами. Преимуществом этого параграфа являются примеры применения этих методик, подробно раскрытые автором монографии.

В третьей главе «Аналитические процедуры диагностики финансовой несостоятельности при арбитражном управлении» автор раскрывает процесс финансового анализа, регламентируемый нормативными актами, что является ключевым преимуществом данной монографии, так как в подавляющем большинстве научных и учебных работ в изучаемой области такой раздел отсутствует. Еще одним преимуществом данной монографии является то, что в приложениях 11–12 представлен образец отчета финансового аналитика, регламентируемый нормативными правовыми актами.

В то же время в тексте данного раздела и приложениях 11–12 есть ряд недостатков. Во-первых, автор монографии выделяет критерий, указывающий на необходимость или отсутствие необходимости анализа сделок, на стр. 141–142, и демонстрирует его в предложенном образце на стр. 265 при раскрытии процесса оценки вероятности преднамеренного банкротства. Однако «согласно Постановлению № 855» анализ сделок проводится вне зависимости от обнаружения существенного ухудшения двух и более коэффициентов платежеспособности. По сути, данный анализ является дополнительным подтверждением или опро-

вержением выводов, сделанных при анализе сделок предприятия, и не является критерием, указывающим на необходимость или отсутствие необходимости анализа сделок, как пишет автор монографии.

Во-вторых, не продемонстрирован процесс реализации обязательного элемента Постановления № 367 в области оценки рыночной стоимости каждого элемента актива, представленного в балансе. В образце, в рамках раскрытия данного пункта, всего лишь написано «для оценки рыночной стоимости активов необходимо проведение независимой оценки». Вероятно, именно тем, что автор монографии не считает необходимым делать подобную оценку, и объясняется отсутствие процесса и образцов оценки рыночной стоимости активов и обязательств должника в п. 3 монографии и ее приложениях.

Автор представляет и рассматривает ряд федеральных стандартов оценки (в п. 3.1 на стр. 135). Однако в тексте отсутствует указание на Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

В-третьих, слабостью образца анализа финансового состояния должника (из Приложения 11) является выбор предприятия с нулевыми значениями для подавляющего числа статей баланса. Понятно, что многие предприятия, вошедшие в состояние банкротства, имеют подобный баланс, но для демонстрации процесса анализа каждой статьи баланса было бы полезно выбрать нестандартное обанкротившееся предприятие с наибольшим числом заполненных статей баланса и отчета о финансовых результатах.

В заключение представлены выводы по результатам исследования и новые и уточненные научные подходы автора в области аналитических процедур антикризисного управления.

Характеризуя монографию О. Ю. Дягель в целом, следует признать, что в ней не только дано обобщение полученных ранее результатов, но также уточнены некоторые подходы в области финансового анализа в сфере антикризисного управления. В то же время оригинальная структура монографии предопределяет возможность перехода на индивидуальные методики анализа, которые могут применяться для конкретных групп предприятий, находящихся в конкретных проблемных ситуациях, что, несомненно, является перспективным подходом в области финансового анализа. К сожалению, в настоящее время имеющиеся

методики весьма фрагментарно раскрывают данный аспект и не позволяют полноценно перейти на индивидуальный формат финансового анализа. В этой связи данная монография может лечь в основу нового направления развития финансового анализа.

В завершение следует подчеркнуть, что данная монография:

- позволяет начинающим финансовым аналитикам разобраться в достаточно сложных вопросах аналитических процедур антикризисного управления;
- вносит заметный вклад в теорию и методику финансового анализа;

- задает правильные приоритеты финансовым аналитикам, выводя на первое место нормативные документы, лежащие в основе финансового анализа;
- систематизирует множество полезных практик финансового анализа;
- предоставляет образцы практического применения предложенных теоретических и нормативно-правовых подходов.

Несомненно, большой объем полезного практического материала должен подвигнуть автора к подготовке учебного пособия на основе ключевых положений данной монографии.

Список литературы

1. Васильева Л. С., Петровская М. В. Финансовый анализ: учебник. М.: Кнорус, 2006. 544 с.
2. Ряховская А. Н. Теория антикризисного менеджмента: учебник / под ред. проф. А. Н. Ряховской. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2018. 624 с.
3. Манушин Д. В. Уточнение понятия «методология» // Финансы и кредит. 2015. № 41. С. 50–66.
4. Манушин Д. В. Антикризисное управление в макроэкономических системах: теоретические аспекты. Казань: Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязева, 2016. 268 с.
5. Манушин Д. В. Уточнение понятия и структуры методологии антикризисного управления и методологии антикризисного управления макроэкономикой // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 2. С. 266–299. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.2.266-299>
6. Буранова Е. А. Обзор. Об антикризисном управлении на предприятии // Общество и экономика. 2016. № 8. С. 111–133.
7. Буранова Е. А. Концептуальная модель процесса реабилитационного институционального антикризисного управления предприятиями // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 1. С. 948–965. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.1.948-965>
8. Антикризисное управление как основа формирования механизма устойчивого развития бизнеса: монография / под ред. А. Н. Ряховской, С. Е. Кована. М.: ИНФРА-М, 2021. 169 с.
9. Манушин Д. В., Крамин Т. В. Совершенствование методов оценки вероятности банкротства // Экономический вестник Республики Татарстан. 2005. № 2–3. С. 70–72.
10. Давыдова Г. В., Беликов А. Ю. Методика количественной оценки риска банкротства предприятий // Управление риском. 1999. № 3. С. 13–20.
11. Сухова Л. Ф. Практикум по анализу финансового состояния и оценке кредитоспособности банка-заемщика. М.: Финансы и статистика, 2003. 152 с.
12. Куликов С. В. Финансовый анализ страховых организаций. Ростов н/Д: Феникс; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2006. 224 с.

References

1. Vasil'eva, L. S., Petrovskaya, M. V. (2006). *Financial analysis*. Moscow, Knorus (in Russ.).
2. Ryakhovskaya, A. N. (2018). *Theory of anticrisis management*. Moscow, Magistr: INFRA-M (in Russ.).
3. Manushin D. V. (2015). Refinement of the concept of methodology. *Finance and Credit*, 41, 50–66 (in Russ.).
4. Manushin, D. V. (2018). Specifying the notion and structure of methodology of anti-crisis management and the methodology of anti-crisis management of macroeconomy. *Actual Problems of Economics and Law*, 12 (2), 266–299 (in Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.2.266-299>
5. Manushin, D. V. (2018). Specifying the notion and structure of methodology of anti-crisis management and the methodology of anti-crisis management of macroeconomy. *Actual Problems of Economics and Law*, 12 (2), 266–299 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.2.266-299>

6. Buranova, E. A. (2016). About the anti-crisis enterprise management. *Society and Economy*, 8, 111–133 (in Russ.).
7. Buranova, E. A. (2019). Conceptual model of the process of rehabilitating institutional anti-crisis management of enterprises, *Actual Problems of Economics and Law*, 13 (1), 948–965 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.1.948-965>
8. Ryakhovskaya, A. N., Kovan, S. E. (2021). *Anticrisis management as the basis for forming the mechanism of a business sustainable development*, monograph. Moscow, INFRA-M (in Russ.).
9. Manushin, D. V., Kramin, T. V. (2005). Improving the methods for assessing the bankruptcy probability. *Ekonomicheskii vestnik Respubliki Tatarstan*, 2–3, 70–72 (in Russ.).
10. Davydova, G. V., Belikov, A. Yu. (1999). Methodology of quantitative assessment of enterprises bankruptcy risk. *Upravlenie riskom*, 3, 13–20 (in Russ.).
11. Sukhova, L. F. (2003). *Practicum of analysis of a financial condition and assessment of credit capacity of a bank-borrower*, Moscow, Finansy i statistika (in Russ.).
12. Kulikov, S. V. (2006). *Financial analysis of insurance organizations*, Rostov on Don, Feniks; Novosibirsk, Sibirskoe soglasenie (in Russ.).

Вклад авторов

Д. В. Манушин – написание введения данной рецензии, изучение и критическая оценка введения и двух первых глав монографии.

Т. В. Крамин – изучение и критическая оценка третьей главы, заключения и приложений монографии и написание заключения статьи.

The author's contribution

D. V. Manushin – writing an introduction to the review, examination and critical evaluation of the introduction and the first two chapters of the monograph.

T. V. Kramin – examination and critical evaluation of the third chapter, conclusion and appendices of the monograph, writing the conclusion of the article.

Конфликт интересов: Т. В. Крамин является членом редколлегии журнала Russian Journal of Economics and Law. Статья прошла рецензирование на общих основаниях.

Conflict of Interest: T. V. Kramin is a member of the Editorial Board of the "Russian Journal of Economics and Law" Journal. The article has been reviewed on the usual terms.

Дата поступления / Received 20.09.2021
Дата принятия в печать / Accepted 30.10.2021

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК / INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

Гафурова Гульнара Талгатовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: +7 (843) 231-92-90

Gulnara T. Gafurova, PhD (Economics), Associate Professor of the "Finance and Credit" Department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

Address: 42 Moskovskaya Str., 420111 Kazan, tel.: +7 (843) 231-92-90

Андрюшин Сергей Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН

Адрес: г. Москва, Нахимовский просп., 32, тел.: +7 (499) 724-15-41

Sergey A. Andryushin, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences Address: 32 Nakhimovskiy prospekt, Moscow, tel.: +7 (499) 724-15-41

Панова Альбина Сергеевна, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права юридического факультета, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

Адрес: г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: +7 (843) 231-92-90

Albina S. Panova, PhD (Law), Head of the Department of Civil and Business Law, Faculty of Law, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

Address: 42 Moskovskaya Str., Kazan, tel.: +7 (843) 231-92-90

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии, Нижегородская академия МВД России; профессор кафедры юридических дисциплин, Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Адрес: 603081, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3, тел.: +7 (831) 465-57-87

Pavel A. Kabanov, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Legal Sciences; Naberezhniye Chelny branch of Kazan (Volga) Federal University

Address: 3 Ankundinovskoye shosse, 603950 Nizhniy Novgorod, tel.: +7 (831) 465-57-87

Власов Андрей Васильевич, преподаватель, НИУ «ВШЭ»; консультант, DeMontroyal

Адрес: г. Москва, ул. Мясницкая, 20, тел.: +7 (495) 771-32-32

E-mail: study@demontroyal.com

Andrey V. Vlasov, lecturer, National Research University "Higher School of Economics"; consultant, DeMontroyal

Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, tel.: +7 (495) 771-32-32

E-mail: study@demontroyal.com

Селиверстова Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и эконометрика», Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, тел.: +7 (843) 233-71-09

E-mail: nat-grig17@yandex.ru

Natalya S. Seliverstova, PhD (Economics), Associate Professor of the Department "Economic theory and econometrics", Kazan (Volga) Federal University

Address: 18 Kremlevskaya Str., 420008 Kazan, tel.: +7 (843) 233-71-09

E-mail: nat-grig17@yandex.ru

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

о журнале “Russian Journal of Economics and Law”

Журнал “Russian Journal of Economics and Law” является научным и информационно-аналитическим изданием в области экономических и юридических наук. Выходит 4 раза в год. Учредителем журнала является частное образовательное учреждение высшего образования «Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязева». Издатель – ООО «Татарский центр образования «Таглитат».

Тематика журнала представлена в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Журнал осуществляет научное рецензирование (двойное слепое) всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки по следующим специальностям:

08.00.00 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ: 08.00.01 Экономическая теория; 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами; управление инновациями; региональная экономика; менеджмент).

12.00.00 ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ: 12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.03 Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Комитета по этике научных публикаций, Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

журнала “Russian Journal of Economics and Law”

Статья передается в редакцию журнала “Russian Journal of Economics and Law” (420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42; контактный тел. (843) 231-92-90).

Для публикации научной статьи автор (авторы), согласно приведенным ниже требованиям, должен оформить необходимые материалы: рукопись статьи и сопроводительные документы к ней.

Рукопись оформляется строго в соответствии с правилами оформления материалов, а аннотация – в соответствии с приведенным на сайте rusjel.com образцом.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Объем статьи должен быть не менее 0,5 авторского листа (20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами) и не более 1 авторского листа (40 000 печатных знаков).

Сопроводительные документы к рукописи статьи должны включать в себя:

- авторские справки на каждого автора;
- статус аспиранта должен быть подтвержден справкой об учебе в аспирантуре, заверенной подписью руководителя организации и печатью;
- заявление;
- согласие субъекта персональных данных на обработку персональных данных.

Вышеперечисленные материалы предоставляются в электронном виде через форму на сайте. Если не удастся отправить файлы через эту форму, материалы можно присылать на e-mail: aimurzaeva@ieml.ru

Автор, направляющий статью в журнал “Russian Journal of Economics and Law”, выражает тем самым свое согласие на ее опубликование в журнале, размещение в открытом доступе на сайте журнала в сети Интернет, на передачу текста статьи (в том числе ссылок, библиографической информации и т. д.) лицам, предоставление которых данных сведений носит обязательный характер, либо иным лицам в целях обеспечения возможности цитирования публикации.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и воспроизводится в Российской научной электронной библиотеке (URL: <http://www.elibrary.ru>), EBSCO, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ.

Ответственность за приводимые в статьях фактические материалы и данные несут авторы.

Если у авторов при написании статьи упоминаются запрещенные в Российской Федерации организации (http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret), то после первого упоминания такой организации в статье обязательно должна быть ссылка на то, что «деятельность данной организации запрещена на территории РФ».

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Решение о публикации или отклонении материалов принимается редакционной коллегией.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Авторский гонорар за издание статей не начисляется.

Редакция не несет обязательств по рецензированию всех поступающих статей и не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Рукописи не возвращаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

(в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания.
Издательское оформление публикуемых материалов»)

Оформление статьи. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word в формате .doc или .rtf. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 pt. Междустрочный интервал – полусторонний. Все поля – 20 мм. Абзацный отступ – 0,5 см (3 знака).

Выравнивание основного текста – по ширине.

Все слова внутри абзаца разделяются только одним пробелом. Перед знаком препинания пробелы не ставятся, после знака препинания – один пробел.

Не допускаются: два или более пробелов; выделения в тексте подчеркиванием; формирование красной строки с помощью пробелов; автонумерация (нумерованных и маркированных списков) в главах и абзацах. Все набирается вручную.

Пример.

1. Текст ...

2. Текст ...

Формулы должны быть набраны в формульном редакторе Microsoft Equation.

Латинские буквы набираются курсивом, греческие и русские буквы – прямо. Цифры имеют прямое начертание.

В тексте обязательно должна быть ссылка на рисунки и таблицы. Таблицы располагать в тексте. Обязательно указывать номер таблицы и ее название. Рисунки можно вставлять в текст, используя только редакторы, надежно совместимые с редактором Word. Желательно представление рисунков отдельным файлом с указанием номера рисунка и названия статьи.

Аннотация должна кратко излагать содержание статьи. Объем аннотации – от 150 до 250 слов. Печатается в начале статьи. Заглавие статьи не должно повторяться в аннотации. Не рекомендуется включать в аннотацию ссылки на литературу.

Литература, составленная в порядке очередности цитируемых материалов, приводится в конце статьи. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки.

Подробнее см. на сайте журнала: rusjel.com, apel.ieml.ru

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

на журнал “Russian Journal of Economics and Law”

Журнал “Russian Journal of Economics and Law” распространяется по подписке.

Наш индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86303.

Периодичность выхода издания – 4 номера в год.

Подписка на журнал может быть оформлена через редакцию.

Для получения издания в редакции достаточно передать туда письмо-заявку о желании получать журнал с указанием номера и года издания и требуемого количества журналов и перечислить на расчетный счет ООО «ТЦО «Таглитат» 400 руб. за один экземпляр с пометкой «Журнал “Russian Journal of Economics and Law”».

Наши реквизиты: ИНН 1653007123, Р/с 40702810762000000536, К/счет 30101810600000000603. Отделение «Банк Татарстан» № 8610 (за журнал).

Оплату может произвести любое лицо.

По заявке, направленной в редакцию, отдельные номера журнала высылаются наложенным платежом.

Копия платежного документа в обязательном порядке высылается в редакцию издания.

Журналы будут высылаются по почте на адрес плательщика или на иной адрес по доверенности плательщика.

Адрес редакции:

420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42, редакция журнала “Russian Journal of Economics and Law”

Факс (843) 292-61-59

Тел. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru

GENERAL INFORMATION

about the Journal “Russian Journal of Economics and Law”

The Journal “Russian Journal of Economics and Law” is a scientific and informative-analytical publication in the sphere of Economics and Law Sciences. It is issued 4 times a year. The founder of the Journal is the private educational establishment of higher education “Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov”. The publisher is “Tatar Center for Education “Taglimat” Ltd.

Titles and contents of sections correspond to branches of science and groups of specialties of scientists according to Nomenclature of specialties for scientists.

For complex expert evaluation all manuscripts undergo bilateral blind review.

The journal accepts articles in the following specialties for publication:

08.00.00 ECONOMIC SCIENCES: 08.00.01 Theory of economics; 08.00.05 Economics and management of national economy (economy, organization and management of enterprises, sectors, complexes; management of innovations; regional economy; management).

12.00.00 LEGAL SCIENCES: 12.00.01 Theory and history of law and state; history of doctrines of law and state; 12.00.03 Civil law; entrepreneurship law; family law; international private law; 12.00.08 Criminal law and criminology; criminal-execution law.

All reviewers are acknowledged experts in areas they are responsible for. Reviews are stored in the publishing house and publishing office for 5 years.

Editorial staff sends to the authors of the submitted materials copies of reviews or a substantiated refusal.

The Journal adheres to editorial ethics standards in compliance with the international practice of editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on Ethics of scientific publications, Association of scientific editors and publishers (RASEP).

RULES FOR THE AUTHORS

of the Journal “Russian Journal of Economics and Law”

The article is submitted to the Executive secretary of the Journal “Russian Journal of Economics and Law” (420111, Kazan, 42 Moskovskaya St., phone number: (843) 231-92-90).

The manuscript should be prepared in strict conformance with the rules listed in rules of registration of the materials, and the summary in accordance with the example given in the web-site rusjel.com (summary example).

The Editorial Board reserves the right not to review the articles prepared with violations of the Rules.

The article should be no less than 0.5 author's sheets (20 000 characters, including spaces) and no more than 1 author's sheet (40 000 characters).

Accompanying documents include the following:

- author's profile for each author. It should contain the address and telephone number at the working (studying) place, as well as contact telephone number and e-mail;
- the status of a post-graduate student should be confirmed by a certificate of the post-graduate course, signed by the head of the organization and stamped.
- application.
- letter of consent of the personal data subject for processing the personal data.

The listed documents are submitted electronically at web-page. If the materials cannot be loaded to the web-page, they can be submitted to aimurzaeva@ieml.ru.

Thus the author submitting an article to the Journal “Russian Journal of Economics and Law” expresses their consent for its publication in the Journal and its placement for open access on the Journal site in the Internet, as well as for submitting of the text of the article (including references and bibliographical information, etc) to the persons to whom this information must be submitted or other persons with a view of ensuring the publication citation.

The Journal is included into the database of the Russian Index of Scientific Citation and is reproduced in the Russian Scientific Electronic Library (URL: <http://www.elibrary.ru>), EBSCO, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ.

The authors are fully responsible for the facts and data presented in the articles.

If in the text of the article the author mentions any organizations prohibited in the Russian Federation (http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret), then after the first mention of such organization in the article there must be a note that “The functioning of this organization is prohibited on the territory of the Russian Federation”.

The editorial board retains the right not to review articles which do not meet these requirements.

The decision on the materials publication or declining is made by the editorial board.

Post-graduate students are exempted from payment for the publication.

The authors do not receive any emoluments for publications.

The editorial board has obligations concerning the reviewing of all submitted articles and does not discuss its decisions with the authors of declined articles.

The typescripts are not returned.

REQUIREMENTS FOR THE TYPESCRIPTS TYPOGRAPHY

(according to GOST 7.5-98 “Journals, collections, information publications.
Publishing typography of the published materials”)

The article typography. The text should be typed in Word text-based editor in .doc or .rtf format. Type Times New Roman, font size – 14 pt. Line-to-line spacing – 1.5. All margins – 20 mm. Indentation – 0.5 cm (3 characters).

Main text justification – by width.

All words inside a paragraph are divided by just one space. No space is put before a punctuation mark, one space is put after a punctuation mark.

Not allowed: two or more spaces; highlighting of the text by underlining; indentation with the help of spaces; autonumeration (of numerated and marked lists) in chapters and paragraphs. Everything is typed by hand.

Example.

1. Text ...

2. Text ...

The formulae should be typed in Microsoft Equation formula editor.

The Latin letters are typed in italics, the Greek and Russian ones – straight. The numbers are typed straight.

The text should contain a reference to pictures and tables. The tables should be placed in the text. The table number and its title should be given. It is advisable to submit figures as separate files indicating the article title and the figure number. It is desirable to submit pictures on a separate sheet with the picture number and the article title.

Summary should render the contents of the article in short. The abstract should contain between 150 and 250 words. It is published at the beginning of the article. The article heading should not be repeated in the summary. It is not recommended to include the bibliographic references into the summary.

Literature, in the order of the materials cited, should be placed at the end of the article. The references to original sources in the text are put into square brackets.

For more details visit: rusjel.com, apel.ieml.ru

CONDITIONS FOR SUBSCRIPTION

to the Journal “Russian Journal of Economics and Law”

The Journal “Russian Journal of Economics and Law” is distributed by subscription – index 86303 in the United Catalogue “Press of Russia”. The Russia citizens can subscribe to the Journal in all post offices.

The Journal is issued 4 times a year.

The subscription for the Journal from any issue can be made through the editorial board.

To obtain the Journal in the editorial board one should submit a letter of application to the editorial board with indication of the issue number and year and the required number of copies, and to transfer a sum of 400 roubles for one copy of the Journal to the settlement account of “Tatar Educational Centre “Taglimat” Ltd, with a mark “The Journal “Russian Journal of Economics and Law”.

Bank details: INN 1653007123, Current Acc 40702810762000000536, Corr Acc 30101810600000000603. Otdeleniye “Bank Tatarstan” #8610 (for the Journal).

The payment can be transferred by any organization or private person.

By an application submitted to the editorial board, separate issues of the Journal are sent “collect on delivery”.

A copy of payment document must be sent to the editorial board.

The journals will be sent by post to the payer’s address or to any other address per procuracionem of the payer.

The Journal editorial board address:

420111, Tatarstan Republic, Kazan, 42 Moskovskaya St., the Journal “Russian Journal of Economics and Law” editorial board

Fax (843) 292-61-59

Tel. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru

**Представляем вашему вниманию новинки издательства «Познание»
Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова**

Бородина, Ж. Н.

Практикум по праву интеллектуальной собственности: практическое пособие / Ж. Н. Бородина. – Казань: Издательство «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. – 168 с.

Пособие содержит материалы, необходимые для проведения практических занятий по курсу «Право интеллектуальной собственности». Подготовлено на основе материалов судебной практики и содержит методические указания, контрольные вопросы по изучаемым темам, задачи, контрольно-тестовые задания, задания по комментированию норм права и материалов судебной практики, списки рекомендуемых нормативных правовых актов, материалов судебной практики и специальной литературы, библиографический список.

Предназначено для обучающихся, аспирантов и преподавателей юридических факультетов и вузов, практикующих юристов, а также для всех интересующихся вопросами права интеллектуальной собственности.

Бигиев, М. Д.

Мусульманская трапеза / М. Д. Бигиев: пер. с татаро-османского яз., предисл. А. В. Тимирязовой, Е. Л. Яковлевой; предисл. А. Г. Хайрутдинова. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. – 66 с. – (Серия «Сокровищница Татарстана»).

«Мусульманская трапеза» – перевод малоизвестной книги Мусы Бигиева «Маида». В ней повествуется о наставлениях благородного Корана и исламской религии, касающихся пищи, питья и трапезы мусульман.

Предназначена для всех интересующихся проблемой запретной и дозволенной пищи в исламе.

Подборка современных китайских стихов / сост. Ли Ямей. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. – 172 с. (на китайском языке).

Сборник представляет собой материал для чтения, ориентированный на русскоговорящих студентов, изучающих китайский язык как иностранный. В сборник вошли 50 стихов известных китайских авторов.

Он раскрывает идеологию и художественные особенности китайской поэзии.

Рассчитан на широкий круг читателей, а также на изучающих китайский язык, на преподавателей и переводчиков китайского языка.

Яковлева, Е. Л.

Философские импровизации на тему гламура / Е. Л. Яковлева. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. – 400 с.

Гламур, гламур и еще раз гламур... В предлагаемой книге вы не найдете ничего, кроме гламура. Но, возможно, вы измените свою точку зрения на гламур, посмотрев на него как явление довольно многогранное и неоднозначное.

В монографии впервые гламур осмысливается в качестве социального феномена, в котором произошло много бытийственных разрывов и потерянные звенья не были восстановлены, что привело к его упрощенному пониманию в современности. Гламур рассматривается как (пост)неоязычество и идеология, пространство абсурда и мифизаций. Автор осуществил попытку описания человека гламурного и выявил законы, на основе которых он живет и проявляет себя в социокультурном пространстве.

Книга о гламуре может читаться в любой последовательности, в зависимости от настроения или интересующего аспекта. Написанная в свободной манере импровизаций на заданную тему (гламур), монография не предполагает единственного взгляда на феномен и приглашает читателей к собственному интерпретированию гламурного дискурса и выстраиванию взгляда на него.

Предназначена для всех, кто интересуется современной культурой и ее гламурным дискурсом, может использоваться в качестве дополнительного материала в преподавании дисциплин философско-культурологической и социальной направленности.

В качестве иллюстраций к книжке и на обложке использованы работы студентки отделения дизайна Казанского инновационного университета Д. О. Сычевой.